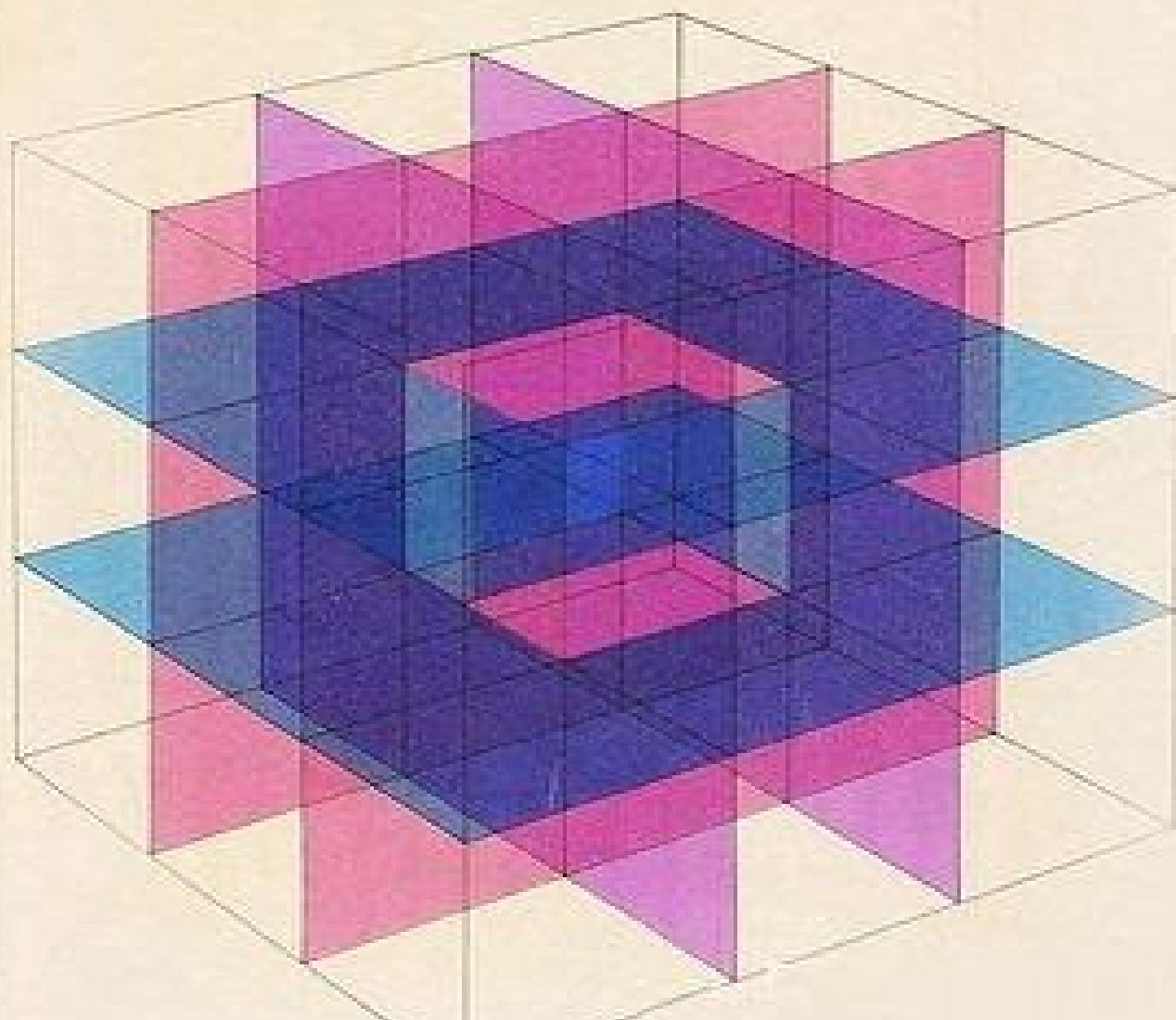

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Учебник

Юридическая ПСИХОЛОГИЯ

*Рекомендовано Научно-исследовательским институтом
образования и науки в качестве **учебника**
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальностям 030501 «Юриспруденция»,
030505 «Правоохранительная деятельность»*

*Рекомендовано Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве **учебника**
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальностям 030501 «Юриспруденция»,
030505 «Правоохранительная деятельность»*

Москва • 2012

УДК [159.9:34](075.8)
ББК 88.4я73-1
Ю70

Коллектив авторов:
*И.И. Аминов, Н.А. Давыдов, К.Г. Дедюхин,
А.В. Кокурин, В.Л. Кубышко, Н.Д. Эриашвили*

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Ю70 **Юридическая психология: учебник для студентов вузов,**
обучающихся по специальности «Юриспруденция» /
[И.И. Аминов и др.]. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 415 с.

ISBN 978-5-238-02302-1

Агентство СІР РГБ

Авторы с учетом компетентностного подхода излагают основы юридической психологии, дают многочисленные рекомендации психологического характера по улучшению юридико-психологической работы кадров правоохранительных, правоприменительных структур.

Содержание учебника разработано в соответствии с требованиями новых государственных образовательных стандартов и программ изучения юридической психологии в вузах юридического и правоохранительного профилей.

Для студентов, слушателей, курсантов, адъюнктов, преподавателей, работников правоохранительных органов, судов, прокуратуры, органов внутренних дел, налоговой службы, адвокатуры.

ББК 88.4я73-1

ISBN 978-5-238-02302-1

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2012

Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания (ФЗ № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г.).

Воспроизведение всей книги или какой-либо ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Комплексный характер подготовки юристов высокой квалификации по всем уровням образования (бакалавр, специалист, магистр) в тесной связи с интенсивным развитием системы подготовки кадров высшей квалификации (аспирантура и докторантура) позволяет в наибольшей степени учитывать новые требования, предъявляемые современным специалистам. Эти требования заключаются не только в хорошем знании технических особенностей своей профессии, но и в умении психологически грамотно строить межличностные отношения, работать в экстремальной ситуации, выполнять поставленные задачи с учетом четко установленных временных рамок, управлять персоналом и т.д. Нельзя оспаривать тот факт, что в условиях текущей образовательной реформы в странах Европы и Российской Федерации все больший приоритет получают интеллектуальные, коммуникативные, рефлексивные начала, позволяющие юристам успешно организовывать свою деятельность в широком социальном, экономическом и культурном контексте.

Опыт работы с зарубежными вузами в проектах по подготовке специалистов юридического профиля, совместной разработке соответствующих образовательных программ, а также участие вузов в программах Министерства образования и науки РФ по вхождению российского образования в Болонский процесс позволили начать работу по созданию новых образовательных программ и новой учебной литературы. При этом, работая над данным изданием, авторы ставили целью наряду с передачей учащимся совокупности знаний, умений и навыков, развитием кругозора, междисциплинарного чутья, способности к индивидуальным креативным решениям, самообучению формирование гуманистических ценностей. Данный подход нашел отражение и в логике построения этого учебника.

Глава 1 посвящена введению в юридическую психологию. В ней показана взаимосвязь юридической психологии с деятельностью не только следователя, но и иных профессионалов правоохранительных органов, обоснована необходимость овладения юридико-психологическими знаниями; раскрываются теоретико-методологические основы юридической психологии, ее базовые понятия и феноменология, история возникновения и развития юридической психологии, ее современная структура как науки.

Актуальным проблемам правовой и превентивной психологии, состоянию и перспективам развития нравственной психологии посвящена

глава 2. В ней раскрываются возможности практической реализации охранно-защитной концепции профилактики при решении ряда вопросов организационно-управленческого, социально-педагогического, психологического, нормативно-правового и кадрового обеспечения. Приводятся материалы о психосоциальной патологии, связанной с алкоголизмом, наркоманией, игроманией и молодежным экстремизмом.

Глава 3 раскрывает закономерности и механизмы подготовки и совершения преступлений отдельными лицами и преступными группами, психологические аспекты вины и роль потерпевших в преступном деянии. Дается оценка психологически обоснованной теории и типологии личности преступников и преступных групп, предлагаются рекомендации по совершенствованию борьбы с преступностью.

В *главе 4* кратко рассматриваются вопросы психологии юридического труда — области юридической психологии, исследующей психологические закономерности формирования профессиональной юридической компетентности при реализации основных образовательных программ высшего профессионального образования по направлению «юриспруденция», а также проблемы, связанные с профессиограммой — объективных характеристик деятельности и психограммой — профессионально значимых свойств и качеств, необходимых для оценки и отбора кандидатов для органов (учреждений) правоохраны (следователей, прокуроров, судей, адвокатов, нотариусов и т.д.). На примере труда юрисконсульта анализируются факторы, динамика, приемы, значимые для оказания эффективной консультативной помощи. Предлагается специальная психотехника, повышающая коммуникативную компетентность юриста.

В рамках общей теории оперативно-разыскной деятельности в *главе 5* освещаются актуальные проблемы оперативно-разыскной психологии, дается общая характеристика личности и деятельности оперативного сотрудника (конструктивная, познавательная, организационная, коммуникативная). Рассмотрена психологическая сущность основных оперативно-разыскных мероприятий: подготовки и проведения опроса, наведения справок, оперативного наблюдения, оперативного внедрения, оперативного эксперимента и др.; приводятся специальные психологические техники (способы, приемы) активизации оперативно-разыскной деятельности.

В *главе 6* раскрыта психология расследования преступлений, в рамках которой рассматриваются психологические особенности следственной деятельности, ее профессиограмма, психограмма личности следователя, психологические методы и приемы, средства и технологии повышения эффективности следственных действий: осмотра, обыска и выемки, допроса, очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте, следственного эксперимента. Уделяется внимание нетрадиционным методам в расследовании преступлений: аудиовизуальной экспресс-оценке ложных показаний; использованию полиграфологических средств; разработке розыскного психологического портрета; гипнопродукции при активизации памяти свидетелей и потерпевших и др.

Глава 7 посвящена проблемам судебно-психологической экспертизы. Раскрывается круг вопросов психологического содержания, относящихся к компетенции ее отдельных видов:

- установление способности несовершеннолетних обвиняемых, имеющих признаки не связанного с психическим заболеванием отставания в психическом развитии, полностью сознавать значение своих действий, и определение, в какой мере эти несовершеннолетние способны руководить своими действиями;
- установление способности психически здоровых свидетелей и потерпевших правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания;
- установление наличия или отсутствия у субъекта в момент совершения преступления аффекта или иных непатологических эмоциональных состояний и др.

В главе 8 дается общая характеристика психологической структуры судебной деятельности. Анализируются требования, предъявляемые к психологическим качествам судьи, присяжного заседателя, прокурора и адвоката-защитника, а также социально-психологические особенности судопроизводства с участием присяжных заседателей. Последовательно рассматриваются психологические особенности судопроизводства на отдельных его этапах: изучения материалов дела, судебного следствия, прений сторон, постановления приговора.

В главе 9 излагаются сведения о личности и деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений (начальника отряда, работников оперативно-режимной и охранной служб; инженерно-технического персонала), имеющих сугубо практическую направленность; раскрываются психологические проблемы наказания и исправления преступников. Уделяется внимание вопросам психологического изучения и коррекции личности осужденного; динамике психических состояний осужденных, их статусно-групповой категоризации. Обосновываются теоретические предпосылки изучения личности осужденных на основе их личностно-поведенческой типологизации. Также нашли отражение проблемы, связанные с индивидуально-профилактической, воспитательной работой с осужденными. Приводятся рекомендации по социально-психологической работе с осужденными к моменту и после их освобождения из мест лишения свободы.

Материалы учебника строго обоснованы с позиции научных исследований. Однако в целях лучшего восприятия авторы, во-первых, отказались от традиционных ссылок при цитировании, а во-вторых, привлекли для иллюстраций примеры не только из научной, но и из художественной литературы. Принцип содружества науки и искусства, как известно, соответствует утвердившейся сейчас точке зрения ученых. Так, например, психолог академик П.В. Симонов полагает, что острый взгляд писателя-художника (добавим к этому его чуткое ухо) нередко быстрее замечает и проникает в суть каких-либо новых жизненных явлений, чем это становится достоянием ученых.

Предлагаемые после каждой главы вопросы предназначены не только для однозначного ответа или контроля усвоения учебного материала, но и для того, чтобы читатель задумался и поразмышлял.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ

1

После изучения данной главы студент будет *знать*:

- предмет юридической психологии, ее место в системе юридических и психологических наук;
- структуру, принципы и основные задачи дисциплины;
- историю и современное состояние юридической психологии;
- классификацию психологических методов и их значение для развития юридической теории и практики;

уметь:

- выделять явления правовой действительности с позиции психологии;

владеть:

- категориальным аппаратом юридической психологии.

1.1. Юридическая психология в системе научного знания и правовой практики

1.1.1. Предмет юридической психологии

Само название «юридическая психология» (от лат. *juris* — право и греч. *psyche* — душа, *logos* — учение) свидетельствует о том, что она включает в себя различные знания из области психологии и юриспруденции, синтезируя их в новую прикладную науку. В свою очередь, каждая область прикладной психологии всегда реализовала и реализует систему и положения общей психологии в приложении их к различным видам человеческой деятельности.

Так, один из основоположников отечественной юридической психологии — А.Р. Ратинов отмечал:

Правовая теория никогда не отказывалась от использования данных психологии. Реальная потребность в этом была столь очевидна и настоятельна, что она вынуждала юристов в научных исследованиях прибегать к указаниям общей психологии, которые прилагались и приспособлялись к решению правовых вопросов либо к самостоятельному психологическому изучению и обобщению следственной и судебной практики и разработке на этой основе психологических рекомендаций.

Общей психологией, как известно, исследуются наиболее общие закономерности, теоретические принципы и методы психологии, ее основные понятия и категориальный строй, характеризующий психические процессы, состояния, образования и свойства человека.

1. Психические процессы — это элементарные психические явления, длящиеся от доли секунды до десятков минут и более. Поскольку психическое существует как живой, предельно пластичный, непрерывный, формирующийся и развивающийся процесс, который порождает те или иные результаты (например, чувства, образы, мыслительные операции и т.п.), психические процессы всегда включены в более сложные виды психической деятельности и подразделяются на:

- (1) познавательные (ощущение, восприятие, внимание, воображение, память, мышление, речь);
- (2) эмоциональные (эмоции и чувства);
- (3) волевые (воля).

Любой психический процесс выполняет функции отражения и регулирования. При этом можно выделить процессы с преобладающей функцией отражения (познавательные процессы) и психические процессы с преобладающей функцией регулирования (эмоции и воля).

2. Психические состояния более продолжительны по сравнению с психическими процессами (могут продолжаться в течение нескольких часов, дней или даже недель), более сложны по структуре и образованию, поскольку могут быть кратковременными, ситуативными, устойчивыми, личностными, и подразделяются на:

- (1) мотивационные (желания, интересы, влечения, страсти);
- (2) эмоциональные (эмоциональный тон ощущений, эмоциональный отклик на явления действительности, настроение, конфликтные эмоциональные состояния — стресс, аффект, фрустрация);
- (3) волевые состояния — инициативность, целеустремленность, решительность, настойчивость (их классификация связана со структурой сложного волевого действия).

3. Психические образования — это то, что становится результатом работы психики человека, его развития и саморазвития. К ним следует отнести приобретенные знания, умения, навыки, привычки, установки, взгляды, убеждения и др.

4. Психические свойства — типичные для данного человека особенности его психики, включающие:

- направленность — иерархию потребностей и устойчивых мотивов поведения, ценностных ориентаций (к чему стремится человек?);
- характер — обобщенные способы поведения, тип адаптации к среде (как относится человек к окружающей его среде, людям, делу, собственности, себе?);

- темперамент — индивидуальные особенности психической деятельности, обусловленные врожденным типом высшей нервной деятельности (как проявляется человек?);
- способности — индивидуально-психологические особенности личности, являющиеся условием успешного выполнения той или иной деятельности (что может человек?).

Постоянство психических процессов в деятельности любого специалиста, согласно общепсихологическим исследованиям, формирует переход от психического процесса к состоянию и далее — к образованиям, свойствам личности, слагающих ее структуру.

Вместе с тем в области общественных отношений, регулируемых нормами права, мир психических явлений (процессов, состояний, образований и свойств) приобретает не общепсихологические, а специфические черты. Их проявление носит характер объективных психических закономерностей, и эта специфика настолько значительна, что вся система юридической психологии, ее категориальный (понятийный) аппарат структурируется в зависимости от логики правового регулирования и правовых факторов. Поэтому, определяя *предмет юридической психологии*, можно сказать, что его составляют *психические явления в сфере правовой деятельности, или, точнее, психологические особенности и закономерности психики людей, деятельность которых связана с нормотворчеством, нормоприменением, следованием правовым нормам или нарушением норм права*. Решая проблемы психологического обеспечения правовой деятельности, юридическая психология целенаправленно и оперативно использует возможности психологии, ее методов, средств для успешного решения юристами профессиональных задач.

Такое психологическое обеспечение выполняет *ряд взаимосвязанных функций*, в числе которых:

- (1) образовательная — вооружение юристов необходимым объемом психологических знаний, умений и навыков;
- (2) концептуальная — достижение корректного отношения к учету психологии в деятельности;
- (3) научно-ориентирующая — формирование адекватных современным знаниям научных критериев оценки других людей;
- (4) регулятивная — создание соответствующей профессиональной мотивации и побуждений к использованию психологически эффективных форм, методов и приемов деятельности;
- (5) превентивная — предупреждение от психологических ошибок, отрицательных психологических последствий.

Эффективное психологическое обеспечение деятельности юристов необходимо сочетать с преодолением у части из них барьеров нигилистского отношения к возможностям юридической психологии, предубеждения к науке и научным данным, пассивности к инновациям и новым методам работы.

1.1.2. Задачи юридической психологии

Юридическая психология как наука ставит перед собой определенные задачи, среди которых можно выделить общую и частные. *Общей задачей* юридической психологии является научный синтез юридических и психологических знаний, раскрытие психологической сущности фундаментальных категорий права.

Частные задачи относятся к разработке рекомендаций по наиболее эффективному осуществлению правовой деятельности. К ним можно отнести:

- исследование структурных составляющих предмета данной науки: личности юриста, его деятельности, правомерного и противоправного поведения, личности законопослушного человека и правонарушителя и их групп, психологии социально-правовой ресоциализации правонарушителя (в том числе в исправительных учреждениях), психологических особенностей юридической процедуры и профилактики правонарушений;
- разработка практических рекомендаций для юристов по осуществлению ими правоприменительной, правоохранительной и правотворческой функции, совершенствованию и улучшению их собственной работы, стабилизации коллективов юристов, стимулированию совместной деятельности; разработка методики профориентации, профотбора, профконсультации юристов, профессиограммы и психограммы юридических профессий;
- теоретическое и методическое обеспечение учебной дисциплины «Юридическая психология» и связанных с ней спецкурсов, спецсеминаров и спецпрактикумов;
- обогащение практики специальным психологическим знанием; разработка теории и методики судебно-психологической экспертизы, психологической консультации; участие специалиста-психолога в юрисдикционном процессе и др.

Новые блоки или новые частные задачи могут возникать (ставиться) перед юридической психологией в процессе ее развития и обуславливаться внешними, внутренними или ситуативными причинами. Поскольку развитие юридической психологии в настоящее время имеет целенаправленный и расширяющийся характер, то и число задач, ею разрешаемых, будет неуклонно возрастать.

1.1.3. Взаимосвязь юридической психологии с другими науками и правовой практикой

Для современной юридической психологии характерны очень тесные взаимосвязи со многими смежными психологическими дисциплинами: *дифференциальной, возрастной, педагогической, медицинской, инженерной психологией, психологией труда, управления* и др.

Заимствуя из данных смежных наук основные теоретические положения и методический инструментарий, юридические психологи не только адаптируют их применительно к решению своих профессиональных задач, но и своими научными работами оказывают стимулирующее влияние (например, обоснование и развитие в 80—90 гг. XX в. А.И. Китовым, А.М. Столяренко таких направлений, как психология профессионального обучения, управления, действий в экстремальных ситуациях сотрудников правоохранительных органов и др.).

Взаимосвязь юридической психологии со смежными научными дисциплинами, которые изучают условия и аномальные формы индивидуального поведения (психиатрия, судебная медицина, криминология, криминалистика и др.), способствует выбору правильных ориентиров своей профессиональной компетенции (особенно в отношении определения дееспособности лиц, допустивших противоправное поведение). Кроме того, юридическая психология развивает собственные теоретико-прикладные направления (например, обоснование и развитие в начале 80—90-х гг. XX в. Ю.М. Антоняном, В.В. Гульданом, В.Е. Эминовым криминальной патопсихологии, М.Л. Балабановой — судебной патопсихологии, В.Н. Кудрявцевым, М.М. Коченовым, А.И. Печерниковой, О.Д. Ситковской — направлений судебно-психологической экспертизы).

Выступая в роли прикладной науки по отношению ко всему спектру нормативно-правовых и научно-юридических феноменов, юридическая психология способствует совершенствованию правового регулирования. Это утверждение красноречиво иллюстрируют современные изменения, произошедшие в правовой системе и практике.

Известно, что при принятии во второй половине 1990-х гг. нового законодательства введено значительное число новых понятий, имеющих сугубо психологический либо комплексный психолого-правовой характер. Так, в Уголовный кодекс РФ, введенный в действие с 1997 г., включены нормы, связанные с уголовной ответственностью лиц:

- с психологическим расстройством, не исключающим вменяемости (ч. 2 ст. 22);
- с деянием, совершенным по легкомыслию (ч. 2 ст. 26);
- с определением несоответствия психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (ч. 2 ст. 28);
- с выявлением устойчивости и сплоченности как признаков преступной группы (ч. 3, 4 ст. 35);
- с определением психического принуждения (ст. 40), особой жестокости (ст. 105, 111, 131), аффекта и длительной психо-

травмирующей ситуации (ст. 107, 113), психических страданий (ч. 1 ст. 117) и т.д.

Юридическая психология интегрируется со всей системой права и не ограничивается односторонним развитием лишь судебной психологии. В настоящее время в связи с формированием основ правового государства прослеживается более глубокое изучение психологических вопросов правовой социализации личности, социальной обусловленности криминального типобразования, психологии правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, психологии ресоциализации осужденных.

Психологические знания закладываются и в область гражданского законодательства, семейного, трудового, экологического, финансового, предпринимательского права. Юридическая психология служит делу неуклонного роста профессионального мастерства, воспитания и обучения юристов в духе уважения прав и законных интересов граждан, формирования необходимых качеств и устранения отрицательных явлений в юридической деятельности, повышения правовой, этической, психологической культуры. Обеспечивая специалистов-правоведов эффективными, научно обоснованными рекомендациями, юридическая психология содействует разработке наиболее целесообразных приемов и методов их труда, полностью отвечающих требованиям законности. В данном случае прослеживается ее неразрывная связь с такими научными дисциплинами, как юридическая педагогика, судебная этика, социальная работа и др.

Итак, кроме характеристики юридической психологии как комплексной науки, ее характеризует как научная фундаментальность, так и прикладной характер. То есть ее теория и методы прилагаются к юридической деятельности в виде знаний, рекомендаций, психотехнологий, методов. Таким образом, разработка юридической психологии имеет выраженную практическую значимость.

1.1.4. Структура и принципы юридической психологии

Исследуя структуру юридической психологии, специалисты выделяют ее составные части, разделы, их взаимосвязь, семантику (смысловое содержание) каждой части, ее соотношенность со смежными отраслями знаний. За последние 30 лет данная отрасль знания приобрела широкий научный диапазон, что позволяет говорить о следующих ее разделах:

- (1) *методологическом*, в котором раскрываются предмет, задачи, система, методы и принципы юридической психологии. Этот раздел соотносится с общей научной методологией, гносеологией, методикой научного исследования;
- (2) *правовой психологии*, исследующей совместно с теорией государства и права проблемы психического отражения правозначимых

явлений, психологические аспекты правотворчества, правосознания, правовой социализации личности и правоисполнительного поведения;

- (3) *психологии юридического труда*, которая совместно с психологией труда исследует профессиональную деятельность юристов, особенности профессионального отбора кандидатов для правоохранительных органов, закономерности подготовки личности юриста;
- (4) *превентивной психологии*, изучающей природу и генезис отклоняющегося поведения с позиций междисциплинарного системного подхода, включая личностные, социальные, социально-психологические, психолого-педагогические и другие факторы, обуславливающие социопатогенез;
- (5) *криминальной психологии*, исследующей в содружестве с криминологией психологию десоциализации личности, психологические механизмы делинквентного (проступочного) и преступного поведения, психологию личности преступника и преступных групп;
- (6) *психологии оперативно-разыскной деятельности*, изучающей психологические аспекты раскрытия и расследования преступлений, а также вопросы психологического воздействия на криминальные элементы. Это направление ориентировано на психологическое обеспечение работы оперативного состава МВД, ФСБ и других спецслужб;
- (7) *следственной и судебной* (криминалистической) *психологии*, разрабатывающей проблемы предварительного следствия, судебного разбирательства, а также проблемы судебно-психологической экспертизы. Она органически связана с теорией эвристики, знаковой теорией, психологией познавательно-поисковой деятельности в проблемных ситуациях, психологией межличностного взаимодействия;
- (8) *пенитенциарной психологии*, органически взаимодействующей с теорией ресоциализации, исправления личности, с проблемами раскаяния, ценностной переориентацией личности, с методикой формирования социально положительного поведения и особенно тесно связанной с пенологией — наукой о наказании;
- (9) *психологии гражданского правового регулирования*, исследующей психологию гражданских правоотношений, гражданского судопроизводства с позиции сторон гражданского процесса и их коммуникативную активность.

В качестве отдельных разделов юридической психологии можно выделить: психологию охраны общественного порядка и безопасности, психологию охранной деятельности. К указанным структурным элементам юридической психологии примыкает психология частной детективной и охранной деятельности.

Даже краткий анализ структурных образований юридической психологии свидетельствует об их относительной самостоятельности

сти — они спаяны со своими научными сферами и наряду с этим функционально взаимосвязаны между собой.

Вышеуказанная сущность юридической психологии определяет и ее *методологические принципы* (от лат. *prīncipiūm* — основа), которые выражают основополагающие идеи, пронизывающие систему юридико-психологических знаний и устанавливающие их субординацию. Основными принципами современной юридической психологии выступают:

- (1) обусловленность правозначимого поведения личности условиями ее жизнедеятельности;
- (2) факторы, детерминирующие правозначимое поведение, системны, комплексны;
- (3) реализация правозначимого поведения определяется генезисом (онтогенетическим формированием) личности;
- (4) психические факторы поведения личности не должны абсолютизироваться: поведение человека детерминируется (определяется) единым генетико-психосоциальным фактором;
- (5) исследования в области юридической психологии синтетичны — психические закономерности здесь соотносятся с правовыми постулатами, нормами материального и процессуального права;
- (6) как и любая наука, юридическая психология призвана соответствовать принципу научности: она использует научно апробированные методы и методики, общепризнанные научно-методологические концепции.

1.2. История и современное состояние зарубежной юридической психологии

1.2.1. Предыстория юридической психологии за рубежом

В развитии юридической психологии можно выделить два периода:

- (1) период предыстории, когда начинают складываться отдельные научные взгляды, подходы, установки;
- (2) период истории, когда наука обретает свой предмет и метод, категориальный аппарат, принципы и т.д.

Первоначальный этап возникновения юридической психологии можно отнести к XVIII в., к *эпохе Просвещения*, когда прогрессивные мыслители и общественно-политические деятели сформировали современную им концепцию правового государства (*Кант, Руссо, Вольтер, Дидро, Монтескье*), а в обществе сложилось новое мировоззрение, одним из революционизирующих принципов которого стал принцип гарантий личностного развития и частной жизни гражданина.

С победой в 1789 г. Великой французской революции этот принцип не мог не отразиться на состоянии правосудия. Он повлек

за собой отказ от теории формальных доказательств, отделение судебной власти от законодательной и исполнительной, подчинение суда только закону. Была низвергнута «святая» инквизиция, унесшая на кострах и в подземельях миллионы человеческих жизней. Признание обвиняемого перестало быть «царицей доказательств», были отменены пытки и прочие жестокости. Суд стал гласным и состязательным, появились право на защиту и презумпция невиновности. Возник суд присяжных. Расцвела адвокатура. Оправдательный приговор стал законным средством защиты прав подсудимого.

Несколько позже Наполеон I с помощью выдающихся юристов (29 членов Совета и двух проконсулов) в довольно короткий срок (1801—1810) разработал Гражданский, Гражданский процессуальный, Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы и Торговое уложение, послужившие основой европейского законодательства на полтора века.

Юристы стали трактовать все уголовно-процессуальное право как гарантию против судебных ошибок, связанных с необоснованными обвинениями, гарантию прав граждан, привлекаемых государством к участию в уголовном процессе.

Позитивные новации, в том числе касающиеся привлечения психологии в доказательственную деятельность, привели к тому, что об истине перестали говорить как о материальной (это слово ассоциировалось с инквизицией). Ее стали называть судебной, или юридической, истиной, подчеркивая приблизительный характер, обусловленный практической невозможностью познания всех обстоятельств преступления.

Ч. Беккариа

В XVIII—XIX вв. на основе новой правовой идеологии начинают изучаться преступное поведение и внутренний мир преступника. Широкий общественный резонанс в то время получила работа итальянского просветителя юриста *Чезаре Беккариа* «О преступлениях и наказаниях» (1764), предисловие к французскому изданию которой написал Вольтер.

Попытка учесть темперамент, характер и мотивацию человеческого поведения в расследовании преступлений была сделана в работах немецких ученых *И. Гофбауэра* и *И. Фридриха*. Психологические вопросы оценки свидетельских показаний занимали выдающегося

французского ученого *П.С. Лапласа*, который в работе «Опыты философии теории вероятностей», изданной во Франции в 1814 г., дал материалистическую интерпретацию вопроса надежности судебных

решений. Он считал, что свидетельское показание с большой вероятностью соответствует действительности, если оно складывается из:

- (1) вероятностей самого события, о котором повествует свидетель;
- (2) вероятности четырех гипотез в отношении допрашиваемого:
 - того, что свидетель не ошибается и не лжет;
 - того, что свидетель не лжет, но ошибается;
 - того, что свидетель не ошибается, но лжет;
 - свидетель и лжет и ошибается.

Период *середины и второй половины XIX в.* характеризовался значительным усилением в Европе интереса к криминальной психологии и криминологии. Это было связано с антропологическим подходом к этим отраслям знаний.

Родоначальником *антропологической школы* в криминологии, оказавшей огромное влияние на развитие юридико-психологических взглядов того времени, стал итальянский ученый, профессор судебной психиатрии *Чезаре Ломброзо*, создавший теорию «врожденного преступника», которого в силу его природных особенностей нельзя исправить, как нельзя приручить и сделать домашним животным хищника. Ломброзо не отрицал значения психофизиологических и нравственных факторов преступности, но ведущими считал биологические показатели. В качестве средства борьбы с

Ч. Ломброзо

преступностью в книге «Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюрьмоведения» (1876) он называл изоляцию обладателя преступных качеств от общества.

Трактовка преступного поведения как патологического явления привела к тому, что криминальная психология на долгие годы связала себя с судебной психиатрией, стала ее вторым наименованием.

Последователи *Ч. Ломброзо Э. Ферри* и *Р. Гарофало*, пересмотрев отдельные положения теории Ломброзо, дополнили перечень биологических факторов преступления и преступности социологическими, что не помешало им тем не менее остаться последователями концепции антропологической школы. *Э. Ферри* в своей книге «Уголовная социология» сформулировал понятие «опасного состояния», в которое вкладывал ломброзианскую идею предрасположенности преступной личности к преступлению с момента рождения. Субъекта, характеризующегося такой предрасположенностью, он назвал «преступным типом».

В работе «Преступление как социальное явление» Э. Ферри указал три группы факторов, порождающих преступления: антропологические, или индивидуальные, физические и социальные. В группе антропологических факторов он выделял факторы органического строения преступника, психического строения (умственные и психические аномалии, особенно аномалии чувства общественности), личные признаки (возраст, пол, социальные свойства: гражданское состояние, род занятий, место жительства, классовое положение, образование и воспитание).

Р. Гарофало пытался, как и Ч. Ломброзо, выработать понятие преступления, не связанное с правовым определением. В книге «Криминология» он рассматривал преступление как «оскорбление основополагающих альтруистических чувств — милосердия и справедливости», являющихся неременным условием социальной адаптации индивида среди равных себе. Р. Гарофало в отличие от Э. Ферри, называвшего преступников «больными» и требовавшего их лечения, пытался дать социологическое определение преступности, выделить «естественные» и «искусственные» преступления. «Естественные» преступления он связывал с посягательством на два главных, по его мнению, человеческих чувства: отвращение к причинению другим людям страданий; уважение к чужому праву собственности.

Как и Ч. Ломброзо, он считал, что преступник имеет черты «дикарей» и умственную недоразвитость.

1.2.2. Зарождение зарубежной юридической психологии

Существенное расширение и углубление юридико-психологических исследований началось в конце XIX в. вместе и на основе возникшей экспериментальной психологии (В. Вундт, Г. Эббингауз, Т. Рибо, А. Бине), приведший к появлению судебной психологии. Огромную роль в этом сыграл труд основоположника криминалистики Ганса Гросса «Криминальная психология» (1898).

Г. Гросс

Г. Гроссу удалось ознакомить юристов с современными ему достижениями в экспериментальной психофизиологии (с учением Г.Т. Фехнера о закономерностях ощущений), с особенностями психомоторных реакций человека, с закономерностями мышления, памяти и др. Получает развитие психология формирования и получения показаний (Марбе, Штерн, Вертгеймер). Альберт Хельвиц исследует психологию допрашивающего (полицейского, судьи, эксперта) и допрашиваемого

(обвиняемого, потерпевшего, свидетеля), разрабатывает психологическую технику допроса.

Под влиянием психоаналитической теории *Зигмунда Фрейда* судебные психологи стали предпринимать попытки проникновения в подсознательную сферу преступников, раскрытия глубинных личностных образований у преступников (*Ф. Александер, Г. Штауб, А. Адлер, В. Бромберг* и др.). Заключение обследовались психодиагностическими тестами и другими психоаналитическими методами. Психологи и криминологи приходят к выводу, что у большинства преступников не развита высшая психическая сфера личности, именуемая Фрейдом как Супер-Эго (Сверх-Я), разорвана внутренняя структура социального самоконтроля, наличествует дисбаланс во взаимодействии тормозных и возбуждающих процессов. Преступная склонность формируется в результате неудач в стабилизации своего Эго (Я) вследствие ранней психической травматизации и десоциализации.

Психологи, занимавшиеся проблемами права и правоприменения, стали использовать в то время социально-психологические и криминологические идеи французских социологов *Г. Тарда* и *Э. Дюркгейма*. В научно-экспериментальные психологические исследования включились известные юристы и психологи *А. Бине, В. Штерн, К. Юнг, М. Вертгеймер* и др.

Одним из создателей научного метода в судебной психологии стал француз *Альфред Бине* (1857—1911), экспериментально изучавший влияние внушения на детские показания и опубликовавший в 1900 г. книгу под названием «Внушаемость», где утверждал, что: (1) ответы на вопросы всегда содержат ошибки; (2) в целях правильной оценки показаний в протоколах судебных заседаний следует подробно излагать и вопросы, и ответы на них.

Под влиянием и на основе взглядов *Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало, З. Фрейда* и других родоначальников биосоциальных теорий многие зарубежные юристы объясняли преступное поведение, решали проблемы психологии юридической деятельности и профессионального отбора юристов. К тому времени были сформулированы специфические юридические вопросы, требующие судебно-психологической экспертизы, осознана необходимость типологизации преступного поведения и психологического анализа следов преступления.

Учитывая наметившееся значительное расширение круга психолого-правовых проблем, которые стали подвергаться тщательному научному изучению, швейцарский психолог *Эдуард Клапаред* вводит в 1906 г. обобщающий термин *юридическая психология*. В ней к тому времени четко обозначились три основных направления — (1) криминальная, (2) судебная и (3) пенитенциарная психология.

В 1914 г. в Лейпциге выходит работа *М. Липпмана* «Основы психологии для юристов». Параллельно с этим в Германии вопросы судебной психологии развивают также *А. Крамер*, *В.Ф. Лист*, *С. Яффа* и др. А в Англии в начале XX в. публикуется знаменитая книга *Р. Гарриса* «Школа адвокатуры», которую по праву можно назвать учебником по судебной (адвокатской) психологии на все времена.

Э. Клапаред

Начало XX в. характеризуется также социологизацией криминологического знания. Причины преступности как социального явления изучали *А. Кетле*, *Э. Дюркгейм*, *П. Дюпоти*, *М. Вебер*, *Л. Леви-Брюль* и др. Применяв метод социальной статистики, они преодолели антропологический подход в объяснении природы преступного поведения, показав зависимость отклоняющегося поведения от социальных условий.

Так, статистический анализ различных аномальных проявлений (преступности, самоубийств, проституции) за определенный исторический отрезок, проведенный

А. Кетле и *Э. Дюркгеймом*, показал, что число аномалий в поведении людей всякий раз неизбежно возрастало в период войн, экономических кризисов, социальных потрясений, опровергая теорию «врожденного» преступника *Ч. Ломброзо* и указывая на социальные корни преступного поведения.

Эти факты нашли отражение и в ряде психологических теорий преступности американских социальных психологов *Р. Мертона*, *Ж. Старленда*, *Д. Майерса*, *Т. Сайкса*, *Э. Глюка* и др. Однако их взгляды не были методологически обоснованы, игнорировали социально-экономическую детерминированность преступности и других негативных социальных явлений.

Юридическая психология всегда развивалась в тесном взаимодействии с теорией права. В начале XX в. юридико-психологические воззрения послужили основой для возникновения правового течения, известного под названием *психологической школы права*, а в 1920-х гг. ее другого направления — *реалистической школы права*.

В 20-х гг. XX в. юридико-психологические исследования получили новый импульс под влиянием общепсихологических течений — бихевиоризма, фрейдизма, гештальтпсихологии, глубинной и когнитивной психологии, парапсихологии и др. В 1921 г. в Вене по инициативе служащего венской полиции *У. Тартаруги* был создан Институт телепатических исследований в криминалистике, деятельность

которого охватывала обширную географию за пределами Австрии. В Нидерландах в 1930-е при одном из старейших учебных заведений мира — Утрехтском университете — была организована кафедра парапсихологии, исследования которой применялись в оперативной работе полиции.

Психологии за рубежом принадлежит заметная роль в системе подготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов. Среди наиболее известных публикаций этого направления — *Р. Луваж* (бельгийский криминалист и психиатр) «Психология и преступность» (Гамбург, 1956); *Г. Тох* «Правовая и криминальная психология» (Нью-Йорк, 1961).

Развитие судебной психологии проявилось и в целом ряде других направлений. В начале 1960-х гг. юридические школы и психологические факультеты приступили к совместному созданию междисциплинарных учебных программ. Появились первые совместные программы подготовки докторов философии и докторов юриспруденции, а также программы докторов философии в области психологии со специальностью в судебной или коррекционной психологии; наметилась тенденция включения в программы психологических аспирантур курсов правового содержания.

Однако в отличие от психиатрии, уже на протяжении многих лет выполняющей ведущую роль в судебной системе, психология приобрела прочный правовой статус лишь в 1962 г., после решения судьи Апелляционного Суда США Бэйзлона в деле «Дженкинс против Соединенных Штатов» (*Jenkins V. United States*).

Судья, участвовавший в рассмотрении уголовного дела Дженкинса, предложил присяжным пренебречь свидетельскими показаниями психолога в отношении психического расстройства. Он поступил так на основании представления, что психолог не обладает квалификацией для вынесения медицинских заключений. Апелляционный Суд США постановил, что данный судья допустил ошибку, и определил, что «некоторым психологам предоставляется право свидетельствовать в качестве эксперта в области психических расстройств». Далее он предложил критерии, позволяющие квалифицировать психолога как эксперта. За прошедшие со времени этого решения годы другие дела значительно расширили круг охватываемых психологической экспертизой проблем. Впоследствии, несмотря на существование определенных различий между штатами и между правительством штата и федеральными властями, психологам регулярно предоставляется статус эксперта практически в каждой соответствующей области уголовного, гражданского, семейного и административного права.

История с делом «Дженкинс против Соединенных Штатов» имела широкий общественный резонанс и упрочила положение психолога-эксперта в судебной системе ведущих стран Европы.

1.2.3. Современное состояние зарубежной юридической психологии

К настоящему времени за рубежом юридическая психология как самостоятельная отрасль психологической науки пока не нашла своего обобщенного теоретико-методологического обоснования. Существуют многочисленные отдельные направления, обеспечивающие психологическое прикладное сопровождение различных областей юридической деятельности — от правоохранительной (полицейской) и адвокатской до пенитенциарной и постстрессовой.

Так, в Германии, Польше и Чехии общая психологическая характеристика личности является необходимым компонентом любого вида судебно-следственного дела. Значительное место в деятельности экспертов-психологов этих стран занимает исследование несовершеннолетних правонарушителей в целях определения их способности нести уголовную ответственность. Согласно немецкому законодательству, при рассмотрении каждого случая противоправных действий несовершеннолетних должно быть установлено, может ли несовершеннолетний нести уголовную ответственность за свои действия. Предпосылкой такой способности считается достижение подростком, которому уже исполнилось 14 лет, уровня психического развития, позволяющего действовать в соответствии с требованиями общества, сознательно соотносить свое поведение с правилами общности, нормами и требованиями закона. Предметом судебно-психологической экспертизы все чаще становятся причины и условия, способствовавшие совершению подростком правонарушения, и рекомендации воспитательного характера.

В других европейских странах, например в Польше, исследованию психолога-эксперта подлежат индивидуально-психологические особенности свидетелей, условия, в которых ими воспринимались определенные факты, содержание показаний и некоторые другие обстоятельства.

Венгерские специалисты Л. Двердь и Ф. Дерек в работе «Применение психологии в уголовной работе» (1971) рассматривают, в частности, психические состояния негласного сотрудника как существенный фактор налаживания контактов полиции со своими агентами. Немецкий автор У. Фюльграбе в книге «Психология преступности» (1983) прослеживает развитие преступного поведения. А в США широко исследуется роль судебного психолога во всех сторонах судопроизводства (Э.А. Мегерджи, 1976; Д. Кук, 1986; И. Велимесиз, 1986; Я.К. Гроссман, 1986; Д.Л. Бек, 1987; М. Гринберг, 1987). При этом особенность зарубежных психолого-юридических концепций и решений заключается в том, что они, используя идеи и данные психологии, философии, педагогики, права, социологии, деонтологии, этики и других наук, придерживаются разных научных течений,

имеющихся в психологической науке, но в основном теорий фрейдизма и бихевиоризма.

Такую приверженность можно отнести и к деятельности целого ряда профессиональных организаций, появившихся в 1970—1980-е гг. Среди них Американская ассоциация коррекционной психологии (American Association of Correctional Psychology) и Американское общество психологии и права (American Psychology-Law Society).

В 1980 г. члены Американской психологической ассоциации (American Psychological Association, APA) одобрили создание отделения психологии и права (Division of Psychology and Law) (Отделение 41). APA также учредила Комиссию по правовым проблемам (Committee on Legal Issues, COLI). В 1978 г. была учреждена Американская коллегия судебной психологии (American Board of Forensic Psychology). Ее целью являются аттестация квалифицированных специалистов и продвижение судебной психологии как самостоятельной дисциплины.

Среди разнообразных проблем, исследуемых специалистами по судебной психологии в настоящее время, повышенным вниманием пользуются следующие:

- (1) экспертиза свидетелей (expert witnesses). В настоящее время психологи участвуют в качестве экспертов в разбирательствах различных уголовных и гражданских дел, особенно дел пациентов с психическими нарушениями, и дел, имеющих отношение к правам заключенных;
- (2) прогноз опасности рецидива преступного поведения (prediction of dangerousness). Мнение психолога может повлиять на решение суда о том, можно ли освободить заключенного от отбывания остающегося срока заключения, или он должен оставаться в заключении из-за представляемой им опасности;
- (3) посмертная экспертиза (equivocal death analysis). Процедура EDA создана в ФБР для анализа случаев неясной смерти. Она состоит из сбора информации о привычках, наклонностях, образе жизни и личности погибшего от его друзей, членов семьи и коллег. На основе этой информации воссоздается психологический портрет погибшего и высказываются обоснованные гипотезы о причинах его гибели;
- (4) исследования суда присяжных (jury research). Американские суды присяжных (juries) часто критикуются, так как группы населения по признакам расы, возраста и образования представлены в них неравномерно, что неблагоприятно отражается на выносимых ими вердиктах;
- (4) психологический портрет неустановленного преступника (профилерование — profiling);
- (5) психология расследований (investigative psychology). Наиболее развита в Великобритании (Ливерпуль). Этому направлению свой-

ствен системный подход к анализу различных типов преступлений: серийных убийств, изнасилований, поджогов, террористических актов, «беловоротничковой» преступности и др.;

- (6) установление дееспособности (competency and responsibility). В законах большинства штатов США и провинций Канады предусматривается несколько видов дееспособности, и требуются психологи, которые должны ее определять. Самый важный вид дееспособности — способность отвечать перед законом за свои поступки (competency to stand trial). Установление неспособности понимать требования закона либо законные требования представителей власти свидетельствуют о недееспособности либо ограниченной дееспособности;
- (7) способность психически больных (mental illness) и заключенных адекватно понимать условия и содержание предлагаемого им лечения (treatment) либо участия в научных исследованиях.

Поскольку эти направления в США и в Европе разрабатываются преимущественно психиатрами, в них психологический подход и методы зачастую подменяется психиатрическими. Кроме того, значительной части исследований по судебной психологии свойственны прагматичность при слабом или малодоказательном теоретическом осмыслении, претензии на оригинальность и исключительную эффективность.

Следует особо отметить, что в настоящее время термин «юридическая психология» в зарубежных работах практически не используется, однако содержащиеся в них специфические психологические идеи и подходы позволяют распространять этот термин на их содержание. Развиваются такие научно-прикладные разделы юридико-психологического знания, как правовая, криминальная, судебная, полицейская, пенитенциарная психология. Актуальны исследования вербальной агрессивности, психологии личности свидетеля, психологии личности жертвы преступления, виктимологии, психологии заложника, применение нетрадиционных методов получения информации в раскрытии преступлений и судебной практике и др.

Известный психолог *Г.Ю. Айзен* рассмотрел психологические аспекты совершения и мотивации преступлений в книге «Психологические подходы к преступлению и наказанию. Теория, исследования, практика» (США, 1984). В коллективной монографии «Психологический подход к преступности и ее коррекции. Теория, исследования, практика» (США, 1984) анализируются разнообразные формы медицинской и психологической коррекции преступного поведения. Вызывают интерес главы книги *Д. Майерса* «Социальная психология», посвященные социально-психологическим вопросам судопроизводства, в частности деятельности суда присяжных.

В 1996 г. в Словакии вышел сборник «Основы полицейской психологии», а в 1998 г. — «Введение в полицейскую психологию».

В 1996 г. на базе международной конференции служащих полиции в Любляне (Словения) было опубликовано двухтомное издание «Деятельность полиции в Центральной и Восточной Европе», где в отдельной главе «Организационная психология и деятельность полиции» рассматриваются вопросы юридической психологии.

По данным аналитических обзоров по юридической психологии, произведенных Институтом имени М. Планка (Германия; Гельмут Кюри), в мае 2009 г. только в странах Западной Европы насчитывалось более 3,9 тыс. психологов, непосредственно работавших в правоохранительных органах. Кроме того, существует значительное число специализированных научных центров и академических институтов, где ведутся целенаправленные исследования по проблематике юридической психологии. Помимо интеграции усилий во внутригосударственном масштабе (прежде всего, путем создания профессиональных сообществ юридических психологов) в последние годы наблюдается тенденция к возрастанию контактов и связей на международном уровне (проведение кросскультурных исследований, международных симпозиумов, круглых столов и т.п.).

Другим свидетельством развития юридико-психологических знаний за рубежом является публикация журналов и книг в данной области. Наряду с основными журналами, *Law and Human Behavior* («Право и человеческое поведение») и *Criminal Justice and Behavior* («Уголовное судопроизводство и поведение»), существует множество других журналов, также публикующих соответствующие статьи.

1.3. Становление юридической психологии в России

1.3.1. Предыстория юридико-психологических знаний

Несмотря на то что юридическая психология — одна из сравнительно молодых отраслей психологии, применение психологического знания в России в целях обеспечения правосудия и других направлений правоохранительной деятельности берет начало в глубокой древности, когда испытания участников процесса нередко основывались на анализе психологических проявлений в момент испытаний. Однако «слепое поклонение царице доказательств» в последующие времена приводило к тому, что признание вины как основное доказательство добывалось любыми путями, в том числе с использованием пыток и истязаний. В Москве существовали «клоповники» и совершенно темные ямы, называемые «аскольдовыми могилами», куда бросали несознавших обвиняемых и откуда они часто выходили слепыми. Кормление соленой селедкой, помещение в жарко истопленную баню «не в виде пытки» являлось любимым приемом следственных органов того времени.

Отрицательные последствия применения теории формальных доказательств заключались не только в том, что на суд возлагалась обязанность «склонять» подсудимого к признанию, но и в том, что эта теория, как отмечал *А.Ф. Кони*,

связывая убеждение судьи и внося в его работу элемент бездушного формализма, создавала уголовный суд, бессильный в ряде случаев покарать действительно виновного, но достаточно могущественный, чтобы разбить личную жизнь человека слиянием акта бесконтрольного возбуждения преследования воедино с преданием суду и оставлением невиновного в подозрении, что заставляло его болезненно переживать стыд, который ни разъяснить, ни сбросить с себя нельзя.

Вместе с тем следственное производство на Руси вплоть до эпохи Петра I оставалось гораздо гуманнее европейского, а арсенал пыточных средств был небогат. Он включал, как правило, дыбу и кнут. Не отличались пытки и такой систематичностью, как, например, подробно описанные, с тщательными рисунками в австрийском кодексе Марии-Терезии. Тем не менее нельзя без содрогания читать приводимую губернским прокурором Д.А. Ровинским в «Народных картинках» справку из дел тайной канцелярии с описанием «обряда, како обвиненный пытается» и приемов мучения, от которых «онный злодей весьма изумленным бывает».

Наряду с физическими применялись и нравственные пытки, в основе которых лежали обобщенные эмпирические данные бытовой психологии. Чтобы заставить человека давать показания, специально создавалась шоковая ситуация, провоцирующая к выражению чувств и отношения к расследуемому событию. Подозреваемого неожиданно для него вводили в слабо освещенную комнату, где лежал труп убитого, и там подозреваемого убеждали сказать правду, рассчитывая, что, потрясенный увиденным, он выдаст свою виновность.

О том, какое впечатление такое правосудие производило на простой народ, яркое представление дает замечание историка С.М. Соловьева:

При слове «суд» вздрагивает русский человек.

Вместе с тем *начиная с XVIII в.* потребность в использовании психологических знаний в правовой политике государства стала увязываться с ментальностью народа, необходимостью оказывать просвещающее и воспитывающее воздействие на подданных. Этому способствовало и то, что на Руси во все времена видели в законе выражение совести или, как говаривали в древности, правды. Этот традиционный русский взгляд на закон сильно отличался от законодательства западноевропейских стран, где все, как правило, подробно, до мельчайших деталей, регламентировалось.

Воспитательному характеру российского законодательства вполне соответствовал и их стиль. Если в Западной Европе содержание правовых установлений выражалось специальным юридическим языком, доступным лишь лицам, изучавшим право (чаще всего это была латынь, малопонятная основной массе населения), то в России язык права не был узкоспециальным, а по существу совпадал с обыденным, народным языком. Не случайно первый русский профессор права *С.Е. Десницкий* в своей речи «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» отмечал, что

в России на природном языке все во всенародное известие издаваемо было и в российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие примечаются в законах феодальных правлений.

Иначе говоря, в России законы излагались тем же языком, на котором писались письма или литературные произведения, а памятники русского права — это одновременно памятники русской литературы.

Тексты законодательных актов дают дополнительное основание для такой оценки. Их чтение доставляет такое же эстетическое удовольствие, как чтение высокохудожественного литературного творения. Составляя тот или иной нормативный акт, законодатель не просто формулировал правовую норму, но и одновременно выражал свою нравственную позицию. Поэтому тексты законов нередко были наполнены эпитетами, причем чаще всего возвышенными, и оказывали глубокое морально-психологическое воздействие на подданных.

Что же касается процессуального законодательства, то оно сделало в этот период также огромный шаг вперед. Суд призван был стать быстрым и решительным орудием в руках государства для пресечения всякого рода попыток нарушить установленный порядок. В связи с чем в России XVIII столетия появляются отдельные работы, содержащие тактико-психологические рекомендации ведения следствия, а также исправительного доведения преступника до раскаяния.

Так, идеолог промышленников и купцов *И.Т. Посошков* в работе «Книга о скудности и богатстве» обобщил использование приемов допроса свидетелей, дающих ложные показания, подробно объяснил, как надо детализировать показания лжесвидетелей, с тем чтобы получить обширный материал для их последующего изобличения. По силе языка и богатству мысли это сочинение дает полное право причислить Посошкова к первым правоведом, предпринявшим попытку применить психологические наблюдения к праву. В главе «О правосудии» он рекомендует классифицировать заключенных по категориям, на поддающихся воспитательному воздействию и на неподдающихся, чтобы избежать негативного влияния испорченных заключенных. Он предлагал условно освобождать

обвиняемых, не являющихся опасными для общества, из-под стражи до суда и с печалью констатировал отсутствие наличия правосознания у большинства народа.

В.Н. Татищев

М.М. Щербатов

Известный русский историк *В.Н. Татищев* изложил основы своего мировоззрения в книге «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ». Ее основной направленностью была модная в то время идея естественного права, естественной морали, естественной религии, заимствованная Татищевым у Пуфендорфа и Вальха. Высшая цель, или «истинное благополучие», по этому воззрению, заключалась в полном равновесии душевных сил, в «спокойствии души и совести», достигаемом путем развития ума «полезной» наукой, к которой Татищев относил медицину, экономию, законоучение и философию.

А.Н. Радищев

М.М. Щербатов, историк и философ, автор «Истории российской с древних времен», указывал на необходимость знания законодателем «человеческого сердца» и создания законов с учетом психологии народа. Он один из первых поднял вопрос о необходимости привлекать содержащихся в тюрьмах к работам.

А крупнейший русский писатель и мыслитель XVIII в. *А.Н. Радищев* в работе «О законоположении» обосновал меры по предупреждению преступлений, основанные на учете психологии личности преступника (и прежде всего его мотивации).

Дальнейшее движение в развитии предпосылок возникновения юридической психологии в России как науки придало расширение географии преподавания основ психологических знаний юристам в российских университетах в XIX в. и, как следствие, написание научных работ и учебных пособий. Центрами преподавания стали Московский, Санкт-Петербургский, Казанский и Харьковский университеты.

В 1810—1821 гг. в Петербургском университете преподавал крупный ученый, психолог, профессор *А.И. Галич*, создавший прогрессивный для того времени труд «Право естественное» (1818), в котором, в частности, предлагал изучать психологию человека, в том числе и преступника, поскольку целью наказания видел предупреждение преступлений и исправление преступника. Именно Галич первым призывал судью быть одновременно и психологом. Ему принадлежит и труд по характерологии — работа «Картина человека» (1834), в которой предложена типология характеров преступников. Но общая психология, носившая в то время умозрительный характер, даже в союзе с уголовным правом не могла разработать научные критерии и методы изучения человеческой личности.

Профессор Московского университета *С.И. Баршев*, «учитель русских криминалистов», первым составил русский курс уголовного права, в который вошли такие труды, как «О мерах наказаний» (1840), «О вменении в праве» (1840), «Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях» (1841), «Взгляд на науку уголовного законовещения» (1858). И хотя в настоящее время этот курс устарел и поражает тем, насколько на рассуждениях автора отразилось крепостное право, его идеи об установлении законов с учетом природы человека и наличия у юристов психологической компетентности были очень прогрессивными в ту эпоху. С.И. Баршев говорил:

Ни один вопрос уголовного права не может быть решен без помощи психологии. Решать судьбы людей, не понимая этого, — все равно что вершить суд не над живыми существами, а над трупами.

Начиная с середины XIX в. в работах криминалистов *А.И. Паломбецкого*, *А. Чебышева-Дмитриева*, *К. Поппе*, *Н.И. Ламанского* намечается сдвиг в направлении практического изучения преступности и преступника, осуществления идеи о психологическом обосновании права. Предпринимаются энергичные вслед за А.Н. Радищевым попытки изучения преступности и ее размеров статистическими методами. Но вместе с тем еще сохраняется известная степень декларативности этого требования.

Однако суд и следствие в России в то время вполне обходились без «знания человеческого сердца». Образовательного ценза (не только юридического, но и общего) тогда не существовало, а пото-

му любой дворянин или купец, приписанный к гильдии, мог быть избран на судебскую должность. Не только рядовые суды, но и Сенат («верховное судилище»), как отмечает А.Ф. Кони, были не богаты людьми просвещенными, что под покровом безгласности и канцелярской тайны приводило к состоянию, когда «власть без образования заливала собою небольшие островки образования без власти». По данным на 1841 г., в Сенате числилось лишь шесть человек с высшим образованием. В судах же первой инстанции неграмотные или малограмотные составляли заметное большинство.

Не меньшим было невежество чиновников досудебного производства, выражавшееся хотя бы в названиях уголовных дел, что в свою очередь демонстрирует, какое представление имели они о составе преступления и как определяли его род и вид: «О найденных в лесу костях, неизвестно кому принадлежащих, по-видимому, солдатских» (по причине найденной между ними форменной пуговицы); «О подложном присвоении крестьянскому мальчику Василию женского пола»; «О публичном произнесении крестьянином N.N. похвальных слов»; «Об угрозах дворянина N.N. учинить над собою резьбу»; «О драке со взломом», «Об учинении мешанскому старосте кулаками буйства на лице» и т.д.

Нравственной нечистоплотностью и безграмотностью славились также стряпчие, ходатаи, которые в дореформенной России играли роль (точнее, некое подобие роли) адвокатов. Известный адвокат П.А. Потехин вспоминал:

Тут были дворяне, прожившиеся помещики, разорившиеся купцы, приказчики, которые прежде вели дела своих хозяев, тут были отставные военные, даже сидельцы кабаков и пивных лавок, были чиновники, выгнанные со службы <...> и т.д., всех не перечислить.

Не имевшие, по признанию Государственного совета, «никаких сведений юридических — ни теоретических, ни практических», они пользовались дурной славой хищников и мошенников («крапивное семя» — говорили о них в народе). Приспосабливаясь к порокам одиозного дореформенного суда, сами заражаясь, а то и щеголяя этими пороками, стряпчие и ходатаи по примеру средневековых подьячих ловчили, ябедничали, мошенничали за любую мзду... Авторитетный юрист А.В. Лохвицкий писал о них:

Берут по пяти и десяти целковых за фальшивый паспорт; есть у них и такса за фальшивое свидетельство, за фальшивую подпись и проч. <...> В одно и то же время пишут бумаги и истцу и ответчику и, конечно, с обоих берут деньги.

Типы дореформенных ходатаев и стряпчих картинно увековечены в русской литературе, правдивость которых подтверждается серьез-

ными исследованиями. Таковы Провалов из «Ябеды» В.В. Капниста, Могильцев из «Пошехонской старины» М.Е. Салтыкова-Щедрина, Сысой Псоич Рисположенский из пьесы А.Н. Островского «Свои люди — сочтемся», Шабашкин из повести А.С. Пушкина «Дубровский» и особенно неподражаемый «юриконсульт» из второго тома гоголевских «Мертвых душ», который «всех опутал решительно, прежде чем кто успел осмотреться. <...> Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видывало, и даже такие, которых и не было».

Прогрессивные русские ученые и писатели — ревнители правового воспитания и просвещения широких слоев общества, по меткому выражению известного публициста И.В. Гессена, стали ферментом, способствующим подготовке судебной реформы 1864 г. Впервые в истории России необходимость радикальных перемен стала осознаваться не узким кругом единомышленников, как это было у декабристов, а целым сословием во главе с императором.

1.3.2. Психологизация отечественного судопроизводства во второй половине XIX в.

В России благоприятные условия для серьезных исследований в области юридической психологии появились после принятия новых Судебных уставов, ставших венцом *рос-сийской судебной реформы 1864 г.* Ее цель заключалась, как писал император Александр II в указе Правительствующему Сенату, в том, чтобы

водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого: от высшего до низшего.

Александр II

Судебные уставы широко раскрыли свои двери отечественной *прикладной науке*. Находя питательный материал для своих исследований в практике новых судебных учреждений, наука, чуждая судам до 1864 г., явилась руководительницей и помощницей судебных деятелей. Сознание необходимости взаимодействия науки и практики повлекло создание в 1865 г. небольшого юридического кружка, собиравшегося у видного ученого и общественного деятеля В.Д. Спасовича, а позднее — осно-

вание юридического общества при Петербургском университете с подробно разработанным уставом.

Именно в это время начинают складываться объективные условия для применения психологических знаний в деятельности суда и розыске преступников. В этот период наступает расцвет отечественной юридической мысли, переосмысление роли общественности в осуществлении правосудия и проблем взаимоотношений между сторонами в уголовном процессе.

Взамен прежней инквизиционной системы, основанной на формальных доказательствах, провозглашались новые начала уголовного судопроизводства. Вводились два вида суда — мировой и общий, а судьи избирались по специально созданным для этого округам уездными земскими собраниями из кандидатов, проходивших по возрастному, имущественному и образовательному цензам. Вводится институт адвокатов — представителей и защитников сторон на судебных процессах. Учреждается суд присяжных заседателей, пользующихся авторитетом представителей гражданского населения, вместо суда шеффенов, заимствованного еще Петром I и Екатериной II из средневекового германского процесса.

Благодаря этим нововведениям судопроизводство начало становиться не только источником правозначимой информации, но и своего рода творцом добра и справедливости, стимулятором поиска новых знаний, уроком культуры общения, уроком Права в самом высоком смысле этого понятия. В выполнение норм судебного ритуала, по выражению А.Ф. Кони, вносились вкус, чувство меры и такт, «ибо суд есть не только судилище, но и школа». Центр тяжести переносился на развитие истинного человеколюбия на суде, равно далекого и от механической нивелировки отдельных индивидуальностей, и от черствости приемов в защите общественного правопорядка.

Судебная реформа и сопровождавшие ее преобразования в других сферах жизни русского общества породили условия, в которых юридическая деятельность стала, как никогда ранее, ответственной и престижной.

После многовекового мрачного периода беззакония и произвола от полицейского сыска и прокуратуры было отделено *предварительное следствие*, новые принципы деятельности которого нашли отражение в напутственном слове основоположника судебной реформы Д.А. Ровинского к молодым, еще не испорченным рутинной и соблазнами жизни следователям:

Опирайтесь на закон, но объясняйте его разумно... Домогайтесь одной награды — доброго имени общества, которое всегда отличит и оценит труд и способности... <...> Дай Бог, чтобы... вы могли сказать всем и каждому:

Что... служили делу, а не лицам.

Что... старались делать правду и приносить пользу.

Что... были прежде всего людьми... а уже потом чиновниками...

Особое значение для утверждения в народе новых демократических принципов судопроизводства имела *реорганизация прокуратуры*. В эпоху взяточничества и своекорыстия личности пореформенных прокуроров, таких как Д.А. Ровинский, Н.И. Стояновский, Н.А. Буцовкий, М.Е. Ковалевский, М.Ф. Громницкий, по меткому выражению А.Ф. Кони, «занятых живым делом, а не отписками у себя в камере, все знающих и видящих насквозь», производили глубокое нравственное впечатление на окружающих.

Введение в России заимствованного на Западе института государственных обвинителей потребовало от составителей Судебных уставов решения труднейшей задачи. Стало необходимо создать институт должностных лиц, осуществляющих новые, необычные обязанности и действующих не в тиши «присутствия», а в обстановке публичного столкновения и обмена убежденных взглядов и влияющих притом неведомым до этого оружием — живым словом с опорой на закон и разъяснения его справедливости.

Выгодно отличаясь в своих доводах на суде от французского деланного пафоса и немецкого канцелярского характера речи, выступления российских пореформенных прокуроров по сей день представляют прекрасный образец для изучения и подражания, несмотря на то что появлению их на прокурорской трибуне не предшествовала какая-либо практическая школа, облегчающая знакомство с техникой судебного разбирательства.

Судебные уставы, создавая прокурора-обвинителя и указав его задачи, начертали и нравственные требования, возвышающие его деятельность. Они вменяли в обязанность прокурору отказываться от обвинения в тех случаях, когда он найдет оправдания подсудимого уважительными, и заявлять о том суду по совести, таким образом, в его деятельности элемент беспристрастия. Судебные уставы указывали и на то, что в речи своей прокурор не должен ни представлять дела в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значения доказательств и улик.

Принципиально иным по сравнению с дореформенными стряпчими и ходатаями стал юридический *статус адвокатуры*. Адвокатура теперь рассматривалась как институт, предназначенный для оказания квалифицированной правовой помощи. По Судебным уставам 1864 г., адвокаты объединялись в самоуправляющуюся корпорацию — *сословие присяжных поверенных*. Присяжными поверенными могли быть лица, имеющие, во-первых, высшее юридическое образование и, во-вторых, не менее чем 5-летний стаж службы по судебному ведомству (ст. 354 Уставов). И если юридический статус адвокатуры в России был гораздо уже, чем на Западе, то профессиональный уровень, по крайней мере ее основного ядра, оказался очень высоким.

Созидателями и стражами нравственных устоев русской адвокатуры выступили *Советы присяжных поверенных*. Они ревниво поддерживали авторитет своей корпорации и нередко отказывали в приеме в адвокатуру лицам, которые хотя и удовлетворяли формальным требованиям (высшее юридическое образование плюс необходимый служебный стаж), но не внушали доверия своей «нравственной физиономией».

Русской корпоративной адвокатуры, выступившей на историческую сцену, нельзя было и думать воспользоваться духовным наследием своих предшественников. И если, например, французская адвокатура в числе древних представителей указывает даже такого, который был причислен к лику святых (Saint Yves — земляк Ренана), английская — Кока, Томаса Мура, то русская, напротив, должна была прикладывать всяческие усилия, чтобы заставить всех как можно скорее забыть о безнравственных традициях своих предтеч — ходатаев.

В.Д. Спасович

Молодой адвокатской корпорации приходилось создавать все сначала; начинать с азбуки адвокатского поведения и этики; «медленно и не без тяжких усилий прокладывать тропу к вершине общественного признания так, чтобы другим, на то глядячи, повадно было так делать». Они твердо следовали тому, что *В.Д. Спасович* формулировал как «главные правила, которых приходится пуще всего держаться», а именно «полной племенной, национальной и религиозной терпимости», с одной стороны, и «великой и строгой нетерпимости этической», «нравственной брезгливости» — с другой стороны. *В.Д. Спасович* говорил:

Мы изобрели и наложили на себя узы самой беспощадной дисциплины, вследствие которой мы, не колеблясь, жертвуем своими вкусами, своими мнениями, своею свободою тому, что скажет громада — великий человек. Это подчинение особого рода, не людям, а началу, себя — себе же самому с громадской точки рассматриваемому, есть такая великая сила, которую тогда только оценишь, когда чувствуешь, когда она от тебя исходит. Нам дорога та сила, которую дают крепкие, суровые нравы. Оставим будущему смягчить их, когда люди сделаются лучшими.

Введение института присяжных в России стало важнейшим элементом формирования правосознания общества. Адвокатура внесла свой вклад в фундамент правомерного поведения граждан, их

образованности, гражданской и нравственной воспитанности, правовой развитости. Ведь адвокат не ограничивался лишь служебной деятельностью; он не только представлял интересы тяжущихся в суде, но и давал юридические консультации, руководил правовыми сделками, разъяснял права и возможности применения закона. Консультации стали информационными центрами постижения гражданами законов, необходимых для жизни и деятельности, поведения в быту, возможностей и порядка обращения в правоохранительные органы и других юридических знаний и умений как надежной защиты от бед, как условие личного успеха.

Петербургский совет присяжных поверенных (1870—1871)
Слева направо: сидят — А.Н. Матросов, П.А. Потехин,
К.К. Арсеньев, В.И. Танеев, В.Д. Спасович;
стоят — А.М. Унковский, Н.М. Соколовский, В.Н. Герард,
А.И. Языков

Адвокатура этой поры затронула и многие молчавшие до того стороны общественного сознания, привлекая вольнолюбивые, независимые умы судебного мира возможностью хотя бы относительного противодействия, даже в условиях самодержавного режима, беззаконию, карательному пристрастию и террору.

На вершине новой судебной пирамиды был учрежден *кассационный суд*. На нем лежала обязанность не только бдительно следить за нарушениями процессуального порядка, но и разъяснять законы. Этот институт приучал новые суды к правильности отношения — к людям, понятиям и законам, устанавливал властно и внушительно, как должны держать себя судьи по отношению к сторонам, свидетелям, подсудимым, указывал на нежелательные приемы в судебных

прениях, выяснял сложные понятия о составе преступлений, побуждая проникнуться мыслью законодателя.

Кассационная практика тех лет представила бесчисленное множество примеров разъяснения мотивов закона, толкования понятий о служебном подлоге, о посягательствах на честь и целомудрие женщин, клевете в печати противной правилам чести и т.п.

Центральным звеном Великой судебной реформы явилось введение 20 ноября 1864 г. *суда присяжных*. Потребность этого новшества была обусловлена отменой в 1861 г. крепостного права, переходом от феодализма к капитализму, появлением на рынке труда миллионов лично свободных крестьян, что не совмещалось со старой судебной системой, которая не обеспечивала их равенства перед законом и судом, судебной защиты их прав и свобод.

Сторонники введения суда присяжных (С.И. Зарудный, Н.А. Буцковский, Н.И. Стояновский, Д.А. Ровинский, А.М. Плавский и др.) исходили из того положения, что лишь суд присяжных позволит распространить в народе понятие о справедливости и законе и положительно отразится на развитии общества. Оторванные на время от своих обыденных занятий и соединенные у одного общего, глубокого по значению и по налагаемой им нравственной ответственности дела, присяжные унесут с собой не только возвышающее сознание исполненного долга общественного служения, но и облагораживающее воспоминание о правильном отношении к людям и достойном обращении с ними.

Суд присяжных

Суд присяжных стал играть определенную социально-консолидирующую роль: помещик и крестьянин, купец и мещанин, буржуа и мастеровой впервые за всю историю страны сели за один стол и получили возможность вести свободную дискуссию, убеждая друг друга в правильности своей точки зрения. Мнение каждого приоб-

ретало особую силу, потому что для осуждения подсудимого требовалось единогласие присяжных (при отсутствии такового судья возвращал присяжных в совещательную комнату, и если единогласие вновь не было достигнуто, допускалось вынесение обвинительного вердикта большинством голосов).

Обобщение материалов дореволюционной судебной практики также приводит к выводу, что суд присяжных со своей стороны оказывал благоприятное воспитывающее воздействие на общество, которое проявлялось в искоренении взяточничества, уменьшении числа преступлений, особенно тех, на которые присяжные смотрят строже, увеличении числа подсудимых, сознающихся в совершенных преступлениях, повышении доверия народа к суду, уровня его правовой культуры, профессионализма коронных судей. Даже при несомненной доказанности преступления присяжные нередко «корректировали» право, оправдывая подсудимого с учетом его личности, мотивов совершения преступления и т.д.

В России до 1/3 уголовных дел рассматривалось судом присяжных (остальные 2/3 менее значительных дел были отнесены к компетенции мировых судей). Это значительно больше, чем в Англии, Франции и Германии того времени.

В XIX в. русские суды присяжных оправдывали около 40% подсудимых. Такой либерализм вызвал серьезную озабоченность в правительственных кругах и среди правоведов. Предполагалось даже упразднить суд присяжных. Однако на его защиту выступили видные юристы, и он уцелел. Правда, число оправдательных вердиктов в XX в. удалось все же уменьшить до 25% (для сравнения заметим, что наши суды выносят лишь 0,6% оправдательных приговоров).

Общеизвестно, что суд присяжных оправдал Веру Засулич (Санкт-Петербург, 1878), покушавшуюся на жизнь петербургского генерал-губернатора Ф. Трепова в знак протеста против его приказа выпороть заключенного Алексея Боголюбова (Емельянова) розгами. Оправдательный вердикт суда присяжных под председательством А.Ф. Кони прозвучал как смелый социальный протест против деспотических форм правления в России.

Суд присяжных сумел противостоять антисемитской кампании, сопровождавшейся погромами, в связи с убийством якобы по религиозным мотивам мальчика Андрея Ющинского (знаменитое дело Бейлиса, Киев, 1913). В связи с этим делом в «Русском знамени» был опубликован призыв: «Жидов надо поставить в такие условия, чтобы они постепенно вымирали». По версии защиты, Андрей Ющинский, 13 лет, дружил со своим ровесником Женей Чибиряком, мать которого содержала воровской притон. Кого-то из воров арестовали. Их соучастники посчитали, что это произошло по доносу Андрея. Они заманили его, убили и сбросили труп в пещеру. Полиция скрыла эти данные от следствия и суда. Обвинение развалилось, и последовал оправдательный вердикт присяжных.

Не менее известен процесс по делу о «мултанском жертвоприношении», связанный с именем русского писателя и публициста В.Г. Короленко.

Обвинение пришло к выводу, что в с. Мултан недалеко от церкви и школы местными жителями — удмуртами был убит странствующий нищий Матюшин (1892). Труп обнаружен девочкой в 9 часов утра возле дороги. Труп был обезглавлен, сердце и легкие были изъяты из грудной клетки. Следствие установило, что убийство носило ритуальный характер (жертвоприношение богу Курбону). На скамье подсудимых оказались семь удмуртов, которые отрицали свою вину, но говорили: «Христос страдал, нам страдать надо». Вердикт был странным: «Да, виновны, но без заранее обдуманного намерения».

Вскоре к делу подключился В.Г. Короленко. Он был возмущен тем, что в кровавом убийстве, в сущности, обвинен целый народ. В.Г. Короленко выезжал в с. Мултан, осматривал место происшествия, беседовал с местными жителями и священником. Ему удалось добиться пересмотра дела. При этом было установлено, что никакого бога Курбона у удмуртов нет и обычая приносить в жертву человека не существует. Вина удмуртов оказалась недоказанной, и, пробыв в тюрьме 4 года, они были оправданы судом присяжных, слушавшим дело повторно в ином составе....

Учитывая низкий уровень грамотности крестьянства и ставя задачу утвердить в народе то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние, судебная реформа предусмотрела создание вместо суда полицейского *института мирowych судей*.

В коридоре суда

Мировые суды стали своеобразной школой правовой культуры для огромной части населения страны. Местный обыватель скоро увидел, что стародавняя поговорка «Бойся не суда, а судьи» теряет свое значение. У «мирового» действительно совершался суд скорый, а личные качества первых судей (И.И. Каразина, О.И. Квиста, Н.А. Неклюдова, Е.А. Шакеева и др.) служили ручательством, что этот суд не только скорый, но и правый и вместе с тем милостивый.

Великая судебная реформа и сопровождавшие ее преобразования в других сферах жизни русского общества породили условия, в которых *гласный суд* стал центром правового воспитания и просвещения граждан. В зал суда хотели попасть буквально все: и высшие сановники, и корифеи литературы, и неграмотные зеваки, которые не меньше, чем юристы, считали зал суда местом для плодотворного наблюдения и изучения причин преступления. Преобладала же (в громадной степени) учащаяся молодежь. Студенты, чтобы попасть на разбор дела, иногда дежурили всю ночь напролет во дворе судебного здания.

Газеты, содержащие отчеты о процессах, были нарасхват¹. Самые незначительные речи приводились целиком, а иные из них обходили и мировую прессу. Повсюду между обвинением и защитой происходили публичные состязания в благородстве чувств, правильном понимании законов и жизни, остроумии, блеске фраз и постижении тончайших изгибов человеческой души. По меткому выражению одного из современников, в судебных речах того времени встречалось правового просвещения и воспитания соотечественников более, нежели во всей правительственной пропаганде.

В подтверждение этого можно также привести высказывание из «Дневника» Ф.М. Достоевского, оставленное им более чем через 10 лет после проведения судебной реформы:

Трибуна наших новых правых судов — решительная, нравственная школа нашего общества и народа, решительный университет...

Благодаря состязательному уголовному процессу с участием присяжных заседателей в среде прокуроров, адвокатов и судей начало формироваться новое поколение юристов с прогрессивным правовым мышлением, высокой нравственной и профессиональной культурой, чуждое казенно-бюрократическому отношению к правам человека, чиновничьему менталитету, коррупции, жестокости, формализму, судебным ошибкам в виде незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности неповинных людей. Неслучайно видный юрист *П.А. Александров* говорил:

¹ В России регулярно издавался популярный сборник «Судебные драмы», где освещались наиболее интересные процессы на родине и за рубежом.

Я проникнут традициями того времени, когда всякая непорядочность в прениях удалялась, а чистоплотность и порядочность прений считалась одним из лучших украшений суда.

П.А. Александров

Свобода, внезапно обрушивающаяся на российскую общественность, выдвинула на передний план человеческие личности, оставляя в тени публичные учреждения. Не суд, а судебный деятель, не адвокатура, а *адвокат* стали главными явлениями обновленной юридической жизни русского общества. Их имена, а не названия учреждений стали символом этого обновления.

С.А. Андреевский, П.А. Александров, К.К. Арсеньев, В.И. Жуковский, Н.П. Карбачевский, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, Д.В. Стасов,

В.И. Танеев, К.А. Урусов и другие выдающиеся юристы первыми оценили возможности судопроизводства как общественной трибуны. Для них правосудие стало средством формирования гражданских устремлений и правосознания. Они стремились пробудить творческую энергию судебной аудитории, вовлечь ее в процесс живого соразмышления, вызвать потребность в критическом анализе воспринимаемого, научить самостоятельному поиску правовой истины. Успешно применяя в своих выступлениях методы, пробуждающие познавательную активность, они заставляли аудиторию творчески мыслить и самостоятельно искать ответы на поставленные вопросы.

Характерный пример приводит попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков.

В 1878 г. 16-летний сын крупного саратовского помещика «прислал к отцу из Петербурга письмо такого приблизительно содержания: «Батюшка! <...> Был я на <...> процессе, слушал там речи адвокатов. О, какой новый свет они излили на меня, как много я узнал! Да, батюшка, я узнал так много, что с удовольствием сел бы на скамью подсудимых, с наслаждением принял бы участие в их деле»».

Трудно найти эпоху русской жизни, в которой устная речь благодаря гласному суду играла бы такую воспитывающую роль.

Как вспоминают слушатели выдающихся судебных ораторов XIX столетия, долго еще после каждого их выступления обсуждались высказанные ими мысли. Помогали этому и так называемые «формулы», которые предлагались аудитории. Обычно основная идея речи на суде концентрировалась в виде яркого образного

выражения, зачаровывая и восхищая присутствующих. Одной фразой замечательные художники судебного слова могли раскрыть характер описываемого преступного события, а иногда и целой человеческой судьбы. Так, раскрывая личностные особенности подзащитной, *Ф.Н. Плевако* блестяще привлекает необходимые данные о роли наследственности и семейного воспитания в становлении психологии человека.

В период запоя, в чаду вина и вызванной им плотской сладострастной похоти, была дана ей жизнь. Ее носила мать, постоянно волнуемая сценами домашнего буйства, страхом за своего груборазгульного мужа. Вместо колыбельных песен до ее младенческого слуха долетали лишь крики ужаса и брани да сцены кутежей и попок.

Ф.Н. Плевако

Гласный суд предоставил возможность более широко и наглядно изучать нравы людей, проводить (конечно, наряду с юридическим) психологический анализ дела — обстоятельств, улик, самой личности обвиняемого. Отмечая такую особенность в деятельности преимущественно русской адвокатуры, *С.А. Андреевский* говорил, что

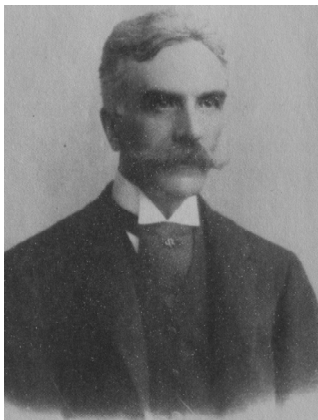
психология французских адвокатов не идет далее одной стереотипной фразы, повторяемой решительно в каждом деле: «Посмотрите на подсудимого: разве он похож на вора, убийцу, поджигателя и т.д.?» Но ссылка на внешность подсудимого, как на лучший довод в его пользу, равносильна сознанию, что его внутренний мир совершенно недоступен для защитника.

Гласный суд стал весьма серьезным источником собирания материалов для последующего психологического анализа, приводимого в художественных произведениях многими русскими писателями. В произведениях *Ф.М. Достоевского*, *Л.Н. Толстого*, *М. Горького*, *А.П. Чехова*, *Л.Н. Андреева*, *И.Ф. Горбунова* раскрывались не только внутренний мир и психические переживания лиц, совершивших преступление, но и те изменения в личности, которые возникают и порождаются процессом судопроизводства. Художественные произведения прогрессивных русских писателей помогли полнее выявить психологические проблемы судопроизводства, стали для всех поколений юристов источником ценнейших знаний об общих свойствах человеческой природы, проявляющихся при подготовке, совершении и сокрытии преступления, привели к постановке вопроса о не-

обходимости рассматривать осуждение не только как наказание, но и как воспитание, перевоспитание.

Так, С.А. Андреевский шедевры художественной классики считал даже более полезными для юристов, нежели специально-юридические трактаты. В лекции для помощников присяжных поверенных «Об уголовной защите» он высоко оценил рассказы А.П. Чехова «Злоумышленник» и «Беда»:

Чехов — не юрист. Но кто же, даже самый лучший из нас, по тем двум обвинениям, которые я назвал (крестьянин Григорьев в «Злоумышленнике» по ст. 1081 и купец Авдеев в «Беде» по ст. 1154 Уложения о наказаниях. — *Прим. авт.*), когда бы то ни было произнес в суде что-нибудь до такой степени яркое и простое, до такой степени обезоруживающее всякую возможность преследования этих двух преступников (Григорьева и Авдеева), как то, что написал Чехов в этих двух коротеньких рассказах? А в чем же тайна? Только в том, что Чехов правдиво и художественно нарисовал перед читателем бытовые условия и внутреннюю жизнь этих двух, выражаясь по-нашему, своих клиентов.

С.А. Андреевский

В своем стремлении понять и раскрыть внутренние причины преступления судебные ораторы действовали в духе русской литературы, поставив исконные вопросы о сущности преступления и наказания. Глубокие и искренние приемы отечественной литературы в оценке жизни с ее великими открытиями в теневой области человеческой души и психологии преступления, перенесенные в суд, позволили им соединить дар психолога и темперамент художника. Так, Ф.Н. Плевако в защите Качки как лучшим доводом воспользовался разбором некрасовского стихотворения «Еду ли ночью по улице темной»;

В.О. Адамов неоднократно цитировал стихотворение Никитина «Вырыта заступом яма глубокая»; П.А. Потехин оправдал Кожевникова, зарезавшего свою любовницу, даже посредством... музыки, доказывая присяжным, какую невыразимую печаль на сердце вызывают мотивы вальса «Дунайские волны».

С ликвидацией системы формальных доказательств, провозглашением свободной оценки доказательств судом встал вопрос об особенностях восприятия доказательств судьями, особенно присяжными заседателями. Появилась возможность психологического воздействия на присяжных заседателей со стороны адвокатов и прокуроров.

Более внимательного изучения требовала личность преступника, так как создались условия для глубокого анализа в судебных речах их мотивов, побудительных причин, морального облика.

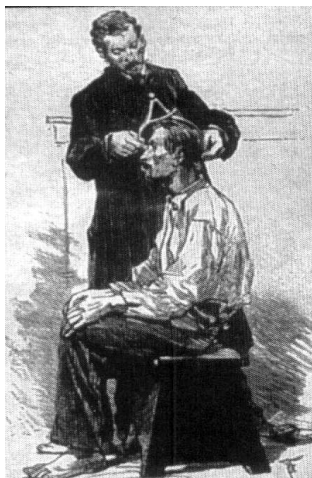
Значительная часть речей адвокатов той поры была посвящена вопросам психофизиологии и содержала множество тонких и обнаруживающих обширную эрудицию замечаний и характеристик из области уголовной физиологии и психологии. Так, В.Д. Спасович с особым вниманием исследовал чувствительный, мыслительный и волевой процессы в человеке.

Идея безжизненна в своем холодном состоянии, — говорил он, — ей нужно согреться чувством, чтобы перейти в живое дело.

Сделанные им (в особенности в деле Островлевой) анализы душевных недугов как болезней мышления и разбор их отличия от болезней чувств и воли дали ему вполне заслуженное право быть избранным в 1885 г. в члены Психиатрического общества при Императорской военно-медицинской академии. Свобода воли, обуславливающая собой вменяемость, по мнению Спасовича, выражается в действии трех главных мотивов человеческих деяний — страсти, ума (расчета) и нравственного чувства (совести), и наказание назначается за то, что один из двух первых мотивов оказался сильнее третьего, за то, что страсть одолела ум или ум наложил молчание на протестующую совесть...

В целом судебная реформа положила начало теснейшему и бесповоротному союзу науки и практики, юриспруденции и психологии. Доказательством этому служат актуальные и сегодня работы А.У. Фрезе «Очерк судебной психологии» (1871), Л.Е. Владимирова «Психические особенности преступников по новейшим исследованиям» (1877). В них высказывались идеи использования психологических знаний в конкретной деятельности судебных и следственных органов, привлечения к судопроизводству специалистов-психологов.

В конце XIX в. судебная психология постепенно оформляется в самостоятельную науку. Крупнейший ее представитель — Д.А. Дриль указывал, что психология и право имеют дело с одними и теми же явлениями — «законами сознательной жизни человека» («На что должна быть направлена карательная деятельность? Пси-

В российской антропометрической лаборатории (конец XIX в.)

хологический очерк». СПб., 1881). В другой работе («Психологические типы в их соотношении с преступностью... Частная психология преступности». СПб., 1890) Д.А. Дриль, анализируя общие механизмы преступного поведения, приходит к выводу, что один из этих механизмов — ослабление у преступников способности «властно руководствоваться предвидением будущего».

Выдающийся юрист *А.Ф. Кони*, уделяя большое внимание связи уголовного права с психологией, не только читал курс лекций «О преступных типах», но и опубликовал ряд содержательных работ. Так, в работе «Память и внимание» он писал:

Судебные деятели по предварительному исследованию преступлений и рассмотрению уголовных дел на суде должны иметь твердую почву сознательного отношения к доказательствам, среди которых главнейшее, а в большинстве случаев и исключительное, место занимают показания свидетелей, для чего в круг преподавания на юридическом факультете должны быть введены психология и психопатология.

Вместе с тем в России получает распространение антропологическая теория *Ч. Ломброзо*. Согласно ей, преступление имело биологическую природу, которая измерялась точными морфоанатомическими характеристиками. Психика преступника начинает рассматриваться как психопатология — состояние, близкое к психическому заболеванию.

Одновременно с критическим анализом теории *Ч. Ломброзо* начинают складываться самостоятельные судебно-психологические воззрения русских ученых. Так, профессор МГУ *Д.Н. Зернов* на обширном материале показал несостоятельность надуманных представлений об атавистических признаках преступника, доказав, что неправильности черепа, которые сторонниками антропологического направления оценивались как стигмы врожденного преступника, представляют собой индивидуальные особенности лиц, перенесших родовые травмы, интоксикации, тяжелые соматические заболевания, ушибы, переломы костей лицевой и затылочной частей головы, а также страдающих психическими болезнями, имеющими соматическую почву. Основательной критике труды *Ломброзо* в криминологическом аспекте подверг и русский криминалист *Е.Н. Ефимов*, доказавший полную несостоятельность биологических взглядов на преступность.

1.3.3. Отечественные юридико-психологические исследования в первой половине XX в.

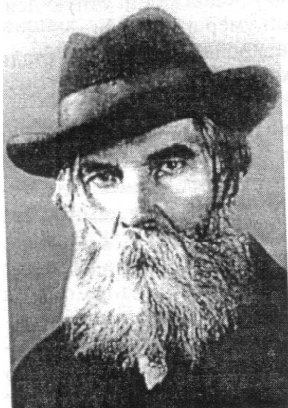
Наряду с дальнейшей разработкой проблем судебной психологии характерной особенностью *начала XX столетия* стало формирование психологической школы права, основоположником которой считается

польский юрист и социолог *Л.И. Петражицкий* — руководитель кафедры истории философии права в Санкт-Петербургском университете. Полагая, что науки о праве и государстве должны базироваться на анализе психических явлений, Петражицкий социальную обусловленность права подменил психологической обусловленностью. Он утверждал, что реально существуют только психические процессы, а социально-исторические образования — их внешние проекции. Петражицкий, находясь под влиянием фрейдизма, преувеличивал роль подсознательно-эмоциональной сферы психики в поведении людей, в формировании правовых норм. Психологическая школа права исходила из полной совместимости права и психологии. Юридическая психология не была осмыслена психологической школой права как пограничная область между правом и психологией. Однако, несмотря на общую несостоятельность психологической школы права, она привлекла юристов к психологическим аспектам права и оказала значительное влияние на развитие судебной психологии в начале XX в.

Л.И. Петражицкий

В 1907 г. по инициативе В.М. Бехтерева и Д.А. Дриля создается Научно-учебный психоневрологический институт для «изучения мозга и его отклонений...», в программу которого входила и разработка курса «Судебной психологии». В 1909 г. в рамках этого института учреждается Криминалогический институт. Судебной психологией начинают заниматься профессиональные психологи, и с этого времени она стала развиваться в России как самостоятельная прикладная отрасль психологии. В судебной психологии очерчивается круг сугубо специфических проблем — изучение психики преступников, свидетелей и других участников уголовного процесса, диагностика лжи и др. Итоги этой работы были обобщены *В.М. Бехтеревым* в труде «Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности» (СПб., 1912).

В.М. Бехтерев

В первые годы после Октябрьской революции судебная (криминальная) психология становится общепризнанной и авторитетной отраслью знаний. Уже на I Всероссийском съезде по психоневроло-

гии в 1923 г. работала секция криминальной психологии под руководством юриста С.В. Познышева. Съезд отметил необходимость подготовки криминалистов-психологов, а также целесообразность открытия кабинетов для проведения криминально-психологических исследований. Вслед за этим во многих городах организуются криминально-психологические кабинеты и кабинеты научно-судебной экспертизы. Структура кабинетов и направленность их деятельности были различными. В Саратове (кабинет криминальной антропологии) производились обследования лиц, совершивших преступление, в целях оказания помощи органам следствия и суда в изучении обвиняемого. При Минском кабинете по изучению преступности и личности преступника было организовано несколько секций, в том числе секция криминальной психологии и психиатрии. В Киеве психологические исследования проводились в секции криминально-психологических и психопатологических исследований Института научно-судебной экспертизы.

Санкт-Петербургский психоневрологический институт
им. В.М. Бехтерева

Психологическое обследование разделялось на четыре группы:

- (1) выяснение умственного развития;
- (2) исследование чувств (интенсивность, характер, способность к моральным оценкам);
- (3) исследование волевых данных (обдуманность действий, самостоятельность решений, настойчивость в проведении действий, способность владеть собой, привычки и навыки);
- (4) исследование основных мотивов жизнедеятельности.

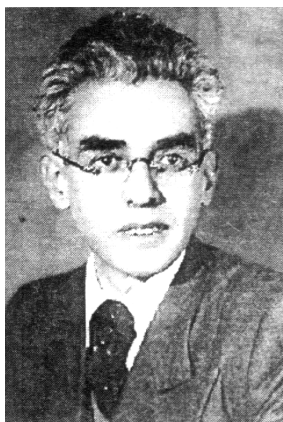
Исключительное разнообразие имелось и в направленности методов исследований. Так, если в Саратовском кабинете широкое

распространение при изучении личности имели психологические методы (наблюдения, беседы), то в деятельности Московского кабинета в основном использовались методы психиатрии. Сотрудники Московского кабинета рассматривали личность преступника как имеющую глубокие изменения в психике, граничащие с невменяемостью, и строили свою работу на применении психиатрических методов.

Проводилась работа и по экспериментальному развитию судебно-психологических исследований. Была сделана попытка составить общий план экспериментальных исследований одного из наиболее сложных вопросов — психологии свидетельских показаний.

При Московской губернской прокуратуре была создана лаборатория экспериментальной психологии, в которой *А.Р. Лурия* в течение пяти лет провел ряд опытов с целью выяснить, возможно ли объективным путем установить наличие аффективных следов, оставшихся от преступления в памяти преступника, и отличить причастного к преступлению от не причастного.

Взяв за основу разработанный психологами и криминалистами Западной Европы ассоциативный метод, *А.Р. Лурия* предложил ввести в него некоторые поправки (например, вести запись на приборе, показывающем быстроту реакции испытуемого на слова-раздражители). По его мнению, введение дополнительной *полиграфологической аппаратуры* при применении ассоциативного метода допроса поможет действительно объективно определять отношение человека к тем или иным фактам уголовного дела, его причастность к совершенному преступлению. Однако разработанный им метод не учитывал предусмотренных законом процессуальных норм при производстве следствия, необходимость строгого соблюдения прав обвиняемого, а поэтому не нашел применения на практике. Современные психофизиологические исследования полностью подтвердили правильность исходной гипотезы и выводы *А.Р. Лурии*.

А.Р. Лурия

В 1925 г. в Москве был создан первый в мире Государственный институт по изучению преступности и преступника. К работе в биопсихологической секции этого института были привлечены крупные психологи. За время своего существования (до 1929 г.) институт опубликовал около 300 работ, в том числе и по проблемам судебной психологии. Были выполнены многочисленные работы по изучению психологии заключенных, быта преступного мира, закономерностей формирования свидетельских показаний и причин

возникновения в них ошибок, теории и методике судебно-психологической экспертизы (А.Е. Брусиловский, М.Н. Гернет, М.М. Гродзинский, Я.А. Канторович, А.С. Тагер и др.). В основе этих работ лежали труды института по изучению мозга и психической деятельности, возглавляемого В.М. Бехтеревым, судебно-психологические труды А.Ф. Кони о процессах памяти и внимания, в которых он обобщал свой большой жизненный и житейский опыт по оценке поведения свидетелей и обвиняемых.

В 1930 г. состоялся 1-й съезд по изучению поведения человека, на котором работала секция судебной психологии. На этой секции были заслушаны и обсуждены доклады А.С. Тагера «Об итогах и перспективах изучения судебной психологии» и А.Е. Брусиловского «Основные проблемы психологии подсудимого в уголовном процессе». Однако в это время были допущены ошибки биологизаторского характера. Так, С.В. Познышев в своей работе «Криминальная психология. Преступные типы» подразделял преступников на два типа — внешне обусловленных (экзогенных) и внутренне обусловленных (эндогенных). Резкая критика этих ошибок в 1930-е гг., а также нарастающий психоз разоблачения за государственную измену «врагов народа» не только среди граждан, но и среди психологов привели к неоправданному прекращению судебно-психологических исследований.

Только начиная с 1960-х гг. стали снова обсуждаться насущные проблемы юридической психологии. Необходимость учета психических закономерностей стала осознаваться как одно из условий эффективности правового регулирования. Однако в период социального застоя развитие судебной психологии было замедленным. Разрабатывались лишь отдельные ее проблемы. В юридических вузах страны было введено преподавание общей и судебной психологии. Появляется ряд фундаментальных исследований по психологическим основам расследования, психологии допроса, исправительной психологии. В коллективном труде «Теория доказательств в советском уголовном процессе» (М., 1973) в главу «Процесс доказывания» был включен параграф «Психологическая характеристика познавательной деятельности в процессе доказывания» (автор А.Р. Ратинов).

1.3.4. Современное состояние отечественной юридической психологии

Возрождению в нашей стране юридической психологии и ее интенсивному развитию в последней трети XX в. способствовал прогресс психологической науки, рост квалификации психологов. Инициативные усилия в 1960-е гг. предпринимались *А.Р. Ратиновым, А.В. Дуловым, Л.Б. Филоновым, А.Д. Глоточкиным, В.Ф. Пирожковым.*

В 1971 г. была проведена первая Всесоюзная конференция по проблемам судебной психологии. На Съезде психологического

общества СССР стала функционировать секция «Судебная психология».

В структуре Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности был создан сектор психологических проблем борьбы с преступностью; в составе Академии МВД СССР организована кафедра психологии; во ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского создана лаборатория психологии. В отдельных юридических вузах начались исследования различных проблем юридической психологии (Москва, Ленинград, Харьков, Минск, Воронеж, Свердловск).

В структуре Академии МВД РФ был создан специализированный Ученый совет по защите диссертаций психолого-юридического профиля, в котором к настоящему времени защищено более 70 кандидатских и 20 докторских диссертаций, в том числе по концептуальным проблемам.

В 1970-х гг. ряд ведущих сотрудников Института государства и права РАН (*В.Н. Кудрявцев, В.С. Нерсесянц, А.М. Яковлев* и др.) инициировали исследование социологических и социально-психологических аспектов права. Усилиями этих ученых была осуществлена коренная переориентация правоведов в сторону гуманистической сущности права, был преодолен репрессивный уклон в его трактовке.

В 1983 г. Минвузом СССР была утверждена и издана массовым тиражом учебная программа по психологии для юридических вузов.

Итоги советского (доперестроечного) периода развития юридической психологии подвела Вторая Всесоюзная конференция, проведенная в г. Тарту (1986).

К концу XX в. отечественная юридическая психология оформилась в развитую отрасль научно-психологического знания, приобретает качественно новое состояние. Отчетливым признаком этого явился решительный выход за пределы первоначально зауженной области интереса. Исследованиями современной юридической психологии стали не только психологические вопросы судопроизводства, а почти все стороны правовой действительности. Первая попытка отразить новое научное состояние юридической психологии была предпринята в работе «Прикладная юридическая психология» (2001), вторая — в «Энциклопедии юридической психологии» под общей редакцией профессора *А.М. Столяренко*, которую можно считать главным в отечественной и мировой практике изданием подобного рода, подведшем итог 100-летнего развития юридической психологии.

В настоящее время сложилась современная школа отечественной юридической психологии, которую достойно представляют такие имена юристов и психологов, как *Ю.М. Антонян, В.А. Бакеев, Я.Я. Белик, Л.И. Беляева, Б.Г. Бовин, В.Л. Васильев, А.А. Волков, Н.И. Гаврилова, Ф.В. Глазырин, А.Д. Глоточкин, В.В. Гульдэн,*

М.Г. Дебольский, В.Г. Деев, В.Ф. Енгальчев, Г.Х. Ефремова, Е.П. Клубов, В.И. Коваленко, А.В. Кокурин, Л.П. Коньшева, Д.П. Котов, М.М. Коченов, М.В. Кроз, И.А. Кудрявцев, Т.Н. Курбатова, М.И. Марьин, В.В. Мельник, В.А. Носков, А.И. Папкин, Е.В. Петухов, В.Ф. Пирожков, В.М. Поздняков, Е.А. Пономарева, В.В. Романов, Е.Г. Самовичев, О.Е. Сапарин, П.И. Сергеюк, О.Д. Ситковская, В.Н. Смирнов, А.М. Столяренко, А.Н. Сухов, А.И. Ушатиков, В.И. Филиппенко, И.К. Шахриманьян, Ю.В. Чуфаровский, А.Г. Шестаков, Г.Г. Шиханцов, В.Е. Эминов, И.В. Якушев и др.

Значительный вклад в становление и развитие юридической психологии внесли ученые смежных областей знаний — педагогики, медицины, социологии: Н.А. Давыдов, О.В. Афанасьева, И.П. Башкатов, А.В. Буданов, И.В. Горлинский, Л.П. Гримак, И.Ф. Колонтаевская, В.М. Кукушин, А.В. Пищелко, В.Ю. Рыбников и др.

А.М. Столяренко

XXI век ставит перед юридическими психологами новые и все более сложные научно-прикладные задачи, связанные с укреплением законности и правопорядка. Осуществление демократизации и гуманизации системы управления требует коренных изменений в правовой системе. По оценке заслуженного работника высшей школы РФ, доктора психологических наук, доктора педагогических наук, профессора *Алексея Михайловича Столяренко*, перво-

степенное значение приобрела задача психологического обеспечения курса на создание в России правового государства и гражданского общества. Ее не решить только исследованиями проблем правоприменения, правоисполнения, специальной профилактики и борьбы с преступностью, т.е. по преимуществу следствий, а не основных первопричин состояния законности и правопорядка. Необходим широкий размах исследований и практических разработок по формированию и усилению правоутверждающей деятельности, направленной на формирование «духа права» в обществе, правовой психологии и культуры всех граждан, их правовой активности, конструктивного укрепления психологических позиций права и законности в деятельности государственных структур и сотрудников правоохранительных органов...

Задачи и перспективы развития российского общества, социальные ожидания народов России превращают юридическую психологию в отрасль научного знания, имеющую широкий проблемный простор, далекую научную перспективу и острую практическую актуальность.

1.4. Методы юридической психологии

1.4.1. Понятие метода в юридической психологии.

Классификация методов

Юридическая психология широко использует различные методы юриспруденции и психологии для раскрытия изучаемых ею объективных закономерностей.

Метод — это путь научного исследования или способ познания какой-либо реальности.

По структуре научный метод представляет собой совокупность приемов и операций, направленных на изучение или изменение психолого-правовых явлений.

По целям деятельности методы юридической психологии делятся на три группы.

1. Методы научного исследования. С их помощью изучаются психические закономерности человеческих отношений, регулируемые нормами права, а также разрабатываются научно обоснованные рекомендации для практиков, занимающихся работой по борьбе или предупреждению преступности.

2. Методы психологического воздействия на личность. Они применяются должностными лицами, ведущими борьбу с преступностью. Диапазон их применения ограничен рамками уголовно-процессуального законодательства и этики. Эти методы преследуют цели предупреждения преступной деятельности, раскрытия преступления и выявления его причин, перевоспитания преступников, адаптации (приспособления) их к условиям нормального существования в нормальной социальной среде. Эти методы, помимо их уголовно-процессуальной регламентации, основаны на научных методах психологии и тесно связаны с криминалистикой, криминологией, исправительно-трудовой педагогикой и другими дисциплинами.

3. Методы судебно-психологической экспертизы. Целью этих методов является наиболее полное и объективное исследование, проводимое экспертом-психологом по постановлению следственных или судебных органов. Диапазон применяемых в этом исследовании методов ограничен требованиями законодательства, регламентирующего производство экспертизы.

По этапам исследования методы юридической психологии делятся на:

(1) *организационные методы*, действующие на протяжении всего исследования:

- сравнительный — сопоставление различных групп людей по возрастам, образованию, деятельности и общению;
- лонгитюдный — многократное обследование одних и тех же лиц на протяжении длительного времени (например, много-

кратное обследование осужденных на протяжении всего срока отбытия наказания);

- комплексный — изучение с участием представителей различных наук, что позволяет установить связи и зависимости между явлениями разного рода (например, физиологическим, психологическим и социальным развитием личности);

(2) *эмпирические методы*:

- обсервационные — наблюдение и самонаблюдение;
- экспериментальные — лабораторный и естественный эксперимент;
- психодиагностические — тесты, анкеты, опросники, беседа;
- праксиометрические — анализ продуктов деятельности;
- биографические — анализ фактов, дат и событий жизненного пути человека, документов, свидетельств и т.д.

Эффективное применение эмпирического метода зависит от того, насколько он валиден, т.е. соответствует тому, для получения и оценки чего он изначально предназначался, и надежен, т.е. позволяет получить одни и те же результаты при повторном и многократном использовании;

(3) *методы обработки и обобщения данных*: количественный (математико-статистический) и качественный анализ результатов исследования (например, дифференциация материала по типам, группам, вариантам); описание случаев как наиболее полно выражающих типы и варианты, так и являющихся исключениями или нарушениями общих правил;

(4) *интерпретационные методы* — различные варианты генетического (анализ психики в плане развития с выделением отдельных фаз, стадий, критических моментов и т.п.) и структурного (установление структурных связей между всеми характеристиками психики) методов.

1.4.2. Метод наблюдения

Рассмотрим подробнее ряд эмпирических способов добывания научных данных. Одним из основных методов психологии является *метод наблюдения*, т.е. преднамеренное, систематическое и целенаправленное восприятие внешнего поведения человека в целях его последующего анализа и объяснения. Предметом наблюдения могут быть действия и поступки человека, его высказывания и сопровождающие их мимика, жесты, позы. Поскольку восприятие внешнего поведения человека носит, как правило, субъективный характер, не следует спешить с выводами. Необходимо многократно проверять результаты, сравнивать их с данными других исследований. Основным условием научности наблюдения выступает его объективность,

т.е. возможность контроля путем либо повторного наблюдения, либо применения других методов исследования (например, эксперимента).

Наблюдения бывают нескольких видов:

- *стандартизированное* — проведенное строго в соответствии с намеченной программой;
- *свободное* — не имеющее заранее установленных рамок;
- *включенное* — исследователь становится непосредственным участником того процесса, за которым ведет наблюдение;
- *скрытое* — примером может служить телепередача «Скрытая камера».

Наблюдение может быть *внешним* (наблюдение за человеком со стороны) и *внутренним* (самонаблюдение, интроспекция) — наблюдение за своими мыслями, чувствами.

Для психолога и юриста внешнее наблюдение является одним из основных методов изучения не только поведения человека, но и его характера, психических особенностей. По внешним проявлениям следователь, как правило, судит о внутренних причинах поведения, эмоциональном состоянии, затруднениях при восприятии события преступления, об отношениях к участникам расследования, правосудию и т.д. Важные данные могут быть получены следователем в результате наблюдения за поведением обыскиваемого и анализа результатов этого наблюдения. Некоторые юристы ведут дневники наблюдений. К примеру, на основе дневников Л. Шейниным изданы «Записки следователя».

1.4.3. Метод беседы

Психологи и юристы широко используют метод беседы. Специфическим видом правоохранительной беседы является *допрос*, т.е. привлечение к даче показаний, в ходе которого проверяются и уточняются многие рабочие гипотезы прокурора, следователя, дознавателя. Беседа служит основным способом получения информации об испытуемом, обвиняемом, свидетеле, потерпевшем: установках и мотивах их действий, психических состояниях, процессуальной позиции (противодействия, содействия, уклонения от сотрудничества) и т.д.

С учетом этих особенностей работник правоохранительных органов вырабатывает индивидуальный подход к допрашиваемому и вступает в контакт с ним. Такая беседа часто предшествует основной части допроса и достижению его главной цели — получению объективной и полной информации о событиях преступления. Одной из разновидностей беседы служит *интервью* — беседа следователя с лицом или группой лиц, ответы которых служат исходным материалом для научных обобщений.

1.4.4. Анкетный метод

Анкетный метод характеризуется однородностью вопросов, которые задаются относительно большой группе лиц для получения количественного материала об интересующих исследователя фактах. Этот количественный материал подвергается статистической обработке и анализу. В правоохранительной практике анкетный метод получил распространение при исследовании механизма образования преступного умысла, исследовании профессиограммы должностных лиц, их профессиональной пригодности и профессиональной деформации. В настоящее время анкетный метод широко используется теоретиками и практиками для исследования некоторых аспектов причин преступности.

1.4.5. Метод изучения документов и продуктов деятельности испытуемых

Большое значение в юридической психологии имеет метод изучения документов и продуктов деятельности испытуемых, т.е. изучение результатов физического и интеллектуального труда. Таковыми могут оказаться объекты, относящиеся к личности юриста или правонарушителя, а также к расследуемому или рассматриваемому судом правонарушению. По ним опытный исследователь может дать подробные типологические характеристики качеств (свойств) личности, увидеть характерные особенности, обнаружить наклонности, способности.

1.4.6. Биографический метод

В последнее время все более широкое распространение получает биографический метод изучения личности, который включает в себя изучение автобиографии, дневников, писем, воспоминаний и свидетельств очевидцев, а также аудио- или видеозаписей.

Биографический метод основан на изучении личности в контексте истории и перспектив развития ее индивидуального бытия и взаимоотношений со значимыми другими, направлен на реконструкцию жизненных программ и сценариев развития личности, пространственно-временной организации ее деловой, семейной, духовной жизни, природной и социальной среды.

1.4.7. Метод обобщения независимых характеристик

Стабильные данные о личности в целях изучения психологических особенностей ее юридической или иной трудовой деятельности дает метод независимых характеристик отечественного ученого *К.К. Платонова*. Современные разновидности этого метода — методы построения психологического портрета личности, специалиста, преступника.

При этом исследователь проводит опрос коллег, руководителей, других работников (всего 5—12 человек), хорошо знающих обследуемого специалиста. Эти лица составляют письменные характеристики испытуемого в произвольной или единой форме. Оценка черт личности проводится по шкале, позволяющей определить пять степеней проявления каждой черты:

- (1) развита очень хорошо, ярко выражена, проявляется часто и в различных видах деятельности;
- (2) заметно выражена, но проявляется непостоянно, хотя противоположная ей черта проявляется очень редко;
- (3) эта и противоположная ей черты выражены неярко и в проявлениях уравновешивают друг друга, хотя обе проявляются нечасто;
- (4) заметно более выражена и проявляется противоположная черта личности;
- (5) противоположная названной черта личности проявляется часто и в различных видах деятельности.

К.К. Платонов

1.4.8. Анализ материалов гражданского, административного или уголовного дела

Одним из часто применяемых методов юридической психологии является анализ материалов конкретного гражданского, административного или уголовного дела. При этом нужная информация для исследования содержится:

- в показаниях свидетелей, истцов, ответчиков, потерпевших, обвиняемого или подсудимого;
- в разнообразных справках, выписках, оригиналах медицинских, педагогических, производственных документов;
- характеристиках, протоколах процессуальных действий, заключениях проведенных экспертиз.

1.4.9. Метод тестирования

В психологической практике в настоящее время широкое применение получил метод тестирования, который когда-то в отечественной науке недооценивался. Теперь на вооружении имеется несколько тысяч тестов.

Тест (англ. test — проба, проверка) — это система заданий, позволяющих измерить уровень развития качеств (свойств) личности.

Тестирование используется как метод психологической диагностики. С его помощью исследователь на основе стандартизированных задач, которые имеют определенную шкалу значений, с известной вероятностью выявляет актуальный уровень развития у индивида необходимых навыков, знаний, личностных характеристик и т.д.

В юридической психологии наибольшее распространение получили проективные тесты и личностные опросники.

Проективные тесты предназначены для выявления личностных установок, так как провоцируют человека на то, чтобы он их раскрыл. Наиболее распространенными среди них являются тест Роршаха (с использованием чернильных клякс), тест тематической апперцепции (ТАТ) Мэррея, тест Розенцвейга (фрустрационный), тесты на основе рисунков и др.

Например, ребенка просят нарисовать родителей. В зависимости от того, чья фигура нарисована более крупной — отца или матери, можно сделать вывод о том, кто доминирует в семье — отец или мать. Существует, например, тест, изучающий правосознание: излагается случай, который допускает разные толкования как самого факта, так и вопросов права, и предлагается сделать выбор между возможными решениями. Таков тест Мира-и-Лопеца о супружеской неверности. Опрашиваемого просят поставить себя на место обманутого супруга и выбрать одно из десяти возможных решений: убить соперника, убить виновницу, уйти от него, расторгнуть брак и т.д.

Личностные тесты построены по принципу самооценки человеком себя. Среди них наиболее известен тест «ММРІ», содержащий 384 утверждения. По результатам ответов составляется психологический профиль личности.

Аналогично построены опросники Тейлора и Айзенка: первый определяет уровень тревожности личности, второй — степень замкнутости, общительности, эмоциональной неуравновешенности. Опросник Айзенка также дает возможность определить тип темперамента и некоторые характерологические свойства.

В юридической практике тесты наиболее широко используются при проведении судебно-психологической экспертизы и изучении личности преступника.

1.4.10. Эксперимент

Одним из основных методов научного познания вообще и психолого-юридического исследования в частности выступает *эксперимент*. Данный метод с конца XIX в. стал ведущим в психологической науке и ее отраслях. От наблюдения и других методов он отличается активным вмешательством в ситуацию со стороны исследователя. Выделяют два вида эксперимента — лабораторный и естественный.

Лабораторный эксперимент проводится в специально создаваемых и контролируемых условиях, как правило, с применением специальной аппаратуры и приборов.

Естественный эксперимент вырос из педагогической практики и получил в ней широкое применение и признание. Идея проведения психологического эксперимента в естественных условиях принадлежит отечественному психологу *А.Ф. Лазурскому*. Суть его заключается в том, что исследователь оказывает воздействие на испытуемых в привычных условиях их деятельности. Испытуемые зачастую и не подозревают, что участвуют в эксперименте.

В практике психолого-юридических исследований получили распространение как лабораторные, так и естественные эксперименты. Лабораторный эксперимент используется в основном в научных исследованиях, а также при проведении судебно-психологической экспертизы. Для него характерно применение довольно сложного лабораторного оборудования (многоканальные осциллографы, тахистаскопы и пр.). С помощью лабораторного эксперимента исследуются, в частности, такие профессиональные качества юриста, как внимательность, наблюдательность, сообразительность и др.

К недостаткам лабораторного эксперимента следует отнести трудность использования лабораторной техники в реальных ситуациях практической деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью, а также отличие протекания психических процессов в лабораторных условиях от их протекания в обычных условиях.

Эти недостатки преодолеваются при использовании метода естественного эксперимента. В настоящее время естественный эксперимент применяется должностными лицами, ведущими борьбу с преступностью, в первую очередь следователями. Применение его в этих случаях не должно выходить за рамки уголовно-процессуальных норм. Это относится к проведению следственных экспериментов, целью которых является проверка определенных психофизиологических качеств потерпевших, свидетелей и других лиц. В сложных случаях рекомендуется для участия в них приглашать специалиста-психолога.

Результаты эксперимента также позволяют подтвердить, уточнить либо отвергнуть предварительно разработанную модель воздействия на личность, группу или коллектив. Представляет интерес, например, работа следователей, которые путем замены некоторых

А.Ф. Лазурский

факторов, постоянно воздействующих на обвиняемого, достигают изменения последним его позиции, линии поведения на предварительном следствии. При этом обвиняемый начинает говорить правду под влиянием родственников, товарищей по работе, других обвиняемых, вставших на путь признания. Воздействие этих лиц осуществляется под руководством следователя, который в данном случае одновременно играет роль экспериментатора, психолога и педагога, выступающего в начальной стадии исправления правонарушителя (признания им своей вины).

1.4.11. Метод экспертных оценок

В последнее время получил развитие *метод экспертных оценок*, сущностью которого является использование мнений специально отобранных экспертов о некоторых динамических показателях, характеризующих тенденции развития правовой психологии, отдельных элементов ее предмета, полученных обобщенных данных эмпирических исследований и т.п.

1.4.12. Правомерность применения и значение методов юридической психологии

Следует особо отметить, что все применяемые в юридической деятельности психологические методы не должны противоречить этическим нормам, ущемлять права граждан, гарантированные Конституцией РФ, противоречить требованиям уголовно-процессуального закона, принципам законности и гуманности. В этой связи по этическим соображениям не могут быть реализованы в реальных условиях многие формирующие эксперименты (например, по изучению закономерностей формирования преступных группировок, массовых беспорядков и т.п.), а также применены унижающие или игнорирующие общечеловеческое достоинство «программы изменения поведения».

Изучение и применение методов научной психологии имеют практическую ценность для будущих юристов. Они необходимы в работе с персоналом и социальными группами, кроме того они помогают правильно построить профессионально-деловые и повседневные межличностные отношения, а также призваны помочь в самопознании, с тем чтобы рационально подходить к собственной судьбе и личностному росту.

Контрольные вопросы

1. Сформулируйте предмет юридической психологии.
2. Каковы функции и задачи юридической психологии?
3. С какими смежными психологическими и правовыми дисциплинами связана юридическая психология?

4. Раскройте структуру (основные направления) и принципы юридической психологии.
5. Назовите методологические принципы юридической психологии.
6. Назовите основные этапы становления юридической психологии за рубежом.
7. Дайте характеристику периода предьстории использования юри- дико-психологических знаний в России и за рубежом.
8. Раскройте основные вехи развития юри- дико-психологических знаний в России.
9. Каково значение Судебной реформы 1864 г. в усилении роли психологических знаний?
10. Кто в настоящее время представляет школу отечественной юри- дической психологии?
11. Назовите психолого-юридические методы научного исследования и дайте им классификацию.

Литература

1. *Андреевский С.А.* Драмы жизни. Пг., 1916.
2. *Бегунова Л.А.* Психологические методы в оперативно-розыскной деятельности // История органов внутренних дел России. Вып. 4. М., 2001.
3. *Психология общения* / Под общ. ред. А.А. Станкевича. М.: Грамота, 2011.
4. *Валишевский К.* Роман императрицы. Екатерина II, императрица Всероссийская. СПб., 1908.
5. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник для вузов. СПб., 2003.
6. *Васьковский Е.В.* Организация адвокатуры. СПб., 1893. Ч. 1.
7. *Гессен И.В.* Адвокатура, общество и государство (1864—1914) / Сост. С.Н. Гаврилов. М., 1997.
8. *Гессен И.В.* Судебная Реформа. СПб., 1905.
9. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1876 год. Май — октябрь. Подготовленные материалы // Полн. собр. соч. Т. 23. Л., 1981.
10. *Дулов А.В.* Введение в судебную психологию. М., 1970.
11. *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. М., 1996.
12. *Ефимов Е.* Природа преступления. М., 1914.
13. *Зернов Д.* Критический очерк анатомических оснований криминальной теории Ломброзо. М., 1896.
14. *Кони А.Ф.* Отцы и дети Судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных Уставов. М., 2003.
15. *Кони А.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1967.
16. *Короленко В.Г.* Собр. соч. М., 1953. Т. 5. С. 334—335; М., 1955. Т. 9.
17. *Лохвицкий А.В.* О наших ходатаях по делам... // Русское слово. 1860. № 2.

18. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути: Науч. автобиография. М., 1982.
19. *Мельник В.В.* Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000.
20. *Отчет* Министерства юстиции за сто лет. 1801—1901 гг.: (Исторический очерк). СПб., 1902.
21. *Петрухин И.Л.* Оправдательный приговор и право на реабилитацию: Монография. М.: Ин-т государства и права РАН, 2008.
22. *Потехин П.А.* Отрывки из воспоминаний адвоката // *Право*. 1900. № 47.
23. *Ратинов А.Р.* Судебная психология как наука // *Юридическая психология: Хрестоматия* / Сост. В.В. Романов, Е.В. Романова. М., 2000.
24. *Речи* известных юристов. М., 1985.
25. *Российское законодательство X—XX веков: В 9 т.* / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1991. Т. 8.
26. *Русская защита: Нашумевшие уголовные процессы. Сенсационные аферы* / Сост. М.А. Анашкевич. М., 2003.
27. *Спасович В.Д.* Застольные речи (1873—1901). Лейпциг, 1903.
28. *Томсинов В.А.* Императрица Екатерина II о законах и законности. Статья вторая // *Законодательство*. 2001. № 10.
29. *Традиции адвокатской этики: Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX — начало XX в.)* / Сост. И.В. Елисеев, Р.Ю. Панкратов. СПб., 2004.
30. *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866—1904 гг. Тула, 2000.
31. *Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: вторая половина XVIII в.* М., 1959.
32. *Энциклопедия юридической психологии* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2002.
33. *Юридическая психология. ЮНИТА 1* / Сост. В.М. Поздняков. М., 2002.
34. *Юридическая психология: Сб. науч. тр. НИИ при Генеральной прокуратуре РФ.* М., 1998.
35. *Concise encyclopedia of psychology.* Second edition. Edited by Raymond J. Corsini, Alan J. Auerbach. John Wiley & Sons, Inc., 2006.

После изучения данной главы студент будет *знать*:

- задачи правовой и превентивной психологии;
- сущность правовой социализации личности;
- принципы правового воспитания личности;
- психологические критерии правовой культуры личности и общества;
- условия эффективности функционирования правовых норм;
- психологические особенности девиантного и аддиктивного поведения личности;
- психологическую составляющую деятельности различных государственных органов и общественных организаций в профилактике преступлений среди несовершеннолетних;

уметь:

- свободно оперировать основными понятиями, категориями правовой и превентивной психологии;

владеть:

- системой психологических приемов, способствующих повышению правовой культуры граждан.

2.1. Проблемы правовой психологии

2.1.1. Понятие правовой психологии

Правовая психология — раздел юридической психологии, изучающий психологические особенности отражения правозначимых явлений в сознании общества, отдельных социальных групп и индивидов, интернализацию (присвоение) личностью правозначимых ценностей, социально-психологические аспекты эффективного правотворчества, правовой социализации личности, формирование и функционирование правосознания, психологические условия правоисполнительного и правонарушающего поведения.

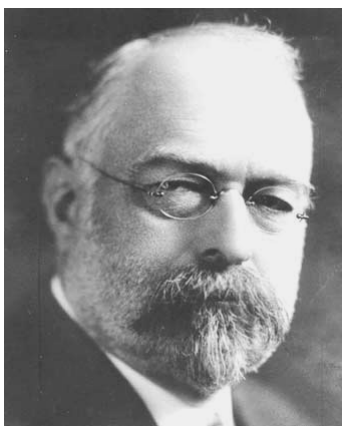
Практическая значимость этого направления исследований во многом обусловлена ролью правосознания в системе правового регулирования общественных отношений. От состояния массового сознания, адекватного и своевременного его выявления и использования в значительной степени зависят режим законности в обществе,

уровень борьбы с преступностью, вовлеченность граждан в решение проблем укрепления правопорядка.

Вместе с тем правовой психологией исследуется не только мир психических явлений и процессов, вовлеченных индивидом, группой или обществом в осознание правозначимых явлений, но и область бессознательного, находящее выражение в таких формах восприятия правовой действительности, как стереотипы, привычки, автоматизмы, интуиция, привычные действия, социальное возбуждение (паника), а также в стремлениях, действиях, установках, ошибках и заблуждениях.

2.1.2. Правовая социализация личности

Термин «социализация» (от лат. *socialis* — общественный) заимствован из политэкономии и применительно к развитию человека стал использоваться в последней трети XIX в., когда американский социолог *Ф.Г. Гиддингс* в книге «Теория социализация» (1887) употребил его в значении, близком к современному.

Ф.Г. Гиддингс

В настоящее время социализация личности означает осознание человеком (гражданином) своей социальной роли, места в социальной структуре, общества, выработку самосознания представителя определенных социальных групп, активное включение в социальные отношения, наполнение их личностным содержанием.

Объективно содержание процесса социализации определяется заинтересованностью общества в том, чтобы его члены успешно овладели необходимыми знаниями, умениями и навыками (педагогическая социализация), стали субъектами экономической жизни (профессиональная социализация), создали семью (семейная социализация), участвовали в управлении государством (политическая социализация) и т.д.

Смысл же правовой социализации личности состоит в приобщении ее к правовым нормам, ценностям, к нравственной и правовой культуре, сознательной социально-активной деятельности.

Применительно к личности юриста правовая социализация выступает в качестве адаптационного процесса, в рамках которого он воспринимает специфику профессиональной деятельности с точки зрения ее юридического содержания, вырабатывает познавательное, эмоционально-оценочное и поведенческое отношение к ней и таким

образом формирует внешнюю и внутреннюю готовность к выполнению своих функциональных обязанностей.

Как правило, выделяют три основных пути правовой социализации личности: научение, приобретение личного опыта, символическая социализация.

Социализация посредством *научения* основывается на приобретении знаний и усвоении тех моральных и правовых норм, которые прививают уважение к известным правилам политической и правовой системы и социальным ролям. В этот процесс включаются нравственные, политические и правовые нормы, знание общественных и политических институтов, механизмов их функционирования и т.п.

Социализация посредством *приобретения личного опыта* представляет собой продукт собственного социального, политического и правового поведения и деятельности личности. Через различные роли, которые приходится выполнять, человек усваивает многообразные принципы организации общества и функционирования государственно-правового (политического) режима. Он проверяет на практике усвоенные нормы и ценности. В зависимости от степени разрыва между этими нормами и личным опытом первоначальные установки могут быть подвержены усилению или деформации.

Символическая социализация — не менее существенный канал воздействия на сознание и поведение личности. Суть ее состоит в том, что личность вырабатывает свою систему значений понятий не на основе прямого включения в социальную, политическую и юридическую практику, а на основе представлений, возникающих из оценок и реакций на них микро- и макросреды.

Общепризнан факт, что психическое развитие отдельной личности представляет собой социальный процесс. С рождением человек вступает в мир ценностей, поддерживаемых и охраняемых системой социальных норм, предписаний, запретов и санкций, которые обеспечивают возможность человеческого общежития и стабильность общественной системы. Усвоение индивидом моральных и правовых ценностей, норм и стандартов поведения осуществляется на протяжении всей его жизни и идет в русле процесса его социализации. Начальные элементы правовой культуры познаются им с самого раннего возраста из различных источников: от близких ему людей, учителей, из литературы, средств массовой информации и др. В различных ролевых ситуациях он усваивает знания о требованиях норм права, приобретает навыки и умение должного, социального одобряемого поведения. По мере взросления с повышением уровня ролей пополняются и его знания в области права и морали. Наряду со стихийным характером их приобретения, усвоения действующих в обществе ценностей и норм ведущую роль начинает играть целенаправленное нравственно-правовое воспитание.

Социальные нормы являются необходимой составной частью любой сферы социализации личности. Будучи объективной реальностью, они ориентируют личность в сложных процессах социальной жизни, нацеливают ее на избрание социально-одобряемого поведения и деятельности. Процесс их присвоения личностью, называемый *интериоризацией*, содержит в себе несколько аспектов: познавательный (знание и понимание действующих в обществе социальных норм); аксиологический (оценку норм как справедливых); деонтологический (признание норм обязывающими) и поведенческий (способность личности действовать в соответствии с требованиями норм).

Процесс социализации личности можно разделить на три этапа:

- (1) становление человеческой личности, ее формирование. Этому способствует семья, где человек усваивает целую систему ценностей, определяющих в дальнейшем его нравственную и социальную позицию. Данная ступень — исключительно важный момент нравственно-правовой социализации личности, хотя нуждается в дальнейшем развитии;
- (2) восприятие нравственным сознанием индивида норм права в форме закона. На этой ступени в личности человека формируются качества гражданина;
- (3) третий этап имеет место только тогда, когда право воспринимается субъектом как нравственная ценность. На данной ступени нравственные ценности и нормы права отражаются в сознании индивида в теснейшем единстве, т.е. когда можно говорить о полной включенности индивида в общественные процессы.

Только на этой, третьей, ступени развития правовые ценности приобретают для человека конкретную значимость и выступают средством формирования активной, одобряемой обществом жизненной позиции личности. Конечным результатом такой социализации является *правовая социализированность*. Вместе с тем данный феномен имеет мобильный характер, а потому может превратиться из успешной в неудачную, и в этом случае возможность вновь достичь успеха зависит от способности личности адаптироваться к новым условиям. Именно поэтому возникло понятие *«ресоциализация»* — изменение ставших неадекватными ценностей человека в соответствии с новыми социально-правовыми предписаниями.

Задача правовой психологии — учитывая тенденции социализации на каждом этапе развития общества, использовать ее позитивные и компенсировать негативные потенции в процессе правового воспитания.

2.1.3. Дефекты в правовой социализации личности

Дефекты в правовой социализации личности могут возникать еще на ранней стадии ее развития из-за конфликтов с родителями, воспитания в социально неблагополучных семьях (криминогенных, аморальных, проблемных, неполных, псевдоблагополучных, маргинальных), трудностей саморегуляции в школе, сближения с неформальными асоциальными группами сверстников и т.д. Следствием этого может быть совершение как незначительных правонарушений, так и серьезных преступлений.

Особо отметим, что в качестве важной предпосылки к противоправным деяниям в последние годы часто указывается влияние *особой ментальности*, сложившейся в российском обществе *советского периода*. Она часто приводила и приводит по сей день или к недооценке значения права (правовой нигилизм), или к легкомысленному, безответственному отношению к требованиям закона (правовой инфантилизм), или же к активному неприятию норм права (правовой негативизм).

Длительное существование в нашей стране тоталитарного режима явилось причиной того, что у большинства социальных групп и общества в целом доминирующим представлением стала карательная функция закона, а сами законы и другие нормативные акты воспринимаются преимущественно как обязанность личности перед государством. Игнорирование в законотворческой деятельности личности в качестве главной правовой единицы отразилось на акцентуированном противопоставлении норм и мер правового воздействия, зафиксировавших приоритетность отношений к государству и его институтам по сравнению с правами конкретного человека. Низкая правовая культура должностных лиц, усугубляемая отсутствием реальной ответственности за отступления от норм права, чаще всего становится причиной неуважения к праву и пренебрежения им.

Негативное влияние на советских людей оказала и *чрезмерная идеологизация частнопредметной сущности гражданского права*. В связи с этим у людей практически была подавлена личная инициатива, а также заблокирован ведущий механизм творческого развития — чувство собственного достоинства.

В целом в условиях тоталитарного государства правовое поведение большинства советских людей строилось не на основе развитых внутренних правовых убеждений, а лишь на конформно-исполнительском (мы как все) или на вынужденно законопослушном уровне (подчинение закону в силу боязни наказания).

Взятый в *постсоветский период* курс на восстановление общечеловеческих ценностей, что, прежде всего, зафиксировано в статьях Конституции РФ, и одновременно активная разработка различных правовых кодексов вселяют определенный оптимизм. Об этом

очень много пишут сами разработчики законодательства. Однако данные психолого-правовых исследований свидетельствуют о том, что тенденция к резкому разгосударствлению заключает в себе и существенные противоречия.

Изучение общественного сознания и психологии, а также социальные реалии все настойчивее констатируют утрату гражданами доверия к власти и социальным институтам, отчуждение значительного числа населения страны от политических, нравственных и правовых ценностей, приводящее к снятию нравственных и правовых барьеров. Все большее число граждан России теряют основные черты и характерологические особенности российского этноса, духовно-нравственные стереотипы поведения, складывавшиеся и существовавшие веками.

Для современной молодежи основными становятся материальные блага и все менее значимыми — общечеловеческие нравственные ценности. Культура и психология, ценностные ориентации, демонстрируемые и активно пропагандируемые средствами массовой информации с их агрессивностью, вседозволенностью, открытым отрицанием складывавшихся веками моральных норм общественной жизни, отражают нормы поведения скорее завоевателя, а не человека цивилизованной, экономически развитой системы.

В общественном и групповом сознании набирают силы мораль и психология криминальной части населения, что оказывает негативное воздействие и на традиционные, и на рыночные ценности, действующие в условиях цивилизованной рыночной экономики. Все это находит отражение в современной преступности. В последние несколько лет отмечаются существенные качественные изменения, чаще всего проявляющиеся в мотивации преступного поведения, личности преступника и потерпевшего, что необходимо учитывать при организации и осуществлении успешной борьбы с современной преступностью.

Данные психолого-правовых и криминологических исследований, в том числе материалы изучения уголовных дел (в первую очередь по наиболее тяжким насильственным преступлениям) показывают некоторые такие изменения.

Прежде всего, широкое распространение получили *примиренческое отношение к преступлениям и гражданская пассивность*, которая в определенной мере обусловлена тем, что все большее число граждан тем или иным образом входит в сферу преступности — все теснее контактирует с лицами, совершающими преступления или входящими в преступные группировки (члены семьи, соседи, знакомые и др.); знакомится со взглядами, представлениями, установками, нормами поведения и общения, характерными для лиц, совершающих преступления, пассивно принимает эти взгляды и нормы или соглашается с ними.

Все большее число граждан, судя по данным психолого-правовых исследований, готово вынести свое внесудебное решение и учинить расправу лично или обратиться за соответствующей помощью к наемным исполнителям, наемным убийцам. Причем нередко основным и единственным препятствием становится отсутствие для этого средств, денег или же незнание того, к кому можно обратиться с подобным предложением, т.е. незнание конкретных «киллеров».

Женщина, подозреваемая в найме лиц для совершения умышленного убийства вымогателей, которые требовали у ее взрослого сына в счет долга квартиру, машину и деньги, отрицала свою вину лишь тем, что «она малообеспеченный человек» и не в состоянии заплатить наемным убийцам (следствие полностью согласилось с подобным доводом подозреваемой, по-видимому считая его действительно веским доказательством непричастности к преступлению). Или другой пример. Отец девушки, подвергнувшейся насилию, чтобы отомстить преступникам, готов нанять «киллера», но не знает, к кому обратиться, и просит помощи у редакции известной молодежной газеты: «Помогите, люди добрые, нанять киллера».

Своеобразное привыкание к преступности, преступным проявлениям, как бы «примирение» с ее существованием проявляются там, где это не затрагивает и не ущемляет личных интересов или, наоборот, способствует их удовлетворению. В этих случаях преступность рассматривается как неизбежное явление, как определенная деятельность. Например, анализ материалов уголовных дел показал, что родственники, члены семьи или соседи лиц, входящих в преступные группировки, в течение ряда лет не имеющих официального места работы или легального занятия, знают, чем они занимаются, и относятся к этому как к должному, как к одному из видов «работы», т.е. *разделяют представления самих преступников* о том, что совершаемые ими преступления, в частности рэкет, — это просто их работа (например, преступники возлагают на могилы своих «безвременно ушедших» соучастников венки с надписями «От товарищей по работе»).

Возможно, именно в таком «привыкании» к преступности, в примирении с ней населения проявляется и прослеживается одно из самых тяжелых последствий девальвации прежних ценностей и морали и затяжного экономического кризиса. Еще французский социолог *Э. Дюркгейм* в разработанной им теории аномии (от франц. *anomie* — беззаконие, безнормность) показал, что во время экономических

Э. Дюркгейм

кризисов или радикальных социальных перемен жизненный опыт людей перестает соответствовать идеалам, воплощенным в социальных нормах. Социальные нормы разрушаются, люди испытывают состояние дезориентации, и все это в совокупности способствует коллективной девиации, проявляющейся в росте преступности и в других негативных явлениях наших дней, «анитдемократизме» и «антилиберализме», вере в харизматического лидера, межнациональной нетерпимости, ксенофобии, мессианстве, враждебности к Западу (Востоку), ставке на примитивное насилие, алогичной враждебности в отношении предполагаемых виновников «всех бед», экспансии православной церкви во все сферы жизни общества (духовную, культурную, образовательную), проявлении массового доверия примитивным социально-правовым рецептам типа «все отнять и поделить», веры в какой-то собственный путь общественного развития, отрицание страшных последствий коммунистического тоталитарного режима и т.д.

Таким образом, самая очевидная *цель правовой социализации* — обеспечение правомерного поведения, что предполагает формирование у личности такого интегрального правового образования, как *правосознание*, которое связано с процессом социализации двояко.

А.Р. Ратинов

Во-первых, жизненный опыт и практика человека оказывают влияние на формирование его установок, отношений, ценностных ориентации в правовой сфере. Содержание правосознания человека (его правовая информированность, оценка правовой действительности, мотивация правомерного поведения) зависит от его социальных связей, от степени включенности в правовую культуру общества, а также от вовлеченности в асоциальные группы, которые влияют на усвоение правовой информации.

Во-вторых, правосознание не только отражает правовой опыт человека, но и мотивирует его поведение.

По меткому замечанию отечественного юриста *А.Р. Ратинова*, формируясь под воздействием внешних влияний, оно, по принципу обратной связи, направляет практику людей, ориентирует их на поиск оптимального разрешения правовых ситуаций, в которых они оказываются, т.е. выполняет функцию регулятора поведения...

2.1.4. Правовое воспитание личности

Смысл любого воспитания (нравственного, гражданского, религиозного, эстетического, физического и т.д.) заключается в осмысленном

и целенаправленном возвращении человека в соответствии со спецификой целей, групп и организаций, в которых оно осуществляется. В его основе лежит социальное действие, которое немецкий ученый *М. Вебер* определял как направленное решение проблем, сознательно ориентированное на ответное поведение партнеров и предполагающее субъективное осмысление возможных вариантов поведения людей, с которыми человек вступает во взаимодействие.

В отличие от социализации — процесса относительно стихийного и нелокализованного в пространстве и во времени *правовое воспитание включает в себя целенаправленную деятельность государства, общественных организаций, отдельных граждан по передаче юридического опыта; систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования определенных позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентации, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм.*

Содержанием правового воспитания является приобщение людей к знаниям о государстве и праве, законности, правах и свободах личности, выработка у граждан устойчивой ориентации на законопослушное поведение.

Правовое воспитание — сложная и многоаспектная система деятельности. Конечно, многие правовые ценности, имея основу и происхождение в моральных нормах, усваиваются личностью в процессе разнообразной социальной практики, через иные, неправовые формы и каналы формирования общественного сознания. Однако правовое воспитание предполагает создание специального инструментария по донесению до разума и чувств каждого человека правовых ценностей, превращение их в личные убеждения и внутренний ориентир поведения.

В современных условиях применяются самые разнообразные *формы правовой работы* с населением: правовой всеобщ; пропаганда права средствами массовой коммуникации; правовоспитательная работа в связи с теми или иными конституционными мероприятиями (референдумы, выборы и т.д.).

Система мероприятий правового всеобща включает работу специальных правовых семинаров, школ, курсов, которые организуются государственными и общественными органами как на коммерческой, так и на бюджетной основе. К формам правовоспитательной работы через средства массовой информации относятся беседы на правовые темы, «круглые столы» специалистов права, дискуссии по

М. Вебер

актуальным вопросам политико-правовых отношений, тематические передачи «Человек и закон», «Суд идет», комментарии нового законодательства специалистами и т.д.

Вторым важным элементом механизма правового воспитания выступают разнообразные *методы правовоспитательной работы* — приемы, способы разъяснения политико-правовых идей и принципов в целях воздействия на сознание и поведение личности в интересах правопорядка, которые подразделяются на общие и специальные.

К *общим методам правового воспитания* относятся конкретные и весьма многообразные приемы педагогического, эмоционального, логико-гносеологического воздействия на воспитуемых. Обучение этим приемам обычно осуществляют специально подготовленные методисты-референты по правовой пропаганде и воспитанию.

Важным методом правового воспитания является правовое просвещение, т.е. процесс распространения правовых знаний, способствующий росту общей юридической культуры и образованности населения. Главная цель правового просвещения в качестве метода правовой пропаганды — воспитание уважения к праву и законности как ценностной установки широких слоев населения России.

Специальные методы правового воспитания используются правоохранительными органами. Это контрольно-воспитательные и надзорные меры, которые применяются к определенной категории граждан, склонной к совершению правонарушений в случаях, прямо указанных в законе.

Основные принципы правового воспитания — это связь с жизнью, юридической практикой, научный характер, яркость и образность, а также ориентирование на укрепление законности, повышение авторитета закона, знание действующих норм и умение ими пользоваться.

Таким образом, формы, средства, методы и принципы правового воспитания выступают *организационным и методологическим механизмом*, с помощью которого субъекты правового воспитания воздействуют на общественное и индивидуальное сознание, помогая последнему воспринять правовые принципы и нормы.

2.1.5. Правовая культура общества и личности

Если правосознание является компонентом индивидуального, коллективного, группового или общественного сознания, то правовая культура есть часть общей культуры — культуры отдельной личности, общества, цивилизации. Правовая культура характеризует аксиологический аспект права: степень развития законодательства, прогрессивность юридической практики, культуру правового общения власти и населения, уровень законности, состояние гарантированности прав и свобод граждан, престиж юридической профессии, роль юридической науки и т.д. Правовая культура охватывает своим содержанием правосознание, но лишь в позитивных (развитых) формах его

выражения. Существенна для характеристики правовой культуры общества осуществляемая государством юридическая политика.

Таким образом, *правовая культура общества* охватывает все ценности, которые созданы деятельностью людей в области права; она пронизывает право, правосознание, правовые отношения, режим законности, складывающийся правопорядок, правовой менталитет нации и отдельных групп населения. Правовая культура в таком понимании есть качественное состояние правовой жизни социума. Явление правовой культуры так же объективно, как объективна его правовая жизнь. Она зафиксирована в памятниках права и в действующем законодательстве, проявляется в деятельности и в образе мышления участников правового взаимодействия и выступает следствием и показателем зрелости правовой системы. Культура в правовой сфере находит проявление на уровне общества и применительно к отдельным сферам общественной жизни, конкретным видам деятельности (художественной, управленческой, производственной и пр.).

На личностном уровне правовая культура отражает степень и характер правового развития личности, культуру ее правового поведения, образ жизнедеятельности в правовой сфере. Такая деятельность должна соответствовать прогрессивным достижениям общества в области права, вследствие чего должно происходить непрерывное правовое обогащение и самой личности, повышение степени ее зрелости, цивилизованности, неуклонное следование нормам и стандартам поведения в правовой сфере.

Следовательно, *правовая культура личности есть результат ее правовой социализации, которая характеризуется уважительным отношением к праву, достаточным объемом правовой информированности о содержании правовых норм, обеспечивающих правомерный характер ее действий во всех жизненных ситуациях.*

2.1.6. Условия эффективности функционирования правовых норм

Учитывая, что правовые представления, интерпретация права принадлежат к самым сложным психосоциальным явлениям, включающим комплекс исторических, государственно-институциональных, мировоззренческих, личностных детерминант и одновременно имеющих множество характеристик или измерений, в качестве основных групп условий, которые могут обеспечить эффективность функционирования правовых норм, выступают:

- (1) макросоциальные условия (реальные социально-экономические возможности общества, правовая система, социальные институты, правовая культура, общественное мнение, престиж права и т.д.);
- (2) микросоциальные условия (субкультуральные правовые ориентации в различных формальных и неформальных социальных группах, трудовых и иных коллективах);

(3) личностные условия (субъективная правовая активность в правотворчестве и правоисполнительном поведении).

Учет *макросоциальных условий* имеет целью гармонизировать объективные потребности общества, строящего правовое государство, и интересы его граждан. Это может быть достигнуто, если при разработке законов (в непосредственной работе государственных и общественных институтов) будут учитываться общественное мнение и уровень развитости правовой культуры населения в целом, предприниматься целенаправленные меры по научному обоснованию и повышению престижа права в обществе, осуществляться разноплановая профилактическая деятельность среди населения.

А.С. Ахиезер

Важно учитывать также особенности психологии народа. Так, отечественный философ А.С. Ахиезер в работе «Пути России: критика исторического опыта» (1991) убедительно показал, что типичным для менталитета русского этноса является господство инверсионной (лат. *inversio* — переворачивание, перестановка) логики. Исходя из этого вполне понятно, почему мгновенный переход общественного сознания от одной крайности к другой способствовал выходу субкультуры преступного мира с периферии общества на авансцену, поменяв «добро» и «зло» местами.

Учет *микросоциальных условий*, обеспечивающих эффективность норм права, предполагает реализацию социально-психологического мониторинга тенденций в развитии правовых субкультур, свойственных тем или иным социальным слоям и группам, которые всегда различаются практикой исполнения права, своеобразием его понимания. Например, в среде бизнесменов, где оборот товаров и денег проходит быстро, соблюдение определенных правовых формальностей может замедлить скорость и наращивание объемов торгово-финансовых операций. Поэтому здесь в определенной мере признана практика отступления от оперативного заключения юридических актов при продлении или заключении контрактов деловыми партнерами, и сделки, даже связанные с большим риском, могут заключаться под устное «честное слово», на основе телефонных договоренностей и т.п.

Учет *личностных условий* субъекта, реализующего право, требует прежде всего изучения соотношений внешней и внутренней право-

вой мотивации у конкретных типов людей, отличающихся большим разнообразием:

- убежденность в общественной пользе поступка;
- долг перед обществом;
- профессиональное чувство ответственности;
- практическая полезность поступка для другого;
- стереотипность поведения;
- конформизм (подчинение большинству);
- месть, ревность, эгоистические интересы, реализуемые правомерными средствами, и т.д.

Проиллюстрируем это положение следующим примером.

В одной камере следственного изолятора находились двое заключенных. Первый обвинялся в хищении государственной собственности в особо крупных размерах. Под давлением собранных улик, признавая в значительной части свою вину, этот человек говорил, что, совершая преступление, он заботился главным образом о своей семье, в особенности о детях, которые благодаря этим «заботам» ни в чем не нуждались.

Второй заключенный обвинялся, помимо других преступлений, в злостном уклонении от уплаты алиментов на содержание четверых детей в двух покинутых им семьях. Он также частично признавал свою вину и в качестве смягчающего обстоятельства отмечал, что всю жизнь работает на пользу общества, является честным тружеником, а в семейной жизни ему не повезло из-за дурных свойств характера его бывших спутниц жизни.

Оба заключенных постоянно конфликтовали между собой: первый обвинял второго в «безнравственном» поведении, забвении собственных детей; второй обвинял первого в стяжательстве и «забвении» государственных интересов во имя мещанского благополучия. Оба считали себя правыми.

Существует необходимость создания условий для проявления личностью позитивной социально-правовой активности — для добровольного, инициативного, творческого совершения действий, способствующих укреплению законности и правопорядка. Чтобы такая активность имела место, у человека должен существовать истинный интерес и уважение к праву. Человек должен признавать высокий престиж деятельности правовых учреждений и осуществлять поиск наиболее эффективных путей использования своих правомочий и реализации своих гражданских обязанностей, долга в правовой сфере. Однако, хотя позитивная социально-правовая активность в полной мере соответствует духу правового государства и демократическому общественному строю, она еще не свойственна широким кругам российского населения.

Наиболее действенным способом построения правового общества в России, по мнению как отечественных, так и зарубежных ученых, является путь «снизу», т.е. через становление сознания личности, ее способность и умение оценивать и защищать свои права. При этом первоначальным моментом должно стать развитие у личности способности к регулированию взаимоотношений с другим человеком без того, чтобы пренебрегать чужими и жертвовать собственными интересами, а заключительным — формирование «правовой интуиции» как функция интеллектуально развитой личности, как один из аспектов положительного социального стереотипа поведения человека.

2.2. Проблемы превентивной психологии

2.2.1. Понятие и задачи превентивной психологии

Превентивная психология — направление юридической психологии, которое изучает природу и механизмы девиантного (лат. *deviatio* — отклонение) поведения с позиции междисциплинарного системного подхода, включая личностные, социальные, социально-психологические, психолого-педагогические факторы, обуславливающие социальную патологию, а также предлагает научно обоснованные рекомендации по психологическому обеспечению, предупреждению, диагностике и коррекции отклоняющегося поведения.

Объектом исследований отечественных превентивных психологов преимущественно являются социально-дезадаптивные дети и подростки (иначе говоря, трудновоспитуемые, педагогически запущенные), чье отклоняющееся поведение носит формы агрессивного, корыстного или социально-пассивного саморазрушающего характера.

Среди первостепенных *задач* превентивной психологии обычно выделяют:

- (1) выявление закономерностей и механизмов отклоняющегося поведения, а также факторов, вызывающих социопатогенез, и разработку мер по их нейтрализации;
- (2) психологическое обеспечение социально-правовой и коррекционно-реабилитационной практики, осуществляемой учреждениями и специальными службами различных ведомств (народного образования, социальной защиты, здравоохранения, правоохранительных органов и пр.).

Реализация первой задачи требует проведения системных исследований генезиса отклоняющегося поведения, которое помогает вскрыть сложные взаимосвязи биологических, социальных и культурных факторов, играющих различную роль на разных этапах развития индивида.

Решение второй задачи невозможно без разработки нового, более многопланового (в том числе базирующегося на достижениях

психологической науки) подхода к проблеме профилактики и предупреждения отклоняющегося поведения, состоящего в том, чтобы в постсоветской России при построении правового государства отказаться от ранее существовавшей «карательной профилактики», основанной на императиве санкций, мерах жесткого социального и административного контроля. Новый подход (С.А. Беличева, 1993) должен включать «охранно-защитную профилактику», т.е. представлять собой комплекс мероприятий социальной, правовой, медицинской, педагогической и психологической помощи и поддержки конкретным категориям граждан и их общностям.

2.2.2. Психологическая характеристика девиантного поведения

В отечественных научных традициях отклоняющееся поведение обычно изучается через анализ системы поступков или отдельных социальных действий, которые противоречат принятым в обществе правовым или нравственным нормам. К основным видам отклоняющегося поведения относят как преступное (делинквентное), так и непротивоправное (уголовно ненаказуемое) аморальное поведение (например, систематическое пьянство, стяжательство, сексуальные и другие формы асоциальной распущенности, бродяжничество, суицид). Однако приведенное выделение видов девиантного поведения является достаточно условным, так как игнорирование морально-нравственных норм довольно часто перерастает в преступление или иное правонарушение.

Разноплановые негативные факторы, обуславливающие генезис асоциального поведения, можно классифицировать следующим образом:

- (1) индивидуальный фактор, действующий на уровне биопсихологических предпосылок асоциального поведения, которые могут затруднять социальную адаптацию индивида;
- (2) психолого-педагогический фактор, проявляющийся в дефектах семейного развития, школьного и других видов образования, в формализме воспитательных функций производственных коллективов и т.д.;
- (3) социально-психологический фактор, охватывающий неблагоприятные особенности взаимодействия человека со своим ближним окружением (в семье, в классе, на улице, на производстве и т.д.);
- (4) личностный фактор, раскрывающийся в активно-избирательном отношении человека к предпочитаемым видам деятельности и среде общения, а также социальным нормам и ценностям, реализуемым конкретными государственными и общественными институтами;
- (5) социальный фактор, обусловленный политическими, социальными, правовыми, экономическими, культурными, этническими

и другими условиями, которые имеют место в современном обществе.

Перечисленные факторы действуют не изолированно, а во взаимосвязи, в контексте жизненных ситуаций. При этом в различных возрастных периодах существует своя иерархия и в разной мере проявляется негативный вклад различных факторов в генезис отклоняющегося поведения.

Механизмы девиантного поведения различны на разных стадиях психосоциального развития человека и в контексте разноплановости действий в конкретных жизненных ситуациях. Так, для трудновоспитуемых подростков характерны:

- переориентация жизненных целей в сторону достижения психологического комфорта, отношений компанейско-группового характера, сиюминутных удовольствий, потребительства, наркотики;
- сверхидентификация со своей спонтанной группой сверстников и нарушение межличностных отношений со взрослыми (родителями, учителями и др.);
- подверженность эмоциональному заражению при демонстрации «иррационального протеста» как акта самоутверждения;
- определенная жесткость, вызванная, с одной стороны, упрощенным пониманием мужественности (отождествление ее с грубостью), а с другой — анонимностью группового поведения (появление чувства безнаказанности);
- ослабление чувства стыда, равнодушное отношение к переживаниям других, агрессивность, грубость, лживость, несамостоятельность.

В связи с тем что поведение трудновоспитуемого подростка преимущественно ситуативно, а социальные нормы еще не стали для него действенным регулятором, типичным является постоянное стремление выделиться и привлечь внимание (причем неважно чем — внешним видом, жаргоном, манерой поведения и пр.).

В отношении *молодежи* склонность к девиации часто объясняется реально существующим разрывом между их возможностями и степенью удовлетворения тех или иных потребностей. При этом именно стремление к преодолению такого разрыва чаще всего и является тем внутренним мотивом, который побуждает молодых людей с недостаточно устойчивой социальной ориентацией к поступкам и действиям, противоречащим социально-этическим или правовым нормам. Не случайно многим из них может быть поставлен такой страшный диагноз, как необратимая *социальная патология*.

В социально-психологическом плане в выборе механизмов девиантного поведения решающая роль отводится отношению самой личности к совершаемым ею нарушениям, реагированию на мнение окружающих, всего общества. Для большинства девиантов это

отношение носит самооправдательный характер, в чем, в частности, и проявляются конкретные психологические механизмы защиты (проекция, вытеснение, отрицание, подавление и др.). Поэтому самооправдание своих асоциальных поступков и действий, какими бы тяжелыми и опасными они ни были, есть реальный психологический феномен, который может затруднить проведение с ними профилактической работы. Так, по данным криминологов, признание вины в совершенном преступлении встречается лишь у четверти убийц, воров, насильников и еще более редко у хулиганов. Среди алкоголиков каждый пятый лично мало озабочен тем, что о нем думают другие люди.

Таким образом, *девиантное (отклоняющееся) поведение* — поведение, противоречащее принятым в обществе правовым или нравственным нормам, преступное или аморальное; результат асоциального развития личности, воздействия на нее неблагоприятных социальных ситуаций, наложения негативных социальных факторов на «слабые места» личности.

2.3. Психопрофилактика социальной патологии

2.3.1. Аддикция и социальное неравенство как условия девиации

Одним из благоприятных условий формирования девиации выступает *аддикция* — пагубное пристрастие к чему-либо, стремление изменить некомфортное психическое состояние не цивилизованным способом, а приемом некоторых веществ или фиксацией внимания на определенных предметах (видах деятельности). Повторное употребление таких веществ постепенно начинает управлять жизнью человека, лишает его воли к противодействию. Подобная форма поведения характерна для людей с низкой переносимостью психологических затруднений и обусловлена стремлением как можно быстрее и проще достигнуть психофизиологического комфорта посредством бегства от реальностей жизни, которое достигается употреблением алкоголя и наркотиков и т.п. Повторные аддиктивные реакции приводят к возникновению аддиктивности как качества личности, перерастают в девиантное поведение и образ жизни, разрушают здоровье и психику человека, способствуют духовному опустошению, исчезновению главных человеческих качеств, подлинных человеческих эмоций.

Другим условием является *социальное неравенство* — противоречие между относительно равномерно растущими потребностями людей и существенно неравными возможностями их удовлетворения. При этом главным выступает не сам уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей, а именно степень различий, «раз-

рыва» в возможностях их удовлетворения для разных социальных групп и индивидов. Осознание индивидом этого «разрыва» и сформированное на его основе устойчивое чувство психологической неудовлетворенности, социальной несправедливости в сочетании с недостатками и издержками воспитания и социального развития личности служат основной детерминантой девиантного поведения, проявляющегося в политическом *экстремизме* или иных его формах.

2.3.2. Алкоголизм

В медицинском смысле **алкоголизм** — это хроническое заболевание, обусловленное систематическим употреблением спиртных напитков, которое проявляется в физической и психической зависимости от алкоголя, психической и социальной деградации, патологии внутренних органов, обмена веществ, центральной и периферической нервной системы.

С психологической точки зрения *алкоголизм* — это определенный образ жизни, система ценностей, своеобразное мировоззрение психологически и нравственно деформированной личности.

Умеренное потребление алкоголя при всей его внешней «безопасности» в определенных обстоятельствах служит основой для формирования у некоторой части пьющих хронического пьянства. В одних случаях этому способствует неразвитость социально приемлемых средств и способов удовлетворения своих основных потребностей индивидом. В других случаях отсутствие навыков использования таких средств побуждает людей прибегать к иному, легко доступному средству — потреблению алкоголя. Люди прибегают к нему, чтобы получить удовольствие, наслаждение, поднять настроение, снять напряжение, усталость, чувство неудовлетворенности, облегчить контакты, сделать более приятным общение и т.п. Именно в этой привлекательности заключена мощная психологическая основа влечения людей к алкоголю.

Большую роль в массовом приобщении подростков и молодежи к алкоголю играют укоренившиеся в быту *питьевые традиции*, которые вынуждают их прибегать к алкоголю даже в тех случаях, когда они не испытывают психологического дискомфорта или внутренней потребности в алкоголе. Преобладание в массовой психологии отношения к потреблению алкоголя как к обязательной норме придает ему социально одобряемый характер, а ее нарушение, как правило, влечет за собой моральные санкции.

Социально-психологическим фактором алкоголизации выступает также *подражание*, проявляющееся у подростков и молодежи в стремлении быстрее усвоить, перенять образцы поведения взрослых. В условиях, когда потребление спиртных напитков превращается в неотъемлемый атрибут образа жизни большинства взрослого

населения, особенно в семье, где родители — алкоголики, приобщение подростка к спиртному зачастую выступает как символ взрослости, как *средство самоутверждения*.

В развитии алкоголизации подростков заметно сказывается механизм *группового давления*, стремление быть на «равных» с членами группы — сверстниками, уже пристрастившимися к алкоголю.

Становление индивида на путь злоупотребления спиртными напитками зависит также от:

- неблагоприятных экономических, материально-бытовых, морально-нравственных условий и отношений. Они не только сопряжены с неудовлетворенностью, но и сдерживают социальное развитие людей, рост их общей культуры и нравственности, которые при положительных значениях могли бы служить реальной альтернативой алкоголю, забвению с его помощью трудностей и забот;
- продолжительности действия неблагоприятных условий жизнедеятельности, определяющих *частоту* приема спиртных напитков;
- уровня общей культуры и социального развития индивидов (чем ниже культура, тем чаще люди потребляют алкоголь);
- атмосферы благодушия и попустительства по отношению к нарушителям правил общения и поведения на почве пьянства, которая способствует дальнейшему росту потребления алкоголя и пополнению рядов пьяниц и алкоголиков;
- доступности алкоголя, сокращающей число трезвенников и воздерживающихся от алкоголя и вдвое увеличивающей число лиц, злоупотребляющих алкоголем;
- особенности организма индивида (наследственной, обменной, психической и др.).

Об огромном неблагополучии алкогольной ситуации в стране свидетельствует ее динамика за последние 15—16 лет:

- (1) потребление алкоголя выросло на одну треть и достигло почти 15,5 л чистого спирта на душу населения, что в 1,9 раза превышает уровень, определяемый Всемирной организацией здравоохранения как опасный;
- (2) число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, увеличилось в 15 раз; в том числе среди несовершеннолетних — в 2,2 раза;
- (3) смертность по причинам, связанным с потреблением алкоголя, выростала в 3,5 раза. В результате среди причин общей смертности среди населения смертность от алкоголя занимает третье место, а среди трудоспособного населения — первое;
- (4) число больных алкоголизмом увеличилось в два раза и достигло почти 5 млн человек и т.д.

Из содержания причинного комплекса массовой алкоголизации вытекают основные подходы к решению проблемы пьянства и алкоголизма. Многолетняя практика борьбы с пьянством убеждает, что подходы к решению проблемы, акцентирующие внимание главным образом на вытеснении спиртного, пресечении фактов пьянства и индивидуально-воспитательной работе с лицами, злоупотребляющими алкоголем, оказались слишком узкими, односторонними, а пути и методы борьбы с пьянством — неадекватными содержанию причинного комплекса и потому малоэффективными.

Важнейшим условием эффективного управления процессом деалкоголизации является обязательное соблюдение следующих принципов:

- *принцип комплексного подхода* вытекает из сложности причинного комплекса, тем более что нынешняя алкогольная политика государства ориентирована в основном только на упорядочение ситуации на алкогольном рынке;
- *принцип системной организации* усилий по профилактике пьянства обуславливает необходимость использования разнообразных средств и способов профилактического воздействия одновременно на разных уровнях. Используемые ныне административно-силовые методы нуждаются в дополнении другими;
- *принцип дифференцированного подхода* предполагает организацию профилактической работы по группам населения с учетом особенностей и уровня их алкоголизации;
- *принцип обеспечения активной и сознательной поддержки* мероприятий по борьбе с проявлениями пьянства самим населением, его широкой общественностью;
- *доведение до сознания широких масс населения*, особенно подрастающего поколения, *научных знаний о свойствах алкоголя*, истинной картины последствий злоупотребления алкоголем для жизненных судеб людей, их здоровья и благополучия, повышенной опасности злоупотребления алкоголем для женщин, особенно беременных, для кормящих матерей;
- *утверждение в массовой психологии ответственного «цивилизованного» отношения к алкоголю*, с устойчивыми установками на умеренность и воздержание в его потреблении;
- *пропаганду, всемерное культивирование тех человеческих ценностей, которые составляют социально приемлемую альтернативу потреблению алкоголя* и способствуют утверждению здорового образа жизни (престижность физического и нравственного здоровья, активные занятия физической культурой и спортом, культ семьи и хорошего семьянина и т.п.).

Успешное преодоление этой разновидности аддикции возможно при условии, если:

- (1) работа по антиалкогольному просвещению и воспитанию населения опирается на научно обоснованные методики, разработанные с учетом особенностей социально-демографических, этнопсихологических и профессиональных групп населения;
- (2) создана и задействована система раннего профилактико-воспитательного воздействия. Ограждение подрастающего поколения от пьянства — основа основ антиалкогольной политики государства. От этого зависят будущее социального процесса деалкоголизации населения, утверждение здорового образа жизни.

2.3.3. Наркомания

Наркомания (от греч. *narke* — оцепенение, *mania* — безумие, страсть) — заболевание, выражающееся в физической и/или психической зависимости от наркотических средств, непреодолимом влечении к ним, постепенно приводящих к глубокому истощению физических и психических функций организма.

Под физической зависимостью следует понимать состояние организма, характеризующееся развитием *абстинентного синдрома* при прекращении приема вещества, вызвавшего зависимость. Абстинентный синдром — комплекс специфических для каждого наркотического средства болезненных симптомов: головная боль, боль в мышцах и суставах, насморк, желудочно-кишечные расстройства, бессонница, судороги и т.п. Психическая зависимость — патологическая потребность в приеме какого-либо вещества, избегание психологического дискомфорта, вызванного прекращением его приема. Таким веществом не обязательно является средством, признанное наркотиком, но и алкоголь, кофе, чай, табак и др.

За последнее десятилетие проблема наркомании в России превратилась в одну из острейших и болезненных социальных проблем. На заседаниях Совета безопасности России она рассматривается как одна из реальных угроз национальной безопасности и здоровью населения.

Показатели наркотизации, приведенные в паспорте федеральной целевой программы «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005—2009 гг.» также не оставляют поводов для оптимизма. Этот период характеризовался устойчивым ростом числа больных наркоманией — показатель учтенной заболеваемости наркоманией увеличился в 11 раз.

По данным независимых социологических исследований, реальная численность потребителей наркотиков в стране превышает официальную численность в 8—10 раз. По данным общероссийского мониторинга, общая численность лиц, допускающих незаконное потребление наркотиков, составляет 5,99 млн человек, из них 1,87 млн

человек — это подростки и молодежь в возрасте до 24 лет. Растет и связанная с наркотиками преступность.

К *причинам широкого распространения наркотиков* относятся:

- наличие безработных среди молодежи, а также сравнительно низкий жизненный уровень населения (около 80% населения России составляют малообеспеченные граждане);
- трудные жизненные обстоятельства вынуждают их участвовать в наркобизнесе, который зачастую становится единственным источником получения дохода, — культивировать наркосодержащие растения, осуществлять курьерские перевозки наркотиков, вести розничную наркоторговлю и т.д.;
- поляризация доходов различных социальных групп вызывает у определенной части подростков и молодежи чувство протеста, агрессивные устремления, является одной из причин криминализации общества, роста масштаба незаконного оборота наркотиков. Потребление наркотиков в молодежной среде приобретает статус субкультуры, моды;
- отсутствие целостной, научно обоснованной системы профилактики распространения наркомании, в первую очередь среди подростков и молодежи, не позволяет оказывать адекватное противодействие таким негативным явлениям.

Реализация мероприятий Программы направлена на решение следующих задач:

- проведение целенаправленной работы по профилактике распространения наркомании и связанных с ней правонарушений;
- снижение доступности наркотиков для незаконного потребления;
- концентрация усилий правоохранительных органов на борьбе с наиболее опасными формами незаконного оборота наркотиков;
- осуществление постоянного контроля масштабов распространения и незаконного потребления наркотиков в Российской Федерации и др.

В последнее время весьма эффективной оказалась *стратегия медико-психологической реабилитации*, цель которой состоит в снижении спроса на наркотики. Для этого во многих наркологических больницах функционируют отделения неотложной медицинской помощи наркозависимым. В них применяются самые современные методики снятия так называемой ломки. При этом с пациентом работают психологи, психотерапевты, консультанты из числа бывших наркозависимых.

Понятно, что 2—3 недели, которые находится больной в отделении, — слишком короткий срок, чтобы пациент принял однозначное решение вылечиться. Поэтому работают и дневные ста-

ционеры, где в течение еще 3 недель с пациентом работают психологи и психотерапевты.

Следующий этап — лечение у специалистов социально-психологического отделения. Здесь больной получает исчерпывающую информацию о возможных вариантах освобождения от наркозависимости. При отделении действуют группы анонимных наркоманов, группы для родственников зависимых.

Дальнейшую реабилитацию пациенты могут продолжить в загородных реабилитационных центрах. Цель центров — переформирование личности. Применяемые в реабилитационных центрах психотерапевтические методы работы направлены на формирование способности опосредованно, через интеллектуальную переработку, ощутить удовлетворение. Благодаря таким центрам за пять лет удалось помочь отказаться от употребления наркотиков примерно такому же количеству молодых людей, сколько избавилось от пагубной привычки за 15 предшествующих лет.

Общие же задачи реабилитационной деятельности состоят в том, чтобы совершенствовать способности каждого пациента самостоятельно решать свои проблемы, справляться с трудностями, помочь им в приобретении и развитии навыков обращения за необходимой помощью.

2.3.4. Игромания

Игромания — болезненное состояние, характеризующееся психологической неконтролируемой зависимостью от игры, эмоциональными расстройствами и, как следствие, депрессивным состоянием.

Новый экономический путь привел нашу страну не только к изменению условий жизни, но и к появлению новых психологических зависимостей. Некоторым игровые автоматы или лотереи кажутся развлечением и безобидным средством для снятия стресса. Однако в последнее время люди стали массово «подсаживаться» на игру, поскольку научно доказано, что пристрастие к игре — это психологическая зависимость.

Игровая зависимость, как и любая из иных видов зависимости (алкогольной, наркотической и прочих) в своем развитии проходит через определенные этапы, которые условно можно разделить на три.

На *первом этапе* формируется основа игровой зависимости, которая начинает проявляться в усиленном желании играть. При этом четко выраженной зависимости еще нет, как и осознания этого, но частота игр возрастает, постепенно увеличиваются размеры ставок, да и игровые сеансы становятся все длиннее и длиннее.

На *втором этапе* игроку намного труднее только усилием воли подавить в себе желание играть. Возникает и превращается в настоящую борьбу мотив «играть — не играть». Сеансы игры еще

больше удлиняются, увеличивается и частота игр. Характер игры приобретает безудержный характер. Возможные выигрыши тут же бросаются в игру. Да и поведение игромана определяется все возрастающим азартом и иллюзиями — он верит в свою счастливую звезду, везение, начинает выстраивать свои методы игры, определяет для себя «фартовые» числа и вообще опутывает весь процесс игры мистикой и суевериями.

На *третьем этапе* игромания столь сильна, что у игромана уже отсутствует борьба мотивов. Он готов играть постоянно, ежедневно и сколь угодно длинный промежуток времени. В перерывах между игрой он грезит о ней. Деньги на этом этапе воспринимаются игроком как атрибут для игры. Желание играть становится непреодолимым, целью игры становится сама игра, и неважны ни огромные долги, ни новая возможность проигрыша.

Самым сложным в *преодолении игромании* является то, что медикаментозных способов лечения игровой зависимости нет, а потому приходится изрядно потрудиться как ближайшему окружению игромана, так и профессиональным психотерапевтам. Пациент в период лечения нуждается в определенных ограничениях, особенно в отношениях с деньгами, ведь для его блага будет, если никто из друзей и близких не будет одалживать ему деньги. Также не следует оплачивать его долги, поскольку этим можно спровоцировать очередное обострение.

Когда же у игромана нет возможности играть — наступает время вмешательства психотерапевтов. Современные методы лечения в основном опираются на групповую психотерапию, просвещение, терапию различными видами деятельности и разработку планов возвращения денежных долгов, возникших в результате игры. Американский психотерапевт Д. Лестер провел анализ других поведенческих методов (2009—2010), таких как аверсивная (лат. *aversio* — отвращение) терапия, в которой делание ставок связывается с ударом электрическим током, и парадоксальная интенция (от лат. *intentio* — стремление), при которой терапевт предписывает пациенту играть в соответствии со строгим режимом, разработанным терапевтом. Однако патологическое азартное поведение зачастую демонстрирует высокую устойчивость в отношении любых форм лечения.

В завершение курса психотерапевтической помощи пациент должен самостоятельно составить и реализовать в дальнейшей жизни собственный постлечебный план, в котором больше не будет места игре.

2.3.5. Экстремизм

С этимологической точки зрения *экстремизм* (от лат. *extremus* — крайний) — приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике).

В самом общем виде законодательное определение экстремизма можно сформулировать как деятельность корпоративных образований и физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению правонарушений непосредственно, в крайних формах, посягающих на национальную и государственную безопасность, в том числе совершаемых по мотивам политической, идеологической, религиозно-этнической и иной социальной ненависти либо вражды.

Многие исследователи указывают на то, что экстремистскому сознанию присущи импульсивность, внутренняя напряженность, конфликтность, деструктивность. Важную роль в процессе формирования экстремистского сознания играют нетерпение и нетерпимость, эмоциональная черствость, тупая ограниченность нравственно-эстетических представлений. Этим объясняется и основная мировоззренческая установка экстремизма на поиск наиболее примитивных путей достижения собственных целей, на постоянное форсирование процессов и событий, в основе чего лежит юношеский максимализм, который с определенного момента становится тормозом личностного развития, толкает индивида к крайним формам поведения, примитивной приземленности или эмоциональной экзальтации, тупому упрямству или вседозволенности. Результатом этого, по выражению социального психолога *Д.В. Ольшанского*,

Д.В. Ольшанский

может явиться не только вандализм, но и немотивированное насилие, не только непристойная роспись на стенах, но и акты терроризма.

Проведенные исследования (Ю. Бубнов, 2001—2006) по вопросам молодежного экстремизма показали наличие вполне конкретных условий его появления.

1. Экономические условия, и в первую очередь экономический кризис: падение жизненного уровня населения, остановка предприятий, рост безработицы.

2. Политические условия: кризис власти, проявляющийся, с одной стороны, в повышении агрессивности к инакомыслию, а с другой — в неспособности обеспечить порядок и стабильность в обществе.

3. Социальные условия: расслоение людей, появление неправедно наживших состояние людей и бедняков, не желающих или неспособных прокормить себя и свои семьи.

4. Духовное разложение как общества, так и личности, мировоззренческое безвременье, когда моральные ценности обесценились.

Описанные причины характерны не столько для религиозного, сколько для политического экстремизма, и прежде всего для националистического (расистского).

Правоохранительными органами были выявлены и установлены наиболее радикальные неформальные молодежные объединения профашистской направленности: «Русская цель», «Русские медведи», «Белые бульдоги», «Тушинский национальный фронт», «Объединенная бригада-88», «Ладен Хомер», «Хамерз скинз» и др. Зафиксировано появление групп скинхедов в городах Подмосковья: Подольске, Серпухове, Клину, Видном, Троицке и др.

Последние социологические опросы, опубликованные в прессе, также свидетельствуют о том, что скинхеды в России действуют все более жестоко и чувствуют себя все более безнаказанно. В такие группировки, которых в стране не менее 400, входят больше 20 тыс. молодых людей в возрасте от 12 до 24 лет.

По словам социолога ФОМа С. Климовой, большинство участников опросов считают принадлежность молодых людей к скиннам болезнью возраста, отчасти спровоцированной отсутствием контролируемых молодежных организаций, которые впитывали бы социальную энергию подростков.

Причиной роста неофашистских молодежных формирований является также исчезновение идеологического иммунитета к фашизму и нацизму, который весьма эффективно поддерживался в социалистический период. Базисом этого иммунитета являлось описание исторических событий за период Второй мировой войны, которые ранее давались в школьных уроках истории. Однако если в советский период прославление действий Красной армии в ходе Второй мировой войны носило навязчивый характер, то с начала 1990-х гг. эта тема стала «невыгодной» и «неинтересной». Во вполне либеральных изданиях появились публикации о том, что, может быть, не стоило побеждать фашистов — раз сегодня в России люди живут хуже, чем в Германии. В одних учебниках писалось, что агрессором был Гитлер, в других — что Гитлер всего лишь предупредил нападение Сталина. В одних писалось, что СССР совместно с западными демократиями разгромил фашистский тоталитаризм, в других, напротив, что война привела к усилению тоталитаризма в Европе. Поскольку общей тенденцией было «бичевать советскую власть и коммунистов», то многие учителя не говорили о преступлениях фашистов, а без устали разоблачали Сталина. Кто-то вообще старался обходить эту тему. На страницах педагогических газет не раз писали, что некоторые учителя отказываются преподавать новейшую историю, не зная, какая концепция «правильная».

В последнее время на территории Москвы и Московской области активизировалась деятельность и *неформальных молодежных групп сатанинской направленности*: «Церковь Нави», «Церковь Сатаны России», «Русское блэк металлическое братство» и др. Наше общество повторяет уже знакомые в истории периоды Смутного времени, когда различные виды мистики выходили на историческую арену.

Идеологическая база указанных организаций основана на использовании традиций оккультизма, черной магии, каббалистики, масонства, а под лозунгами «Смерть всему живому!», «Война христианству!», «Бог мертв — да здравствует Сатана!» имеет место пропаганда анархизма, фашизма, расизма с экстремистскими и антиобщественными проявлениями. В современной России насчитываются сотни религиозных общностей, открыто или скрытно признающие в качестве одного из своих кумиров зло, а врагом — прежде всего традиционное православие. В этой связи важно напомнить, что православие есть вероучение Любви. История православия учит, что отречение от основного положения — откровения о Святой Троице — приводит к извращению идеала любви и других положительных ориентиров, нравственному примитивизму, злоупотреблению методами управления толпой, к театрализованным ритуалам, чрезмерному увлечению психотехникой воздействия на личность, духовному бизнесу. Именно поэтому православие вызывает ненависть у культов насилия и зла. Неприятие православного максимализма, заключающегося в том, что *Бог есть любовь*, подменяется у сатанистов слепым преклонением и фанатичной любовью к своему идейному предводителю.

Важным критерием оценки вероучения является характеристика его основателя. Идейный вдохновитель современных сатанистов — *Алистер Кроули* (1875—1974), именовавший себя зверем Апокалипсиса и оставивший многих последователей (например, Рон Хаббард — основатель дианетики и сайентологии, Карлос Кастанеда, Ричард Бах). Кроули использовал практику йоги, сексуальную магию, наркотическое опьянение, получил высшие степени посвящения во франкмасонстве. «Прославился» он отрытым богохульством, принесением в жертву в среднем по 150 младенцев ежегодно. Анализ «Сатанинской (или черной) библии» Антона Шандора Лавея, предводителя американских черных магов, показывает, что ключевые идеи сатанизма весьма примитивны: Сатана сильнее всех; каждый сам себе бог; жизнь — это насилие; необходимо подчиняться своим низменным инстинктам и влечениям (потребностям плоти); на общественные законы и власть наплевать; социальные структуры надо разворачивать; настоящая радость — месть своим врагам; все связанное с официальными религиями должно оскверняться.

Магия сатанистов состоит из леденящих душу обрядовых церемоний для концентрации адреналиновой и иной аффективной

энергии, для превращения ее в динамически передаваемую силу. Задача участников ритуала — войти в состояние одержимости, когда в сатанисте по его собственной воле начинает обитать демоническое «я», создающее обманчивое ощущение «правильности поступка и желания». Один из магических инструментов — *насылание проклятий*. Ритуалы осуществляются в «комнатах интеллектуального раскрепощения». В качестве алтаря используется обнаженная женщина в вызывающей сексуальной позе, держащая в руке свечи, изготовленные желательно из жира некрещенных младенцев. При «обработке» вовлекаемой молодежи сатанисты озвучивают аудиокассеты с речами по образцу гитлеровских, а также музыку, воздействующую на сознательные и подсознательные процессы. Отмечены случаи внедрения сатанистов в качестве работников моргов, крематориев и кладбищ, что облегчает им подготовку и сокрытие преступлений. Преследуя сугубо корыстные цели, сатанисты проникают в учреждения массовой культуры, содействуют организации рок-концертов, на которых осуществляют вербовку молодежи, изготавливают продукцию со своей символикой и рекламой. Этим объединениям свойственны жесткая иерархическая подчиненность лидеру, тотальный контроль над частной жизнью и «опека» рядовых сектантов.

Психиатры в последнем случае говорят о «синдроме зависимости» от секты. Формируется подобная зависимость так же, как и наркотическая. И сложно сказать, что опаснее для общества. Адепт становится абсолютно безвольным, поскольку психологическая подпитка «товарищей» ему жизненно необходима. У американцев есть термин «бомбардировка любовью». За новичками в буквальном смысле ухаживают, заботятся, повсюду сопровождают и во всем помогают. А по сути, строят стену между новообращенными и окружающим миром. У Муна, к примеру, это называется «сэндвич». К новичкам приставляются два человека, он находится как бы в середине «бутерброда». Его ни на минуту не оставляют, не дают возможности критически осмыслить все то, что он видит вокруг.

Кроме того, в секте сатанистов есть люди, в обязанности которых входит отслеживание негативных публикаций в СМИ, чтобы выявлять своих врагов. Не случайно, по мнению Ф. Кондратьева, главного научного сотрудника Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского, умерла судья по делу «Аум синрикё» — молодая крепкая женщина, а потом неожиданно скончался и главный свидетель обвинения.

Сегодня для социальных работников, врачей, воспитателей, педагогов организуются специальные курсы переподготовки, семинары, на которых их знакомят с преступлениями сатанистов, методами вовлечения молодежи в секты, их символикой и ритуалами. На таких семинарах нередко выступают бывшие сектанты, вернувшиеся к нормальной жизни.

Важным является формирование в правоохранительных органах полноценных структур, способных систематически контролировать и объективно оценивать религиозные движения с позиции их правовой опасности, осуществлять профилактические действия, принимать действенные меры в отношении запрещенных религиозных образований, обучать государственных служащих правильным действиям в этой сфере.

Одним из существенных шагов на *пути системной профилактики рассматриваемого явления* стало принятие Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001—2005 гг.)». Толерантность, определяющая устойчивость правомерного поведения в обществе отдельных личностей и социальных групп, по своей сущности является антиподом экстремизму. Внедрение в социальную практику норм толерантного поведения само по себе является методом профилактического воздействия. С другой стороны, по мере восприятия и усвоения обществом этих норм будет создаваться соответствующий фон и почва для проведения более конкретных антиэкстремистских мероприятий.

С учетом изложенного выше очевидно, что в настоящее время необходимо осуществить ряд специализированных мероприятий по предупреждению формирования и распространения экстремистских убеждений и идеологии. Эту деятельность условно можно разбить на следующие группы:

- (1) деятельность по переориентации и нейтрализации экстремистских потребностей, интересов и убеждений, основным звеном которой являются мероприятия, проводимые с их непосредственными носителями;
- (2) деятельность по недопущению распространения экстремистской идеологии, которая в первую очередь предусматривает проведение соответствующих мероприятий с потенциальными жертвами, способными «заразиться» ею.

Среди первоочередных мероприятий последней группы также следует отметить:

- усиление контроля за печатной продукцией;
- запрет на размещение частных объявлений, рекламных и пропагандирующих плакатов вне особого порядка и специально отведенных для этого мест, обеспечивающих постоянный контроль за их содержанием со стороны соответствующих органов;
- выявление и привлечение к ответственности лиц, производящих и распространяющих экстремистские материалы;
- более тщательный контроль за организацией, подготовкой и проведением собраний граждан различных форм в целях недопущения в ходе организуемых мероприятий экстремистских акций.

На фоне разрушения единого духовного пространства России повышается и роль Русской православной церкви в сохранении традиционных духовных ценностей. Деструктивные явления в современной России обостряют проблему консолидации государственных структур с исторически проверенными созидательными верованиями, прежде всего православием, противостоящим сатанизму и демонизму во всех духовно-нравственных направлениях. В этих целях необходимо использование совместных усилий атеистов и верующих в интересах укрепления единства всего народа, нравственного очищения, роста духовного богатства личности и общества.

В заключение отметим, что в предупреждении правонарушений и иных социальных патологий необходимо также поставить такую цель, как «каждый член общества — субъект профилактики», достижение которой, безусловно, будет зависеть от повышения уровня правового воспитания и правосознания граждан.

2.4. Система предупреждения преступлений среди несовершеннолетних

2.4.1. Проблемы и принципы предупреждения преступлений среди несовершеннолетних

Предупреждение преступлений несовершеннолетних в современных условиях является приоритетным направлением уголовно-правовой политики Российского государства. Оно позволяет решать задачи борьбы с преступностью с наименьшими затратами для общества, поскольку, сокращая преступность несовершеннолетних, общество одновременно добивается и снижения общей криминализации государства. Преследуя истинно гуманные цели, оно призвано оказать своевременную помощь тем подросткам, формирование личности которых протекало в неблагоприятных условиях, либо попавшим в трудную жизненную ситуацию и не нашедшим сил или возможностей самостоятельно преодолеть эти трудности.

Результативность профилактической работы зависит от законности, целенаправленности, конкретности и профессиональности ее проведения. *Теоретические проблемы* эффективности профилактических мероприятий связаны с углублением интеграции криминологии с социологией, психологией, педагогикой, наукой управления и целым рядом отраслей права, *практические* — с вовлечением в эту деятельность разнородных субъектов профилактики. При этом предупредительная деятельность должна представлять собой непрерывный, многоаспектный и многоуровневый процесс, содержащий необходимый комплекс воспитательных и профилактических мер с опорой на *общие принципы индивидуальной работы*. К ним, в частности, следует отнести:

- искреннюю заинтересованность в судьбе профилактируемого лица;
- позицию сотрудничества в решении жизненных проблем;
- высокоразвитый у должностного лица уровень рефлексии собственных состояний;
- исключение проецирования собственных проблем на профилактируемого;
- отказ от использования метода «примеров» в анализе жизненных проблем профилактируемого («чужой опыт ничему не учит»);
- развенчание всяких попыток поиска «виновных»;
- поиск наиболее слабых черт в структуре личности профилактируемого лица, которыми являются высокоиндивидуально значимые и эмоционально окрашенные психические содержания (конкретные люди, принципы, события т.п.);
- персонификация высокозначимых для лица абстрактных принципов (таких как справедливость, верность слову, долгу и пр.);
- ориентация на последствия совершаемых действий и принимаемых решений.

Указанные принципы ориентируют сотрудников профилактических служб на осознание ответственности профилактируемых лиц за свои действия и способствуют расширению вариантов сознательного выбора ими своего поведения.

Применительно к процессу предупреждения преступности несовершеннолетних рассмотрим четыре основных уровня профилактических мероприятий (докриминальный, предкриминальный, криминальный, посткриминальный), управление которыми осуществляется межведомственной Комиссией по делам несовершеннолетних. В своей работе Комиссия руководствуется Конституцией РФ, Конвенцией о правах ребенка, федеральными законами «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124, «Об основах системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120, Законом города Москвы «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» от 3 марта 2005 г. № 12 и другими нормативными актами.

2.4.2. Докриминальный уровень профилактического воздействия на несовершеннолетних

Объектами докриминального воздействия являются:

- (а) подростки, имеющие искажения нравственного и правового сознания, запущенность которых может привести к социальной маргинализации;
- (б) трудновоспитуемые (по оценке педагогов) дети и подростки;
- (в) педагогически несостоятельные семьи;

- (г) неформальные подростковые группы и сообщества, не характеризующиеся криминальной ориентацией, но играющие определенную роль в криминализации перечисленного контингента.

Ведущими субъектами выступают учреждения социального воспитания (учебно-образовательные заведения, подростковые клубы по интересам, спортивно-туристические комплексы); социально-правовой охраны (инспекторы по охране детства в системе народного образования, юрисконсульты женских консультаций и родильных домов, кабинеты социально-правовой помощи несовершеннолетним); психологической помощи семьям и детям (социально-психологические центры, психологические службы, телефоны доверия); социальной адаптации подростков (педагогические реабилитационные центры, временные приюты, общежития для бездомных несовершеннолетних).

Поскольку развитие комплекса криминогенных качеств обычно происходит на вполне определенном фоне — при наличии комплекса качеств, свидетельствующих об общих трудностях и отставании в развитии личности, первостепенной профилактической мерой являются обнаружение и коррекция этого фона. Коррекция должна предусматривать комплексное воздействие на различные качества личности: на формирование адекватного отношения к будущему, на установление нормальных отношений со сверстниками и взрослыми, на формирование самосознания подростка и сглаживание в поведении акцентуаций характера.

Исправление личностных деформаций возможно с помощью комплекса мер социального, педагогического, психоневрологического, физического оздоровления подростка при тесном слиянии, единстве усилий врача и педагога. Подобная интеграция способна обеспечить достижение цели, при этом важно, чтобы врач был достаточно компетентен в вопросах педагогики, а педагог — в вопросах психотерапии.

В.П. Кащенко

В свое время известный ученый в области медицины и педагогики *В.П. Кащенко* предложил классификацию методов лечебно-педагогической коррекции дефектов и отклонений в развитии ребенка. Им были выделены такие педагогические и психотерапевтические

методы, как коррекция дефектов в волевой сфере, отчужденности, тревожности (страхов), метод эмоционального сопереживания, коррекция бродяжничества, организация положительной деятельности.

Коррекция дефектов в волевой сфере подростка должна проводиться регулярно и систематически. Необходимость исследования энергетического тонуса подтверждается жалобами на утомляемость и слабость, а также плохой переносимостью физических или психических нагрузок, неустойчивостью волевых усилий, снижением активной деятельности. Имеет значение неустойчивость настроения, обидчивость, фиксация на конфликтах, эгоистичность, неспособность вытеснения переживаний обиды, злопамятность, мстительность. Поскольку воля индуцируется, т.е. способна передаваться от одного человека к другому, то с такого рода детьми должны заниматься воспитатели с сильной волей. Пробуждая в сознании подростка желание добиться чего-либо самостоятельно, довести начатое дело до конца, получить удовлетворение от достигнутого, воспитатель тем самым укрепляет веру подростка в свои силы, уверенность в правильности его последующих поступков.

Эффективным способом коррекции слабОВОЛИЯ считается *физическое воспитание*. Оно вырабатывает в личности подростка такие качества, как выдержка, выносливость, решительность. С появлением первых признаков улучшения волевой сферы подростка последующая ее коррекция должна осуществляться путем приобщения его к разнообразным формам физического труда, что позволяет сконцентрировать внимание на процессе и конечном ожидаемом результате труда, получить одобрение и похвалу со стороны окружающих, наконец, уверовать в свои способности и возможности добиваться желаемого результата. При необходимости такого рода коррекции воли подростка должна подкрепляться психотерапевтическими методами воздействия.

Ю.М. Антоном была выдвинута гипотеза, что у детей, эмоционально отвергнутых родителями, формируется состояние неуверенности, тревожности, беспокойства по поводу своей социальной определенности. Подобные особенности становятся фундаментальными структурами личности. Однако эти структуры неоднородны: высшей точкой будет страх, низшей — неуверенность и беспокойство. И если тревожность выступает в качестве основной индивидуальной причины совершения преступлений, то профилактическая работа должна быть направлена на выявление и устранение этих сил. Другой непосредственный объект профилактического воздействия — сама тревожная личность с ее характерологическими особенностями.

Известный в свое время немецкий врач и педагог Г. Оппенгейм предложил аффективную гимнастику (систему специальных упражнений), которая позволяла в подавляющем большинстве случаев выводить подростка из состояния тревожности и страха.

Например, юноше, боящемуся огня, привязывали к руке или на шею спичку, которая не снималась до тех пор, пока молодой человек не переставал проявлять признаков беспокойства. Затем ему самому

разрешали зажигать и тушить спички, убеждая его в абсолютной безопасности проводимой процедуры. Таким образом, *коррекция тревожности, страха* заключалась в развитии чувства самообладания.

К эффективному средству избавления от тревожности можно отнести и *эмоциональное сопереживание*, дружественную эмоциональную связь воспитателя с подростком. Через уважение ребенка к взрослому человеку в душе воспитуемого нередко происходит своеобразное очищение от искаженных потребностей, интересов, ориентаций. Происходит своеобразный перевод деформированных эмоций в их противоположность, например перевод хаотичной стихийной агрессивности в агрессивность к социально враждебным проявлениям; агрессивность по отношению к людям и животным — в участливое и доброжелательное отношение к более слабым, младшим, беспомощным. Такого рода эмоциональное воздействие должно осуществляться в коллективе и с коллективом воспитанников, без правильной организации которого успех просто невозможен.

Какие бы методы коррекции ни применялись, устранение личностных деформаций невозможно без *самовоспитания*. Оно приучает ребенка осознавать и понимать свои недостатки и слабости, с тем чтобы он знал и умел применять средства борьбы с ними. Необходимо пробуждать в нем сознательное стремление к усилению имеющихся (пусть и в зачаточном состоянии) положительных качеств, к устранению искаженных свойств и черт личности, вызывать у подростка интерес к самостоятельной борьбе со своими дефектами.

Метод организации положительной деятельности предусматривает формирование у несовершеннолетнего установок на одобряемое обществом поведение, соблюдение им социальных норм. Это способствует выработке и закреплению у подростка необходимых навыков и приемов. К основным приемам реализации данного метода относят: требование, упражнение, поручение и переключение. Например, требование возобновить учебу к преждевременно оставившему общеобразовательную школу подростку; упражнения, формирующие привычки к труду, навыки общения в школьном или трудовом коллективе; поручение, связанное с выполнением общественно значимых и полезных мероприятий; переключение активности несовершеннолетнего на социально одобряемое поведение.

Коррекционное воспитание предусматривает *одновременное воспитание и лечение*. Педагог специальных медико-педагогических учреждений должен быть медицински образован, в частности подготовлен психотерапевтически, обязан знать и уметь применять существующие методы коррекции. Психотерапия ставит перед собой задачу не лечения, а воздействия психологическими методами на личность подростка при нездоровье его психики, характера, интеллекта. К таким психотерапевтическим методам относятся внушение, убеждение, гипноз.

Повышенная внушаемость, являясь одной из особенностей подросткового возраста, позволяет педагогу-воспитателю достаточно успешно выравнивать поведение маргинально ориентированной личности. В целях усиления эффекта внушаемости практикуют воздействие на человека посредством погружения его в гипнотический сон. Средство оказывать такое влияние называется *гипнотическим внушением*. Целью всякого гипнотического акта является активизация деятельности в той области психических процессов, которая в данное время находится в состоянии покоя, или, наоборот, погрузить в состояние относительного покоя другую — усиленно функционирующую. Так как состояние покоя физиологических и психических процессов зависит от деформации самой функции, то восстановление ее и будет целью гипнотического внушения. Таким образом, коррекция деформаций личности может осуществляться с помощью как естественного, так и искусственного внушения.

Заметную роль в плане коррекции различных нервно-психических отклонений личности играет *метод убеждения*. Многие психоневрозы являются результатом веры подростка в существование у них дефектов личности. Задача психотерапевта — вселить в сознание молодого человека уверенность, что эти проявления исчезли или скоро исчезнут. Иногда достаточно поднять моральный тонус неврастенического подростка, разбудить и мобилизовать его душевные силы, с тем чтобы состояние его личности нормализовалось, пришло в соответствие как с внутренними, так и внешними характеристиками среды.

Важно иметь в виду, что деформированный характер выравнивается, если коррекция проводится с раннего возраста и достаточно по времени. Многие аномалии в личности несовершеннолетнего, особенно свойственные периоду полового созревания, исчезают с возрастом сами собой, другие — поддаются исправлению. Даже деформации, достигшие антиобщественного характера, могут быть смягчены либо вообще устранены с помощью описанных выше методов коррекции.

2.4.3. Предкриминальный уровень коррекции криминального поведения подростков

Предкриминальный уровень предусматривает использование криминологических мер предупреждения личностных деформаций преступно ориентированных подростков, не исключая при этом и комплекс педагогических, медицинских, социально-психологических, правовых и организационных мер, классифицированных по трем основным направлениям:

- (1) нейтрализация или оздоровление неблагоприятных условий семейного, школьного и иного социального воспитания, способных детерминировать антиобщественное формирование личности;

- (2) устранение прямого и косвенного аморального и криминогенного влияния на детей;
- (3) осуществление комплекса воздействий, направленных на переориентацию антиобщественно формирующейся личности.

Основные меры этого уровня носят как воспитательный, так и правовой характер. Правовые меры дифференцируются по своей направленности: например, меры по охране прав детей и подростков; меры правового воздействия (чаще всего гражданско-правового, административно-правового) на несовершеннолетних правонарушителей, их воспитателей и лиц, негативно влияющих на нравственное и физическое здоровье детей и подростков.

Субъектами профилактической работы на этом уровне выступают службы социальных работников администраций районов, городов, субъектами правоохранительной — система социально-правовых учреждений. Ведущим субъектом социального патронажа должна стать сеть различных типов учреждений социальной адаптации. Именно они могут своевременно оказать необходимую помощь несовершеннолетним, находящимся в так называемых условиях «пограничных состояний», не допустив формирования у них устойчивой противоправной ориентации.

Раннюю профилактику наряду с другими субъектами осуществляет специализированное подразделение полиции по делам несовершеннолетних. Ее объектами являются несовершеннолетние, в отношении которых органами внутренних дел заведены учетно-профилактические карточки. Это подростки:

- (1) совершившие правонарушения, влекущие меры общественного и административного воздействия;
- (2) употребляющие спиртные напитки;
- (3) систематически самовольно уходящие из специальных учебно-воспитательных учреждений;
- (4) злостно уклоняющиеся от учебы и работы;
- (5) увлекающиеся азартными играми, а также ведущие иной антиобщественный образ жизни.

Целью профилактики данного уровня является изменение негативных форм поведения личности на социально одобряемые. Достижение этой цели предполагает решение ряда комплексных задач, характеризующихся прогностической направленностью и предусматривающих:

- выявление лиц, чье поведение, взгляды, мотивы свидетельствуют о возможности совершения ими преступления;
- изучение этих лиц и источников отрицательного воздействия на них;
- устранение данных источников;
- психологические, педагогические, социологические подходы к предупреждению деформаций личности у несовершеннолетних.

Следует выделить и юридический аспект предмета исследования, так как предупреждение отклонений в поведении несовершеннолетних — процесс нормативно регулируемый. Правовое обеспечение является организующим началом, носителем законности, гуманизма, справедливости. Наконец, с позиции теории социального управления речь должна идти о научно управляемом процессе, уровни и этапы которого детерминируют структуру системы раннего предупреждения криминальных ориентаций несовершеннолетних.

Абстрагироваться относительно предметов каждой из вышеназванных наук иногда бывает затруднительно даже на теоретическом уровне. Профилактическое воздействие не будет эффективным, если наука не сможет разработать содержательную характеристику всевозможных сочетаний различных неблагоприятных психобиологических, педагогических, социально-экономических, т.е. криминогенных, факторов и соответственно рекомендовать комплекс социально-медико-педагогических мер по оздоровлению условий воспитания и коррекции маргинализации несовершеннолетних. Поэтому и в отношении предупреждения преступлений среди несовершеннолетних сегодня сохраняет актуальность позиция известного криминолога *В.В. Лунева* о том, что наиболее

В.В. Лунев

радикальной стратегией борьбы с преступностью было бы предупреждение ее путем изучения и устранения криминогенных факторов.

2.4.4. Криминальный уровень профилактики преступлений несовершеннолетних

Объектами криминального уровня предупреждения деформаций (непосредственная профилактика) являются несовершеннолетние, которым присуще преступное поведение в связи с криминогенным типом личности и ее микросреды.

В случае применения правовых мер, не связанных с лишением свободы, ведущими субъектами профилактики на этом уровне выступают службы инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН), уголовного розыска (УР), участковых уполномоченных полиции (УУП), следствия, центры временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей, специальные учебно-воспитательные учреждения.

Вместе с тем поиск стратегических направлений совершенствования социально-правовой охраны и предупреждения преступности несовершеннолетних позволяет лишь наметить возможные пути преобразования этой системы. Нельзя достичь их практического воплощения без механизма реализации, обеспеченного нормативно.

Основными положениями концепции преобразования существующей системы предупреждения преступлений несовершеннолетних следует считать:

- (1) сочетание государственных начал с участием общественности в организации профилактической работы и контроль за ее эффективностью;
- (2) территориальный принцип формирования системы;
- (3) взаимообусловленность, взаимодействие и системная связь процессов воспитания, социально-правовой охраны детства и предупреждения личностных деформаций несовершеннолетних;
- (4) личностный подход к проведению профилактической работы;
- (5) нацеленность на упреждающее (опережающее) воздействие на основе прогнозирования развития общей и конкретной ситуации;
- (6) детерминация системы предупреждения отклонений в поведении несовершеннолетних типологическими особенностями криминальных подростков, а также характеристиками прямых и косвенных криминализирующих воздействий на них;
- (7) определение функциональных подструктур системы на основе общности конечных целей.

Интенсивность и количество мер воздействия на негативные явления, процессы или конкретную личность зависят от содержания характеристики последних. Меры, предполагающие качественное изменение объекта профилактических воздействий, должны иметь определенную последовательность, согласованность, скоординированность, преемственность. Поэтому одной из первоочередных задач является *определение и нейтрализация комплекса факторов, обуславливающих криминализацию личности подростка*. Ориентиром здесь должны стать уровни процесса предупреждения преступности несовершеннолетних, которые, в свою очередь, детерминированы личностными особенностями подростков, характером негативного влияния социального окружения, видами профилактических воздействий и возможностями их реализации.

2.4.5. Посткриминальный уровень предупреждения преступности несовершеннолетних

Большими потенциальными возможностями на посткриминальном уровне организации профилактического воздействия могут располагать государственные и нетрадиционные учреждения в сфере ресоциализации несовершеннолетних, принудительно воспитывающихся в специальных школах и ПТУ или же отбывающих уголовное

наказание в воспитательных колониях (ВК). Здесь нужно признать, что длительный отрыв от здоровой среды обитания и воздействие десоциализирующих факторов приводят к социальному отчуждению личности подростка. Не случайно каждый третий из числа осужденных с изоляцией от общества возвращается на преступный путь после выхода на свободу. Поэтому важно, основываясь на результатах детального изучения личности, привлекать отбывших наказание юношей к активной трудовой деятельности и учебе, оказывать им помощь в решении бытовых вопросов.

Осуществление этих задач могло бы быть более успешным, если бы ресоциализация таких подростков активно проводилась уже в период отбывания ими срока наказания. Данная цель, в частности, поставлена перед центрами ресоциализации и участками социальной адаптации, созданными при некоторых ВК в порядке эксперимента.

Известно, что несовершеннолетний осужденный — довольно трудный объект перевоспитания. Как правило, его характеризуют укоренившиеся отрицательные взгляды, представления, негативные привычки; он всячески противодействует воспитательному влиянию, возводя барьер недоверия и отчужденности между собой и воспитателями. И чем сильнее поведение подростка отклоняется от общепринятых социальных норм, тем труднее проводить с ним эту работу. Деформация черт характера в таких случаях требует коренной ломки и перевоспитания личности, поскольку ей присущ низкий уровень социализации, проявляющийся в неспособности воспринимать максимум того положительного и социально ценного, что может ей дать общество.

Анализ практики показал, что в структуре мер воздействия на личность молодых правонарушителей не может быть чисто правового воспитания в отрыве от нравственного, трудового и даже физического. Все эти элементы исправительной педагогики обеспечивают общий предмет и метод исправительного процесса в колонии. Работа по изучению правосознания осужденных и формированию основ социально значимой активности строится на том, что предполагается особое внимание уделить *тестированию правосознания и ознакомлению освобождающихся правонарушителей с вопросами действующего законодательства по ключевым направлениям их прав и обязанностей*. Для этого в каждом подразделении найдутся сотрудники с высшим юридическим образованием, которые могут обеспечить квалифицированное комментирование различных вопросов не только уголовного и уголовно-процессуального, но и государственного, гражданского, трудового, семейного и административного права.

Изучая социально-психологические механизмы действия наказания, А.Р. Ратинов сформулировал ряд обобщений, весьма существ-

венных с точки зрения повышения эффективности предупреждения преступлений:

- (1) мотивирующее значение наказания тем интенсивнее, чем ближе момент его применения;
- (2) предупредительная роль наказания тем выше, чем неизбежнее оно представляется субъекту;
- (3) стимулирующая сила тем выше, чем большего блага лишается преступник в результате его применения;
- (4) успех превентивной мотивации наказания находится в обратной зависимости от степени распространенности и устойчивости запретных форм поведения;
- (5) успех превентивной мотивации зависит от соразмерности карательной санкции и запретного поведения;
- (6) степень мотивационного влияния наказания зависит от того, насколько запрещенное действие субъект считает для себя приемлемым, желаемым и должным.

Научные исследования, юридическая, а также педагогическая практика показывают, что действующая правовая система наказаний, особенно в отношении несовершеннолетних, нуждается в совершенствовании. Представляется, что целесообразна дальнейшая модернизация применения санкций в следующих направлениях:

- реализация общей линии на повышение их эффективности; расширение мер стимулирования общественно полезных действий с учетом повышения культуры и сознательности подрастающего поколения;
- более полная и последовательная дифференциация и индивидуализация ответственности с учетом степени тяжести содеянного, личности виновного, причин поступка и возможностей исправления и перевоспитания субъекта, в первую очередь без изоляции от общества;
- расширение возможностей замены юридических наказаний мерами общественного воздействия;
- гуманизация методов исправления и перевоспитания виновных, более полное сочетание их с мерами культурного и педагогического воздействия.

Имеются резервы и в творческом осмыслении зарубежного опыта, поскольку во многих развитых странах уже во второй половине XIX столетия в правоприменительную практику стала внедряться *модель социальной реабилитации*. В ней упор сделан на «отвлекающие» программы работы с несовершеннолетними правонарушителями, впервые нарушившими закон, которые направлены на недопущение их контакта с системой уголовной юстиции, так как противоправность данной категории лиц будет усиливаться тем больше, чем глубже они будут погружаться в эту систему. В соот-

ветствии с моделью социальной реабилитации, с одной стороны, предпочтение отдается реализации альтернативных лишению свободы видов наказания — штрафов, условного осуждения, отбывания наказания в рамках условно-досрочного освобождения, домашнего заключения и т.д., а с другой — к реализации «отвлекающих» программ активно подключаются представители альтернативных системе уголовной юстиции государственных учреждений и общественных организаций.

Так, в США в рамках созданной специальной службы по работе с молодежью реализуется значительное число проектов воспитательного воздействия в «общинах» — особых типах реабилитационных учреждений (открытые пансионаты интенсивного перевоспитания, спортивно-военизированные лагеря, исправительные коммуны общественной организации «Фонд Диленси Стрит», дневные пункты, групповые общежития, семьи попечителей и пр.). Согласно исследованиям ученых (К. Генцел, 1990; Г. Шнайдер, 1994, М. Форестер, 2009), исправительное и профилактическое воздействие на правонарушителей непосредственно в общине обладает следующими преимуществами по сравнению с воздействием на них в тюрьмах:

- воспитательное воздействие в условиях сохранения свободы связано с меньшими затратами. При этом имеются в виду не только материальные затраты, но и тот социальный, моральный и психический ущерб, который наносит людям лишение свободы;
- воспитательное воздействие в условиях сохранения свободы дает обществу шанс активно влиять на процесс ресоциализации преступника, устраняя те общественные факторы, которые служат причиной противоправности, и внедряя научно обоснованные психолого-педагогические средства;
- воспитательное воздействие с сохранением свободы не связано с повышением риска для общественной безопасности населения и не отменяет уголовного права и уголовного правосудия, хотя и модифицирует правовые последствия преступления.

Основополагающие начала, заложенные в зарубежной модели социальной реабилитации, при их детальном рассмотрении имеют много общего с идеями, содержащимися в педагогической системе А.С. Макаренко и развиваемыми в современной отечественной юридической педагогике и психологии. В этой связи становится актуальным, чтобы ресоциализирующая деятельность, начатая в воспитательных колониях при участии общественности, получала дальнейшее многоплановое развитие и с лицами, отбывшими наказание. Однако новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы РФ при декларируемом курсе на демократию и гуманизм в определенной

мере даже несколько снизили уровень привлечения общественности к ресоциализирующей деятельности, чем это имело место ранее.

Контрольные вопросы

1. Что изучает правовая психология?
2. Дайте определение правовой социализации личности.
3. Назовите пути и стадии правовой социализации личности
4. Назовите основные механизмы правовой социализации личности.
5. Каковы причины дефектов в правовой социализации личности?
6. Какова структура и классификация правосознания?
7. Назовите условия эффективного функционирования правовых норм.
8. Что изучает превентивная психология?
9. Назовите задачи превентивной психологии.
10. Каковы механизмы девиантного поведения подростков?
11. Каковы наиболее характерные особенности девиантного поведения среди молодежи?
13. С чем связано значительное увеличение беспризорности, пьянства, наркомании в 1990-е годы?
14. Каковы истоки и виды молодежного экстремизма?
15. Назовите и дайте характеристику религиозным движениям, негативно влияющим на жизнь общества.
16. На какие принципы опирается индивидуально-профилактическая работа?
17. Какие уровни профилактического воздействия на несовершеннолетних вам известны? Дайте им характеристику.

Литература

1. *Абызов Р.М.* Предупреждение личностных деформаций несовершеннолетних преступников. Ижевск, 1998.
2. *Антонян Ю.М.* Жестокость в нашей жизни. М., 1995.
3. *Беличева С.А.* Основы превентивной психологии. М., 1994.
4. *Дети улиц:* Информационно-консультативный вестник. Вып. 2. 2000. Апрель — июнь; Вып. 1. 2009. Январь — март; Вып. 1. 2010. Январь — март.
5. *Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А.* Теория государства и права: Учебник. М., 2007.
6. *Димитров А.В.* Введение в юридическую психологию: Курс лекций. М., 2003.
7. *Заиграев Г.Г.* Психосоциальная патология: алкоголизм, наркомания, суицид // Социальная психология / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2009.
8. *Кондрашенко В.Т.* Девиантное поведение у подростков. Минск, 1988.
9. *Концепция национальной безопасности Российской Федерации*, утвержденная Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300.

10. *Криминологические* и психолого-педагогические проблемы правового воспитания: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2-е изд., доп. Брянск: МосУ МВД России, 2003.
11. *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социализация права. М., 1995.
12. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев, 1981.
13. *Личко А.Е.* Психопатия и акцентуации характера у подростков. М., 1978.
14. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997.
15. *Новоселова Е.* Война алой и белой магии // Российская газета. Неделя. 2006. № 47. 9 марта.
16. *Психология* общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011.
17. *Рашинов А.Р., Ефремова Г.Х.* Правовая психология и преступное поведение. Красноярск, 1988.
18. *Российская газета.* Федеральный выпуск. 2008 г. № 4711. 22 июля.
19. *Трудный* подросток: причины и следствия / Под ред. В.А. Татенко. Киев, 1985.
20. *Уткин В.А.* Правовые основы неучастия общественности в реализации уголовно-исполнительной политики // Проблемы теории наказания и его исполнения в новых Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах. М., 1997.
21. *Хвьяля-Олинтер А.* Специфика религиозных культов зла как источников преступности // Профессионал. 1999. № 4.
22. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология: Учебник для вузов. М., 1998.
23. *Concise encyclopedia of psychology.* Second edition. Edited by Raymond J. Corsini, Alan J. Auerbach. John Wiley & Sons, Inc., 2006.

После изучения данной главы студент будет *знать*:

- психологические теории причин преступности и личности преступника;
- научные типологии личности преступника;
- сущность и разновидности психологической защиты в преступном поведении;
- психологические особенности основных категорий преступников;
- психологию преступных групп, формирований, сообществ;
- типологические свойства и состояния потерпевшего;

уметь:

- планировать и проводить профилактическую работу с учетом психологических особенностей профилактируемых лиц;

владеть:

- основными психолого-криминологическими приемами профилактической работы.

3.1. Наука о личности преступника и преступном поведении

3.1.1. Значение криминальной психологии

Решение проблем борьбы с преступностью и ее профилактики невозможно без комплексного использования сил, средств и методов различных отраслей знаний. Идея комплексности, а она высказывалась в криминологических исследованиях еще XX столетия, по выражению академика В.Н. Кудрявцева, стала одним из основных принципов криминологии, которую в настоящее время во многом подпитывают исследования в области психологии.

И если криминология — это наука о природе, причинах преступности и мерах ее предупреждения, то **криминальная психология** — раздел юридической психологии, изучающий закономерности и механизмы подготовки и совершения преступлений отдельными лицами и преступными группами, психологические аспекты вины и роль потерпевших в преступном деянии, разрабатывающий психологически

обоснованные теории и типологии личности преступников, рекомендации по совершенствованию борьбы с преступностью.

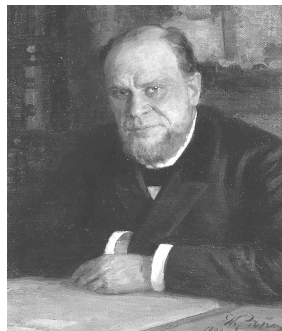
Таким образом, предметом пристального внимания со стороны криминальных психологов выступают, с одной стороны, истоки асоциальности преступников, степень их антиобщественных взглядов и установок, криминальных привычек и навыков, а с другой — роль криминогенной ситуации, самого асоциального субъекта и потерпевшего в развитии преступного деяния.

3.1.2. Понятие «преступник»

Как юридический термин слово «преступник» следует использовать только как формальное, т.е. отражающее не наличие у человека каких-либо особых криминальных характеристик, а тот факт, что человек совершил преступление. Это понятие важно отличать от другого — «преступный человек», которое используется сторонниками идеи о прирожденном преступнике.

В *понятии «человек»* воплощено неразрывное единство разных сторон его существа: социальной и биологической. В *понятии «личность»* фиксируются только специфические социальные признаки. Личность — это «социальное лицо человека», то, кем он стал, развиваясь и живя в обществе. При употреблении понятия «личность преступника» следует иметь в виду именно «социальное лицо» человека, совершившего преступление, и ничего более. При этом оговоримся, что *уголовный и уголовно-процессуальный законы не применяют термин «человек», эксплуатируя термин «личность», признавая его более приемлемым.*

Согласно исследованиям криминологов и психологов, биологические и социальные составляющие являются детерминантами криминального поведения, интегрируясь в психологических качествах преступника. При этом неизменным условием правильного решения вопроса в соотношении социального и биологического в преступном поведении является уровневый подход к исследуемым явлениям.

А.Ф. Кони

Вот что говорил об этом *А.Ф. Кони* в судебной речи по делу Ольги Палем:

В каждом человеке, несмотря на духовное развитие его, сидит зверь, стремящийся при раздражении или возбуждении растерзать, истребить, удовлетворить свою похоть и т.д. Когда человек владеет этим, сидящим в нем, зверем, он нормален в своих отношениях к людям и обществу; когда он сознательно дает зверю возобладавать в себе и не хочет с ним бороться — он впадает в грех, совершает пре-

ступление; но когда он бессилён бороться сознательно — тогда это больной. Призовите первого в судьи, покарайте второго, но не наказывайте, а лечите третьего, и если есть повод к сомнению, кто стоит перед вами — второй или третий, призовите на помощь науку и не стесняйтесь потерей времени и труда. Исследование истины стоит этой потери!

Таким образом, человек, его психика являются, образно говоря, аренной, на которой происходит взаимодействие социальных и биологических факторов. Вне психики их соотношение понять невозможно. Интенсивность проявления социальных и биологических обстоятельств зависит от того, какова сама личность, т.е. субъект и объект общественных отношений, социальное качество человека. Даже наличие психической аномалии у конкретного лица (психопатии, олигофрении в степени дебильности, органического поражения центральной нервной системы и т.д.) не всегда свидетельствует, что она сыграла криминогенную роль в его противоправном поведении. Не сама аномалия психики предопределяет совершение преступления, а то воспитание, те неблагоприятные условия формирования индивида, которые породили его криминогенные черты. Такие аномалии могут способствовать их возникновению и развитию, как и самому противоправному поведению, но лишь в качестве условия, не определяющего это поведение в целом. Констатация какой-то психической аномалии не объясняет, почему этот человек совершил преступление, так же как и внутренние причины (мотивация) преступного поведения не представлены в диагнозе, который лишь определяет наличие того или иного расстройства, его степень и тяжесть. А потому понять субъективные причины преступления, представленные в мотиве, можно лишь путем психологического исследования личности. Дефекты же психики, если они имеются, вовсе не представляют мотивов преступного поведения, хотя и могут влиять на них. Установлено, что психопатии, например, могут быть одним из факторов, способствующих совершению насильственных преступлений. В то же время широко известно, что психопаты успешно работают и выполняют иные обязанности. Поэтому основное значение имеет не аномалия как таковая, а социальный облик лица, сформированный семьей, школой, обществом.

3.1.3. Психологические теории причин преступности и личности преступника

В XX столетии зарубежными учеными были предложены разноплановые подходы для объяснения причин преступности и личности преступника. При этом их психологические теории в отличие от криминологического-социологических концепций, в которых значительная роль отводится социокультурным детерминантам преступности, были

сориентированы на анализ личностных детерминант, влияние малых групп (семьи, референтных общностей и т.д.). С учетом научных традиций в современных зарубежных публикациях (R. Masters, C. Roberson, 1990; F. Losel, 1994; и др.) упоминается десять психологических теорий причин преступности и личности преступника:

- (1) биопсихологические теории (Ломброзо, 1874; Кречмер, 1921; Шлап, Смит, 1928; Ланге, 1929; Штумпф, 1935; Хутен, 1939; Шелдон, 1949; Глюк, 1956; Рубак, Атлас, 1969; Фалек, Граддик, Коллам, 1970; и др.);
- (2) психоаналитические теории (Александр, Штауб, Карпмен, Бромберг; и др.);
- (3) теории черт личности (Олпорт, Гилфорд, Айзенк, 1973; и др.);
- (4) теории эмоциональных проблем (Курцберг, 1978; Бартол, 1980; Монахем, 1987);
- (5) теории социально-когнитивного научения (Сатерленд, 1939; Глейзер, 1956; Бандура, 1972; Баргес, Эйкерс, 1966);
- (6) теории умственной отсталости и душевных расстройств (Годдарт, 1915; Пульман, 1926; Зелани, 1933; Сатерленд, Гризи, 1974; Купер, Френсис, Сакс, 1986; Мелзбранд, Гьюз, 1986; Кенделл, 1986; Реттерстол, 1986; и др.);
- (7) теории социопатической личности (Клеклей, 1941; Гоу, 1948; Шнайдер, 1958; Смит, 1978; Рид, 1986; и др.);
- (8) теории социального контроля (Сайкс, Матза, 1957; Хирши, 1969; и др.);
- (9) теории мыслительных моделей (Йохельсон, Саменов, 1976; и др.);
- (10) теории Я-концепции и Я-психологии (Роджерс, 1948; Кохут, 1988; и др.).

Имели место попытки объединить идеи различных теорий. Так, Айзенк (1977), Уилсон и Хернштайн (1985) попытались объединить идеи теории научения и теории черт личности, а Хёрши (1969) и Эллиот, Охлин, Уилсон (1985) — идеи теории эмоциональных проблем и теории социального контроля. Наряду с разработкой психологических теорий преступности и личности преступника в последние десятилетия в зарубежной науке активизировались исследования в области проблематики комплексной дисциплины виктимологии (изучение преступлений с позиций отношений и личности жертвы), по выявлению «системы преступного поведения» (через изучение группового образа жизни преступников, генезиса их специфических субкультур и т.п.), сравнительного анализа эффективности различных программ профилактики и социального контроля.

В некоторых работах по криминологии (С.М. Иншаков, 1997) подчеркивается, что за рубежом в последние десятилетия растет авторитет «стигматизационного» (от лат. stigma — знак, ярлык, клеймо) и «интеракционистского» (от англ. interact — взаимодействовать, воздействовать) подходов. Их представители резко критикуют

ученых, чьи теории сфокусированы лишь на идее психических дефицитов, расстройств, деформации отдельных свойств или внутриличностных конфликтов.

Так, *теория стигматизации* (Г. Беккер, 1995) объясняет преступность тем, что влиятельные группы обладают возможностью наклеивать ярлык «девиант» на представителей менее влиятельных групп. Согласно данному подходу, первичная девиация — это временная, глубоко неосознанная девиация, когда индивид лишь изредка нарушает правило, но окружающие смотрят на это сквозь пальцы, а он сам не считает себя девиантом. Вторичная девиация характеризуется тем, что на человека наклеивают ярлык, ставят клеймо преступника, и постепенно он сам начинает считать себя таковым. Иными словами, происходит переоценка собственной самоидентификации. Однако теория стигматизации не объясняет, почему одни люди сопротивляются наклеенным на них ярлыкам, а другие живут с ними, усваивая преступный образ жизни.

Интеракционистский подход (Э. Сатерленд, Ф. Таннебаум, 1932) называет в качестве причины преступности взаимодействие личности и общества, опосредованное условиями преступности. Данное взаимодействие является двунаправленным, а его результатом является переход всей системы (личности, общества и условий среды) в новое состояние: общество криминализуется, а человек приобретает преступный опыт, его личность приобретает качества, характерные для личности преступника.

Исследования, проведенные под руководством Ю.М. Антоняна (1996), показали, что в качестве психологических предпосылок преступного поведения выступают, как правило, феномены отчуждения и тревожности. При этом *социально-психологическое отчуждение* в большинстве случаев результат эмоционального отвергания родителями, их безразличия, а также усвоенной социально-психологической дистанции между индивидом и средой, изолированность от ценностей общества и невключенность в эмоциональные контакты, отчужденность от общества в целом, его социальных институтов и малых групп (семья, коллектив и др.). Конечно, фатально изолированность не может рассматриваться в качестве причины преступного поведения, но она формирует общую нежелательную направленность личности, которая может предопределять уголовно наказуемые формы реагирования на конкретные конфликты.

По данным эмпирических исследований, наиболее отчужденными являются бродяги, а среди них — алкоголики. Среди преступников наибольшая отчужденность наблюдается у лиц, отбывающих длительные сроки наказания в виде лишения свободы.

Значительной криминогенностью обладает *феномен личностной тревожности*, обусловленный наличием у определенного типа людей

значительного беспредметного страха. Как личностное свойство тревожность может возникнуть из-за постоянного ощущения неуверенности в себе, бессилия перед внешними факторами, преувеличения их могущества и угрожающего характера. В случае когда человек, обладающий чрезмерным уровнем тревожности, начинает оценивать субъективную угрозу безопасности, то он может предпринять попытки насильственных действий против людей или явлений, которые воспринимаются им как угрожающе-деструктивные. В этом случае субъект может совершить преступление ради того, чтобы не разрушить представление о самом себе, своем месте в мире, чтобы не прекратилось его биологическое и социальное существование.

При этом антисоциальное поведение может быть обусловлено не только рассудочным отношением к действительности, но и неосознаваемыми компонентами психики. В первом случае налицо так называемые умышленные преступления, которые в зависимости от регуляционных особенностей можно подразделить на три вида:

- (1) *преступления целевые*, где всегда имеются определенные личные интересы (материальная выгода, карьера, месть и др.);
- (2) *преступления-самоцели*, где сам процесс их совершения доставляет чувство удовлетворения преступнику (хулиганство, сексуальное насилие и др.);
- (3) *преступления — средства достижения других целей*, где налицо неправильное понимание групповых или общественных интересов (например, ущемление прав граждан должностными лицами, осуществляемое «для экономии средств и получения прибыли», экологические преступления и т.п.).

Во втором случае преступное поведение обуславливается таким механизмом, как *антисоциальные поведенческие стереотипы* (привычки, навыки, установки). С позиций криминальной психологии последние часто ведут к ситуативно-импульсивному поведению, особенно при наличии у человека низкого уровня психической регуляции. В этой связи даже в отношении устойчивых преступников следует говорить о ситуативной обусловленности поведения, но уже вызываемой характерологическими особенностями их личности, сформированными асоциальными операциональными установками (повторение определенного способа поведения в определенной ситуации). Последнее ставит под сомнение расхожее мнение некоторых ученых о наличии так называемых «криминогенных ситуаций», где обстоятельства якобы сами по себе провоцируют преступление, когда, образно говоря, не палец давит на курок, а курок на палец.

Многие как отечественные, так и зарубежные специалисты, напротив, отстаивают позицию, что преступления совершаются не напрямую из-за ситуативных обстоятельств, а благодаря определенным устойчивым личностным характеристикам человека, так как у

каждого индивида существует определенный уровень актуализации характерного способа поведения.

Еще Х.М. Клеклей (1941) и Х.К. Гоу (1948), проведя сравнительный анализ публикаций, выяснили, что в качестве симптомов такой личности чаще всего выступают: эгоцентризм — бесчувственность к другим, враждебность, наличие «двойных стандартов»; отсутствие дружеских отношений, неумение делать верные выводы из ошибок и наказаний, проекция вины на других, отсутствие ответственности, эмоциональная бедность, бессмысленная ложь и пр.

В настоящее время в юридической психологии все больше внимания уделяется проблеме влияния на преступное поведение человека личностного и коллективного бессознательного, в первую очередь его архетипов. Ю.М. Антонян в своем монографическом исследовании «Архетип и преступность» (2010) отмечает:

Архетип представляет собой отдельную коллективную психологическую установку, включающую в себя ценности, мотивы и идеи, это — модели или схемы, носящие абстрактный характер, но приобретающие конкретность в той или иной культуре или субкультуре. Архетипы формируются у каждого человека и, наряду с сознанием и индивидуальным бессознательным, определяют его поведение.

Только с учетом влияния архетипов можно объяснить многие насильственные преступления, особенно на основе экстремизма и терроризма.

В целом в современной криминальной психологии большое значение придается *программному изучению личности преступника*, где выделяют следующие группы признаков:

- (1) социально-демографические (пол, возраст, образование, социальное положение, специальность, шкала ролей и т.п.);
- (2) социально-психологические (интеллектуальные, волевые, нравственные качества, черты характера и т.п.);
- (3) психофизиологические (темперамент (сила, подвижность и уравновешенность нервной деятельности), а также сведения о патологических отклонениях).

Полное и глубокое изучение личности преступника способствует *решению ряда актуальных для практики задач*, среди которых:

- (1) правильная квалификация совершенного преступления;
- (2) выбор тактических приемов, применяемых при производстве следственных действий;
- (3) воспитательное воздействие на личность правонарушителя, которое должно начинаться на первом допросе и опираться на достаточно глубокие знания следователем и судьей индивидуальных особенностей и динамики развития данной личности;

- (4) выявление причин и условий преступления. Эта работа проводится более глубоко и всесторонне, если следователь или судья изучил психологические особенности личности обвиняемого.

3.1.4. Типология личности преступника

Личность преступника как явление типологического порядка есть носитель наиболее общих, устойчивых, существенных социально-психологических черт и свойств. Специфика личности как типа заключается в том, что она содержит особенности, которые выступают в качестве внутренних психологических причин преступного поведения. Ведь любое преступление, в какой бы форме оно ни совершалось, не есть случайное по отношению к личности. В своей основе оно подготовлено развитием его социальных, нравственных, социально-психологических свойств. В качестве таковых выступают жизненный опыт человека, наполненный антиобщественным смыслом, а также черты духовного мира, предопределяющие в конфликтных ситуациях выбор общественно опасного варианта поведения.

Личность преступника является закономерной социальной фигурой для конкретного общества настолько, насколько закономерно существование преступности на данном этапе развития этого общества. Поэтому можно говорить о личности преступника как временном социальном типе только в связи с преступностью, представляющей собой преходящее социальное явление.

Это временный тип, как и преступность в целом, обладает, однако, устойчивыми чертами и свойствами, позволяющими выделить его в качестве самостоятельного.

Существует несколько типологических схем личности преступника.

1. По характеру антиобщественной направленности и ценностных ориентаций в юридической психологии выделяют группы, которым свойственны:

- (1) негативно-пренебрежительное отношение к личности и ее важнейшим благам: жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, чести, спокойствию, достоинству и др. Подобное отношение лежит в основе умышленных агрессивно-насильственных преступлений (убийств, телесных повреждений, изнасилований, оскорблений и пр.), а также большинства случаев хулиганства;
- (2) корыстно-частноблагочестивые тенденции, связанные с игнорированием права на все виды собственности. Это характерно для совершения хищений, краж, мошенничества, взяточничества и иных корыстных преступлений;
- (3) индивидуалистическое отношение к различным социальным установлениям и предписаниям, к своим общегражданским, служебным, семейным и прочим обязанностям. Подобные анти-

социальные черты определяют совершение ряда хозяйственных преступлений, преступлений против порядка управления, правосудия, совершение воинских преступлений и пр.;

- (4) легкомысленно-безответственное отношение к установленным социальным ценностям и своим обязанностям по отношению к ним, проявляющееся в различных неосторожных преступлениях.

2. По степени общественной опасности, криминогенной зараженности, выраженности и активности личности выделяют следующие типы преступников:

- (1) особо опасные (активные антисоциальные). Это многократно судимые рецидивисты, устойчивая преступная деятельность которых носит характер активной оппозиции обществу, ее ценностям и нормам. В первую очередь это преступники, постоянно совершающие кражи, грабежи, разбои, хулиганские действия и тяжкие преступления против личности. В эту группу также относят крупных расхитителей имущества, крупных взяточников, совершающих такие преступления длительное время;
- (2) опасные (пассивные асоциальные). Это лица, «выпавшие» из системы нормальных связей и общения, длительное время ведущие паразитическое, часто бездомное, существование, — бродяги, попрошайки, тунеядцы. Многие из них неоднократно судимы и являются алкоголиками. Они совершают и корыстные преступления (как правило, мелкие), чтобы обеспечить свое антиобщественное существование, приобрести спиртные напитки. Как и «особо опасные» преступники, представители этого типа устойчивы в своем противоправном поведении;
- (3) неустойчивые. Это лица, совершающие преступления (порой неоднократно) не в силу стойких антиобщественных установок и представлений, а в связи с включенностью в жизнедеятельность некоторых групп отрицательной направленности, ведущих образ жизни на грани социально приемлемого и антиобщественного. Представителями этого типа являются правонарушители, совершающие в нетрезвом состоянии мелкие хищения и кражи, хулиганство, реже — грабежи, разбои, некоторые преступления насильственного характера;
- (4) ситуативные. Это лица, общественная опасность которых выражена в поведении незначительно, но тем не менее имеется и проявляется в соответствующих ситуациях. Преступления совершаются ими не потому, что ситуации имеют решающее значение. Дело в том, что из-за своих психологических особенностей они попадают в жесткую зависимость от ситуации, не находя социально приемлемого способа ее разрешения. К числу «ситуативных» относятся немало насильников, а также лиц, совершивших корыстные преступления в субъективно сложных

жизненных обстоятельствах, например при материальных затруднениях.

3. По *мотивационным критериям* можно выделить следующие типы преступников:

- (1) корыстный;
- (2) престижный;
- (3) насильственный;
- (4) сексуальный.

Выделение корыстного типа приемлемо лишь со следующей оговоркой. Этот тип объединяет всех лиц, совершивших любые преступления по мотивам личного обогащения. Чаще всего — это кражи, грабежи, разбои, хищения, мошенничество, ряд должностных преступлений.

Среди виновных в корыстных (прежде всего, в хищениях государственной собственности) и должностных преступлениях заметно выделяется группа, совершающая такие действия из престижных побуждений, т.е. для того, чтобы занять в жизни более высокое социальное, в первую очередь должностное, положение, завоевать авторитет среди окружающих, быть все время на виду и т.д. Это часто сопровождается неправильным пониманием производственных и иных нужд своего предприятия или учреждения. Корысть, понимаемая в смысле личного обогащения, если она здесь имеет место, выступает в качестве дополнительного мотива. Следовательно, названных преступников можно объединить в престижный тип.

Однако по престижным мотивам совершаются не только хищения и должностные преступления. Давно установлено, что иногда кражи, грабежи, разбои, хулиганство и некоторые другие преступления совершаются для того, чтобы завоевать авторитет в группе, закрепиться в ней, если членство в группе представляется ценным. Подобные мотивы весьма характерны для преступников молодежного возраста, причем и здесь мотивы личного обогащения не всегда являются ведущими. И такого рода преступников целесообразно относить к престижному типу.

Сложнее определить тип личности преступников, совершающих так называемые корыстно-насильственные преступления, например разбои и грабежи. Для решения этого вопроса необходимо исходить из того, какие мотивы преступления были главными. Так, если разбой совершался в целях обогащения, то субъекта следует отнести к корыстному типу. Но практика показывает, что некоторые разбойные нападения, например, организуются лидерами соответствующих преступных групп не для обогащения этих лидеров, а для того, чтобы сплотить их участников, еще больше подчинить своему влиянию. И такие преступления могут совершаться из некорыстных побуждений.

Мотивы насильственных преступлений (убийства, телесные повреждения, изнасилования) и хулиганства достаточно разнообразны. Вообще назвать насилие мотивом ошибочно, потому что совершать насильственные действия ради них самих могут лишь психически больные, невменяемые люди. Понятие насилия во многом отражает внешний характер действия, а не только его внутреннее содержание. Преступления против личности могут совершаться по мотивам личного обогащения, поэтому виновных следует относить к корыстному типу.

Некоторые убийства и телесные повреждения совершаются из хулиганских побуждений, по мотивам ревности и мести. Лица, действия которых направляются указанными стимулами, могут быть отнесены к насильственному типу, а виновные в изнасиловании и других половых преступлениях на почве сексуальных побуждений — к сексуальному.

Разумеется, по мотивационному критерию могут быть выделены и другие типы. Вместе с тем легко заметить в приведенной типологии, что вид преступлений не всегда совпадает с типом личности преступника. Так, виновный в убийстве (являющемся насильственным преступлением по мотивам личного обогащения) должен быть отнесен к корыстному типу.

4. В зависимости от соотношения самосознания и нравственности различаются два типа личности преступника:

- (1) **антисоциальный.** К данному типу относятся лица, совершавшие преступления неоднократно, имеющие отрицательную жизненную позицию: лица, совершающие тайное хищение имущества (воры), злоупотребляющие доверием потерпевшего (мошенники); совершающие преступления против личности (убийцы и т.п.);
- (2) **асоциальный.** Это лица, которые совершили преступление впервые в результате случайного стечения обстоятельств: в результате преступного бездействия или халатности; по самонадеянности; в состоянии аффекта и т.п.

Разумеется, любая типология носит условный характер, т.е. не каждый преступник может быть без колебаний отнесен к какому-нибудь определенному типу. Всегда можно встретить и смешанные, промежуточные типы.

3.2. Психологическая защита в преступном поведении

3.2.1. Понятие психологической защиты

Психологическая защита заключается в специфической переработке сознанием или подсознанием нежелательной для личности информации. С помощью психологической защиты личность нейтрализует

неблагоприятное воздействие определенной информации, которая по своему содержанию является нравственной. Нравственное самосознание личности, таким образом, защищается от обвинений и самообвинений, сохраняет целостность, непротиворечивость и положительную оценку образа своего «Я». И это вполне объяснимо, поскольку любая личность испытывает глубочайшую потребность не только в уважении, но и в самоуважении. При этом защита нередко является формой самообмана и искажения реальности, в результате которых может измениться система межличностных отношений.

Имеется определенная зависимость психологической защиты от таких психологических характеристик личности, как интернальность и экстернальность. *Интернал* — это человек, считающий себя причиной значимых событий, происходящих в его жизни, он также берет на себя ответственность за это. *Экстернал*, наоборот, ищет причину в чем-то или в ком-то вовне. Когда за собственное преступление некто обвиняет других, общество, государство, обстоятельства, а порой и саму жертву — это и есть проявление экстернальности. Причем такой человек не видит причин для самоизменения, даже когда суд признал его преступником.

Опыты советского психолога Э.А. Костандова показали, что психологическая защита проявляется уже на уровне психофизиологических механизмов восприятия.

В эксперименте определялись пороги опознания¹ слов у правонарушителей. Слова демонстрировались на экране короткое, но постепенно увеличивающееся время. Слова были как эмоционально нейтральные (книга, дверь, окно), так и эмоционально окрашенные, связанные с правонарушениями (суд, нападение, месть). Все испытуемые разделились на две группы. Одни опознавали эмоционально окрашенные слова позже нейтральных, т.е. порог опознания эмоциональных слов у них был повышен; другие же опознавали эти слова раньше нейтральных, т.е. порог опознания нейтральных слов у них был понижен.

Оказалось, что правонарушители из первой группы испытывают страх перед наказанием, стремятся приуменьшить вред от своего поступка. Повышение у них порога опознания свидетельствует о проявлении феномена психологической защиты, посредством которой психика ограждается от восприятия нежелательных внешних сигналов. Нарушители из второй группы испытывали чувство раскаяния и угрызения совести. Они не прибегали к психологической защите, и слова, напоминающие о преступлении, воспринимались ими раньше нейтральных. Это еще раз доказывает, что чувство вины принципиально отлично от чувства страха перед наказанием.

¹ *Порогом опознания* называется та минимальная продолжительность времени, при которой субъект успевает прочесть и повторить предъявляемое слово.

Использование психологических защитных механизмов учитывается в некоторых социологических теориях преступности, которые отражают особенности процесса социализации у разных категорий правонарушителей. Так, например, *теория делинквентных субкультур* объясняет нарушение преступниками общепринятых норм наличием у них особой, асоциальной системы ценностей и норм, противостоящих официальным. Но почему некоторые преступники нарушают правовой запрет, необходимость которого они в принципе признают? Почему, не отрицая самого факта содеянного, преступник не признает своей вины? Один из возможных ответов на этот вопрос содержится в *теории нейтрализации* американских криминологов Г. Сайкса и Д. Матзы.

Данная теория исходит из того, что социальные нормы, призывающие к должному поведению, в большинстве своем не выражаются в категорической форме. Существующая нормативная система — не жесткий свод правил, выполнение которых обязательно для каждого при любых обстоятельствах. Она обладает свойством гибкости, компромиссности. Например, хотя и есть заповедь «не лги», но ведь нравственно оправдана «ложь во спасение». Даже заповедь «не убий» не является абсолютной: она не распространяется на действия солдата на войне.

Подобного рода гибкость присуща и уголовному закону. Ведь в нем содержатся нормы, устранивающие ответственность по таким основаниям, как невменяемость, необходимая оборона, крайняя необходимость и т.д. Поскольку преступное поведение в значительной степени определяется сознательным или бессознательным расширением сферы действия подобных смягчающих обстоятельств, правонарушители используют особенности существующей нормативной системы для оправдания своего поведения. Распространяя смягчающие обстоятельства на свой конкретный случай, они «нейтрализуют» действие правовых норм в отношении себя. Оправдание своего поступка снимает для правонарушителя вопрос о собственной вине.

Такое оправдание Г. Сайкс и Д. Матза называют *нейтрализацией* и считают, что она осуществляется следующими пятью приемами.

3.2.2. Отрицание ответственности

Преступник нередко рассматривает себя как объект чьего-либо воздействия, как жертву обстоятельств (плохие родители, учителя, плохие друзья, материальные затруднения и т.д.) и этим подготавливает почву для отклонения от нормы, которую он в принципе не отвергает. Отрицание ответственности как бы *разрывает связь между субъектом и его действиями*, снимает вопрос о вине и последствиях деяния.

Уголовное право отвергает принцип «объективного вменения» — ответственность без вины: какими бы чудовищными ни были последствия деяния, субъект не подлежит уголовной ответственности, если не установлена его вина (в виде умысла или неосторожности). Поэтому нарушитель, не отрицая факта содеянного и наступивших последствий, пытается доказать отсутствие своего злого умысла или переложить ответственность на других.

Когда же вина слишком очевидна и ответственность за содеянное отрицать невозможно, нарушители применяют другой прием — отрицание вреда.

3.2.3. Отрицание вреда

Для правонарушителя вопрос о преступности поведения тесно связан с наличием вреда или ущерба, причиненного его действиями. Причем этот вред может им толковаться субъективно: хулиганство — как невинная шалость, драка — как выяснение отношений между своими, угон автомобиля соседа — как неудачная шутка и т.д. Главное, что какого-либо ощутимого вреда его действия никому из посторонних не причинили. Кроме того, действительный вред, с точки зрения преступника, был причинен ему самому (попал в колонию) или его близким (мать лишилась сына-кормильца).

В данном случае нарушители склонны рассматривать в качестве преступных только деяния с материальным составом, т.е. причиняющие конкретный реальный ущерб. Наличие же в законе формальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за действия независимо от наступивших последствий, ими игнорируется.

Если невозможно подвергнуть сомнению факт нанесения реального ущерба, нарушители прибегают к следующему приему — отрицание наличия жертвы.

3.2.4. Отрицание наличия жертвы

Даже если нарушитель признает свою ответственность за неправильные действия и готов допустить, что они причинили кому-нибудь вред, он пытается *акцентировать внимание на личности жертвы*, представляя свое деяние как *вид справедливого возмездия или наказания*: жертва превращается в злодея, а преступник — в благородного мстителя (например Юрий Деточкин из фильма «Берегись автомобиля», доктор Лектер из фильма «Молчание ягнят»). Этот прием часто называют *комплексом Робин Гуда*. Так, среди опрошенных осужденных 45,4% считают, что не нужно быть справедливым с несправедливым человеком; 57,3% полагают, что нечестных людей можно обманывать (В.Ю. Вельский, А.И. Кравченко, С.И. Курганов, 2004).

Широкому использованию такого приема самооправдания способствует его глубокая укорененность в обыденном сознании и народной культуре. И хотя мораль любого народа порицает обман, однако народный фольклор утверждает, что обман обманщика — не грех, а доблесть. Об этом говорят и шедевры мировой литературы — от «Декамерона» до «Золотого теленка». Существует даже самостоятельный литературный жанр — «плутовский роман».

Хотя снисходительное отношение к жуликам и мошенникам свойственно, видимо, любой национальной культуре (вспомните героев Дж. Лондона, О'Генри, У. Теккерея), но у русского народа это проявляется, пожалуй, наиболее отчетливо.

Своеобразную социальную солидарность с преступниками в этом отношении проявляют как простые граждане, так и сотрудники правоохранительных органов. В обыденном сознании оценка тяжести преступления во многом зависит от личности потерпевшего. Когда преступники сводят счеты друг с другом в многочисленных «разборках», подрывают в машине очередного «вора в законе», люди с удовлетворением говорят: «Туда им и дорога!» Но это опасная позиция. Во-первых, она отрицает универсальность права и неделимость понятия прав человека. Во-вторых, в процессе такого социального отбора, если ему не препятствовать, возвращается категория еще более опасных и жестоких преступников. Если правонарушителю все же не удастся опорочить жертву, то применяется такой прием, как осуждение осуждающих.

3.2.5. Осуждение осуждающих

Преступник может переключить внимание со своих действий *на действия (или личность) осуждающих его людей*: те, кто меня осуждает, сами плохие и несправедливые люди (судья — взяточник, полицейские — садисты и оборотни). Когда нарушитель видит явную (или мнимую) аморальность других людей, ему легче снизить или оправдать неблагоприятность собственных поступков.

Недаром в исправительных колониях наибольшей популярностью пользуются газетные статьи и телепередачи о преступлениях и аморальных поступках сотрудников правоохранительных органов и представителей власти. «Если чиновники берут многомиллионные взятки, строят роскошные дачи и при этом остаются безнаказанными, то почему в тюрьме оказался я? Ведь моя вина по сравнению с их виной ничтожна. Значит, общество поступило со мной явно несправедливо и тем самым освободило меня от всех моральных обязательств перед ним. Если преступно государство, то я его верный подданный». «Честного человека как девственницу можно найти, лишь в роддоме», — рассуждают осужденные. Замечено, что

осужденным вина общества перед ними нужна не меньше, чем обществу раскаяние преступников.

Когда все перечисленные выше способы не срабатывают, правонарушители прибегают к другому приему — обращению к более важным обязательствам.

3.2.6. Обращение к более важным обязательствам

Внешний и внутренний контроль могут быть нейтрализованы также в результате того, что *требования общества в целом приносятся в жертву интересам группы*, к которой принадлежит нарушитель. Он вовсе не обязательно отвергает нормы права, а скорее, рассматривает себя как человека, столкнувшегося с нравственной дилеммой, которая, к сожалению, может быть разрешена только нарушением «неразумного» закона (я не мог бросить друга, не мог показаться трусом и т.д.). В этом проявляется прагматическое отношение к морали и праву: нормы следует соблюдать, но до тех пор, пока это выгодно, пока позволяют условия.

Правовой прагматизм подтверждают исследования правосознания преступников. При изучении правосознания обычно используют методику коллизий, или казусов. В этих коллизиях имеет место *конфликт норм*: общественных и групповых, групповых и личных и т.д. Конечно, выбор возможного поведения при решении казуса не предопределяет действительного поведения, но говорит о степени значимости той или иной ценности и, следовательно, показывает вероятность реального поведения в соответствии с этой ценностью.

Так, осужденным была предложена следующая коллизия: «Старшеклассник был очевидцем разбойного нападения своих приятелей, но никому ничего об этом не сказал». Осужденные должны были оценить поведение действующего лица коллизии и выбрать вариант своего поведения в аналогичной ситуации.

При решении казуса наблюдалась следующая закономерность: осужденные дают больше правильных оценок поведения других лиц и меньше правильных вариантов своего возможного поведения. Прагматическое отношение к морали в том и проявляется, что при *положительном отношении к норме* (выбор правильного варианта поведения для других) одновременно *наблюдается готовность нарушить ее* при неблагоприятных (с точки зрения нарушителя) обстоятельствах.

Утверждения типа «я не раз предупреждал», «я не хотел этого», «я никому не причинил вреда», «они сами это заслужили», «я это сделал не для себя», часто применяемые правонарушителями в свое оправдание, сама потребность в нем говорят о том, что в противо-

правном поведении нарушители руководствуются не какими-то особыми ценностями и нормами. Они, как уже было сказано выше, используют свойства существующей нормативной системы для обоснования и оправдания своего поведения.

Разумеется, защитные механизмы, как бы ни были они сильны, недостаточны для того, чтобы полностью нейтрализовать воздействие усвоенных субъектом ценностей и неодобрительную реакцию на его поступки со стороны других лиц. Однако широкое использование личностью защитных механизмов показывает ее неспособность к трезвой самооценке, объективному анализу своего характера и поведения. Самооценка — важнейший компонент самосознания личности — не только является показателем ее критичности, но и существенно влияет на регуляцию поведения. Исследования показывают, что *самооценка преступников отличается меньшей критичностью по сравнению с законопослушными гражданами и неадекватностью, причем преобладает, как правило, завышенная самооценка.*

3.3. Психологические особенности основных категорий преступников

3.3.1. Корыстная преступность

Значительным достижением отечественной современной криминологии в конце XX столетия стала предпринятая под руководством *Ю.М. Антояна* результативная попытка исследования психологических особенностей различных категорий преступников. На основе результатов психодиагностического обследования и сравнительного анализа как преступников, так и правопослушных граждан были выявлены личностные детерминанты конкретных видов преступных деяний.

Начнем с характеристики корыстных преступлений — самых распространенных во всем мире. Анализ уровня корыстной преступности (как зарегистрированной, так и латентной) позволяет сделать нелестный для человечества вывод:

Среднестатистически в течение года их (преступлений. — *Прим. авт.*) число может превышать даже саму численность населения (В.В. Лунеев).

Корыстная мотивация является сущностной характеристикой рассматриваемых преступлений. Еще В. Даль определял корысть как страсть к приобретению, к поживе, жадность к деньгам, к богатству, любостяжание, падкость на барыш, выгода, польза, нажива, пожива, добыча или захваченные богатства.

В криминологии выделяют следующие виды корыстной преступности: общеуголовную, экономическую, коррупционную, налоговую. По корыстным мотивам нередко совершаются также экологические преступления (загрязнение вод, атмосферы, морской среды, незаконная охота, уничтожение или повреждение лесов и др.), преступления против общественной безопасности (захват заложников и др.), преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (государственная измена, шпионаж и др.).

К числу наиболее распространенных факторов таких преступлений относятся: негативные тенденции в развитии рыночных отношений и социальной сфере, неэффективная деятельность контролирующих органов, недостатки в деятельности правоохранительных органов, недостатки в законотворческой деятельности, правовой нигилизм в обществе, безработица и нищета, маргинализация населения России. Рассмотрим психологическую характеристику некоторым категориям корыстных преступников.

Воры (наибольшую долю составляют лица в возрасте 18—24 лет — 27% и 30—49 лет — 24%) имеют сходство с корыстно-насильственными преступниками, но их психологические особенности имеют значительно меньшую степень выраженности. Они более социально адаптированы, менее импульсивны, обладают меньшей ригидностью (застываемостью аффективных переживаний). Воры обладают более гибким поведением и более низким уровнем тревоги, наиболее коммуникабельны, обладают хорошо развитыми навыками общения и в большей степени стремятся к установлению межличностных контактов. Их агрессивность значительно ниже, они лучше контролируют свое поведение. Им свойственно самообвинение за ранее совершенные асоциальные деяния. Некоторые, приобщившись к воровству в ранней юности, впоследствии отходят от преступного промысла («завязывают»), пытаются трудиться честно, но... При случае могут не удержаться от соблазна.

...Оперативная группа, осуществлявшая наблюдение в метрополитене, обратила внимание на мужчину средних лет, вполне прилично одетого, с интеллигентным лицом и в некоторой степени изысканными манерами. Отметили, что на эскалаторе он, прижимаясь к пассажирам, мгновенно ощупывал их карманы. Действия его были профессионально отработаны. Украсть ему ничего не удалось, но все же решили задержать для проверки. Что же выяснилось? Оказалось, что это главный врач одной из больниц. В прошлом не судился, приводов не имеет, по службе характеризуется положительно. Словом, недоразумение.

Принесли уважаемому медику извинения. Но по прошествии какого-то времени главврач был замечен другой оперативной группой. И вскоре схвачен с поличным. Правда, в зажатой по всем правилам ладони у него оказались какие-то не имеющие ценности квитанции, которые и опознал потерпевший.

В процессе расследования для характеристики обвиняемого был допрошен в качестве свидетеля его родной брат, который показал: «На вопрос, мог ли мой брат совершить кражу, отвечаю категорически: мог. Он и меня дочиста обворовал». Некоторые из сослуживцев характеризовали главврача как человека с «двойным дном». Но никто не хотел верить, что он «докатился» до кражи из кармана. Сам же преступник, поняв, что заперяться бесполезно, объяснил свое поведение: смолоду проявлял большую сноровку в воровском ремесле, но ни разу не попался. Потом одумался, закончил институт, успешно сделал карьеру...

Лица, занимающиеся мошенничеством, обладают рядом специфических характеристик. В отличие от воров, грабителей и других преступников мошенники более «интеллектуальны», как правило, хорошие психологи, обладают элементами своеобразного «артистизма». Квалифицированным мошенникам присуще умение быстро приспосабливаться к современным условиям жизни, использовать в своих корыстных целях те или иные изменения в сфере обслуживания населения и в зависимости от этого разрабатывать новые, неизвестные практике способы совершения преступлений либо совершенствовать прежние — от развлекательных манипуляций наперсточников до создания «пирамид». Арсенал мошеннических приемов многообразен:

- *шулеры* — карточные мошенники со стародавними и, заметим, довольно стойкими традициями. Обман, как и в XIX в., реализуется посредством определенных приемов — передергиванием карт, съемкой колоды под определенную карту, пометкой (краплением) карт и просто «ловкостью рук»;
- *аферисты* — самая распространенная группа мошенников. Выдавая себя за необыкновенно деловых людей, которые «могут все», они умело входят в доверие, получают от своих «клиентов» ценности или деньги;
- *кукольники* — особая порода мошенников. «Куклы» у них бывают разные — денежные, вещевые, бутафорные и даже «живые». Сущность же одна — имитация какой-нибудь вещи: кошелек, сверток с деньгами, упаковки с ценным товаром;
- *шнейзеры* — мошенники, торгующие фальшивыми ценностями. Предлагают «товар лицом», но, пользуясь неосведомленностью покупателей, все-таки поддельный. Есть, например, такие сплавы, изделия из которых, будучи отполированными, ничем не отличаются от золотых. Их и продают как золотые. На дешевые, но хорошо сделанные носильные вещи нашивают фальшивые этикетки;
- *фармазоны* — мошенники, специализирующиеся на фальсификации драгоценных камней, в первую очередь бриллиантов.

По уровню интеллекта, артистизму и мастерству они стоят на несколько голов выше иных мошенников.

Однако новые времена рождают новые виды преступлений. Появился, например, такой способ. Звонят кому-либо по телефону. Приятный женский голос сообщает: ваш телефонный номер получил в разыгранной лотерее первый приз; за ним нужно приехать по такому-то адресу. Если вы, клонув на такую приманку, явитесь, то непременно будете втянуты в какую-нибудь мошенническую комбинацию...

Среди лиц, совершающих мошенничество, в последнее время значительная доля женщин. Например, удельный вес женщин в составе мошенников, привлеченных за завладение государственным и общественным имуществом, составляет до 30%, а среди привлеченных за завладение личным имуществом граждан — 34%. Среди мошенников наибольшая интенсивность преступного поведения приходится на группу лиц в возрасте 25—39 лет.

Помимо упомянутых выше психологических особенностей для мошенников характерны хладнокровие, сдержанность в эмоциональных проявлениях, расчетливость.

Достаточно большую долю в общей массе мошенников составляют рецидивисты. Мошенники-рецидивисты хорошо изучили приемы обмана и значительно чаще (почти в два раза) завладевают имуществом незнакомых с ними граждан, нежели другие представители преступного мира.

Согласно исследованиям И.А. Гурова, личность мошенников характеризует ярко выраженное стремление к паразитизму. Многим мошенникам свойственны моральная распущенность (38%), склонность к частому потреблению спиртных напитков (32%), лживость, лицемерие (до 30%), наглость, грубость (28%). Среди мошенников, посягающих на государственную собственность, меньший процент неработающих, выше общеобразовательный уровень и средний возраст, чем у мошенников, посягающих на собственность граждан.

3.3.2. Насильственная преступность

Несмотря на то что насильственные преступления в криминальной структуре составляют всего 5%, именно они в общественном сознании ассоциируются с понятием «преступность» и являются катализатором народного недовольства политическим режимом. В этом заключается особый аспект их общественной опасности.

Насильников характеризуют такие черты, как склонность к доминированию и преодолению препятствий. У них низкая чувствительность в межличностных контактах (эмоциональная черствость), в меньшей степени выражены склонность к самоанализу и способность поставить себя на место другого. Интеллектуальный контроль поведения такой же низкий, как и у корыстно-насильственных пре-

ступников. Для насильников характерна нарочитая демонстрация мужской модели поведения, о чем свидетельствует и характер совершаемых ими преступлений (например изнасилование, в котором сексуальные мотивы выражены в меньшей степени, а в большей — утверждение себя в мужской роли). Кроме того, им присущи импульсивность, ригидность, социальная отчужденность, нарушение адаптации.

Черты, присущие всем преступникам, выражены и у *убийц*. Вместе с тем в их поведении проявляются специфические личностные свойства. Это чаще всего возбудимые люди с высокой тревожностью. Они в первую очередь концентрируются на собственных переживаниях, а в поведении руководствуются только своими интересами. У них отсутствуют представление о ценности жизни другого человека и малейшее сопереживание. Убийцы неустойчивы в своих социальных связях и отношениях, склонны к конфликтам с окружающими. От других преступников их отличают эмоциональная неустойчивость и высокая реактивность поведения, исключительная субъективность (предвзятость) оценки происходящего. Они внутренне неорганизованны, а их высокая тревожность порождает такие черты, как подозрительность, мнительность, мстительность, которые в большинстве случаев сочетаются с беспокойством, напряженностью, раздражительностью. Убийцы обладают ригидными представлениями, которые с трудом поддаются изменению. Все затруднения и неприятности, с которыми они сталкиваются в жизни, рассматриваются ими как результат враждебных действий.

В последнее время появилось довольно значительное число лиц, которые сделали убийство по найму своей профессией, источником получения солидного денежного вознаграждения (*киллеры*). Киллеры представляют исключительную опасность для общества ввиду того, что они довольно редко несут уголовное наказание. Нередко совершенные ими дерзкие убийства преподносятся средствами массовой информации как сенсация. В результате убийцы предстают в ореоле «героев», неуловимых и неустрашимых, привлекательных для молодых читателей. Что собой представляют киллеры? Ю.М. Антонян пишет:

Наемные убийцы — это те, которые... убивают не по страсти, не из-за ненависти к конкретному человеку и мести, а по холодному расчету. Это — преступники-рационалисты, что не исключает, а, напротив, предполагает наличие у них сложнейшего переплетения глубинных мотивов именно такого поведения, не охватываемых их сознанием. И это — профессионалы, получившие необходимую подготовку в армии, в Афганистане, Таджикистане, на Кавказе и во всех тех местах, где проходили боевые действия, в которых они принимали участие.

Психологическая подготовка таких лиц начиналась, как правило, еще в подростковом возрасте в групповых драках, избивении «чужаков», совершенствовалась в преступных действиях боевиков — членов организованных преступных групп, при насилии над молодыми солдатами или «козлами отпущения» в исправительных учреждениях.

Когда один человек воспринимает другого абстрактно, как мишень для выстрела, он должен быть отчужденной личностью, т.е. эмоционально холодной, бесстрастной, что исключает сопереживание, идентификацию с людьми, умение поставить себя на их место. Он должен обладать если не полной, то весьма значительной отстраненностью от жизни, стремлением к уничтожению живого. Указанные особенности присущи большинству наемных убийц. Некоторые из них вообще не воспринимают жертву как живого человека и тем более как индивидуальность.

Является ли единственным мотивом их действий корысть, сугубо материальный интерес? Безусловно, нет, поскольку их поведение полимотивировано, что подчеркивает и Ю.М. Антонян:

Во-первых... наемные убийцы по большей части некрофильские натуры, чье поведение определяется самой потребностью в убийстве. Во-вторых, это игроки, которым очень нужно побывать в острых, возбуждающих ситуациях риска и опасности, что совсем не противоречит ранее высказанному утверждению о хладнокровии и осмотрительности таких людей. В названных ситуациях могут успешно действовать спокойные, выдержанные личности, умеющие просчитывать разные варианты. В-третьих, отнюдь не исключено, что отдельные наемные для убийства лица мстят бизнесменам или коммерсантам за то, что те удачливее и богаче, что они делают то, о чем убийца может лишь мечтать.

В отличие от просто убийц с повышенной ранимостью и восприимчивостью в межличностных отношениях киллеры спокойны и уравновешенны. Их трудно вывести из равновесия. Они не дадут себя втянуть в уличную ссору или домашний конфликт. Отличительная их черта — умение быть незаметными, ничем не привлекать к себе внимания. Это одно из условий их успешной деятельности по выполнению «заказов». Таким образом, в лице наемных убийц правоохранительные органы и общество столкнулись с довольно необычным явлением, с особой категорией преступников.

Можно выделить преступления, вызывающие, пожалуй, не меньший общественный резонанс, — *многоэпизодные сексуальные убийства*, которые в последние годы стали совершаться все чаще. Серийные сексуальные убийства имеют свою специфику:

- (1) число жертв — не менее двух;
- (2) жертвами становятся подростки и дети обоего пола¹, а также взрослые женщины;
- (3) большинство убийств совершается с особой жестокостью;
- (4) все убийства связаны с сексуальными переживаниями;
- (5) в большинстве случаев жертва специально не выбирается, нападение часто совершается и на случайно подвернувшихся лиц;
- (6) убийства совершаются с разной периодичностью различными способами и орудиями;
- (7) иногда сексуальные убийства сопровождаются актами каннибализма;
- (8) все серийные сексуальные убийства совершаются в условиях неочевидности.

Некоторые психологи, а вслед за ними и журналисты, характеризуют маниакальных убийц, пользуются таким выражением: «Они питаются смертью». При этом подразумевается, что смерть жертв дает им сугубо эмоциональную, психологическую пищу, необходимую для удовлетворения амбиций, самоутверждения, получения эмоциональной разрядки и сексуального удовольствия. С позиции концепции доктора биологических наук В.М. Инюшина указанная трактовка приведенного выражения может быть уточнена, если учесть, что смерть жертвы для серийного убийцы является не только психологической категорией, но еще и биоэнергетическим фактором. В.М. Инюшин подчеркивает:

Поглощая («пожирая») биоплазмод жертвы, убийца резко увеличивает свой биоэнергетический потенциал, приобретает такие запасы психической энергии, которые долгие годы могут питать его невидимую агрессию.

Сексуальные убийцы-маньяки обычно выслеживают жертву, внезапно нападают на нее, приводя в состояние шока, насилуют, наносят множество телесных повреждений и т.д. Эти кровавые злодеяния поражают своей необычностью, невыносимой жестокостью, неумолимостью и цинизмом убийц, числом жертв, среди которых немало детей.

В числе таких преступников — Бруно Людке, убивший в Германии по сексуальным мотивам 85 женщин в период с 1928 по 1943 г.; жертвами Педро Алонсо Лопеса стали 300 малолетних девочек в возрасте до 10 лет. Среди отечественных кровопийц рекордсменами

¹ Сексуальных извращенцев, «специализирующихся» на детях, называют *педофилами* (буквальный перевод — «любящие» детей). Самой опасной разновидностью педофилов являются *мизопеды* (букв. «детоненавистники») — сексуальные садисты-убийцы. Истязая, а затем убивая ребенка, мизопед получает наивысшее сексуальное удовлетворение.

являются Чикатило, убивший в разных регионах России 53 человека (1978—1991), Михасевич, уничтоживший в 1980-е гг. в Белоруссии 37 женщин, а также Кузнецов, который убил в Москве и на Украине 20 женщин.

Статистические показатели позволяют получить некоторую общую модель личности преступника, совершающего многоэпизодные убийства по сексуальным мотивам. Это молодой человек в возрасте от 19 до 24 лет, не состоящий в браке, принадлежащий к рабочей среде, закончивший 7—9 классов общеобразовательной школы, не привлекавшийся ранее к уголовной ответственности, страдающий расстройством психической деятельности в форме психопатии.

Что касается психологических особенностей указанных лиц, то они характеризуются ранимостью, внутренней напряженностью, тревожностью, ригидностью, подозрительностью, злопамятностью, высоким уровнем агрессивности. Наличие аффективных установок, проявление нетерпимости и враждебности не позволяют им изменить стереотип поведения, обуславливают нарушения социального взаимодействия, плохую социальную приспособляемость. Им присущи импульсивность, непосредственная реализация в поведении возникающих побуждений, крайний эгоцентризм с сосредоточенностью на собственной личности, собственных переживаниях, пренебрежение к интересам и чувствам других людей, иногда с ощущением собственной необычности, постоянным желанием самовыражения, привлечения к себе внимания.

Однако следует отметить, что в нашей стране до сих пор отсутствуют эффективные способы обнаружения сексуальных маньяков. Так, по делу А. Чикатило существовало несколько версий, опиравшихся на мнения различных ученых.

Один из институтов смог дать по этому делу лишь следующее заключение о разыскиваемом преступнике: «Достиг половой зрелости и является физически хорошо развитым мужчиной». Специалист другого научного центра доказывал, что преступника надо искать среди гомосексуалистов. Эксперты из третьего института заявляли, что убийц двое. Первый — скорее всего, «неквалифицированный рабочий» в возрасте 34—40 лет, астенического сложения. Он одинок, не интересуется женщинами, совершает убийства мальчиков из-за половой страсти к детям, некросадизма. Второй убийца, по мнению ученых, должен быть «работником детских учреждений» в возрасте 25—30 лет, нападающий на девочек и женщин из-за стойких бредовых идей.

На самом деле Чикатило не относился ни к гомосексуалистам в классическом смысле этого понятия, ни к невменяемым лицам.

Крайнюю опасность представляет такое набирающее в последнее время силу явление, как *терроризм*, имеющий транснациональную распространенность.

Чаще всего толчком к террористическим действиям являются чувство безвыходности из той ситуации, в которой оказались какие-то люди, некое меньшинство, и психологический дискомфорт, который побуждает их оценивать свое положение как драматическое. Это может быть меньшинство национальное, как, скажем, баски, корсиканцы, бретонцы, ирландцы, или же меньшинство, объединяющееся по каким-либо идеологическим убеждениям или религиозным мотивам. Во всех случаях у терроризма мотивация схожая: наш народ, наша культура, наш язык, наша вера на грани исчезновения... а поскольку нашим доводам никто не внимлет, остается одно — язык ответного насилия, язык бомб...

Однако наряду с такими разновидностями терроризма, как информационный, экономический, социальный (бытовой), политический, идейный, религиозный, в последнее время все чаще на первый план выходит такая его разновидность, как суицидальный терроризм (использование террористов-смертников).

В арсенале террористических организаций террористы-смертники относятся к категории так называемого «оружия священного возмездия». Известно, что смертникам чаще всего свойственны религиозный фанатизм и национальный экстремизм.

Результаты деятельности правоохранительных органов свидетельствуют, что террористов-одиночек практически нет, а есть разветвленная и глубоко законспирированная сеть международных террористических и экстремистских организаций. Террористические акции готовятся и совершаются организованными группами по четко отработанной схеме, с жестким распределением ролей: одна группа организует вербовку и психологическую обработку лиц, подготавливаемых в исполнители террористических актов, другая осуществляет их транспортировку, размещение и легендирование, третья — изготовление взрывных устройств, четвертая — выбор объектов терактов и координацию действий остальных групп и т.д.

В настоящее время используется три типа исполнителей суицидального террористического акта.

Первые — лица, хорошо понимающие, на что они идут, сохраняющие контроль за своим поведением до последней минуты. Костяк подобных исполнителей составляют глубоко верующие мужчины среднего возраста, совершившие религиозные или бытовые преступления и осужденные шариатскими судами к смертной казни. Совершение суицидального теракта трактуется шариатскими судьями как наиболее приемлемый для истинного мусульманина способ искупить свою вину. Для осужденного шариатским судом совершение суицидального теракта — единственный способ сохранить уважение к

своей семье, а значит, статус и благополучие для своих детей. Смертный приговор шариатского суда не будет приведен в исполнение до тех пор, пока представители террористических организаций не определят, подходит ли им данный человек.

Вторые — молодые люди и подростки, прошедшие специальную подготовку в «джамаатах». Как правило, это сироты из малообеспеченных семей, не имеющие влиятельных родственников и слабо приспособленные к самостоятельной жизни. В «джамаатах» они получают заботу, которой были лишены, и постоянную идеологическую обработку, в ходе которой объясняется, в чем источник счастья (в истинной вере), кто настоящие друзья (наставники из «джамаата»), кто истинный враг, повинный во всех бедах (неверные и более конкретно — будущий объект теракта), что нужно сделать, чтобы достичь полного счастья и отвести беду от близких (совершить теракт). Технологии обработки, используемые в «джамаатах», требуют от трех до шести месяцев подготовки. Как показывает практика, обе эти категории исполнителей имеют специфические особенности поведения, привлекающие внимание в местах, где религиозный фанатизм не приветствуется, поэтому их используют чаще всего на территории Северного Кавказа.

Третьи — молодые девушки («невесты аллаха») и женщины средних лет («черные вдовы»). По мнению планировщиков терактов, женщины этих типов вызывают меньше всего настороженности и имеют больше шансов приблизиться к объекту.

В зависимости от индивидуальных особенностей будущей «шахидки» при психологической обработке упор делается либо на идеологию, либо на психотропные препараты. Женщины 20—35 лет (будущие «черные вдовы») отбираются среди тех, кто потерял своих близких и не имеет мощной тейповой поддержки. Вербовщики из ваххабитских общин стараются оторвать этих женщин от семьи и максимально подчинить джамаату (ваххабитской общине).

В мировой практике известны случаи внедрения террористов-смертников в подразделения охраны, в среду аккредитованных на соответствующие мероприятия журналистов. Все чаще вербуются лица с ограниченными возможностями здоровья (инвалиды). По замыслу организаторов террористических акций явно выраженные физические недостатки заставляют относиться к подобному человеку с сочувствием, а не опаской, что облегчает проникновение к местам совершения преступлений.

3.3.3. Преступность среди женщин

Все большее внимание общественности привлекает психологический портрет современной женщины-преступницы. Еще в 1893 г. известный русский юрист *И.Я. Фойницкий* писал:

...Захватывающий интерес представляет этот вопрос (о преступности женщин. — *Прим. авт.*) по тому огромному значению, которое занимает в нашей жизни женщина как наша мать, жена, сестра или дочь, как производительница поколений, хранительница традиций, первая и основная воспитательница человека.

И.Я. Фойницкий

Анализ современных социально-экономических процессов, условий жизни женщин позволяет считать, что причины их преступного поведения связаны с такими явлениями, как:

- вытеснение их из сферы общественного производства и недостатки правового регулирования женского труда (70% безработных — женщины);
- невостребованность на рынке труда молодежи (в первую очередь лиц женского пола);
- ослабление роли семьи (35% женщин-преступниц разведены);
- расслоение общества по материальным, культурным и другим показателям;
- резкое разрушение стереотипов образа жизни, смена жизненных ориентиров и ценностей (милосердие, женственность, человеколюбие, мягкость, добросердечность и т.д.);
- повышенная криминогенность культуры, навязываемая средствами массовой информации;
- возросшая в обществе напряженность, неуверенность в завтрашнем дне, враждебность и конфликты между людьми;
- рост антиобщественных явлений (алкоголизм, наркотизм, проституция, бродяжничество среди женщин).

Хотя удельный вес женской преступности гораздо ниже мужской, однако и он в последнее время неудержимо увеличивается, а уголовно-правовая характеристика совершаемых женщинами преступлений представлена практически всем перечнем составов.

В целом женщинам-преступницам по сравнению с преступниками-мужчинами в меньшей степени свойственны асоциальные установки, у них отмечается отсутствие устойчивых преступных убеждений; социально-психологическая адаптация хотя и нарушена, но глубоких дефектов не имеет. В отличие от преступников-мужчин женщинам-преступницам, как правило, свойственны чувство вины, повышенная тревога за свое будущее, эмоциональная ранимость. Этого, конечно, нельзя сказать о *рецидивистках*, которые давно утратили социально-позитивные контакты и стали, по сути, дезадап-

тированными личностями. Психологическую специфику указанным лицам придает то, что у многих из них имеются психические аномалии и расстройства, в том числе и в связи с возрастными изменениями.

Интересны данные психологического обследования в отношении *отдельных категорий насильственных преступниц* (С.А. Попова, 2009).

Женщин, совершивших убийство своих мужей (сожителей) или причинивших им тяжкие телесные повреждения, отличает высокий уровень эмоциональности, упрямство, отсутствие чувства вины или раскаяния в совершенном преступлении. Отличительной чертой женщин-детоубийц является дисгармоничность их личности, которая выражается в сочетании двух противоречивых тенденций: с одной стороны, испытываемые ими депрессивные состояния побуждают их стремиться к общению с людьми, а с другой — подозрительно относясь к большинству людей, они боятся общения. Наиболее типично это для женщин, убивших своих внебрачных новорожденных детей. Указанное преступление, как правило, связано с боязнью осуждения со стороны окружающих людей и в то же время со стремлением заслужить их уважение и признание.

Характеризуя *женщину-террористку* как тип, следует подчеркнуть их наибольшее участие прежде всего в политическом терроризме. Это, видимо, связано с большей (сравнительно с мужчинами) склонностью женщин к эмоциональному, а не рациональному восприятию действительности, с ее большей впечатлительностью и подверженностью фанатизму, потребностью в некоем идеале, за который можно было бы бороться до конца, влиянием всепоглощающей идеи. Удовлетворить подобные чувства и запросы как раз и может участие в политической борьбе, в жертву которой приносится все то, что традиционно принято считать женским уделом — семья и дети. При этом психологически оформляется особая категория женщин. Но существует — и это особенно характерно для периодов социальных переворотов — неожиданная в этом контексте порода женщин, подчеркнута не связанных с семьей, не отягощенных узами обычаев и морали. Из таких женщин, которых отлично используют расчетливые мужчины, чаще всего рождаются преданные революционной идеологии террористки или сектантки, которые порой опаснее мужчин, потому что, презрев функции женщины, они получают взамен лишь цель. Цель — убить. И если для этого нужно погибнуть самой, гибель оказывается для них лишь продолжением служения идеалам революции.

3.3.4. Преступления по неосторожности

Преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности. Уголовный кодекс России включает около тридцати статей, предусматривающих

ответственность за такие преступления. Все неосторожные преступления можно поделить на две большие группы в зависимости от того, связаны они с эксплуатацией техники или нет.

Исследованиями криминальных психологов установлено, что лица, совершившие неосторожные преступления, отличаются по своим особенностям от совершивших умышленные преступления. Однако, по утверждению профессора В.Е. Квашиса,

диапазон социальной деформации личности этой категории правонарушителей настолько широк, что он сближает некоторых из них с правопослушными гражданами и в то же время в отношении другой части этих лиц нивелирует сколько-либо серьезные различия с личностью умышленных преступников.

Тем не менее им в меньшей степени, чем совершившим умышленные преступления, присущи криминогенные свойства личности. Для неосторожных преступников характерно возложение вины за свои неудачи и потери на себя в отличие от умышленных преступников, которые склонны во всем обвинять окружающих.

Лица, совершающие преступления по неосторожности, характеризуются также высоким уровнем тревожности, обнаруживают неуверенность в себе, склонность к волнениям при стрессе и избыточный самоконтроль. В экстремальной ситуации легко теряются, проявляют тенденцию к эмоциональной, а не рациональной, спокойной реакции на угрозы. Все это приводит к дезорганизованному поведению в критической ситуации, увеличению количества ошибок. Нахождение таких лиц в состоянии алкогольного опьянения максимально способствует повышению аварийности в условиях дорожного движения.

А вот исследовательские данные о психологических причинах аварий и катастроф, совершенных тихоокеанскими судоводителями, на которые они указали при опросе:

- усталость, напряжение (59% опрошенных);
- нелюбовь к профессии (18%);
- недостаток опыта (12%);
- плохие условия работы и отдыха (12%);
- низкая дисциплина на судне, пьянство (12%);
- слабая физическая и психологическая подготовка (11%);
- неуверенность в себе (10%);
- ненормальные отношения в экипаже (5%).

Как видно, речь идет не только о личных психофизиологических качествах командиров и членов экипажа, но и о некоторых социальных факторах, затрудняющих правильные действия в сложной обстановке вождения корабля, в частности о неблагоприятных условиях работы и отдыха.

В целом преступления, совершаемые по неосторожности, составляют примерно 2—3% всей преступности.

С учетом рассмотренных в этом параграфе данных о нравственных и психологических чертах перечисленных выше категорий преступников можно утверждать, что личность преступника отличается от личности законопослушного гражданина негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников. Эта специфика нравственно-психологического облика является одним из факторов совершения ими преступлений, что отнюдь не является психологизацией причин преступности, поскольку нравственные особенности, как и психологические, складываются под влиянием тех социальных отношений, в которые был включен индивид, т.е. имеют в основе своей социальное происхождение.

3.4. Психология преступных групп

3.4.1. Виды преступных формирований

В связи с тем что каждому из выделенных в законодательстве видов преступных групп, организаций и сообществ присущи свои социально-психологические закономерности возникновения и функционирования, особенности внутренней структуры и распределения ролей, а также психологические механизмы управления и осуществления преступной деятельности, психологический анализ преступных формирований целесообразно проводить в аспекте роста их преступной сплоченности и организованности.

К наиболее простому типу преступных формирований обычно относят *случайные преступные группы* (ч. 1 ст. 35 УК РФ). Они состоят из двух и более лиц, которые объединились стихийно, без предварительного сговора, на основе спонтанно возникшей ситуации, под воздействием эмоций, настроения и чувства солидарности соисполнителей. Стихийные группы обычно совершают преступление внезапно: либо поддавшись брошенному кем-то призыву типа «Наших бьют!», либо под воздействием общего эмоционально-волевого настроя. Из-за спонтанности объединения уровень психологической сплоченности в случайной преступной группе крайне низок, а явный лидер или организатор отсутствует. В случае разоблачения взаимная поддержка и защита проявляются слабо.

Данная форма группового соучастия имеет наибольшую распространенность в подростковой и молодежной среде, а также встречается и среди взрослых, склонных к хулиганским действиям.

Законодатель в ч. 2 ст. 35 УК РФ отдельно выделяет *устойчивые преступные группы*, состоящие из двух и более человек, которые

объединились заранее, по предварительному сговору, для совершения определенного преступного деяния.

Данные группы могут представлять собой как результат дальнейшего развития случайных преступных групп, которым удалось остаться незаблуженными, так и форму умышленного соучастия преступников в целях достижения максимальной выгоды за счет распределения криминальных ролей, коллективной подготовки к совершению преступления, сокрытия следов и избежания уголовной ответственности.

Специфическими социально-психологическими чертами устойчивых преступных групп являются:

- добровольное вступление в них и поддержание между членами эмоциональных связей;
- тесное криминальное взаимодействие при определении объектов преступного деяния, подготовке и совершении преступления;
- конспирация преступных замыслов и изолированность от внешнего окружения, затрудняющие проникновение посторонних лиц;
- отсутствие четко признанного всеми лидера, но существование авторитарного руководящего ядра и круговой поруки.

При расследовании преступлений, совершенных подобной группой, из-за определенной сплоченности получить правдивые показания более трудно, чем от лиц случайной преступной группы, а поэтому сложно выявить вину руководящего ядра.

3.4.2. Психологическая характеристика организованных преступных групп

В части 3 ст. 35 УК РФ показаны признаки такой достаточно устойчивой и опасной формы преступных формирований, как *организованные преступные группы*. Их отличительными характеристиками являются устойчивость, сплоченность, иерархичная структура, защищенность. Это, как правило, объединения на основе умышленного совершения преступных деяний. Для них характерно то, что тщательной подготовкой и планированием преступлений занимаются главарь (лидер) и руководящее ядро, которыми распределяются роли среди соучастников, ведется разноплановый сбор информации и оснащение техникой и т.д.

Лидер организованной преступной группы, как правило, имеет криминальный опыт, чаще всего судим, знаком с методами деятельности оперативных аппаратов. Он является своеобразным генератором преступных идей и взглядов; он изобретателен, честолюбив, предприимчив, решителен. Ему присущи волевые качества, быстрота ориентирования и принятия решений в сложных ситуациях. Под маской добродетельности и порядочности часто скрывается

жестокость, расчетливость, несправедливость, лживость, мстительность; способен оказывать влияние и подчинять своей воле других. Среди лидеров наблюдается нарастающее стремление налаживать контакты с высокопоставленными должностными лицами, деятелями культуры, науки и искусства. Внешне такие лица стараются держать себя «на высоте», вырабатывают определенный имидж, умеют общаться с другими людьми, поддерживать беседу.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть становление подольского преступного сообщества, возглавляемого Л., который в процессе формирования организованной преступной группы активно поддерживал связи с «ворами в законе». Их преступная деятельность на первоначальном этапе сводилась к вымогательству, незаконному обороту наркотиков и т.д. В 1993—1995 гг. преступному сообществу предоставилась возможность легализовать незаконно добытые средства через ИЧП «Властелина». «Отмытые» таким образом средства были направлены в легальный бизнес и позволили официально зарегистрировать коммерческие предприятия по строительству коттеджей, организовать продовольственный рынок и т.д. Сам же Л. занял руководящую должность в фирме «Союзконтракт». По имеющейся информации, одним из его партнеров являлся гражданин США — К., который, по оперативным данным, также занимался наркобизнесом под видом поставок продуктов.

Для установления контактов с чиновниками различного ранга Л. и его партнеры использовали различные шоу. Так, фирма «Союзконтракт» спонсировала Игры доброй воли в Санкт-Петербурге, участвовала в различных программах на телевидении и при проведении шоу с участием звезд эстрады, организовывала спортивные турниры, на которые приглашались видные политические деятели.

В последние годы Л. перешел в разряд крупных бизнесменов, имеющих обширные связи, избегает открытого общения с лицами, которые явно занимаются криминальной деятельностью и находятся под контролем правоохранительных органов. Более того, его подручный П., используя способы юридической защиты, обжаловал в Верховном Суде РФ приговор суда за 1990 г., с тем чтобы в дальнейшем выдвинуть свою кандидатуру на выборы в местные органы власти.

Несомненно, данная «биография» не единична и не однотипна. Многообразие видов преступной деятельности обуславливает достаточно широкий набор психологических качеств личности лидера.

Визирь, или *заместитель*, — второе по значению лицо в группе. Заместителей может быть один или несколько в зависимости от размера группы. В функции визиря входит информирование лидера об обстановке внутри группы и за ее пределами. Заместители являются посредниками в общении между лидером и нижестоящими членами группы; единолично разрешают проблемы, возникающие между членами группы либо между членами разных групп (если

конфликт может быть улажен без вмешательства первого лица); устраняют противоречия между членами группы и лидерами, не являющимися представителями организованной преступной деятельности; в их обязанности также может входить представительство при межгрупповых контактах в вопросах непервостепенной важности.

Звеньевые и бригадиры — условные руководители мелких, малочисленных групп внутри организованного преступного объединения, не имеющие права персонального выхода на первое лицо. При этом уровень звеньевых чуть выше, чем уровень бригадиров, и они более близки к заместителям, чем бригады. Звеньевые и бригадиры имеют право осуществлять представительские функции за пределами группировки только на своем уровне, т.е. в тех случаях, когда конфликт можно разрешить на уровне звеньев и бригад.

Рядовые участники организованной преступной деятельности, или бойцы, никому не имеют права приказывать, не имеют никого в подчинении, выполняют указания всех вышестоящих членов группировки или организации, причем старшие — опосредованно.

Отдельно стоят *пособники* — лица, непосредственно не участвующие в преступлениях, совершаемых организованными преступными объединениями, но так или иначе способствующие их существованию и функционированию. Сюда можно отнести коррумпированных должностных лиц, в том числе из правоохранительных и контролирующих органов, поставщиков оружия и поддельных документов, врачей, оказывающих анонимную медицинскую помощь.

В зависимости от характера преступной деятельности группа делится на несколько звеньев, обеспечивающих ее жизнедеятельность: разведчики, боевики, группы прикрытия и пр. Среди подобных криминальных формирований в силу специфичности образования и функционирования можно выделять «бригады», «общины» и «банды».

«*Бригады*» представляют собой преступные группы, возникшие по территориальному признаку еще в перестроечный период. Именно тогда «дворово-уличные», «спортивные» и иные «команды» прошли путь от «социально-нейтральных» к «неустойчиво-криминальным» и от них к «преступным формированиям», которые обложили растущей данью предпринимателей и расширили сферу своих криминальных деяний, в том числе за счет устранения конкурентов. Наглядным примером подобных формирований могут служить существовавшие ранее, например, в Москве «люберецкая», «солнцевская», «коптевская» и другие преступные группировки, которые насчитывали в своих рядах, по разным оценкам, от 300 до 500 активных участников.

«*Общины*» — это преступные образования, состоящие в своей основе из лиц, объединенных по национальному или земляческому принципу (например, чеченская, дагестанская, грузинская, вьетнамская, афганская «общины»). В настоящее время внутри «общин»

имеются и организованные преступные группы, которые совершают различные виды преступных деяний — разбой, грабеж, вымогательство, «сбор дани за обеспечение охраны», сутенерство и пр.

Нередко лидеры «бригад» и «общин», сколотив достаточный капитал, вступают в сферы легального бизнеса, отмывая тем самым преступно добытые средства.

Среди организованных преступных групп особое место занимают *бандитские формирования*, которые представляют собой устойчивые вооруженные группировки, состоящие из небольшого числа членов (обычно до десяти человек) и осуществляющие жестокие корыстно-насильственные действия. По степени преступной направленности выделяются три группы банд: (1) «классическая», (2) «специализированная» и (3) «заказники».

Первые две имеют иерархическое строение по типу традиционных «шак», которые действуют путем открытого вооруженного нападения на отдельных граждан или организации в целях завладения деньгами или другими ценностями.

«*Специализированные*» банды обычно практикуются на одном или нескольких хорошо отработанных способах корыстно-насильственных преступлений (например, похищении бизнесменов в целях последующего их выкупа или получения «дарственных»).

«*Заказники*» — это банды, которые совершают преступления за вознаграждения (например, силовое давление на конкурентов «заказника», киллерство и пр.).

В части 4 ст. 35 УК РФ законодателем выделены наиболее криминально опасные преступные формирования — *сплоченные организованные преступные группы*, преступные сообщества (организации), а также различного рода объединения организованных преступных групп, созданные для совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

В своей преступной деятельности члены данного образования руководствуются ярко выраженной криминальной идеей, традициями и обычаями, а поэтому у таких групп, как правило, отсутствуют коррумпированные связи и тесное взаимодействие с органами и представителями власти. Главарь осуществляет при поддержке руководящего ядра жестокое подавление любого инакомыслия или отступничества, выступает арбитром при разрешении возникающих внутренних конфликтов.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что *главарь банды* характеризуется как честолюбивый, нетерпимый к критике, агрессивный и жестокий человек. В то же время он общителен, умеет строить доверительные отношения с людьми, входить с ними в психологический контакт. Вовлекая в банду других членов, он использует приемы психологического воздействия на человека, учитывая его слабости и особенности характера. Постоянно контроли-

руя настроение банды и отдельных ее членов, прогнозирует возможные варианты их поведения. Как правило, не имея высокого образовательного уровня, он достаточно сообразителен.

Для успешной деятельности такая группа вынуждена взаимодействовать с другими территориальными преступными формированиями, а также отдельными преступными элементами, которые могут обеспечивать ее жизнедеятельность.

Наиболее часто организованные преступные группы занимаются совершением профессиональных краж (квартирных, автомобилей, транспортных грузов), грабежом и разбоем, вымогательством (рэкет), мошенничеством, контрабандой.

3.4.3. Психологическая характеристика преступного сообщества

Преступное сообщество (организация) — это наиболее устойчивое, организационно сложенное, иерархическое криминальное образование. Для него типичным является:

- наличие солидной материальной и финансовой базы (от общих денежных касс, «общаков», до создания собственных коммерческих структур, вложение крупных денежных средств в недвижимость или банки);
- коллегиальная форма руководства, при которой управление организацией осуществляется группой лиц, которые персонально курируют различные филиалы сообщества, поддерживают связь с госчиновниками;
- разработка и внедрение устава в виде неформальных норм поведения, традиций, санкций за их нарушения, свой жаргон (языково-понятийный аппарат внутригруппового общения);
- усовершенствование функционально-иерархического построения организации из-за необходимости поддержания межрегиональных и межотраслевых связей, отношений по вертикали и горизонтали и т.п.;
- постоянное расширение информационной базы, в том числе за счет сведений о коррумпированных чиновниках госаппарата, о положении дел в органах власти, банках и предпринимательских структурах;
- внедрение своих людей и поддержка доверенных лиц в органах власти, в судебной, правоохранительной системах и т.п.

В отличие от главаря банды *лидер организованных преступных сообществ* является более образованным человеком. Он творчески подходит к поиску новых возможностей обогащения и достижения власти. Его можно назвать интеллектуальным преступником. Кроме того, к числу основных качеств, присущих такому лидеру, относятся: организаторские способности, предприимчивость, решительность, умение убеждать в своей правоте, способность влиять на людей,

коммуникабельность, высокий профессиональный и интеллектуальный уровень и др.

На сегодняшний день лидеры фактически не принимают непосредственного участия в совершении преступлений. Они обеспечивают их тщательную подготовку и осуществление.

В конце 1980-х и в 1990-х гг. большое распространение получила кооперация профессиональных преступных лидеров («воров в законе») как особая форма объединения преступников, не имеющая аналогов в мировой преступной практике. Подобные объединения, основывающиеся на уголовных традициях и неформальных законах, равноправии участников, пытаются и сейчас оказывать нужное влияние не только на все сферы жизни в отдельных регионах, но и выйти на связь с международной преступностью.

Управление кооперацией «воров в законе» осуществляется с помощью «воровских сходок», а воздействие на криминальную среду — посредством специально выделенных лиц и воровских обращений.

Однако процесс интеграции «воров в законе» нередко осложняется противоречиями между «ворами» *старой и новой формаций*. Идеология у старых и новых «воров» различна. Например, в преступном мире национализм всегда пресекался, сейчас же современные «воры» перекроили «воровскую» идею на новый лад, в результате чего идет раздел сфер влияния между «ворами» по национальному признаку: грузинские «воры» не признают российских. По старому «воровскому» закону среди чеченцев не могло быть «воров», недавно их стали признавать. Также прослеживается тенденция к разделу по вероисповеданию.

В то же время новые «воры» стараются избегать нанесения татуировок — неперемного атрибута членов старого «воровского» сообщества. В последние годы это считается непрестижным.

Старые «воры» обвиняют молодых в неподдержании традиций, перекраивании «кодекса», в том, что они имеют семью, вступают в контакты с сотрудниками правоохранительных органов, часто пользуются «общаком» в личных целях, участвуют в бизнесе, имеют дачи, машины, не приветствуют аскетизм.

В отличие от старых «воров в законе», которые должны были жить на средства, полученные в результате совершенных лично ими преступлений (как правило, краж), новые «воры в законе», значительно расширив перечень «допустимых» для них преступлений (вымогательство, бандитизм), основную цель своей преступной деятельности видят в добычании денег у подпольных миллионеров. Сегодня «воровской» идее уже не противоречит взимание дани.

В настоящее время звание «вора в законе» можно купить за деньги, и это не будет аморально, так как наличие денег считается престижным и поднимает авторитет купившего. За деньги «вором» может стать и ранее несудимый. Поэтому подавляющее большинство преступников, именующих себя «ворами в законе», — это обычные

«апельсины», т.е. люди, подчас вообще «зоны не топтавшие». Говорят, что сейчас «корона» «вора в законе» стоит несколько миллионов долларов.

По данным криминологов, наиболее элитная часть «воров в законе» в настоящее время открыто не объявляется и известна лишь узкому кругу, что подтверждает тенденцию усиления конспиративности жизнедеятельности «воровского» сообщества и дальнейшего продвижения его представителей в высшие властные сферы.

На сегодняшний день отсутствует информация об убийствах «воров в законе» за нарушение «воровских» традиций. Как правило, все убийства связаны с переделом сфер влияния и имеют экономическую подоплеку.

Все вышесказанное сводит на нет традиционные представления о «ворах в законе» как о лицах, строго соблюдающих «кодекс воровской чести», жизнь которых была поистине спартанской.

Учитывая исключительную опасность для российского общества устойчивых, сплоченных преступных группировок, различного рода преступных сообществ (организаций) и объединений, законодатель счел важным считать их создание, участие в них или в совершаемых ими преступлениях в любой форме соучастия преступлением (ст. 210 УК РФ).

В целях оптимизации борьбы с преступными формированиями необходимо обращать внимание на следующие факторы.

1. Причины объединения в данную группу:

- невозможность совершить преступление без «объединения»;
- общность преступных интересов;
- личные симпатии;
- общие нормы поведения, общие убеждения, аналогичные дефекты правосознания и т.д.

2. Распределение ролей в группе.

Следует учитывать волевые качества, организаторские способности, авторитетность и инициативность лидеров и конформизм, безволие второстепенных членов.

И.И. Карпец

Кроме того, при анализе следует учитывать уровень специальных знаний и навыков, реализуемых в преступлении. Нельзя также забывать, что обмен преступным опытом делает многих членов группы опаснее, чем они были.

3. Внутригрупповые конфликты и противоречия.

Борьба с организованной преступностью, по меткому выражению профессора *И.И. Карпеца*,

должна начинаться не с усилий правоохранительных органов, а с парламента и правительства, нередко самих пораженных вирусом коррупции, взяточничества, прямыми или косвенными связями с организованной преступностью. Особенно это применительно к проникновению воротил наркобизнеса в официальные структуры, созданию ложных фирм в экономике и проникновению экономической организованной преступности в легальный бизнес... В этом отношении необходимо уделить внимание и ее психологической составляющей...

3.5. Психологическая характеристика потерпевшего

3.5.1. Причины изучения психологии потерпевшего

В научной литературе и правоохранительной практике не так давно наблюдалась недооценка роли личности потерпевшего, так как его односторонне рассматривали как носителя только своих индивидуальных интересов. Между тем личности потерпевшего во всяком деле в большем или меньшем объеме присущи социальные интересы. От структуры личности потерпевшего и от его поведения, которое тесно связано с его личностью и является ее функцией, зависит осуществление преступных намерений, активная оборона от преступных посягательств, отстаивание общественных интересов и т.д.

Материалы исследований и данные уголовной статистики показывают, что многие противоправные деяния *обусловлены поведением самой жертвы преступления*, а именно:

- особенностями ситуационного состояния (опьянение), состоянием здоровья (дефекты органов чувств), особым психическим настроением, связанным с неадекватными действиями в обычной ситуации;
- небрежным отношением к безопасности своей личности, чести, достоинству и сохранности имущества;
- нежеланием сообщить правоохранительным органам об уже имевшем место в отношении него преступлении;
- легкомысленным отношением к правилам, охраняющим общественный порядок и безопасность;
- вступлением в незаконную сделку;
- провоцирующим поведением.

3.5.2. Психологические исследования индивидуально-личностных и поведенческо-психологических особенностей потерпевшего

Психологические исследования индивидуально-личностных и поведенческо-психологических особенностей потерпевшего представляются

весьма актуальными, так как способствуют решению целого ряда вопросов, более правильной квалификации преступления, глубокому исследованию его причин и условий, более всестороннему расследованию уголовного дела, обнаружению новых доказательств и т.д.

Исследование данной проблемы включает в себя следующие аспекты: программу и методы исследования личности потерпевшего, исследование поведения потерпевшего непосредственно перед событием преступления, в момент события преступления и после него и, наконец, в стадии предварительного следствия.

Программу исследования личности потерпевшего можно условно разделить на:

(1) «*статическую область*», которая включает:

- индивидуальные особенности личности: темперамент потерпевшего (сильный, активный, подвижный при прочих равных условиях находится в более выгодном положении), черты характера (в первую очередь волевые качества, в частности воля к борьбе и воля к сопротивлению, а также самолюбие, гордость, застенчивость и т.д.);
- жизненный опыт, имеющий большое значение в поведении потерпевшего по делам о половых преступлениях, преступлениях на транспорте, в области нарушении правил техники безопасности (в последних случаях большую роль играют специальные и профессиональные навыки потерпевшего). К этой категории примыкает такая характеристика потерпевшего, как его бывшая и настоящая специальности и связанные с этим специальные навыки. На поведение потерпевшего оказывает существенное влияние правосознание: знание законов и своих прав дает дополнительные возможности при отражении преступного нападения, создает убежденность в правоте действий, препятствующих преступному посягательству;
- возрастные и половые особенности. Потерпевшие-мужчины, как правило, в два раза превосходят по количеству потерпевших-женщин, около 40% потерпевших — дети и молодые люди в возрасте до 18 лет;

(2) «*динамическую область*», которая отражает поведение потерпевшего в период, непосредственно предшествовавший событию преступления, и в период самого события преступления; связь этого поведения с поведением преступника. С точки зрения общественных интересов наиболее целесообразным представляется активное, целеустремленное поведение потерпевшего, направленное на отпор и пресечение преступных посягательств, но не выходящее за рамки, которые для данных ситуаций установил законодатель (институт необходимой обороны и т.д.).

Перспективным представляется не только исследование личности потерпевшего, его поведения, но и *особенностей его состояния*,

в котором он находился на стадии, предшествовавшей, например, транспортным преступлениям и преступлениям в области техники безопасности. Факторами, характеризующими состояния потерпевшего непосредственно перед совершением этих преступлений, являются алкогольное опьянение, самонадеянность, переутомление, плохое самочувствие, сердечный приступ, психические расстройства в форме неврозов и реактивных состояний.

В отношении роли потерпевшего в совершенном преступлении криминальная психология подчеркивает, что актуально-ситуативные действия преступника часто вызываются неправомерными, неосмотрительными или легкомысленными поступками потерпевшего. Так, в преступлениях против личности механизм их совершения часто базируется на эмоционально-аффективных реакциях преступника, который в 75—80% случаев был доведен до крайних фаз конфликта с лицом, которое связано с ним родственными, служебными, интимными и другими близкими отношениями. Как свидетельствует криминалистическая статистика, более 65% жертв в момент убийства находились в нетрезвом состоянии, а более половины из них употребляли спиртные напитки совместно с обвиняемым непосредственно перед совершенным преступлением. Поэтому в случаях предварительного расследования и рассмотрения в суде мотивы преступления против жизни и здоровья не могут быть адекватно вскрыты, если во внимание не принимаются личность потерпевшего, его поведение, относящееся к объективным признакам состава преступления. Выявление последнего влияет на установление степени вины обвиняемого, а иногда и исключает ее. Кроме того, особенности жертвы могут использоваться в процессе построения портрета неизвестного преступника.

К *методам исследования личности и поведения потерпевшего* следует отнести анализ следственной и судебной статистики, следственной и судебной практики, изучение материалов судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертиз, специальной статистики о потерпевших, социально-психологические и судебно-психологические исследования конфликтных ситуаций (психология конфликта). Уже те небольшие сведения, которые на сегодня имеются, убеждают в том, что исследования этих аспектов могут дать весьма интересные сведения для борьбы с преступностью. Так, среди потерпевших по делам об убийствах 77,4% являлись родственниками или знакомыми убийцы, несовершеннолетние в этой группе составляют 4,7%, две трети убитых находились в возрасте от 18 до 40 лет, причем среди убитых мужчин было 71,4%.

Совершенно очевидно, что эти данные требуют более глубокого изучения конфликтной ситуации внутри социальной группы (семья, коммунальная квартира, деревня, рабочий коллектив и т.д.) на

стадиях, предшествовавших совершению преступления, в целях разработки научно обоснованных рекомендаций по устранению конфликта, ликвидации конфликтной ситуации как одной из причин убийства.

Следовательно, личность потерпевших необходимо изучать не менее тщательно, чем подозреваемых, по разным причинам. Давая даже правдивые показания о факте совершенного преступления, потерпевшие иногда стремятся солгать, сообщая свои анкетные данные, ибо не хотят «связываться с правоохранительными органами».

В целом же в психологическом плане потерпевшие не похожи друг на друга: одни подставляют свой карман вору по неопытности, другие в какой-то мере способствуют этому, снисходительно относясь к самому факту кражи, к ответственности его совершившего. Все мы не без греха, зачем же человеку жизнь ломать? Бывает и так: в украденном кошельке содержится материал, компрометирующий потерпевшего, свидетельствующий о преступлении куда более серьезном, нежели кража из кармана.

...У одной женщины изъяли из хозяйственной сумки бумажник, в котором находилось множество лотерейных билетов. Вора задержали. Проверка показала, что на каждый из билетов выпал крупный выигрыш. Оказалось, что женщина, злоупотребляя служебным положением (члена комиссии по уничтожению нереализованных билетов), прикарманивала выигравшие билеты, намереваясь позже получить деньги через родственников.

Многие кражи как бы провоцируются самими потерпевшими: не так трудно, скажем, обворовать пьяного человека или ротозея, забывшего обо всем на свете у витрины магазина или на рынке.

Контрольные вопросы

1. Что изучает криминальная психология и каково ее значение?
2. Назовите психологические предпосылки преступного поведения.
3. Какие механизмы психологической защиты, свойственные правонарушителю, вам известны?
4. Дайте понятие социально-психологического отчуждения.
5. Раскройте смысл феномена личностной тревожности.
6. Какие виды умышленных преступлений существуют?
7. Дайте психологическую характеристику корыстным преступникам.
8. Какие психологические черты свойственны корыстно-насильственным преступникам?
9. Каковы психологические особенности серийных сексуальных убийц?
10. Чем различается психология лиц, совершивших неосторожное и умышленное преступления?

11. Перечислите известные вам виды преступных формирований.
12. Назовите психологические особенности организованных преступных групп.
13. Дайте психологическую характеристику лидерам организованных преступных групп и формирований.
14. Каковы психологические черты преступного сообщества?
15. Для чего необходимо изучать психологию потерпевшего и на что при этом следует обращать внимание?
16. Перечислите методы исследования личности и поведения потерпевшего.

Литература

1. *Аминов И.И.* Психология деятельности юриста. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
2. *Антонян Ю.М.* Архетип и преступность. М.: Вече, 2009.
3. *Антонян Ю.М., Гульдан В.В.* Личность преступника с психическими аномалиями // Юридическая психология. СПб., 2001.
4. *Бурховская В.А.* Понятие тоталитарной секты // Юридическая психология: Сб. науч. тр. М., 1998.
5. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник для вузов. СПб., 2003.
6. *Вельский В.Ю., Кравченко А.И., Курганов С.И.* Социология: Учебник для вузов. М., 2004.
7. *Гриб В.Г.* Противодействие организованной преступности: Учеб. пособие / Под ред. А.И. Гурова, В.С. Овчинского. М., 2001.
8. *Даль В.* Толковый словарь. М., 2001. Т. 2.
9. *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность. М., 1982.
10. *Дулов А.В.* Введение в судебную психологию. М., 1970.
11. *Еникеев М.И.* Юридическая психология: Учебник для вузов. М., 2010.
12. *Карпец И.И.* Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994.
13. *Квашиш В.Е.* Профилактика неосторожных преступлений. Киев, 1981.
14. *Кони А.Ф.* Избранные произведения. М., 1959. Т. 1.
15. *Коньшева Л.П.* Психологическое изучение мотивации при расследовании насильственных преступлений // Юридическая психология: Сб. науч. тр. М., 1998.
16. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. М., 1997.
17. *Малиновский А.А.* Психологические аспекты криминального экстремизма // Юридическая психология: Сб. науч. тр. М., 1998.
18. *Образцов В.А.* Серийные убийства как объект психологии и криминалистики: Учеб.-практ. пособие. М., 2003.
19. *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. М., 2000.

20. *Попова С.А.* Современная женская преступность: виды, причины, предупреждение // Следователь. 2004. № 1.
21. *Практика уголовного сыска*: Науч.-практ. сб. / Под ред. проф. А.И. Алексеева. М., 1999.
22. *Прикладная юридическая психология* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2001.
23. *Психология общения: Энциклопедический словарь* / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011.
24. *Ратинов А.Р.* Социально психологические аспекты юридической теории и практики // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983.
25. *Серебрякова В.А.* Преступления, совершаемые женщинами. М., 1988.
26. *Смирнов В.Н.* Юридическая психология: Учеб. пособие. М., 2009.
27. *Фойницкий И.Я.* Женщина-преступница // Северный вестник. 1893. Кн. 2.
28. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология: Учебник для вузов. М., 1998.
29. *Энциклопедия юридической психологии* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2003.
30. *Юридическая психология. ЮНИТА 1* / Сост. В.М. Поздняков. М., 2002.
31. *Becker G.S.* The economics of crime // Cross Sections. 1995. Fall.
32. *Concise encyclopedia of psychology*. Second edition. Edited by Raymond J. Corsini, Alan J. Auerbach. John Wiley & Sons, Inc., 2006.

После изучения данной главы студент будет *знать*:

- задачи психологии юридического труда;
- психологическое содержание основных направлений юридической деятельности;
- психологические принципы юридического консультирования;
- психологические факторы, стадии и приемы эффективного консультирования;

уметь:

- анализировать, разъяснять нормы права с учетом психологических особенностей консультируемого;

владеть:

- психологической техникой оказания гражданам эффективной консультативной помощи.

4.1. Задачи психологии юридического труда

Психология юридического труда — отрасль юридической психологии, изучающая психологические аспекты и закономерности трудовой деятельности юриста. Содержание предмета психологии юридического труда раскрывается через задачи, которые она решает. Среди них:

- (1) разработка типовых *профессиограмм* — объективных характеристик юридической деятельности и *психограмм* — профессионально значимых свойств и качеств в целях отбора кандидатов для правоохранительных органов (следователей, прокуроров, судей, сотрудников органов внутренних дел и т.д.);
- (2) выявление психологических закономерностей подготовки юридических кадров к трудовой деятельности в высших учебных заведениях;
- (3) изучение специфики профессионального риска — кризисов профессионального роста, стрессов, конфликтов, деформаций;
- (4) исследование детерминирующих факторов, динамики, средств, оптимизирующих выполнение различных юридических действий;
- (5) разработка и апробирование специальных психотехник (психологических приемов), повышающих эффективность юридического труда.

Названные задачи особенно актуальны в настоящее время в связи с переходом обучения юристов на *двухуровневую систему* высшего профессионального образования (бакалавриат и магистратура); внедрением в процесс обучения *компетентного подхода* (передача суммы знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения профессионального долга, постоянное их обновление и совершенствование); *реформированием деятельности органов внутренних дел (полиции), следствия, прокуратуры, судебной системы* и т.д.

4.2. Общая характеристика деятельности юриста

4.2.1. Классификация видов юридической деятельности и ее специфика

Деятельность людей раскрывается в различных сферах жизни, ее направленность, содержание, средства бесконечно многообразны. Существуют различные классификации видов деятельности. Различают, например, три генетически сменяющих друг друга и сосуществующих на протяжении всего жизненного пути вида деятельности: *игру, учение, труд*. Они различаются по конечным результатам (продукту деятельности), по организации, по особенностям мотивации. В литературе имеет место разделение деятельности на духовную (внутреннюю), практическую (внешнюю), творческую и профессиографическую.

Практическая деятельность направлена на преобразование реальных объектов природы и общества. Она включает в себя материально-производственную деятельность (преобразование природы) и социально-преобразовательную деятельность (преобразование общества).

Духовная деятельность связана с изменением сознания людей. В нее входят: познавательная деятельность (отражение действительности в художественной и научной форме, в мифах и религиозных учениях); ценностно-ориентировочная деятельность (определение положительного или отрицательного отношения людей к явлениям окружающего мира, формирование их мировоззрения), прогностическая деятельность (планирование или предвидение возможных изменений действительности). Все эти виды деятельности связаны между собой.

Например, проведению Судебной реформы 1864 г. (социально-преобразовательная деятельность) в России предшествовал анализ ее возможных последствий (прогностическая деятельность). На новейшую историю русского уголовного процесса повлияли идеи А.И. Герцена (ценностно-ориентировочная деятельность) и т.д.

Среди многих характеристик деятельности юриста особое место занимает *деятельность творческая*. И хотя работа многих специалистов, например следователя, выполняется строго по определенным правилам, инструкциям и в ней всякий раз повторяются определенные действия, предусмотренные уголовно-процессуальными требованиями, в основе своей она все же не шаблонна, не монотонна и всякий раз требует творческих нестандартных решений.

Деятельность юриста относится также *к социномическому виду профессий типа «человек — человек»* («человек — группа» и «человек — общество»), поскольку связана с постоянным взаимодействием с людьми, оценением их поступков с позиций закона. А поскольку юрист наблюдает проявления активности людей нередко в самых кризисных ситуациях жизни и должен решать их судьбу на основе норм права, данная профессия несет в себе высочайшую социальную значимость и ответственность.

В качестве общих характерных особенностей юридического труда следует отметить то, что данная деятельность представляет собой *сложную в социальном отношении открытую систему*, поскольку включается в более широкий контекст правовой системы общества и решает поставленные государством задачи правосудия, личной и общественной безопасности, борьбы с преступностью. На этой основе в процессе профессионального обучения у субъектов юридического труда формируется соответствующая *профессиональная мотивация*, включающая в себя сложный комплекс потребностей, интересов, идеалов и убеждений. В структуре мотивации юриста особую роль играют такие побуждения, как стремление к справедливости, любовь к истине, чувство долга, патриотизм, желание помогать людям, оберегать их от бед.

Вместе с тем занятия юридической деятельностью со временем могут трансформироваться в *профессиональную деформацию*. Способствуют ей властные полномочия, определенные возможности воспользоваться служебным положением в личных целях, угодливость правонарушителей, желающих избежать наказания, и др. Профессиональная деформация — широкое личностное явление. Она проявляется в:

- *юридическом технократизме* — профессиональной узости (формализм, чиновничество, чванство);
- *нравственном негативизме* — недоверии ко всем и всему, неверии в существование нравственности, честности, убежденность, что все лгут и нарушают закон;
- *злоупотреблении властью* — упоении властными полномочиями, представлении о вседозволенности, мнении, что ради интересов дела можно нарушать закон.

Крайней формой профессиональной деформации выступает *профессиональное предательство* — совершение преступлений во взаимодействии с криминальными группами.

4.2.2. Специфика юридической деятельности

Сложность и неоднозначность личностных проявлений в работе юриста приводят к необходимости глубокого осознания специфики предстоящей деятельности теми, кто решил посвятить себя этой профессии.

Во-первых, эта деятельность *четко регламентирована законом*. Нарушение закона, пренебрежение своими должностными обязанностями и принципами для юриста просто недопустимо и свидетельствует в первую очередь о низком уровне его профессиональной квалификации.

Данное положение формирует потребность в неукоснительном, наиболее точном и качественном исполнении правовых предписаний, формирует направленность личности, ее правомерное поведение. Именно потребность в соблюдении нравственных, правовых норм является основным социально значимым качеством личности юриста, формирующим ее профессиональное правосознание. Все это в совокупности составляет высокий уровень социализации, ответственность юристов перед обществом и нормативность поведения.

Во-вторых, профессиональная деятельность юристов, и в первую очередь тех, кому приходится бороться с преступностью, носит *напряженный, экстремальный характер*, обусловленный выполнением сложной, однообразной работы в условиях дефицита информации, времени, активного сопротивления заинтересованных лиц, игнорирования ими правовых норм. Это приводит к нервно-психическим перегрузкам, которые усугубляются нерегулярной сменой условий труда, нарушениями привычного режима суточной жизнедеятельности, вынужденного отказа от отдыха, что приводит к состоянию психической напряженности, эмоциональной неустойчивости, появлению невротических реакций, различных расстройств и заболеваний.

В-третьих, каждый юрист для осуществления своей деятельности *наделяется определенными властными полномочиями*. Все его действия достаточно четко определены законом. Им, и только им он должен руководствоваться и не должен выходить, так за его рамки как это может нарушить права и интересы граждан. Напротив, несоблюдение предписаний закона может привести к тяжелым последствиям, нанести психологическую травму, причинить моральный вред как самому юристу, так и его близким, запятнать честное имя, сформировать искаженное мнение о его сослуживцах.

В-четвертых, в процессе своей деятельности юристу приходится сталкиваться с различными жизненными ситуациями, судьбами

разных людей. Все это в совокупности и каждая ситуация в отдельности требуют *индивидуального подхода, внимательного изучения возникших правоотношений*. Поэтому, чтобы наиболее квалифицированно и адекватно оценивать те или иные действия, решать тот или иной вопрос, юристу, помимо сугубо профессиональных знаний, необходимы обширные психологические знания.

В-пятых, в дееспособность юриста невозможно вмешательство и давление со стороны третьих лиц. Он абсолютно самостоятелен в принятии тех или иных решений и подчиняется только закону. Это, в свою очередь, формирует у юристов способность *самостоятельно принимать решения, чувство ответственности за свои действия*.

Например, п. 2 ст. 38 УПК РФ говорится, что «следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения и (или) согласия руководителя следственного органа».

В п. 1 ст. 120 Конституции РФ говорится: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону» и т.д.

Перечисленные особенности профессиональной деятельности юриста являются наиболее общими для многих ее видов и не затрагивают специфику проявлений (расследование преступлений, тактику ведения допроса, прения сторон, оказание квалифицированной помощи и т.д.). Однако такой подход способствует созданию типовой *профессиограммы* — объективных характеристик деятельности и *психограммы* — профессионально значимых свойств и качеств, а также создает надежную систему оценки и отбора кандидатов для правоохранительной службы.

4.2.3. Профессиограмма и психограмма юридической деятельности

В наиболее обобщенном виде многими авторами выделяются следующие *профессиографические стороны деятельности юриста*.

1. *Поисковая подструктура* — включает собирание исходной информации, необходимой для решения профессиональных задач.

2. *Реконструктивная подструктура* — это текущий и завершающий анализ всей собранной информации: выдвижение на базе ее анализа, синтеза и специальных знаний рабочих гипотез (версий).

3. *Коммуникативная подструктура* — заключается в получении необходимой информации посредством общения. Особенно большой удельный вес эта деятельность имеет при проведении консультаций, опросов, допросов, судебных прений, что накладывает специфический отпечаток на юриста как участника коммуникативного процесса, наделяя его особыми правами и обязанностями.

4. *Социальная подструктура* — охватывает общественный аспект в деятельности прокурора, следователя судьи и т.д. как организаторов борьбы с преступностью. Эта деятельность включает профилактические мероприятия, правовую пропаганду среди граждан, участие в перевоспитании преступника для возвращения его к социальной норме поведения в соответствии с требованиями законности.

5. *Организационно-управленческая подструктура* — предполагает мобилизацию специалистов (себя) на выполнение программы (плана) на основе определенных правил и процедур и включает целенаправленное на них (себя) воздействие.

6. *Удостоверительная подструктура* — приведение полученной информации в специальную, законом предусмотренную форму (протокол, постановление, приговор и т.д.), которые отражают весь ход и результаты установления истины по делу и служат доказательством всему процессу познания.

Для всех видов правоохранительных органов (следствие, суд, адвокатура, прокуратура и др.) выделенные составляющие являются общими, но в зависимости от выполняемых функций значимость каждой из них меняется. Так, в деятельности прокурора организационно-управленческая подструктура, безусловно, занимает ведущее положение по отношению к деятельности следователя, в которой более заметны познавательные и коммуникативные аспекты. Однако такие следственные действия, как осмотр места происшествия, обыск, следственный эксперимент, просто невозможно выполнить, не предприняв предварительно целого ряда организационных мероприятий. Да и сам процесс расследования преступления требует высокой степени организации труда, начиная с планирования и кончая оценкой достигнутых результатов.

В деятельности юрисконсульта и адвоката доминируют реконструктивная и коммуникативная стороны; работа нотариуса в первую очередь связана с удостоверительной деятельностью; у оперативного работника успех в первую очередь решают поисковые и коммуникативные составляющие. При этом поисковую, реконструктивную, коммуникативную, организационно-управленческую и социальную стороны юридической деятельности следует считать наиболее психологически насыщенными, пронизывающими все направления юридического труда. А их эффективность напрямую зависит от степени функционирования у юриста тех или иных психических процессов, состояний, развитости определенных свойств и качеств — слагаемых его *психогаммы*.

Так, поисковая деятельность включает:

- нормальное функционирование органов чувств;
- активное восприятие профессионально значимой информации и наблюдение;
- внимание к малозаметным особенностям изучаемого объекта.

В реконструктивной деятельности реализуются такие интеллектуальные особенности специалиста, как:

- развитое воображение;
- емкая память;
- аналитическое и концептуальное мышление;
- интуиция.

Эффективность коммуникативной деятельности всецело зависит от умений:

- понимать внутренний мир собеседника, его особенности, мотивы, текущее психологическое состояние;
- устанавливать и поддерживать психологический контакт, оказывать влияние на собеседника;
- эффективно слушать, пользоваться речевыми (вербальными) и неречевыми (невербальными) средствами общения;
- предупреждать и разрешать конфликтные ситуации, т.е. конфликтологической компетентности;
- преодолевать высокую эмоциональную напряженность труда, а эмоциональную разрядку откладывать на сравнительно большой период времени (устойчивости к отрицательным психическим состояниям).

Говоря о социальной подструктуре деятельности, следует отметить умение юриста осуществлять психологический анализ криминальных событий, писем, заявлений и жалоб граждан, свидетельских показаний, правильно, доступно и понятно разъяснять суть той или иной правовой нормы гражданам. Участие юристов в данной работе предполагает высокий образовательный и культурный уровень, наличие широкого кругозора, эрудиции. В ходе такой деятельности юристу нередко приходится выступать перед аудиторией, поэтому он должен в определенной степени владеть риторическими навыками.

Осуществление организационно-управленческих функций (планирования, стимулирования и контроля) также во многом зависит от личностных качеств юриста-руководителя. Поэтому, помимо тех общих качеств, которыми должен быть наделен любой юрист (развитый интеллект, нервно-психическая устойчивость, коммуникативная компетентность, профессионализм и др.), к нему предъявляются повышенные требования. Руководитель юридического (правоохранительного) органа должен отличаться еще более высоким уровнем развития этих качеств.

Помимо обретения опыта составления деловых бумаг и документов современная профессиональная подготовка юристов к достоверительной деятельности включает формирование и развитие у них специальных умений, необходимых для:

- обоснования и адекватной формулировки решения в нормотворческой и правоприменительной практике;

- безошибочного толкования смысла сообщений, содержащих ту или иную правовую информацию;
- перевода устной речи в письменное изложение (документирование различных актов).

Каждая профессиографическая сторона юридической деятельности может выступать самостоятельно, в тесной взаимосвязи с другими видами и, наконец, в качестве вспомогательного фактора, обеспечивать успешность выполнения всех других сторон юридического труда.

Эффективность юридического труда детерминируется не только факторами, связанными с психологическими свойствами и качествами юриста, но и личностными особенностями граждан, с которыми юрист взаимодействует, деятельностно-обстановочными условиями выполнения юридических действий (время, место, присутствие «третьих лиц» и т.д.). Успешности юридической деятельности способствует также умелое владение юристом психологической техникой — системой специальных средств (приемов), нацеленных на изменение актуального состояния граждан.

Рассмотрим эти проблемы сквозь призму юридического консультирования — разновидности квалифицированной юридической помощи, оказываемой не только членами квалифицированных профессиональных сообществ (адвокатами, нотариусами, судьями, прокурорами, патентными поверенными), но и всеми иными желающими — юридическими и физическими лицами (в рамках как коммерческой, так и непредпринимательской деятельности).

Не случайно одна из наиболее распространенных должностей у юристов — юрисконсульт.

4.3. Психология труда юрисконсультанта

4.3.1. Понятие и принципы юридического консультирования

Определяя понятие юридического консультирования как способ решения профессиональных задач, следует отметить, что *это строго определенная, поэтапная процедура, часто используемая в юридической практике специалистами разных направлений для ориентации физических и юридических лиц путем правовых советов, обеспечения необходимой правовой информацией и выбора наиболее приемлемого варианта решения проблемы.*

Частота и первостепенность этой разновидности квалифицированной юридической услуги нашли отражение в отечественном законодательстве. Известно, что право на юридическую помощь — важнейший конституционный принцип, закрепленный в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ. Данный принцип гласит: «...каждому гаранти-

руется право на получение квалифицированной юридической помощи. В ст. 2 проекта закона «Об оказании квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации» консультирование толкуется как *разъяснение основанных на действующем законодательстве прав и обязанностей юридических и физических лиц как в устной, так и в письменной форме.*

Анализ литературы приводит к выводу, что информация, поступающая от консультанта, может способствовать реализации не только чисто юридических, но и *психологических функций*. Например:

- быть катализатором, ускоряющим и облегчающим получение необходимых знаний;
- выступать средством мобилизации ресурсов личности и формирования мотивации действий;
- предупреждать последствия альтернативных действий и осуществлять оптимальный выбор варианта поведения;
- вооружать клиента новыми подходами, инновационными технологиями и т.д.

Говоря о процессуальной стороне консультирования, различные авторы выделяют необходимость неукоснительного следования определенным *профессиональным принципам*.

1. Целесообразности и целеустремленности. Консультация должна иметь конкретную цель, решать строго определенную задачу, проблему.

2. Добровольности и ненавязчивости. Консультируемый вправе в любое время отказаться от помощи консультанта. Эффективность консультации определяется ценностью идей, а не статусом консультанта.

3. Методической грамотности и компетентности. Ядром технологии процесса консультирования является установление доверительных взаимоотношений консультанта и консультируемого. Грамотный консультант должен обладать широкой эрудицией и быть компетентным в области обсуждаемой проблемы, уметь методически грамотно, убедительно проводить консультирование.

4. Доброжелательности и безоценочности отношения к клиенту. Данный принцип направлен на то, чтобы клиент чувствовал себя спокойно и комфортно. Консультанту необходимо уметь внимательно слушать клиента, стараясь понять его, не осуждая при этом, а также оказывать психологическую поддержку и помощь.

5. Ориентации на нормы и ценности клиента. Отношения принятия ценностей клиента и их уважение являются не только возможностью выразить поддержку клиенту, но также позволяют повлиять в будущем на эти ценности, если они станут рассматриваться в процессе консультирования как препятствие для нормальной жизнедеятельности человека.

6. Анонимности — никакая информация, сообщенная клиентом, не может быть передана без его согласия ни в какие организации и другим лицам, в том числе родственникам или друзьям. Вместе с тем существуют исключения (о которых юрист должен заранее предупредить клиента), специально отмеченные в законодательстве страны, в соответствии с законами которой осуществляется профессиональная деятельность юриста.

7. Разграничения личных и профессиональных отношений — это принцип-требование к консультанту, связанный с рядом психологических феноменов, влияющих на процесс оказания юридической помощи. Например, известно, что на профессиональные отношения могут оказывать сильное влияние отношения личные, в частности личные потребности и желания специалиста влияют как на процесс оказания помощи, так и на самого клиента, а следовательно, могут препятствовать эффективному осуществлению профессиональной помощи.

Существуют различные исследования этих влияний (например, феномены переноса и контрпереноса). Так, в конце XX в. происходили дискуссии по этой проблеме, приведшие к выводам о том, что при осуществлении консультативной деятельности личных отношений по возможности лучше избегать. Если же такие или подобные им отношения появляются, то необходимо стараться действовать в интересах клиента и как можно скорее прервать процесс оказания профессиональной помощи.

Перечисленные принципы необходимы для того, чтобы оказание юридической помощи было не только эффективным, осмысленным занятием, но и *психологически грамотным*. Во множестве отечественных и зарубежных работ на эту тематику находят отражение также различные сложные ситуации, в частности как следует вести себя консультанту, если в ходе общения он узнает, что его клиент замышляет совершить преступление, или он видит следы побоев или насилия на теле консультируемого и т.д. В некоторых странах, например в США, несоблюдение профессиональных принципов и требований может вести к лишению юриста диплома, прав на практику и предложение своих профессиональных услуг и т.д.

4.3.2. Виды юридического консультирования

В юридической практике встречаются и широко используются разные виды консультирования, классификация которых осуществляется по разным основаниям.

1. В зависимости от целей:

- общее консультирование клиентов специалистами в области права;
- специальное консультирование клиентов по направлению деятельности различных юридических учреждений, органов

обеспечения охраны порядка и безопасности (органы внутренних дел, Федеральная служба безопасности, налоговая служба, таможенная службы, органы юстиции), органы предварительного расследования, прокуратуры, адвокатуры;

- обучающее консультирование специалистов юридических служб и организаций работниками вышестоящих организаций и учреждений. Оно включает работу с персоналом, разъяснение содержания законов, правовой политики, программ, процедур, направленных на улучшение правового информирования населения;
- договорное консультирование специалистами юридических организаций и служб по различным организационным, экономическим, профессиональным и иным вопросам.

2. По *форме* различают групповое и индивидуальное, устное и письменное консультирование.

3. По *содержанию*:

- конкретное консультирование осуществляется в тех случаях, когда речь идет об узкоспециальной проблеме индивида, группы, семьи и т.д. При этом, как правило, происходит не только передача дополнительной правовой информации, которая помогает консультируемому по-новому увидеть волнующую его проблему, но и поддержка клиенту. На практике нередко случается, когда клиент нуждается именно в морально-психологической помощи для воплощения уже имеющегося у него знания в практическое действие;
- программное консультирование можно определить как двусторонний процесс решения правовых проблем, в ходе которого консультант помогает учреждению или организации объективно проанализировать их деятельность, устранить налет субъективизма в оценках и на этой основе повысить качество оказываемых ими услуг. Акцент в такой консультации делается на способах обеспечения реальности мероприятий, планов, на способах развития и оказании действенных услуг, а не на личностной проблеме отдельно взятого клиента, отдельной персоны.

4. *Исходя из количества встреч с клиентом для дачи консультации и возможной перспективы ведения дела:*

- разовое консультирование, когда проблема клиента разрешается в ходе одной-двух встреч с юристом;
- повторное или дополнительное консультирование. В нем возникает необходимость, если в ходе первоначальной консультации клиент не выяснил для себя всех интересующих его вопросов либо возникли дополнительные обстоятельства, которые могут повлиять на содержание консультации;

- многократное консультирование. В рамках одной правовой проблемы клиенты могут неоднократно консультироваться, как правило, в тех случаях, когда они самостоятельно ведут свое дело в суде и по мере возникновения тех или иных юридических трудностей обращаются к юристу;
- консультирование с перспективой ведения дела клиента вплоть до судебного процесса.

5. В зависимости от степени сложности проблемы клиента для юриста различаются:

- консультирование, которое следует сразу же за интервьюированием, являясь его логическим продолжением. В этих случаях интервьюирование и консультирование клиента происходят в ходе одной встречи с юристом. Это, как правило, касается простых юридических вопросов, не требующих дополнительного изучения законодательства, практики его применения, юридической и справочной литературы;
- консультирование, которое проводится через определенный временной промежуток после непосредственно интервьюирования. Основанием для такого разделения выступает потребность юриста в тщательном изучении вопроса клиента, работе с правовыми базами данных, подготовке ответа, согласовании консультации со специалистами иных направлений.

К. Мэйхерн выделяет и такой вид консультирования, как «консультирование в стиле сотрудничества», который выражается в том, что в ходе представления интересов клиента юрист должен продолжать постоянно взаимодействовать с ним, выявлять спорные вопросы и вовлекать клиента в выработку и принятие дальнейших решений. Причем клиенты, которых держат в курсе дела и которые участвуют в принятии решений на протяжении всего периода ведения дела, как правило, бывают наиболее удовлетворенными взаимоотношениями с юристом.

В юридической практике, как показал анализ литературы, находят применение все формы и виды консультирования, а в соответствии с возникающими проблемами может быть использовано и их сочетание.

4.3.3. Психологические факторы эффективного консультирования

В психолого-юридической литературе особое внимание уделяется психологическим факторам, детерминирующим процесс эффективного консультирования.

Из личностных (психографических) качеств юрисконсульта наряду с внимательностью, доброжелательностью, чуткостью и т.д. наиболее часто называют общительность, под которой ряд авторов видят

обаяние, душевную отзывчивость, притягательную силу простоты, умение понимать людей, реализовывать индивидуальный подход, которая не менее важна, чем сугубо юридическая подготовка. Отмечается и роль тактичности юриста-консультанта.

Интересно высказывание относительно этого свойства Г. Гросса — австрийского юриста, одного из основоположников судебной психологии. «Такт, т.е. инстинктивное умение находить правильные приемы, должен быть прирожденный. Кто им не обладает, тот... при самом честном желании... всюду рискует ошибиться... желающего рассказать о важных обстоятельствах сконфузит, болтуна заставит продолжать болтовню, нахала не остановит, робкого запугает, самый важный момент упустит».

Среди поведенческо-психологических особенностей юрисконсульта в числе значимых традиционно указывается на необходимость говорить ровным и спокойным тоном, без пренебрежения к клиенту. Рекомендуется одинаково серьезно, с искренним интересом относиться к сведениям независимо от степени их важности. Ни в коем случае явно не выражать удовольствия или разочарования при получении ответа, так как это может произвести внушающее воздействие на клиента и отрицательно сказаться на объективности сообщаемых им сведений.

В некоторых зарубежных работах упоминаются также «нездоровые мотивы» выбора профессии консультанта — одиночество и изолированность, желание власти, потребность в любви, замещение недовольства, эмоциональное расстройство, подражание кому-либо и т.д.

По единодушному мнению специалистов, результат консультирования во многом зависит от достижения взаимопонимания между консультантом и консультируемым. Для этого необходимо *соблюдение следующих психологических условий:*

- чтобы позиция консультанта не противоречила взглядам клиента;
- наглядно показать клиенту, что действия, которые от него ожидаются, будут способствовать и соответствовать удовлетворению его потребностей и интересов;
- при всех равных условиях люди легче принимают позицию того человека, к которому испытывают эмоциональное положительное отношение, и отвергают позицию того, к кому испытывают отрицательные чувства.

Вызвать к себе эмоционально-положительное отношение клиента, по мнению Р. Вотера и С. Элиаса, — важная задача любого консультанта. При этом эти же авторы считают, что консультанту необходимо для этого использовать специальные *психологические приемы*, такие как: завоевание доверия и формирование взаимопонимания, эффективное слушание, наблюдение, чуткое и оперативное

реагируют на содержание и форму вербального и невербального общения, адекватная интерпретация личностных и поведенческих особенностей консультируемого и т.д.

К числу факторов, обуславливающих оказание квалифицированной юридической помощи, иногда относят *особенности личности клиента*. При этом предлагается особо учитывать либо тип высшей нервной деятельности, либо отдельные биологические и физиологические особенности личности (пол, возраст). Часто в качестве объектов психологического диагностирования избираются отдельные поведенческо-психологические особенности консультируемого (мотивы, эмоции, состояния, установки, занимаемая позиция и др.).

На результаты консультации большое влияние *оказывает мнение, бытующее среди ближайшего окружения клиента*, поскольку социальная среда, или обстановка, в которой проводится консультирование, способны вызвать к жизни различные ассоциации и воздействовать на варианты юридической помощи, которые могут по-разному повлиять на действенность усилий консультанта: положительно, негативно или нейтрально. Предвидеть характер влияния среды и обстоятельств также входит в задачу консультанта.

Поскольку консультирование может проходить в различных *пространственных и временных условиях*, считается, что для повышения его эффективности существенное значение имеет соблюдение пространственной и временной организации этого процесса.

В качестве наиболее подходящего места для проведения консультирования указывают специально оборудованный кабинет, позволяющий обеспечить уединенность, удобство и комфорт, в котором должны отсутствовать объекты, могущие привлечь излишнее внимание клиента и отвлечь от процесса консультирования. Вместе с тем консультирование может быть успешным и без наличия специально оборудованного кабинета. Для этого консультант может специально организовать некоторую часть пространства, лучше всего в углу, где можно посадить клиента спиной к двери, ограничить его поле зрения, и тем самым максимально сосредоточить его внимание на самом себе и проблеме.

Эффективным вариантом посадки консультанта и клиента считается положение друг против друга и чуть наискосок, которое позволяет с легкостью видеть лицо собеседника и вместе с тем дает возможность отвести глаза в сторону без особого труда. Считается, что расстояние между консультантом и клиентом не должно быть слишком маленьким, то есть они не должны сидеть слишком близко друг к другу и должны иметь пространство для ног, достаточное, чтобы иметь возможность встать или сесть на свое место. По мнению К. Росса, Б. Георга, полезно, когда между консультантом и консультируемым находится что-то вроде журнального столика, куда можно что-либо положить или при необходимости произвести

запись. Вместе с тем стол не должен быть массивным, поскольку может стать помехой и восприниматься как барьер между ними.

Не только пространство, но и *время* имеет большое значение для спешности проведения любого консультирования, в том числе и юридического. Во-первых, у клиента и консультанта должно быть достаточно времени. Кроме того, выбор этого времени должен быть сделан правильно, то есть должны быть обеспечены возможности спокойно, не спеша, «на свежую голову» участвовать обеим сторонам в консультативном процессе. Во-вторых, время самой консультации должно быть правильно организовано. Под этим специалисты подразумевают четкое обозначение начала и конца встречи, а также его этапы. Часы на стене или на столе, как важный атрибут кабинета консультанта, позволяют напоминать, что время идет и нужно обоим работать активно и динамично.

Достаточно подробно в литературе освещен *вопрос о присутствии посторонних в помещении*, порождающем искажающий эффект, получивший название эффекта «третьих лиц». Установлено, что эти лица нередко включаются в беседу, высказывают свои мнения, поправляют собеседников, уличают их в неточностях или в том, что они говорят неправду и т.д. Иногда «третьи лица» создают шутивную атмосферу, побуждают общающихся к несерьезным ответам. Даже если «третьи лица» не вмешиваются в разговор, их влияние все равно может быть значительным, так как консультант или консультируемый невольно соотносят свои вопросы и ответы с их возможной реакцией.

Польский социолог К. Лютинская провела специальное обследование, в котором установила, что около половины всех интервью проводится в присутствии «третьих лиц». Из общего числа случаев присутствия таких лиц они вмешивались в беседу в 56% случаев. По степени влияния на ответы К. Лютинская выделила три категории третьих лиц: (1) находящиеся в помещении, но не прислушивающиеся к беседе; (2) слушающие беседу; (3) вмешивающиеся в беседу.

Таким образом, место для консультирования по возможности должно быть выбрано так, чтобы минимизировать факторы, препятствующие установлению контакта с клиентом.

4.3.4. Психологические особенности стадий юридического консультирования

Эффективность оказания правовой помощи находится в решающей зависимости от учета юристом психологических особенностей пяти стадий (динамики) консультативного процесса. На 1—3-й стадиях осуществляется *интервьюирование клиента*, предполагающее накопление информации и установление отношений; на 4-й и 5-й стадиях — *собственно консультирование*, т.е. обсуждение избранного варианта решения проблемы.

Данная модель в полной мере отвечает требованиям *универсальности* (воспроизводит при моделировании любой вид юридического консультирования), *типичности* (отражает динамику большинства консультаций), *специфичности* (учитывает специфику юридической деятельности).

1-я стадия — «Взаимное оценивание». Это вводный этап, во время которого юрист начинает постепенно строить отношения доверия и взаимопонимания. Данный этап может быть и очень коротким, особенно в случае предварительного знакомства с клиентом. И хотя некоторые консультанты стараются сделать его как можно короче, считая, что лучше сразу перейти к обстоятельствам дела, большинство же считают, что несколько минут, потраченных в общении на нейтральные (нерелевантные) темы, помогают клиенту освоиться и почувствовать себя увереннее, наладить отношения и улучшить качество последующей информации. Более того, данная стадия необходима еще и потому, что может помочь:

- составить мнение об индивидуальном развитии клиента, его интеллектуальных особенностях (памяти, внимании), психическом состоянии, о его отношении к тем или иным событиям, людям, предсказать его действия, поступки, поведение в различных ситуациях;
- предварительно выбрать адекватные прогнозируемой ситуации консультирования психологические приемы и индивидуализированные психологические средства, способствующие нейтрализации психологических барьеров в общении (ингибиторов);
- произвести благоприятное впечатление на клиента, продемонстрировать свои положительные качества, стремление объективно разобраться в его проблеме;
- развить первоначальный психологический контакт путем своеобразного «запуска» специфического механизма, обозначенного как *«совмещение оценочных эталонов»*.

Результативность данной стадии находит подтверждение при фиксации в ходе наблюдения «признаков-сигналов» — внешних проявлений клиента, свидетельствующих о наличии у него положительных психических состояний и расположенности к юристу. К примеру, стремление (во многом неосознанное) сократить межличностную дистанцию, естественность поз, жестикуляции, соответствующие ситуации общения проявления мимики и вегетативной нервной системы, учащенный визуальный контакт, тон разговора, собранность, быстрая реакция, выражающаяся в способности «на лету» схватывать слова и реакции юриста.

«Совмещению оценочных эталонов» способствует комплекс психологических приемов, способствующих созданию благоприятных психологических условий, призванных вызвать положительные

психологические состояния лиц, которым оказывается юридическая помощь (см. § 4.3.5).

2-я стадия — «*Стимулирование речевого потока консультируемого*». Цель этого этапа — помочь консультируемому воспроизвести события в форме свободного повествования. И хотя, как считают специалисты, свободный рассказ редко бывает полным, но он, как правило, очень точен, поскольку проясняет представление клиента о собственной проблеме без навязывания взглядов юриста. Кроме того, возможность говорить свободно помогает клиенту расслабиться, выразить свои чувства, а консультанту — проявить уважение к нему как к личности. Понимание консультантом чувств клиента может в дальнейшем помочь отделить его субъективные образы от реальной действительности.

И хотя на данном этапе главная задача консультанта — больше слушать и меньше говорить, в ходе протекания 2-й стадии решаются и другие задачи:

- максимально нейтрализуются потенциальные либо проявившиеся психологические барьеры общения;
- всемерно развиваются качественные компоненты психологического контакта, особенно взаимопонимание, доверие, актуализирующие информационные возможности консультируемого;
- образуется достаточный профессионально-психологический контакт на основе срабатывания второго феномена, обозначенного как «*обмен доверительностью*».

В основе данного эффекта лежит психологическая закономерность, согласно которой на своеобразную «презентацию» определенных личностных проявлений одним из партнеров следует адекватный ответ другого — внимательность за внимательность, уважение за уважение, чуткость за чуткость и т.д.

Рассматриваемые психологические характеристики, как правило, углубляют и развивают «совмещение оценочных эталонов», что влечет развитие положительных психических состояний клиентов и решающим образом определяет проявление феномена доверительности. И это очевидно, поскольку хорошо проведенное интервью обладает свойством терапевтического воздействия на личность клиента, что позволяет говорить о третьем феномене консультирования — «*снятии тревоги и повышения самооценки*».

В рассматриваемой стадии решающее значение играет профессионально-психологическая подготовленность юриста, выражающаяся в умелой нейтрализации психологических барьеров и демонстрации требуемых обстоятельствами личностных качеств, позволяющих эффективно «запускать» «эффект доверительности» и побуждать клиента подробно и последовательно воспроизводить события в форме повествования. Причем разновидностями этой последова-

тельности могут быть: прямая и обратная хронологии, прямая хронология с отступлениями.

Успешность динамики второго этапа консультирования во многом зависит от фиксации и преодоления юристом противоречий, ошибок в повествовании и в рассуждениях, невольно допускаемых клиентом.

- (1) *Противоречия*. Данный вид ошибки включает в себя два компонента: во-первых, объективную сложность, многоуровневость сообщаемой информации, во-вторых, ограниченность операциональных способностей интеллекта клиента. При этом степень развития этих способностей, как правило, сильно отличает консультируемых друг от друга. Это свойство проявляется в том, что консультируемые порой не соотносят свои высказывания друг с другом, а заключенные в них несовместимые утверждения не попадают в фокус их логического внимания. В целом же чем сложнее сообщаемый клиентом информационный материал, тем труднее ему поддерживать контроль над совместимостью своих высказываний и тем сильнее вероятность возникновения противоречий.
- (2) *Ошибки в описаниях*. Наиболее частой встречающейся ошибкой в описаниях может быть, во-первых, их неполнота (клиент называет не все составные части или признаки сложного объекта); во-вторых, нарушение их последовательности.
- (3) *Ошибки в рассуждениях*. В рассуждениях клиента встречаются, как правило, три разновидности ошибок. Во-первых, перечисляя ряд конкретных примеров, он не делает из них никаких выводов; во-вторых, испытывает затруднения при формулировании вывода из-за неумения логически мыслить либо вследствие ограниченности своего словарного запаса, в котором отсутствуют абстрактные понятия; в-третьих, из приведенных примеров вытекает не тот вывод, который он делает.

Важнейшей психологической опорой юристу во второй стадии консультирования должна стать *техника активного слушания*, направленная на поддержание беседы как таковой, а также преодоление ошибок и заблуждений клиента, с одновременной фокусировкой внимания на предмете консультации (см. § 2.3.3).

3-я стадия — «Определение точки отсчета и детальная хронология событий» — позволяет после представления клиентом общей картины происшедшего углубиться в детали. Чтобы свести до минимума возможность путаницы в хронологии, динамика данной стадии исходит из предположения, что юрист должен вновь перечислить всю цепь событий по версии клиента в хронологическом порядке. Но для этого юристу необходимо сначала определить тот момент, с которого должен начинаться отсчет времени. И хотя нередко точка отсчета бывает ясной уже из общей картины событий,

описанной клиентом, однако определить хронологически начальную точку бывает часто затруднительно благодаря пропускам в хронологии и хронологической путанице.

Пропуски в хронологии возникают по двум прямо противоположным причинам: либо затрагивают лично клиента, а потому сознательно или бессознательно пропускаются, либо отбрасываются как несущественные или не имеющие отношения к делу.

Другой возможной причиной возникновения хронологических пропусков следует признать подробно описанный в литературе эффект «конкурирования» в сознании клиента двух разных тем, о каждой из которых он одинаково желает сообщить юристу, а потому начинает хаотично перескакивать от темы к теме, нарушая тем самым хронологическую последовательность.

Что же касается *хронологической путаницы*, то данная ошибка проявляется в двух видах: во-первых, клиент описывает события, но при этом не уверен, что правильно воспроизводит их последовательность; во-вторых, клиент искажает из-за проблем с памятью реальную последовательность событий, полагая, что одно из них произошло раньше другого.

Так, к примеру, участник дорожно-транспортного происшествия В. посчитал, что первым существенным событием было восприятие им быстро мчавшегося автомобиля. Если бы консультант с этим согласился, то упустил бы важнейшие события, которые произошли ранее. Было установлено, что В. слышал звук тормозов и видел человека на углу, который в дальнейшем оказался свидетелем, слышавшим, как владелец автомобиля говорил, что за день до происшествия у него тормоза были в неисправности.

Поскольку любое важное событие состоит из фактов, постепенно подготавливающих событие, собственно события и фактов, следующих за событием, консультант должен начать опрос как можно с более раннего момента, подвести разговор к важному событию, а затем искать факты, имевшие место после этого события. В целом, для выяснения этих проблем, требуется более утонченная психотехника опроса, о которой пойдет речь в следующем параграфе.

4-я стадия — «Шлифовка информационного материала». Данный этап предполагает анализ фактических обстоятельств дела, сообщенных клиентом; документов, представленных клиентом; нормативной базы и судебной практики, необходимой в решении его проблемы. И хотя этим юрист занимается, как правило, в отсутствие клиента, не исключены ситуации, когда консультация необходима клиенту сразу. Но и в этом случае юрист не может избежать этого этапа и должен, не стесняясь присутствия клиента, проверить, правильно ли он помнит те или иные нормы права. Этим правилом не следует пренебрегать даже в том случае, когда юрист специализируется в соответствующей отрасли законодательства,

поскольку законодательство меняется ежедневно. Поэтому поспешная консультация может привести к ошибке юриста и ущербу интересам клиента.

Залогом успешности данной стадии является тщательная подготовка информационного материала, свидетельствующая о профессиональном подходе к общению с клиентом. Она проявляется также в планировании, предполагает определение временных границ и структуры консультации, фиксирование программы действий клиента и способов поэтапного достижения целей, учет особенностей и потенциальных требований клиента.

Не менее важным следует признать письменное обобщение (резюмирование) консультантом полученной от клиента юридически значимой информации. Причем если клиент обращается с просьбой проконсультировать его по нескольким проблемам, то юридически значимая информация должна обобщаться по каждой проблеме отдельно.

Более того, составление резюме необходимо для:

- сохранения в памяти полученной информации;
- обобщения информации о правовой проблеме;
- определения круга нормативных правовых актов, ознакомление с которыми необходимо для консультации;
- краткой, концентрированной формулировки проблемы клиента, составление фабулы дела;
- отграничения правовой информации от неправовой.

Что касается последнего положения, то ему необходимо следовать, когда клиент стремится делиться абсолютно всей информацией, как говорится «без разбору», которая, как ему кажется, имеет значение для разрешения его проблемы.

Так, например, в деле о возмещении имущественного ущерба, причиненного в связи с затоплением квартиры соседями, вместо правовой информации, касающейся даты затопления, составления акта оценки имущественного ущерба, причины, по которой произошло затопление (небрежность соседей либо авария коммуникационных сетей, входящих в коммунальную инфраструктуру жилого дома), клиент более охотно делился информацией об особенностях межличностных отношений с соседями, указывая на их склочный, скандальный и мстительный характер, невозможность совместного проживания и т.д.

Конечно, в данном случае правовая тематика не совпадает с плоскостью проблем, в области которых клиент хочет получить сочувственное понимание юриста. В этом случае консультант вынужден поддерживать баланс между своим стремлением направить беседу в нужное русло и стремлением консультируемого поговорить о «больных» проблемах. Но жесткий обрыв тем, не связанных с проблематикой консультации, и сопутствующий отказ в сочувственном

понимании может разрушить достигнутую в начале беседы атмосферу искренности и доверительности. Однако следует отметить, что проблемы, о которых хочет говорить клиент, могут неожиданно оказаться релевантными для исследования, а порой даже более релевантными, чем вопросы, заготовленные юристом. В связи с этим юристу следует внимательно относиться к сообщениям клиента, высказанным им в расчете на сочувственное понимание.

5-я стадия — «Выбор оптимального решения и путей его реализации». В процессе консультирования юрист должен выявить альтернативные действия и предсказать их вероятные правовые последствия, а также поставить клиента в известность о неправовых аспектах или последствиях его действий. Решения же клиентом должны приниматься только после получения им консультации по всем вопросам, имеющим отношение к делу. И хотя вопрос о заверениях и гарантиях в отношении результата урегулирован кодексом профессиональной этики¹, однако многие юристы предпочитают полностью избегать обсуждения с клиентом перспективы исхода дела. Если клиент все же настаивает на обсуждении этого вопроса, то консультанты, как правило, ограничиваются следующими фразами: «у этого дела хорошие судебные перспективы», «это дело столкнется с процессуальными сложностями» и т.п. Однако объяснением этого может быть не столько неопытность части консультантов в предсказании вероятностного прогноза, сколько то, что во время представления интересов клиента могут возникнуть новые обстоятельства; наряду с правовыми последствиями клиента могут поджидать и неправовые, которые ему предстоит пережить, например, из-за несовершенства отечественного правосудия и др.

В целом большинство опытных юристов, как правило, не принимают за клиента решения о том или ином варианте ведения дела. Они лишь представляют клиенту несколько вариантов, разъясняют последствия положительного и отрицательного течения дела по каждому из них и предлагают сделать выбор, по какому пути им предпочтительнее идти. Тем самым ответственность за избранный путь как бы перекладывается с юриста на клиента, хотя, безусловно, ответственность за правильность консультации, за разъяснение норм действующего законодательства полностью лежит на юристе.

¹ Так в п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятой первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г., содержится правило, ограничивающее действия адвокатов по гарантированию клиенту определенного исхода дела: «Адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю заверения и гарантии в отношении результата выполнения поручения, которые могут прямо или косвенно вызывать у обратившегося необоснованные надежды или представления, что адвокат может повлиять на результат другими средствами, кроме добросовестного выполнения своих обязанностей».

И это психологически целесообразно, поскольку если решение будет воспринято клиентом как собственное, он сможет более последовательно и настойчиво претворять его в жизнь или содействовать в этом юристу, представляющему его интересы.

Помощь клиенту в выборе оптимального решения может стать завершающим этапом консультации. Как правило, этим заканчивается разовая консультация. Очень важно на данном этапе добиться активного соучастия клиента в выборе решения, потому что в позиции юриста всегда остается опасность предложить клиенту вариант, оптимальный, с его точки зрения, но не отвечающий истинным желаниям клиента. Поэтому выбор решения должен быть выбором самого клиента. Задача консультанта на этом этапе — помочь сделать выбор, и для этого у него есть два средства: разъяснение правовых положений и прогноз возможных результатов. При этом необходимо подвести клиента именно к осознанному выбору.

Если консультация не разовая, а носит длящийся характер, то необходимо перейти к такой части пятой стадии, как *определение путей реализации принятого решения*.

Как верно отмечается в литературе, в таких случаях, выбрав само решение, юрист продолжает обсуждение и предлагает клиенту возможные варианты действий. Например, если клиент решил обратиться с иском в суд, можно обсудить с ним, когда целесообразно подать исковое заявление, к кому из судей пойти на прием, какие документы представить вместе с иском, а какие приберечь до судебного разбирательства и т.д.

В целом дальнейшее консультирование — это обсуждение конкретных действий по каждому из вариантов или по одному, избранному клиентом. Эта работа может потребовать новых встреч с клиентом, поскольку предполагает возможность появления новой или дополнительной информации и корректировки позиций, новых разъяснений клиенту с учетом психотехнического подхода (см. § 4.3.5).

4.3.5. Психотехника юридического консультирования

Под *психотехникой консультирования* (от древнегреческого *techne* — искусство, мастерство) понимается научно обоснованный и проверенный на опыте психологический способ выполнения коммуникативных действий, обеспечивающих достижение намеченного результата — разъяснение клиенту правовых способов решения проблем. Этот способ представляет собой системное, целостное и алгоритмизированное операциональное образование, которое включает в себя в качестве взаимодействующих элементов психологические приемы, правила, условия, средства, а также специфику их использования. Являясь операциональной целостностью более крупного масштаба, чем отдельные психологические методы, приемы в нее

вошедшие, психотехника юридического консультирования¹ основана на психологических знаниях и правоохранительном опыте, исходит из расчетов, конкретных рекомендаций, наблюдения, понимания, оценок, предполагает гибкость мысли и адекватность корректировок, соответствующие умения и навыки.

Следует отметить, что психотехнике близко такое понятие, как психологический прием. *Психологический прием* — это однократное действие, совершаемое юрисконсультom для изменения актуального состояния клиента в рамках той или иной психотехники. Психотехника же — последовательность психологических приемов, ведущая к формированию заданного психического состояния клиента².

Поскольку, как показывает практика, психологические приемы, участвующие в консультировании, наиболее целесообразно группировать согласно его стадиям, ниже пойдет речь о п я т и группах таких приемов, соответствующих динамике консультативного процесса.

1. Психологические приемы стадии «Взаимное оценивание»:

- 1 — организация оптимальных условий для оказания консультативной помощи;
- 2 — выбор нейтрального материала для начала беседы, который может касаться самочувствия, биографии клиента, его семейного положения, интересов и увлечений;
- 3 — обсуждение последовательности консультации, лимита времени, необходимого для спокойного и всестороннего обсуждения всех вопросов;
- 4 — подстройка к языку тела (отражение поз, жестов) и речи клиента (темпу, ритму, громкости и интонации голоса; использование в собственной речи ключевых слов клиента, повторение окончания фраз);
- 5 — нарочитая откровенность — демонстрация готовности раскрыть клиенту свои профессиональные возможности;
- 6 — положительная оценка индивидуальных особенностей клиента: его профессионального статуса, свойственного ему чувства долга, смелости, принципиальности;

¹ Термин «психотехника» предложил в 1903 г. немецкий психолог В. Штерн, а в 1908 г. немецкий психолог Г. Мюнстерберг сделал попытку оформить психотехнику как науку, определив ее содержание и методы. В задачи психотехники включалось решение таких вопросов, как профессиональный отбор и профессиональная консультация, профессиональное обучение, рационализация труда, борьба с профессиональным утомлением и несчастными случаями.

² Психическое состояние — «психологическая категория, в состав которой входят разные виды интегрированного отражения воздействий на субъект как внутренних, так и внешних стимулов без отчетливого осознания их предметного содержания». См.: *Психологический словарь* / Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983. С. 287.

- 7 — использование различных типов, классификаций клиентов для оперативного «схватывания» их психологических особенностей.

II. Психологические приемы стадии «Стимулирование речевого потока клиента»:

- 1 — демонстрация заинтересованности (наклон в сторону клиента, склонение головы набок, установление зрительного контакта; одобрительные возгласы типа: «да-да», «вот как!», «продолжайте, пожалуйста», «очень интересно!» и т.п.);
- 2 — употребление общих замечаний, а не конкретных, прямых вопросов: «В чем состоит проблема?»; «Перед тем как мы обсудим проблему подробно, расскажите о ее сути»; «Чем я могу вам помочь?»; «Зачем вы обратились ко мне?»;
- 3 — воздержание от ведения записей, поскольку на данном этапе это может отвлечь от слушания, а также повлиять на представление клиента о том, что имеет для дела значение, а что не имеет;
- 4 — формулировка наводящих вопросов, например «не торопитесь», «я понимаю, что говорить об этом нелегко», «а что было дальше?», в случае если клиент говорит неохотно или «забуксует»;
- 5 — использование критических замечаний («вы уходите в сторону» или «давайте вернемся к обсуждаемому вопросу») в случае излишней, не по существу дела говорливости клиента;
- 6 — позволение клиенту выражать свои эмоции в целях демонстрации уважения к нему как к личности, к его праву на чувства;
- 7 — поощрение клиента жестами (кивки головой, выжидательное выражение лица), краткими замечаниями («ага», «хорошо», «понятно», «вот как») в целях демонстрации готовности к дальнейшему взаимодействию;
- 8 — активное слушание в виде ответных словесных реакций, способствующих раскрытию проблемы клиента («Что вы имеете в виду?», «Пожалуйста, уточните это», «Повторите, пожалуйста...»; «Как я вас понял...», «По вашему мнению...», «Можете поправить меня, если я вас неправильно понял...» и др.);
- 9 — рационализация пауз и молчания клиента, позволяющая справиться с мыслями и оценить значение услышанного.

III. Психологические приемы стадии «Определение точки отсчета и детальная хронология событий»:

- 1 — побуждение клиента к изложению событий в хронологическом порядке для получения наиболее полной информации;

- 2 — использование «способа воронки»: формулировка в начале вопросов о теме в широкой постановке, а затем постепенно сужающихся вопросов;
- 3 — побуждение клиента вспомнить, что произошло до главного события, с помощью нейтральных открытых вопросов типа: «Расскажите, что случилось еще раньше в тот день»;
- 4 — предложение клиенту развивать тему, о которой идет речь в данный момент при помощи вопросов «Ну а потом?», «Что было дальше?» и др.;
- 5 — заострение воспоминаний клиента на важных для дела подробностях: «Расскажите об этом подробнее», «Что еще вы могли бы сказать об этом?» или «Не хотите ли что-нибудь добавить к сказанному?»;
- 6 — требование большей последовательности в обрисовке событий, начиная с определенного места в действиях, описанных непосредственно перед главным событием: «Где вы были перед тем, как загорелось здание?», «Что произошло той ночью, когда вы легли спать?»;
- 7 — инициация перехода к новой теме разговора, не дожидаясь, когда клиент естественным образом сам перейдет к ней;
- 8 — проверка ясности версии событий, изложенных клиентом, с помощью пересказа в обобщенном виде для устранения неточностей и недоразумений;
- 9 — фиксирование получаемой информации с помощью записи для последующего воспроизведения важных деталей, адресов фигурирующих в деле лиц и т.д.;
- 10 — актуализация самоконтроля (недопущение длительных монологов, чрезмерной активности, навязывания тем, быстрых переходов и других ошибок).

IV. Психологические приемы стадии «Шлифовка юристом информационного материала»:

- 1 — отграничение правовой информации от неправовой;
- 2 — уточнение текста законов и содержания правовых норм, акцентировка внимания на тех, что соответствуют фактам и требованиям клиента; выявление пределов их действия и последствий применения;
- 3 — обобщение и анализ полученной информации, составление резюме — свода юридически значимой информации, полученной от клиента;
- 4 — определение возможной процедуры по реализации правовых норм применительно к ситуации клиента, расчет всевозможных материальных, временных затрат;
- 5 — выявление непосредственных мотивов поведения лиц, участвующих в деле.

V. Психологические приемы стадии «Выбор оптимального решения и путей его реализации»:

- 1 — ссылка на источники правовой информации (наличие на столе кодексов, текстов законов);
- 2 — разделение проблемы на отдельные составляющие в связи с ее комплексностью, сочетанием в себе уголовно-, гражданско-, семейно-, жилищно-правовых и других аспектов;
- 3 — разъяснение способов и возможных затрат на реализацию обсуждаемых вариантов, обсуждение роли клиента в реализации каждого из них;
- 4 — подведение клиента к осознанному выбору варианта решения (перепроверка правильности понимания клиентом сути и последствий избранного им варианта решения проблемы);
- 5 — убеждение в том, что клиент понял не только свои обязанности, но и обязанности, взятые на себя юристом (подготовка документов, информирование других лиц, фигурирующих в деле и т.д.);
- 6 — перечисление клиенту всевозможных вариантов решения проблемы, предупреждение о возможных неудачах; прогнозирование возможных последствий («Если это вас заинтересует...», «один из возможных вариантов...», «Вероятнее всего...» и т.п.);
- 7 — активизация внимания консультируемого, усиление его мыслительной деятельности.

Далее остановимся подробнее на наиболее сложных в методическом отношении психологических приемах, требующих особого мастерства (техники) для решения задач консультирования.

1. Техника реализации приема *«использование различных типов, классификаций клиентов для оперативного «схватывания» их психологических особенностей»* (стадия I) включает дифференциацию клиентов по разным основаниям.

Например, А.А. Войтик, Т.В. Наумович, К.Л. Томашевский (2006) такое основание видят в занимаемой клиентом позиции по отношению к консультанту и предлагают следующую типологию:

- (а) клиент — «доверчивый ребенок». Это тот, кто заранее верит консультанту, готов делать все, что он скажет, и его любимая позиция — «Делайте, как вы считаете лучше»;
- (б) клиент — «пассивный скептик». Все разъяснения и предложения консультанта встречает фразой «Да все это бесполезно, у меня все равно ничего не получится»;
- (в) клиент — «упрямец». Требуется своего, несмотря ни на какие разъяснения консультанта, и тогда все его рекомендации как бы разбиваются о «Твердолобость» клиента;
- (г) клиент — «закрытая дверь». Обладает информацией о фактических обстоятельствах, но не спешит делиться ей с консультантом.

тантом, выдает ее небольшими порциями, чем вызывает сомнения консультанта: сказал ли ему клиент все, что нужно;

- (д) клиент — «сотрудник». Это самый идеальный тип клиента, а потому сложная коммуникативная задача, стоящая при консультировании перед юристом, выражается в том, чтобы любого клиента превратить в «сотрудника». Только тогда, когда клиент поверит юристу, а последний внушит ему веру в его собственные силы и возможности, можно добиться оптимального результата как в разовом, так и в дящемся консультировании.

Можно типологизировать клиентов исходя из особенностей их правового мировоззрения, а именно таких характеристик, как знание норм права, признание социальной ценности права, готовность к соблюдению правовых норм, убежденность, что с помощью права можно решить проблемы.

Анализ и обобщение подобных суждений о консультируемых позволяет выделить ч е т ы р е типа:

- *клиент-инфантилист*. Ему свойственны несформированность правовых представлений — незнание даже тех прав, свобод и способов их защиты, которые провозглашены Основным Законом страны (правовая безграмотность) и отсутствие оценочного правового мышления (практический инфантилизм), общее неуважение к закону и деятельности правоохранительных органов;
- *клиент-нигилист*, отрицающий нормы права и роль законодательства, сводящий право к совокупности произвольных действий представителей исполнительной власти, оправдывающий беззаконие, нежелающий использовать права, предусмотренные законом; терпимо относящийся к правонарушениям; отказывающийся от сотрудничества с правоохранительными органами, воспринимающий закон в качестве преграды, которую надо обойти или преодолеть, в том числе и с помощью «умелого» юрисконсульта;
- *безответственный клиент*, по-особому относящийся к исполнению правовых предписаний, а именно внутренне убежденный в свободе от ответственности за нарушение правовых норм. Здесь имеется в виду не отрицательное отношение к необходимости соблюдать право, свойственное нигилисту, а оценивание своих конкретных действий как обыденных, традиционных, широко практикуемых и другими людьми, субъективное оправдание их более важными обстоятельствами;
- *клиент-идеалист*, представляющий собой противоположность клиента-нигилиста, гипертрофированно относящийся к юридическим средствам как к панацее, переоценивающий роль права и его возможности, убежденный в том, что с помощью

правовых норм, как «по волшебству», можно решить все свои проблемы, однако не стремящийся лично принимать участие в подготовке соответствующих условий (почвы) для их воплощения и действия.

Конечно, эта или иная типология имеет смысл только ради наиболее адресного применения тех из приемов, которые могли бы с большей надежностью способствовать убеждению клиента следовать в интересах дела верным оценкам и выводам. Так, общение с клиентом-инфантилистом требует большей адаптации к его особенностям, ясности и точности употребляемых слов и рассуждений, не только словесной, но и иллюстративной, графической доказательности; с клиентом-нигилистом — акцентуации, фактологической обоснованности (факты — мать доказательств), фундаментальности, апелляции к справедливости, честности, демонстрации ущербности альтернативы («допустим...»); с безответственным клиентом — воспроизводства событий и действий, апелляции к праву и достоинству («ловлю на слове»); с клиентом-идеалистом — аналогии, апелляции к опыту, логике, разуму, возражений доводам («в ваших же интересах...»).

Кроме того, любая типология может служить лишь исходной версией о психологии клиента, с которой можно начать анализ результатов ее изучения. В процессе консультирования необходимо порой *индивидуализировать клиента*, т.е. конкретизировать собираемую о нем психологическую информацию, «накладывая» ее на выделенный тип. И хотя в настоящем параграфе такая задача не ставится, юридической психологией разработана специальная техника (И.И. Аминов, 2000), предназначенная для оперативного постижения психологических особенностей собеседника посредством наблюдения. Данная техника включает в себя следующие правила:

- (а) постановка задач на наблюдение — реализуется на основе внутренней установки: не упустить из поля зрения, держать под контролем сознания то, что необходимо выявить в собеседнике, заранее продумав внешние проявления особенностей, подлежащих фиксации;
- (б) ориентация на поведенческо-психологические особенности собеседника — ориентироваться на выявление не только статических (личностных) черт, но и динамические особенности (настроение, актуальные переживания, мотивы, намерения, занимаемая позиция);
- (в) ориентация на общую структуру личности собеседника — ориентироваться на изучение направленности личности (потребностей, ценностных ориентаций, установок и др.), психологических образований (знаний, навыков, привычек и пр.), характерологических качеств, психических свойств и процессов (особенности интеллектуальной, эмоционально-волевой

сфер личности), социально-психологических особенностей (социальный и межличностный статус; стиль жизни и работы, стиль общения), психофизиологических свойств (темперамент, возрастные, половые особенности).

Более того, в этом же исследовании установлена степень соответствия составленного по наблюдениям «опытных» специалистов правоохранительных органов психологического портрета собеседника экспериментальным данным, полученным с помощью широко известного личностного опросника Кеттелла (16 PF — вариант С). Доказана возможность надежного выявления по внешним проявлениям восьми из шестнадцати факторов по Кеттелу, важных, на наш взгляд, и для индивидуализации клиента:

- «тревожности» — бегающий взгляд; частая перемена поз, ерзание на стуле, суетливость; закрытая посадка; частое моргание; неумение сразу приступить к существу дела; прерывистость, аритмичность речи; посадка при постоянной готовности вскочить; охотное обсуждение своих слабостей и недостатков; ношение амулетов от сглаза; вера в приметы, особые ритуалы;
- «дипломатичности» — непринужденная поза; спокойный взгляд; незлоупотребление незнакомыми для партнера словами; умно сказанный комплимент; выдвигание на первый план устремления партнера; демонстрация понимания эмоционального состояния партнера; внимательное выслушивание; предоставление возможности партнеру высказаться в ситуации спора, продемонстрировать свои познания в любой области;
- «высокого уровня интеллекта» — логичность, правильность, точность, богатство, чистота речи; наличие в речи оригинальных сравнений, неожиданных поворотов и выводов; адекватная реакция на юмор;
- «смелости» — твердый фиксированный взгляд; лаконичность, решительность речи; взгляд сверху вниз; беззаботно открытая посадка; раскрепощенность позы; критичное отношение к авторитетам; уверенная осанка;
- «общительности» — выразительность мимики; продолжительность зрительного контакта; богатая, разнообразная, активная жестикуляция; образность, эмоциональность речи; жестикуляция, обращенная к партнеру; стремление первым подать руку при приветствии; склонное к полноте телосложение; уголки рта приподняты;
- «эмоциональной устойчивости» — твердый фиксированный взгляд; малоподвижность мимики; отсутствие жестикуляции; сжатость, четкость речи; спокойный взгляд; скупость, сдержанность телодвижений; уверенная, прямая осанка; хорошо сбалансированное, пропорциональное лицо;

- «экспрессивности» — богатая разнообразная жестикуляция; выразительная мимика; продолжительный контакт глаз; чрезмерная улыбчивость; частое перебивание партнера; живость речи; искренние, восторженные характеристики в адрес коллег, знакомых близких; богатство голосовых вариаций; употребление в речи прилагательных в превосходной степени; склонное к полноте телосложение;
- «доминантности» — твердый фиксированный взгляд; активное использование указательного пальца; решительность утверждений с отметанием чужого мнения; пристрастие к вопросам открытого типа, требующим однозначного («да» или «нет») ответа; пропорциональное, крепкое, с широкими плечами телосложение.

Признаки, противоположные перечисленным выше, могут служить основанием для оценки у клиента таких качеств, как уверенность в себе, прямолинейность, невысокий уровень интеллекта, робость, замкнутость, эмоциональная неустойчивость, сдержанность, подчиненность.

В данном исследовании установлено, что при визуальной диагностике личности собеседника наиболее высокой информативностью обладают экспрессия глаз, мимика, жестикуляция, пантомимика, речь (более 50% правильных оценок) по сравнению с признаками физического облика (ок. 12%), одежды, косметики и пр. (ок. 22%).

2. Техника реализации приема «*активное слушание клиента*» (стадия II) свидетельствует о целесообразности рефлексивных и эмпатийных реакций в процессе консультирования. В их числе не только демонстрация заинтересованности в собеседнике, но и отражение эмоциональных состояний говорящего; использование эмпатийных ответов: обращение к клиенту за уточнением; перефразирование мысли клиента своими словами; резюмирование, то есть подытоживание (обобщение), основных идей и чувств клиента.

Например, использование реакций выяснения: «Не могли бы вы пояснить это?», «Что вы имеете в виду?»; реакции перефразирования: «Вы имеете в виду...», «Итак, вы полагаете...»; реакции обобщения: «Обобщая то, что вы сказали...», «До сих пор вы рассказывали, а теперь...»; буферных эмпатийных фраз: «Мне кажется, что вы чувствуете...», «Не чувствуете ли вы себя несколько...»; отражение интенсивности чувств говорящего: «Вы несколько (совершенно, очень страшно) расстроены!» и пр.

В случае естественности, непринужденности поведения юриста-консультанта в технике исполнения приема эффективного слушания будет восприниматься клиентом не как изолированная профессиональная уловка, а как внутреннее, скорее, неосознаваемое стремление (установка) к оказанию высококвалифицированной юридической помощи.

3. Техника приема «*рационализация пауз и молчания клиента...*» (стадия II) позволяет юристу не только собраться с мыслями и оце-

нить значение услышанного, но и расширить ответы клиента. При этом объективные замеры, сделанные с помощью секундомера, показывают, что у опытных юрисконсультов время паузы обычно составляет от двух до пяти секунд. Верхний предел продолжительности молчания составляет около десяти секунд. Но поскольку в реальной ситуации консультирования юрист не может позволить себе пользоваться секундомером, ему следует полагаться на свое собственное субъективное восприятие времени. Граница, за пределами которой молчание превращается в неловкую или недоуменную паузу, — 14 секунд.

Следует заметить, что менее опытные юристы обычно оставляют очень мало времени для пауз. Испытывая дискомфорт от молчания, они стараются тотчас заполнить его разговором, и чаще не по существу дела.

Таким образом, хороший консультант — это уместная пятисекундная пауза, сделанная в ключевых (требующих дополнительного раскрытия) моментах консультации. Она означает обращенную к клиенту мысленную просьбу: «Подумайте и скажите еще что-нибудь по этому вопросу».

4. Техника приема *«фиксирование получаемой информации с помощью записи для последующего воспроизведения важных деталей, адресов фигурирующих в деле лиц и т.д.»* (стадия III) включает следующие правила.

В случае применения юристом во время консультации диктофона рекомендуется:

- привыкнуть к нему настолько, чтобы забыть о его существовании (нервозность консультанта, как правило, переходит клиенту);
- безупречно знать технику его применения (путаница в кнопках воспринимается консультируемым как несобранность);
- до начала интервью следует проверить исправность диктофона и его готовность к работе.

Если же запись производится от руки непосредственно в ходе консультирования, то идеальным вариантом, конечно, было бы использование стенографии. Однако консультанты этим искусством, как правило, не владеют. Но поскольку фиксировать обычно от руки дословно все высказывания клиента невозможно, то следует фиксировать не фразы, а ключевые слова или обрывки фраз, которые потом, опираясь на собственную память, расшифровывать, как только такая возможность представится. Однако практика показывает, что сделанные в ходе интервью обрывки записей помогают восстановить переданную клиентом информацию при повторных встречах и через существенно большие промежутки времени — через одну-две недели и даже через месяц.

Учитывая, что скорость записи от руки намного отстает от скорости устной речи, следует просить клиента говорить медленнее или делать небольшие паузы. Слова юриста: «Подождите, я записы-

ваю» — практически всегда воспринимаются клиентом с пониманием и не нарушают ход консультирования.

Следует также отметить, что, по всей вероятности, консультирование с использованием записи от руки или с использованием диктофона целесообразно было бы проводить вдвоем. Это позволило бы ввести разделение труда, при котором один из юристов преимущественно проводил бы опрос, а другой — делал краткие записи.

5. Забвение при консультировании приема *«актуализация самоконтроля (недопущение обширных монологов, чрезмерной активности, навязывания тем, быстрых переходов и других ошибок)»* (стадия III) может стать причиной:

- увлечения высказыванием собственных суждений, приведением примеров из аналогичных дел. Так, неопытные юристы-консультанты, невзирая на ограничения, расходуют в беседе полезное время консультации и тем самым снижают мотивацию клиента к передаче юридически значимой информации. Высказывая свое личное мнение, юристы больше, на наш взгляд, подвергаются риску вызвать негативную реакцию клиента, несогласного либо отрицательно воспринимающего манеру изложения этого мнения. Влияние последнего фактора следует подчеркнуть особо, поскольку манера изложения мысли и специфика словаря юриста мгновенно обнажают различие субкультур консультанта и консультируемого. Исследование показывает, что реакция на это различие, как правило, бывает негативной;
- использования слишком большого числа вопросов, постоянных прерываний высказываний клиента. Поскольку слишком частая постановка дополнительных вопросов ведет к обрывам тем и к хаотичному их перемешиванию, следует задавать как можно меньше вопросов, но при этом получать значительно больше информации от клиента;
- навязывания клиенту вопросов, не связанных с его действительным опытом и на которые он просто не может ответить. Навязывание возникает в том случае, когда юрист задает вопрос и настаивает на ответе, не убедившись, что клиент действительно может что-то сказать по этому поводу. Такая тактика влечет за собой негативные последствия. Во-первых, не зная, что сказать, клиент начинает импровизировать и фантазировать на ходу. Во-вторых, навязанные темы подавляют ту информацию, которую действительно клиент может и хочет сообщить консультанту;
- неоправданного ускорения темпа консультирования. В тактике ведения консультирования лучше рассмотреть ограниченный круг вопросов, но зато исчерпывающим образом. Что же касается вопросов, оставшихся нерассмотренными, то следует договориться с клиентом о новых встречах.

Сказанное можно проиллюстрировать популярным логическим правилом: чем больше объем понятия, тем меньше его содержание. К примеру, если клиенту задать вопрос о том, как он относится к отечественному правосудию, ответ «плохо» будет откровенно правильным, но банальным, поскольку о недоверии населения судебной системе знает и сам консультант. При таком ответе за рамками рассмотрения остается множество важных вопросов: стремится ли клиент действовать законным способом или воспринимает закон в качестве преграды; верит ли в судебную перспективу ведения дела или больше рассчитывает на подкуп должностных лиц и ищет в юристе не консультанта, а «инкассатора». Следовательно, глубина раскрытия проблемы клиента важнее широты ее охвата. Поверхностное же рассмотрение проблемы низводит консультирование к набору банальных суждений.

В том случае, если пришедший на прием гражданин настаивает на принятии мер, противоречащих положениям закона, необходимо привести дополнительные аргументы. Большое значение при этом имеет четкость, ясность и убедительность этой аргументации, приведение наглядных примеров из практики разрешения аналогичных вопросов. При этом в ходе аргументации не следует допускать оценочные суждения, подчеркивающие недостаточность знаний клиента, непонимание им очевидных истин, что может привести к подрыву его самооценки («Я все равно докажу вам, что вы не правы...»; «Вы не понимаете простой истины, что...»; «Ведь это каждому ясно, что...»).

Подтекст таких фраз легко угадывается посетителем. Тем более что такие речевые обороты не содержат никакой аргументации, но в результате их употребления акценты в диалоге смещаются с конструктивного обсуждения нужных вопросов на оценку личных качеств, вследствие чего возникают неприязнь и враждебность.

6. Относительно техники реализации приема *«активизация внимания консультируемого, усиление его мыслительной деятельности»* (стадия V) целесообразно следовать правилам:

- «акцентировки» в тех случаях, когда необходимо обратить особое внимание клиента на самые важные (с точки зрения юриста) моменты в сообщении. Это правило реализуется с помощью прямой и косвенной акцентировок. Прямая акцентировка достигается за счет употребления таких фраз, как, например, «прошу обратить внимание», «важно отметить, что...», «необходимо подчеркнуть, что...» и т.д. Косвенная акцентировка актуализируется тогда, когда места, к которым нужно привлечь внимание, выделяются при помощи голоса, темпа речи, интонации, жестуляции, пауз из общего строя общения так, чтобы контрастировать с окружающим фоном и автоматически привлечь внимание клиента;
- «переформулировки». Уже высказанная ранее мысль переформулируется по-новому, иными словами и выражениями,

особенно часто в тех случаях, когда речь заходит о сложных или очень значимых для консультируемого вопросах.

Более того, при оказании консультативной помощи возможно «приобщение» клиентов к таким правилам активизации мыслительной деятельности, как:

- «психологизация мышления»: перевод мышления с уровня восприятия на уровень психологических рассуждений, умозаключений, выводов, оценок;
- «сложение мысленной картины»: мысленное моделирование и экспериментирование; разработка графических схем; сличение мысленных моделей со взглядами клиента; обязательное прояснение всего того, что «не ложится в картину», не увязывается с реальными данными;
- «преодоление умственных тупиков»: критический возврат к исходной точке; выявление противоречий в ходе размышлений; критическая проверка способов решения проблемы и недопущение «прикипания» только к одному из них; «свежий взгляд» (радикальный поворот мысли, смелые предположения) и т.д.

В целом анализ психотехники позволяет полагать, что эффективность оказания юристом консультативной помощи решающим образом зависит от уровня профессионально-психологической подготовленности специалиста к общению, которая представляет собой особый вид профессиональной подготовленности и базируется на умениях:

- профессионально использовать все приемы (т.е. владеть «арсеналом» психологических приемов на основе их знания);
- своевременно применять эти приемы на различных стадиях консультирования;
- рационально пользоваться в процессе применения психологических приемов индивидуализированными психологическими средствами, оказывающими необходимое воздействие на клиента в целях изменения его психического состояния;
- успешно применять психологические приемы, которые являются «коронными», поскольку проверены и отточены в процессе практической деятельности и теснейшим образом связаны с личностными особенностями юрисконсульта.

На наш взгляд, до настоящего времени актуально положение основоположника западноевропейской судебной психологии Г. Гросса относительно развития рассматриваемой профессиональной подготовленности, в том числе умений, которые можно

найти не в служебной своей деятельности, а в повседневной обыденной жизни, в самых простых будничных сношениях с людьми. Правда, мы можем учиться и на работе, и каждое дело даст нам что-нибудь новое, — но серьезная деятельность, всецело захватывающая наше внимание и силы, непригодна для обучения, — кто

хочет работать, тот должен быть уже обученным, он может довершить свое образование и в этом смысле учиться, но свое обучение должно быть закончено ранее. И это главным образом потому, что никакое учение не обходится без опытов, а опыты можно допустить лишь в частной жизни, но отнюдь не при отправлении службы.

Причем юристам важно, как и в работе актеров над собой, на что указывал К.С. Станиславский, добиваться «сознательных подходов» в овладении «приемами психотехники».

Реализация данных положений решающим образом будет способствовать формированию убежденности юриста в том, что вооруженность научной парадигмой, помноженная на профессиональное мастерство, приобретенное в процессе обучения и практической деятельности, позволит познать психотехнику консультативной помощи гораздо глубже и что научные разработки по оказанию такой помощи и индивидуально развитая на их основе социально-психологическая компетентность приносят положительный эффект, а не являются голым теоретизированием.

Контрольные вопросы

1. Сформулируйте предмет психологии юридического труда.
2. Каковы задачи психологии юридического труда?
3. Какие профессиографические стороны деятельности юриста вы знаете?
4. Какие психологические качества необходимы юристу для эффективного выполнения этих сторон деятельности?
5. Назовите основные виды и принципы юридического консультирования.
6. Какие факторы влияют на эффективность оказания консультативной помощи?
7. Раскройте психологическое содержание стадий юридического консультирования.
8. Каково значение психотехники при проведении юридического консультирования?
9. Раскройте технику реализации наиболее эффективных, на ваш взгляд, психологических приемов консультирования.

Литература

1. *Аминов И.И.* Психологическое изучение собеседника в профессиональном общении сотрудника органов внутренних дел: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Академия управления МВД России, 2000.
2. *Аминов И.И.* Психология деятельности юриста. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
3. *Белова Н.М.* Педагогика обучение адвокатов профессиональной деятельности: Дис. ... канд. пед. наук. М.: Академия управления МВД РФ, 2005.
4. *Блохина О.Ю.* Основные правила проведения консультирования. Тверь, 2001.

5. *Войтик А.А., Наумович Т.В., Томашевский К.Л.* Обучение студентов в юридической клинике практическим навыкам работы юриста: Учеб. пособие / Отв. ред. С.А. Балашенко. Минск: БГУ, 2006.
6. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции и др. Смоленск, 1885.
7. *Дмитриева М.А.* и др. Психология труда и инженерная психология. Л., 1979.
8. *Климов Е.А., Носкова О.Г.* История психологии труда в России. М., 1992.
9. *Климов Е.А.* Введение в психологию труда. М., 1986.
10. *Котелова Ю.В.* Из истории советской психологии труда // Вопросы психологии. 1967. № 5.
11. *Котелова Ю.В.* Очерки по психологии труда. М., 1986.
12. *Левитов Н.Д.* Психология труда. М., 1963.
13. *Лютинская К.* Социологические закономерности интервьюирования. СПб., 2004.
14. *Мэйхерн К.* Курсы выработки профессиональных навыков адвокатов // Методический семинар для преподавателей «Клиническое юридическое образование», 14—18 декабря 2000 г., СПб. (Ольгино), 2000.
15. *Платонов К.К.* Вопросы психологии труда. М., 1962.
16. *Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения* / Отв. ред. А.В. Байков, Л.А. Воскобитов, П. Дуглас и др. М.: Дело, 2001.
17. *Психология общения: Энциклопедический словарь* / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011.
18. *Станиславский К.С.* Работа актера над собой. Т. 2. М.: Искусство, 1954.
19. *Энциклопедия юридической психологии* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2002.
20. *Юридическая клиника: опыт практического обучения юристов: Учеб.-метод. пособие* / Отв. ред. А.В. Байков, Л.А. Воскобитов и др. СПб., 1999.
21. *Carlos Viladós Jene*, «The Legal Profession in Spain: An Understudied but Booming Occupation,» in *Lawyers in Society: The Civil Law World*, vol. 2, eds. Richard L. Abel and Philip S.C. Lewis, 369—379 (Berkeley: University of California Press, 1988).
22. *Christen Civiletto Carey and Kristen David Adams*, *The Practice of Law School: Getting In and Making the Most of Your Legal Education* (New York: ALM Publishing, 2003).
23. *Fiona Boyle, Deveral Capps, Philip Plowden, Clare Sandford*, *A Practical Guide to Lawyering Skills*, 3rd ed. (London: Cavendish Publishing, 2005)0.
24. *George B.* *The Tradition in Law Counseling.* — University of Pennsylvania, 2009.
25. *Harry W. Arthurs, Richard Weisman, and Frederick H. Zemans*, «Canadian Lawyers: A Peculiar Professionalism,» in *Lawyers in Society: The Common Law World*, vol. 1, eds. Richard L. Abel and Philip S.C. Lewis, 123—185 (Berkeley: University of California Press, 1988).

После изучения данной главы студент будет

знать:

- психологическую структуру личности и деятельности оперативного сотрудника;
- психологические особенности проведения основных оперативно-розыскных мероприятий;

уметь:

- проводить психологический анализ криминальной ситуации с позиции оперативного сотрудника;

владеть:

- психологическими способами, приемами оптимизации оперативно-розыскной деятельности.

5.1. Психологическая характеристика оперативно-розыскной деятельности

5.1.1. Понятие оперативно-розыскной деятельности

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. в качестве *основных задач* данного вида деятельности определяет:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений;
- установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
- осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыск без вести пропавших;
- добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

Из данного перечня задач видно, что теория и практика оперативно-розыскной деятельности (ОРД), нацеленные на преодоление сопротивления отдельных лиц и преступных группировок и разрушение их преступных замыслов, самым непосредственным образом связаны с психологической наукой. Необходимость использования

психологических знаний в сфере ОРД определяется следующими ее специфическими особенностями.

1. ОРД носит характер постоянного и скрытого конфликтного взаимодействия с преступной средой и лицами, замысливающими, подготавливающими или уже совершившими преступления. Вследствие этого ОРД:

- (1) осуществляется конспиративно;
- (2) является деятельностью рефлексивной, т.е. характеризуется изучением и воздействием в отношении проверяемых и разрабатываемых лиц;
- (3) экстремальна, так как связана с определенным риском из-за физической опасности, недостатка исчерпывающей информации о преступных событиях и причастных к ним лицах, постоянного противодействия криминальных элементов и дефицита времени.

2. ОРД характеризуется:

- (1) постоянным анализом и прогнозированием результатов своей деятельности и деятельности криминальных элементов;
- (2) использованием разнообразных мотивировок и ролевых игр для обеспечения скрытности проводимых мероприятий, эффективности получения и использования оперативно-ценной информации о проверяемых и разрабатываемых лицах;
- (3) постоянной готовностью к действиям в экстремальных ситуациях;
- (4) строгим эмоционально-волевым контролем.

3. ОРД свойственно то, что она:

- (1) строится на нормативно-правовой основе, т.е. регламентируется действующими нормами права и морали;
- (2) связана с привлечением многообразных сил, средств и методов, т.е. осуществляется как деятельность комплексная и коллективная;
- (3) постоянно согласуется с оперативной обстановкой и конкретными оперативно-тактическими ситуациями;
- (4) отличается высоким динамизмом из-за постоянного изменения среды функционирования.

В связи с перечисленными особенностями в ОРД *первостепенное значение* приобретает психологическое обоснование:

- (1) закономерностей психики субъектов ОРД (оперативников и лиц, привлекаемых к участию в оперативно-разыскной деятельности);
- (2) психологических компонентов преступной деятельности отдельных лиц, организованных преступных групп и организованных преступных сообществ (их мотивации, особенностей преступной субкультуры);
- (3) специфических закономерностей психологии борьбы субъектов ОРД с криминальными лицами;
- (4) психологических способов и приемов получения субъектами ОРД оперативной информации в процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий.

На современном этапе возрастает также значение социально-психологических аспектов ОРД на ее организационно-управленческом уровне. Речь идет об использовании данных психологических исследований:

- при изучении и отборе кадров;
- разработке путей и методов профессиональной подготовки и повышения морально-психологического уровня личного состава оперативно-разыскных органов;
- повышении качества управления силами и средствами ОРД;
- организации и совершенствовании информационно-аналитической работы, прогнозирования и планирования;
- организации координации и взаимодействия, поддержании оперативной готовности сил и средств;
- стимулировании усилий сотрудников в борьбе с преступностью.

Перечисленные специфические особенности ОРД не являются, конечно, исчерпывающими, но относятся к наиболее существенным. Даже неполный перечень этих особенностей убедительно свидетельствует о том, что оперативно-разыскная деятельность, как и любая другая, включает существенные психологические компоненты.

В этой связи в рамках общей теории ОРД формируется и получает свое обоснование *оперативно-разыскная психология*. Ее предметом следует считать закономерности и механизмы психики людей, выступающих в качестве субъектов ОРД и противостоящих им криминальных элементов, т.е. лиц, занимающихся противоправной деятельностью, и их окружения. При этом к предмету оперативно-разыскной психологии следует отнести не только закономерности психики отдельного индивида, но и психологию оперативно-разыскных коллективов, психологию преступных групп и преступных сообществ, а также психологию их конфликтного взаимодействия между собой в соответствующих социальных условиях.

Поскольку оперативно-разыскная деятельность — это разновидность социально-психологической деятельности, она состоит из поисковых, коммуникативных, реконструктивных, удостоверительных и воспитательных компонентов, эффективность которых напрямую зависит от профессиональных качеств сотрудника.

5.1.2. Психологический профессионализм оперативного сотрудника

По мнению специалистов (Б.Г. Бовин, Н.И. Мягких, А.Д. Сафронов), выполнение оперуполномоченным его функциональных обязанностей требует наличия определенных психологических качеств, свойств, умений. Среди них:

(1) *коммуникативные качества*:

- способность располагать к себе людей, вызывать у них чувство доверия, быстро устанавливать контакты с новыми людьми, разумно сочетать деловые и личные контакты с окружающими;

- умение быстро найти нужный тон, целесообразную форму общения в зависимости от психологического состояния и индивидуальных особенностей собеседника, дать объективную оценку действиям других людей;
- умение согласовывать свои действия с действиями других лиц, отстаивать свою точку зрения;

(2) *интеллектуальные качества:*

- умение выбрать из большого количества информации ту, которая необходима для решения данной задачи;
- способность видеть несколько возможных путей решения задачи и мысленно выбирать наиболее эффективный, находить новые необычные решения;
- способность схватить суть основных взаимосвязей, присущих проблеме, принять правильное решение при недостатке необходимой информации, ее противоречивости и отсутствии времени на ее осмысление;
- умение рассмотреть проблему с нескольких различных точек зрения, оперативно выдвинуть и отработать версию, четко распределить обязанности между субъектами (*профессиональное мышление*);
- чутье к наличию проблемы там, где кажется, что уже все решено;
- способность к узнаванию факта по малому количеству признаков (*интуиция*);
- способность точно воспроизводить внешность и поведение человека, иную информацию в нужный момент, легко запоминать словесно-логический материал, тут же точно передать раз услышанное (*профессиональная память*);
- умение подмечать незначительные (малозаметные) изменения в исследуемом объекте, быстро переключать внимание с одного вида деятельности на другой, длительное время сохранять устойчивое внимание, несмотря на усталость и посторонние раздражители, подмечать изменения в окружающей обстановке, не сосредоточивая сознательно на них внимание (*профессиональная наблюдательность*);

(3) *волевые качества:*

- стойкость, упорство в преодолении возникающих трудностей;
- способность объективно оценивать свои достижения, силы и возможности, брать на себя ответственность в сложных ситуациях.

Сама профессия обязывает сыщика проявлять максимальную *самостоятельность*. Указания сверху могут быть самыми общими и сугубо формальными. Успех его деятельности во многом зависит от его собственного решения, ответственность за которое целиком и полностью ложится на его плечи;

(4) *эмоциональные качества:*

- уравновешенность и самообладание в конфликтных ситуациях;
- эмоциональная устойчивость при принятии ответственных решений.

Оперативному работнику необходимо немалое мужество, чтобы изо дня в день иметь дело с отбросами общества, видеть кровь и слезы потерпевших, таить бессильную ненависть к преступному миру (именно таить — сыщик в отличие, скажем, от судьи или следователя действует только тайно);

(5) *моторные качества:*

- способность к быстрдействию в условиях дефицита времени;
- быстрая реакция на внезапное зрительное впечатление посредством определенных движений (*высокая моторная реактивность*).

Ряд экспертов по психологии оперативно-разыскной деятельности отмечают необходимость наличия у сотрудника выраженной *склонности к разумному риску*, так как воздержание от риска в ходе ОРД, как правило, способствует утрате уже достигнутого результата. Кроме того, в процессе решения служебных задач оперуполномоченному необходимо *умение оказывать специфическое психологическое воздействие на различные категории граждан*, в частности, для получения оперативной информации в процессе опроса свидетелей, экспертов, потерпевших, подозреваемых на основе разнообразных, творческих способов и приемов выхода из проблемной ситуации.

В то же время профессиональная деятельность сотрудника жестко регламентирована существующим законодательством и воинской дисциплиной.

Из перечисленных выше профессионально значимых качеств можно заключить, что ОРД предъявляет очень высокие и разноплановые требования к личности сотрудника оперативных подразделений, которые качественно влияют на успешность борьбы с преступностью в процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий.

5.2. Психология оперативно-разыскных мероприятий

5.2.1. Виды оперативно-разыскных мероприятий

Поскольку оперативно-разыскная деятельность, основывающаяся на конституционных принципах законности, уважении прав и свобод человека и гражданина, может осуществляться конспиративно, на основе гласных и негласных методов и средств, учет и приме-

нение психологической науки крайне важны при реализации большинства из 14 регламентированных федеральным законом видов оперативно-разыскных мероприятий. В их числе:

- опрос граждан;
- наведение справок;
- сбор образцов для сравнительного исследования;
- проверочная закупка;
- исследование предметов и документов;
- наблюдение;
- отождествление личности;
- обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;
- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
- прослушивание телефонных разговоров;
- снятие информации с технических каналов связи;
- оперативное внедрение;
- контролируемая поставка;
- оперативный эксперимент.

Средства, с помощью которых они решаются, не должны наносить ущерб жизни, здоровью, чести и достоинству граждан, а также окружающей среде. При осуществлении оперативно-разыскных мероприятий должны быть исключены действия, способные спровоцировать совершение преступлений.

Из приведенного перечня мероприятий видно, что оперативные органы должны использовать весьма специфичную в психологическом плане технику личного сыска, оперативного внедрения, контроля и противоборства, чтобы упреждать противоправную деятельность преступников.

Остановимся подробнее на наиболее психологически насыщенных из них (опросе, наведении справок, наблюдении, внедрении, эксперименте), которые в комплексе с другими оперативно-разыскными мероприятиями (ОРМ) обеспечивают выявление оперативно-разыскной информации о подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях, а также документирование фактов о противоправной деятельности преступных группировок и раскрытие совершаемых ими преступлений. Уникальность рассматриваемых ниже ОРМ заключается в том, что их отдельные элементы активно используются в процессе проведения других оперативно-разыскных мероприятий.

5.2.2. Подготовка и проведение опроса

Еще в трактате о военном искусстве, написанном в Китае в 400 г. до н.э., содержится суть этого оперативно-разыскного мероприятия:

знание наперед нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем умозаключения по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений. Знание положения противника можно получить только от других людей.

Опрос (сыскной) — сбор фактической информации, имеющей значение для решения конкретной задачи ОРД (как правило, локальной), со слов опрашиваемого человека, который реально или вероятно обладает ею (п. 1 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Иными словами, это беседа субъекта опроса (оперативника и др.) с лицом — носителем информации.

Практика показывает, что опрос граждан — одно из самых распространенных оперативно-розыскных мероприятий.

Опрос как оперативно-розыскное мероприятие следует отличать от допроса, производимого по уголовному делу. Допрос — прерогатива следователя или лица, производящего дознание. Он осуществляется с обязательной фиксацией в протоколе установленной формы с предупреждением допрашиваемого свидетеля или потерпевшего об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Оперативный работник может проводить допрос только по поручению должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело. Опрос — привилегия сыщика.

На предприятии, связанном с ракетостроением, путем взлома было похищено секретное изделие. В ходе первоначальных ОРМ был определен круг лиц, которые, вероятно, могли что-либо знать о ситуации, связанной с хищением. В частности, в их число была включена уборщица помещений К.

При первой встрече и беседе оперативника с К. ничего существенного установить не удалось. Однако оперативник отметил, что женщина хотя и сразу согласилась на беседу, но вела себя нервно, слегка путалась в ответах. Вторая беседа была подготовлена уже с учетом ее личностной характеристики. Во время этого опроса К. рассказала, что она, задержавшись на работе в день совершения хищения, видела, как молодой рабочий, слесарь М., около 19 часов взломал монтировкой дверь хранилища и вынес из него какой-то сверток. Отказ рассказать об этом раньше она объяснила тем, что М. — зять ее старой подруги, которую она не хотела подводить.

Данные этого опроса помогли значительно сузить круг подозреваемых и в кратчайшие сроки установить похитителя. В дальнейшем М. был задержан и сознался, что украл изделие для его демонтажа и изъятия ряда деталей, содержащих драгоценный металл, который он собирался выгодно продать.

Из приведенного примера видно, что главными отличительными чертами данного ОРМ являются следующие:

- субъектами опроса являются исключительно сотрудники оперативно-розыскных аппаратов;

- содержанием их действий являются подготовка и проведение специальной беседы с лицом, располагающим информацией, имеющей значение для борьбы с преступностью;
- для выбора тактики специальной беседы крайне важно учитывать характеристику личности опрашиваемого, мотивацию его поведения и отношение к преступной деятельности;
- в зависимости от конкретных обстоятельств дела и особенностей личности опрашиваемого определяется тактика опроса, который может проводиться гласно, а также в тайне от окружающих лиц.

Весь процесс осуществления опроса разделяется на три относительно самостоятельных этапа:

- (1) подготовка к опросу;
- (2) проведение опроса;
- (3) обеспечение эффективного и полного использования полученных результатов в борьбе с преступностью.

Каждый из них имеет содержание, цель, тактику достижения, а также свои психологические особенности.

В начале опроса оперативный сотрудник должен уделить внимание определению лиц, с которыми необходимо проведение этого мероприятия.

Таковыми лицами в первую очередь могут быть:

- работники транспортных средств (в зависимости от особенностей региона: водители такси, автобусов и иного общественного транспорта, железнодорожного и воздушного транспорта);
- рабочие и служащие близлежащих предприятий;
- пассажиры, постоянный маршрут которых пролегает вблизи места преступления;
- лица, имеющие домашних животных, которых они выводят на прогулку в те часы, когда было совершено преступление;
- жильцы близлежащих домов, в первую очередь те, из окон квартир которых видно место происшествия.

После того как лицо, располагающее необходимой информацией, выявлено, необходимо перейти к изучению психологических особенностей его личности. Здесь решающее значение придается выяснению двух основных обстоятельств:

- (1) отношению объекта беседы к противоправному факту, для выяснения обстоятельств которого намечается проведение беседы;
- (2) его личностной характеристике, включающей особенности психологической реакции на негативные стрессовые ситуации.

При осуществлении данного мероприятия оперативному сотруднику важно *уметь ориентироваться в невербальных признаках опрашиваемого*. Существует, как считают психологи, определенный язык взглядов, мимики, жестов, движений. Элементарные познания

в таком языке могут помочь не только в сыске, но и в повседневном профессиональном общении.

Глаза. Ученые утверждают, что с помощью глаз в ходе общения передаются самые открытые сигналы. Так, когда человек возбужден, его зрачки увеличиваются в четыре раза по сравнению с нормой, в подавленном состоянии — сужаются.

Если человек нечестен, пытается что-то скрыть, он смотрит в глаза собеседнику не более трети времени разговора. Если он не отводит взгляда более двух третей времени, то это может означать, что он находит собеседника интересным и нужным человеком (зрачки при этом расширены) либо, напротив, настроен враждебно (зрачки сужены).

Выделяют ч е т ы р е типа взглядов:

- (1) *официальный* — внимание сконцентрировано на переносице собеседника или чуть выше. Эксперименты показывают, что такой взгляд никто не в состоянии выдержать продолжительное время;
- (2) *повседневный (обычный)* — взгляд устремлен на символический прямоугольник, образуемый глазами, щеками и губами;
- (3) *взгляд искоса* — демонстрация интереса к личности (в сопровождении улыбки) или проявление враждебности, подозрительности (брови нахмурены, лоб напряжен, уголки рта опущены).

Руки. У человека, склонного к откровенности, ладони обычно полностью или частично открыты. *Скрещенные руки*, спрятанные за спину, или руки в карманах говорят об обратном.

Сцепленные пальцы — в большинстве случаев признак недовольства, желание скрыть отрицательное отношение к чему-либо.

Закладывание рук за спину характерно для уверенного в себе человека, которому свойственно чувство превосходства. В стрессовых ситуациях такая поза позволяет снять напряжение, почувствовать себя уверенней.

Рот прикрыт рукой — человек невольно стремится не произносить какие-либо слова, ему необходимо скрыть правду во время разговора. Прикосновение к носу — вариант предыдущего жеста.

Оттягивание воротника рубашки — попытка снять напряжение, скрыть обман. Этот жест может быть признаком, что человек расстроен, рассержен.

Потираание век — желание кого-то обмануть, может быть, подозрительность.

Пальцы во рту — угнетенное состояние, огорчение.

Ладонь подпирает щеку или подбородок — признак скуки, отсутствия интереса к разговору.

Поглаживание пальцем подбородка — размышление, принятие важного и непростого решения.

Скрещенные на груди руки — проявление защитной реакции или скептического отношения к чему-либо.

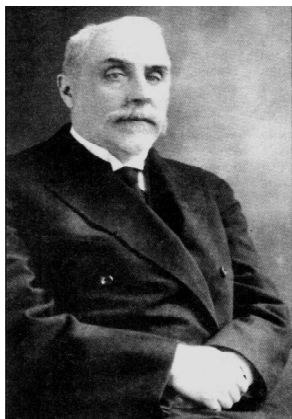
Закладывание ноги за ногу с фиксацией руками характерно для людей упрямых и несговорчивых.

Собирание с одежды пылинок означает, что человек не согласен с мнением окружающих, но не решается открыто высказать недовольство.

Положение головы. Прямое положение головы типично для людей, относящихся к получаемой информации нормально или же безразлично. Наклон в сторону свидетельствует о пробуждении интереса к разговору. Голова опущена — отношение к услышанному отрицательное, осуждающее.

Особое внимание в плане учета психологии объекта опроса занимают вопросы *выбора места и времени проведения беседы*. Необходимость этого вызывается тем, что успешное решение задачи получения информации во многом зависит от обстановки, в которой будет протекать беседа. Здесь, конечно, не может быть общего правила и стандарта. Однако важно предварительно отработать легенду встречи, максимально исключить различного рода ситуативные помехи (телефонные звонки, обращение соседей, коллег, вызовы к начальству), обеспечить конфиденциальность общения. В местах беседы не должно быть ничего слишком яркого или неожиданного, если необходимо, чтобы собеседник слушал с пристальным вниманием и не отвлекался.

«Нет собеседника более общительного, чем тишина и одиночество», — говорил начальник уголовного сыска Российской империи *А.Ф. Кошко*.

А.Ф. Кошко

Планирование и выбор вида и тактики опроса — процесс творческий: содержание и последовательность предполагаемых вопросов, подлежащих обсуждению, зависят от конкретных обстоятельств дела, характерных особенностей личности опрашиваемого и его отношения к факту, по которому проводится опрос. Но в то же время имеется ряд правил общего характера, требующих максимального учета положений психологии для наиболее полного достижения целей посредством данного метода.

Прежде всего необходимо принять решение, с какой темы следует начать беседу. При этом необходимо иметь в виду, что, прежде чем перейти к непосредственно интересующим оперативного сотрудника вопросам, нужна вступительная часть, направленная на решение хотя и вспомогательной, но крайне важной задачи — установления психологического контакта.

Как известно, *тактика и приемы установления психологического контакта* зависят от характеристики личности как оперативного сотрудника, так и опрашиваемого, от целей беседы, а также от условий (места, времени, обстановки), в которых она протекает.

Предварительное изучение, анализ и оценка всех этих обстоятельств должны дополняться непосредственным изучением опрашиваемого в начале беседы. По реакции собеседника, его манере держаться, одеваться можно определить как положительные свойства, облегчающие установление контакта (любопытность, чувство юмора, культура поведения, вежливость), так и отрицательные, затрудняющие контакт (подозрительность, настороженность, озлобленность, грубость, беспечность).

Приступая к беседе в целях установления психологического контакта, целесообразно использовать *ряд приемов*:

- выбор нейтрального материала для начала беседы, который может касаться самочувствия, маршрута движения транспорта либо биографии объекта беседы, его семейного положения, интересов и увлечений;
- избегание противоречий и несогласий со стороны собеседника в начале беседы. Для этого оперативный сотрудник на основе предварительного изучения личности опрашиваемого должен высказывать свое мнение и задавать вопросы в тех формулировках, которые неизбежно вызовут у объекта беседы согласие и ответ «да»;
- создание у собеседника впечатления о совпадении интересов в отношении увлечений опрашиваемого. Так, например, разговор о музыке, спорте, литературе, коллекционировании не только создает благоприятное впечатление об оперативном сотруднике у объекта опроса, но и снимает у него настороженность и психологические барьеры;
- тактика так называемого психологического «поглаживания». Проявление к опрашиваемому сочувствия, уважительное к нему отношение способствуют снятию психологического барьера и настороженности;
- прием нарочитой откровенности и раскрытия содержания целей и задач беседы перед опрашиваемым;
- использование черт характера и мотивации поведения опрашиваемого по отношению к конкретной ситуации. Здесь речь может идти о негативном отношении к поведению, взглядам проверяемых и разрабатываемых лиц, желании заслужить доверие у представителей органов власти, отличиться в глазах окружающих и т.д.;
- снятие мотивов страха перед местью со стороны заинтересованных лиц может быть достигнуто как обещанием сохранить

в тайне факт беседы и его результаты, так и демонстрацией мер, позволяющих обеспечить тайну беседы;

- учет индивидуальных особенностей предполагает обращение к статусу гражданина, его профессиональной принадлежности (например к работнику таможни, военнослужащему, ревизору и другим лицам, обязанным бороться с нарушениями и проявлять патриотизм, личное мужество), апелляцию к положительным сторонам личности (чувству долга, смелости, принципиальности), использование отрицательных черт характера (хвастливости, болтливости, легкомыслия и т.д.).

Переходя к *основной части* предмета опроса, следует избрать правильную тактику формулирования и последовательность задаваемых вопросов. Здесь многое зависит от целей беседы, характеристики опрашиваемого, степени его изученности, имеющихся исходных данных и оценки сложившейся обстановки.

Например, опрос может быть *свободным*, т.е. его содержание, формулировка вопросов, их последовательность заранее строго не планируются. Здесь во многом возможна импровизация, поскольку оперативный сотрудник в этих случаях и сам не предполагает четко, какого характера сведения он может получить. На практике свободная форма опроса используется в тех случаях, когда оперативный сотрудник надеется получить гораздо больше информации, чем можно предполагать из предварительной оценки ситуации.

Целенаправленная форма опроса используется тогда, когда оперативного сотрудника интересует конкретный факт и, как правило, имеются предварительно установленные сведения, требующие уточнения. Приступая непосредственно к цели беседы, оперативный сотрудник может сообщить опрашиваемому сведения (или часть их), имеющиеся в распоряжении органа внутренних дел, и, наблюдая за реакцией собеседника, принимает меры к снятию психологических барьеров, чтобы получить необходимую информацию.

При опросе нельзя применять угрозы, любого рода физическое воздействие, нельзя понуждать к даче показаний против самого себя или близких родственников, нельзя допускать действия, унижающие достоинство личности.

Вопросы опрашиваемому должны задаваться в спокойном тоне. Недопустимо вслух оценивать и комментировать ответы опрашиваемого. Запрещается также задавать наводящие и безнравственные вопросы. Так, наводящие вопросы уже в самой формулировке содержат желаемый для опрашивающего ответ. Особенно неуместны они при опросе несовершеннолетних, ведь у них повышенная внушаемость, которая может привести к искажению истины. «Улавливающие» вопросы рассчитаны на то, чтобы поймать опрашиваемого на случайной оговорке. Они обычно направлены на запутывание

опрашиваемого. Очень осторожно нужно применять и косвенные вопросы, т.е. такие, об истинной направленности которых опрашиваемый не осведомлен.

Ощутимый вред в общении сыщика с гражданами наносит обман. Он подрывает авторитет органов правосудия.

Требует учета психологии и тактика проведения *концовки опроса*. Поскольку психология человека устроена таким образом, что особенно запоминается и производит наиболее сильное эмоциональное воздействие именно концовка беседы, то в связи с этим крайне важно оставить у объекта благоприятное впечатление от беседы. Если цель опроса не скрывалась, то опрашиваемого следует поблагодарить за предоставленные им сведения. А в тех случаях, когда он проявлял желание оставить в тайне сам факт беседы, еще раз заверить, что данное условие будет соблюдено.

5.2.3. Наведение справок

Наведение справок (сыскной запрос) — получение фактической информации, имеющей значение для решения конкретных задач ОРД, путем направления запроса (официального или неофициального характера) соответствующему юридическому или физическому лицу, располагающему или могущему располагать таковой, а равно ее получение путем непосредственного ознакомления с соответствующим материальным носителем (документом и др.).

В частности, о лице — объекте оперативной заинтересованности представляет интерес следующая информация: биографические данные, образование, место проживания, совершенные в прошлом преступления (иные правонарушения и др.), родственные и иные связи и т.п.

Сыскной запрос предусмотрен п. 2 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Как и опрос, наведение справок может носить гласный (официальный) характер по форме «запрос — ответ», но может и зашифровываться.

На людной улице некто беспричинно напал на женщин. Пятерых ранил ножом. Как показали потерпевшие, свои действия он сопровождал злыми выкриками, нецензурной бранью... Приметы преступника запомнились потерпевшим не очень отчетливо: рост выше среднего, возраст около 30 лет, лицо «страшное». Фоторобот тоже принес мало пользы. Судя по всему, нападавший был ранее судим. Необходимо было навести справки о недавно освобожденных, проверить стоящих на учете в психдиспансерах, «отработать» жильцов близлежащих домов. Не исключалось, что преступник недавно развелся с женой. Следовало ознакомиться в ЗАГСе с журналом регистрации разводов.

Желаемых результатов проводимые мероприятия не дали. И тогда было принято решение ввести наблюдение в медицинских учреж-

дениях, чтобы в случае поступления очередной жертвы незамедлительно организовать розыск по горячим следам.

В одной из поликлиник сыщик обратил внимание на доставленного мужчину, который вскрыл вену, пытаясь покончить с собой. Дальнейшая проверка показала: человек этот дважды судим, психически неуравновешен (хотя на учете у психиатра не состоял); после освобождения развелся с женой, был озлоблен, грозил ей расправой.

Трое из потерпевших опознали задержанного как человека, который совершил нападение.

Уяснив смысл полученного задания или самостоятельно определив цель его проведения, оперативный сотрудник должен обратить внимание и выделить главные, наиболее важные вопросы. Ими могут быть: выявление связей; наличие места хранения орудий преступления, похищенного имущества, предметов, нажитых преступным путем; противоправный образ жизни проверяемого или разрабатываемого лица, факты его преступной деятельности; и т.д.

Каждая из указанных задач требует избрания особой тактики наведения справок и связана, во-первых, с выбором лица, которое в наибольшей степени может быть осведомлено о тех или иных фактах, а во-вторых, с определением содержания и последовательности вопросов, которые необходимо задать в процессе проведения этого ОРМ.

Для изучения объекта и контингента лиц, в микросреде которых будет осуществляться наведение справок, используются как официальные материалы, так и проводится ознакомление непосредственно на местах. Просматривая материалы официальной документации (например, домовые книги регистрации жильцов) для выбора конкретных лиц, с которыми целесообразно вести разведывательную беседу в процессе наведения справок, необходимо особое внимание уделять установлению пола, возраста, образования, национальности лиц, проживающих рядом с местом жительства проверяемого и разрабатываемого.

Анализ профессиональной принадлежности, а также режима работы дает основания оперативному сотруднику безошибочно выбрать нужный источник информации. Так, например, человек, занятый работой сверхурочно или постоянно выезжающий в командировки, вряд ли располагает нужным объемом информации. И наоборот, пенсионеры, располагая свободным временем, осведомлены о многих фактах, представляющих оперативный интерес для органов внутренних дел. Как правило, женщины больше знают об образе жизни и связях лиц, проживающих рядом. Существуют отличия в восприятии информации мужчинами и женщинами.

Определив примерный круг лиц, с которыми целесообразно провести разведывательные беседы в процессе наведения справок,

оперативный работник определяет для себя легенду прикрытия и способ зашифровки проведения мероприятия. Здесь с точки зрения психологии важно учесть естественный интерес лица, выбранного в качестве источника сведений, к определенной проблеме. Например, у домохозяйки может найти живой отклик разговор на тему о воспитании детей, соблюдении чистоты и порядка. Наметив разговор с женщиной, целесообразно выдать себя за представителя органов народного образования, здравоохранения или санэпидемстанции. Возможно также посещение квартиры под видом агента страховой компании. Разговор с мужчинами возможен под видом организатора спортивной работы, представителя органов, контролирующего расход электроэнергии, использование газовых приборов и т.д.

Определив легенду и примерное содержание беседы, оперативный сотрудник под видом представителя организации и учреждения, деятельность которых связана с посещением жилых домов и учреждений, начинает проведение мероприятия.

Разговор, как правило, начинается с предлога, выбранного для наведения справок и представления оперативного сотрудника под избранной им легендой. Здесь надо иметь в виду следующие психологические особенности.

Во-первых, желательно, чтобы избранная легенда поведения оперативного сотрудника и предлог его появления затрагивали в определенной степени интересы лица, намеченного в качестве источника информации, иначе человека тяжело втянуть в разговор.

Во-вторых, надо уметь убедить собеседника, что перед ним представитель именно того учреждения, от имени которого под легендой выступает оперативный сотрудник. Это можно сделать, либо демонстрируя официальные бланки, которые необходимо заполнить по результатам посещения, либо предъявив удостоверение работника легендируемой организации. При этом следует иметь в виду, что женщины реже, чем мужчины, интересуются документами, и это облегчает общение с ними. В то же время если женщина одна в квартире, то оперативному сотруднику затруднительно проникнуть в жилище, так как она испытывает естественное чувство страха. Чтобы преодолеть этот психологический барьер, желательно, чтобы предлог и легендируемая организация, от имени которой выступает оперативный сотрудник, носили гуманный, пропагандируемый средствами массовой информации в данный период характер.

После изложения предлога и получения конкретных результатов для зашифровки целей беседы необходимо перевести разговор на тему, близкую к искомой информации. Здесь следует действовать крайне осторожно, чтобы резкой сменой темы разговора не настроить собеседника и не выдать своей причастности к органам внутренних дел.

Если собеседник оказывается болтливым человеком и сам перейдет к теме, которая интересует оперативного работника, то надо немедленно этим воспользоваться, задавая уточняющие вопросы. Но в большинстве случаев приходится прилагать определенные усилия для того, чтобы принудить собеседника начать разговор на тему, интересующую оперативного работника. Это всегда творческий процесс, требующий инициативы, знаний и умения быстро ориентироваться в меняющейся обстановке. Но в то же время каждый оперативный работник должен иметь в своем распоряжении набор стандартных вопросов, позволяющих незаметно для собеседника, приблизиться к интересующей проблеме.

«Вопросы никогда не бывают нескромными в отличие от ответов», — говорил начальник Центро розыска *К.Г. Розенталь*.

5.2.4. Оперативное наблюдение

Наблюдение — тайное, направленное, систематическое, непосредственно-визуальное или опосредованное (с помощью оперативно-технических средств) восприятие деяний лица (лиц) и явлений (событий, фактов, процессов), значимых для решения конкретных задач ОРД, их фиксация и регистрация (п. 6 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Преимущество этого ОРМ — достоверность информации. Кроме того, на практике наблюдение часто является единственным методом, способным решить возникшую перед оперативными аппаратами задачу.

5 сентября 2000 г. прокуратурой г. Р-ска было возбуждено уголовное дело по факту исчезновения гражданки Ц. Через несколько дней подразделением по борьбе с организованной преступностью была получена первичная оперативная информация о вероятной причастности к исчезновению Ц. двух местных жителей, которые с момента исчезновения Ц. не появлялись у себя дома. В соответствии с планом ОРМ основные усилия были сосредоточены на их установлении. С помощью наружного наблюдения за вероятными местами их укрытия оперативно удалось установить местонахождение данных лиц, а также не допустить их бесконтрольного выезда за пределы города. После их задержания в ходе следствия была доказана их причастность к убийству гражданки Ц.

Психологические особенности наблюдения определяются следующими обстоятельствами:

- требование соблюдения скрытого характера проведения этого мероприятия не только от объекта наблюдения, но и от окружающих;

- неизбежность близкого нахождения от объекта наблюдения, и в первую очередь от лиц, представляющих оперативный интерес;
- постоянное противодействие лиц, совершающих преступления, их стремление обнаружить за собой наблюдение и скрыться от него;
- быстрота изменения конкретной ситуации и обстоятельств ведения наблюдения;
- необходимость самостоятельного принятия решений при изменении ситуации.

Процесс оперативного наблюдения складывается из нескольких одновременно протекающих действий: наблюдения за объектом, его действиями, действиями других оперативных работников, изменяющейся обстановкой. Все это требует от оперативного работника высокой зрительной чувствительности, большого объема и широкого распределения внимания, т.е. одновременного восприятия значительного количества информации.

В.Г. Филиппов

Слабые глаза, — отмечал начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции Российской империи

В.Г. Филиппов, — ограничивают лишь зрение, слабая наблюдательность — мысли и поступки.

Объектами оперативного наблюдения чаще всего являются:

- лица, разрабатываемые или проверяемые в связи с наличием данных об их преступной деятельности, подозреваемые или обвиняемые по уголовным делам;
- лица, располагающие сведениями о готовящихся или совершенных преступлениях либо имеющие связь с преступниками;
- родственники и знакомые разыскиваемых;
- другие граждане и иные объекты, наблюдение за которыми может способствовать предупреждению и раскрытию преступлений, розыску и задержанию скрывшихся преступников;
- лица, состоящие на связи у оперативных работников органа внутренних дел, учреждения, исполняющего наказание, в качестве агентов, резидентов, содержателей конспиративных и явочных квартир.

В процессе *подготовки к наблюдению* необходимо правильно выбрать время начала его проведения. При этом должны быть учтены:

степень интенсивности противоправной деятельности в настоящий период, планирование и осуществление проверяемым лицом действий, интересующих оперативные аппараты; состояние психологической напряженности проверяемого лица, степень его настороженности и подозрительности.

В других ситуациях в процессе подготовки к наблюдению, наоборот, принимаются меры к созданию у объекта психологического дискомфорта, чтобы побудить проверяемое лицо к активным действиям, способствующим его изобличению в преступной деятельности. В этих случаях необходимо учитывать то, что искусственно созданная оперативным работником психологическая ситуация вызвала у объекта состояние повышенной настороженности и подозрительности.

Наиболее целесообразно начать наблюдение за объектом в таком месте, которое не связано непосредственно с преступной деятельностью проверяемого. К месту начала скрытого наблюдения оперативный работник должен прибыть не более чем за час до известного времени выхода наблюдаемого, так как следует учитывать, что насторожившийся объект может заранее проверить все подходы к месту своего нахождения как сам, так и с помощью сообщников, в результате чего наблюдение может быть обнаружено.

Если точное время выхода объекта неизвестно, то надо быть на посту ко времени общего начала движения в данной местности. Позицию следует определить таким образом, чтобы при выходе объекта безошибочно определить, что это именно он. При его появлении оперативному работнику надо вести себя спокойно и начать за ним движение с места только тогда, когда наблюдаемый отойдет на значительное расстояние или завернет за угол.

С первых минут наблюдения оперативный работник должен попытаться определить внутреннее психологическое состояние объекта. Этот вывод делается на основе анализа поведения наблюдаемого — ведет себя спокойно или старается применить какие-либо меры контрнаблюдения, проверки и т.д. В случае если объект наблюдения применил какой-либо из приемов перепроверки или контрнаблюдения, оперативный работник должен сделать вывод о повышенной настороженности объекта и в соответствии с этим определить тактику дальнейшей работы по осуществлению скрытого наблюдения.

Особое внимание с учетом степени психологической настороженности должно уделяться *тактике фиксирования лиц и фактов*, представляющих оперативный интерес, с помощью технических средств маскировки, радиосвязи, приборов наблюдения, аудио-, видеозаписи.

В настоящее время широкое применение в качестве метода фиксации наблюдаемого получила видеосъемка. Она имеет ряд достоинств:

- постоянство, стабильность зафиксированного;
- отсутствие ограничений на масштабе;
- возможность использования замедленной и ускоренной съемки с целью сделать наблюдаемое более четким;
- возможность вести съемку в полной темноте (в инфракрасных лучах);
- камеру в отличие от наблюдателя легко скрыть;
- использование двух или несколько камер, снимающих с различных мест или имеющих объективы с разным фокусным расстоянием, которые позволяют лучше оценить влияние факторов угла зрения и расстояния от места события на результаты наблюдения.

Используются портативные видеокамеры, позволяющие делать записи до восьми и более часов подряд на одну видеокассету.

Вместе с тем у видео-, аудиотехники имеется и ряд недостатков:

- анализ зафиксированного отнимает много времени и очень сложен из-за большого разнообразия;
- на четкость снятого влияет освещение, поэтому при одном и том же освещении какие-то признаки поведения видны хорошо, а другие — плохо (для выделения телодвижений требуется задняя подсветка, а для хорошей видимости мимических проявлений — передняя);
- аудиозапись, как правило, содержит много фоновых шумов, что делает речь не всегда доступной анализу;
- данные, полученные в результате применения средств видео- и аудиозаписи, ограничены тем, что попало в поле объектива (если только не используется подвижный объектив), и др.

Немаловажно учитывать и условия видеосъемки, которые могут проявляться при анализе материалов. Так, съемка сверху может создать впечатление незначительности человека и того, что он делает. Съемка снизу, напротив, придает излишнюю значительность снимаемому.

Важное значение имеет *знание способов совершения преступлений*, поскольку нередко в процессе скрытого наблюдения выявляются и фиксируются факты преступной деятельности. Знание способа совершения преступления позволяет оперативному сотруднику психологически подготовиться и, прогнозируя преступное поведение объекта, приступить к его задержанию с поличным. При этом возможны два варианта:

- (1) оперативные сотрудники действуют под легендой якобы случайно оказавшихся рядом;

(2) оперативные сотрудники не скрывают своей принадлежности к органам внутренних дел.

В любом случае основной целью психологического воздействия при задержании с поличным является создание уверенности у лица в случайности его задержания. Для достижения этой цели используется возможность в беседе дать понять объекту, что он задержан в результате собственной неосторожности либо неосторожности своих сообщников.

В целом же наблюдение является сугубо вспомогательным средством. Это значит, что данные, полученные посредством наблюдения, не могут напрямую использоваться в суде в качестве доказательств (как и сообщения, полученные от агентуры). Вся доказательная база следствия должна быть «задокументирована», т.е. получена из иных, легальных следственных источников — допросов подозреваемых, показаний свидетелей и т.д. Оперативное наблюдение может лишь сообщить оперативнику конкретную информацию о контактах или поведении «объекта». Дальше уже задача оперативника и следователя, как эти факты подтвердить иными методами.

При проведении оперативно-разыскных мероприятий необходимо со всей серьезностью относиться к потенциальному противнику, кем бы он ни был, и одновременно верить в собственные силы. Важно, в частности, иметь в виду, что из-за неблагоприятной экономической ситуации и по некоторым другим причинам преступный мир пополнился в последнее время недавними представителями специальных служб — профессионалами высокого класса. Кроме того, представители преступного мира отлично вооружены, хорошо организованы, оснащены самыми современными средствами связи и транспортными средствами. Широко используют последние технические достижения в области подслушивания, прослушивания телефонных переговоров, наблюдения на значительных расстояниях и др. Между тем противостоять преступному миру возможно, причем нередко с помощью вполне доступных каждому приемов и средств, позволяющих, в частности, установить факт слежки за собой на ранней стадии, т.е. осуществлять *контрнаблюдение*.

Выявлять слежку следует конспиративно. Иначе противная сторона прибегнет к хорошо замаскированным, изощренным методам наблюдения. Ровное, спокойное поведение выслеживаемого способно усыпить бдительность преследователей. Окончательный *вывод об установлении слежки* желательно делать не по какому-то отдельному факту, а *по совокупности признаков*. Среди них:

- стремление затеряться в толпе, ничем не выделяться (отсутствие броской одежды);
- использование в процессе слежки методов изменения внешности (очки, парики, замена одежды, при этом ее нижняя часть практически не меняется);

- использование автомобилей и переговорных устройств (если наблюдение ведется группой лиц);
- неоднократные встречи с предполагаемыми преследователями, неадекватные действия с их стороны;
- психологическое состояние возбужденности (при исчезновении же объекта проявление нервозности, суетливости);
- позиция, как правило за спиной объекта (оптимальный вариант слежки): расстояние от 3—5 метров — на многолюдных улицах; до 50—100 метров — там, где прохожих мало. Темп движения, как правило, равен скорости объекта.

Оперативному сотруднику необходимо знать также *способы провокации преследователей (наблюдателей) в целях их выявления.*

При встречном взгляде преследователь может резко отвернуться и даже пойти в противоположную сторону. Если объект поворачивает за угол, преследователь ускоряет шаг либо переходит на бег; при утрате визуального контакта он начинает суетиться.

Наиболее эффективно выявление слежки на заранее разработанном маршруте, который должен соответствовать определенной «легенде» интересов, потребностей. Нелогичный и нетипичный маршрут способен насторожить преследователей. Маршрут должен быть достаточно протяженным (свыше 40 минут) и сложным (пешие участки, передвижение на транспорте, пересадки).

Предусматриваются три-четыре места гарантированной проверки, позволяющие с большой долей вероятности зафиксировать слежку. Один из методов — создание тактической паузы, влекущей потерю преследователем объекта слежки. Это заставляет наблюдателя попасться в «ловушку», лишая возможности совершить обходной маневр и провоцируя на действия, не характерные для обычного прохожего.

Приемы создания тактических пауз и ловушек: выбирается длинный проходной двор, внутри которого находятся какие-либо учреждения или заведения — с выходами на оживленные улицы. В таком месте наблюдатель будет двигаться за объектом на увеличенном расстоянии. При этом легко выбрать момент отсутствия визуального контакта, заскочив в один из близлежащих подъездов. Через окно, витрину и т.п. объект получает возможность вести тайное наблюдение за преследователем.

Приемы рассредоточения группы наблюдателей: движение пешком по улице с односторонним движением транспорта — навстречу движению; поездка в метро в том направлении, где по наземной трассе часто возникают пробки.

Один из элементарных приемов проверки слежки — переход на противоположную сторону улицы (в немногочисленных местах). При повороте в сторону проезжей части в поле зрения попадают все

находящиеся за спиной. С этой целью нередко используются также телефоны-автоматы, магазины, аптеки, киоски, ларьки, в частности зеркальные витрины, мосты с боковыми секциями, бульвары и скамейки.

В общественный транспорт оперативному работнику следует входить через заднюю дверь и оставаться на задней площадке, что дает возможность видеть весь салон и фиксировать следующие по маршруту транспортные средства. При этом преследователь обязательно войдет в другую дверь и будет постоянно наблюдать за объектом, особенно на остановках.

5.2.5. Оперативное внедрение

Оперативное внедрение (сыскное внедрение) — вершина сыскного дела. Оно заключается в приобретении оперативно-разыскным органом конфиденциального источника информации внутри объекта оперативного интереса (преступной группы, сообщества и др.) и (или) в его окружении (криминогенной среде и т.п.) для оптимального решения задач ОРД и достижения ее целей в сложившейся оперативной обстановке.

Сыскное внедрение предусмотрено п. 12 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Практика показывает, что без внедрения в такие группы соответствующих источников информации разоблачить преступную группу зачастую невозможно. Именно в оперативном внедрении проявляются творчество руководителей и артистизм исполнителей, сочетающиеся с немалым риском для жизни.

На территории ряда областей центральной части России в течение 1997—1999 гг. действовала устойчивая преступная группа, которая занималась подпольным бизнесом огнестрельного оружия. В ходе ее оперативной разработки явно ощущался недостаток в достоверной информации о действиях и планах разрабатываемых. Исходя из сложившейся по делу оперативной обстановки, было принято решение внедрить в преступную группу старшего лейтенанта милиции Х. Операция по внедрению прошла успешно. Оперативник был внедрен под видом отправленного в запас армейского офицера, имеющего «связи» среди специалистов арттехвооружения и крайне нуждающегося в материальных средствах. Через некоторое время оперативник вошел в доверие к «хозяину» и стал «своим» среди участников преступной группы. Только благодаря оперативно поступавшей от Х. информации удалось установить точный состав преступной группы, их связи в различных городах (включая поставщиков оружия и клиентов), места аккумуляирования преступно нажитых денежных средств, а также преступные планы руководства группы на перспективу.

Из приведенного примера видно, что оперативное внедрение — сложное оперативно-разыскное мероприятие, основанное на глубокой осведомленности об особенностях структуры и функционирования среды, в которую внедряется агент, разработке легенды, легендирования, линии его поведения. В основе лежит, возможно, более точное определение формальной (профессионально-квалификационной, должностной) и неформальной (социально-психологической, межличностной) ролевой позиции агента относительно источников и носителей интересующей информации, которая позволила бы получить к ней доступ.

Подбор и подготовка лиц для внедрения основываются на индивидуальных особенностях кандидатов — чертах личности, некоторых особенностях биографии, личного опыта, профессионально-квалификационных качествах. Основное требование — умение искать информацию («чувствовать» ее), необходимую для решения задач ОРД, а также создавать условия для ее обнаружения. Хотя работа внедренного агента всегда осуществляется под контролем внедрившего его органа или службы, исключительное значение для него имеет умение принимать самостоятельные решения в неординарных ситуациях, действуя на свой страх и риск.

Э.Ф. Видок

Основная психологическая особенность деятельности внедренного агента — постоянно высокий уровень рефлексии, самоконтроля поведения, что обуславливает психическую напряженность этой деятельности в сочетании с необходимостью внешне естественного следования принятой легенде и линии поведения. Начальник парижской тайной полиции Э.Ф. Видок отмечал:

Заставить умных людей поверить, что ты являешься не тем, кем ты являешься на самом деле, во многих случаях трудней, чем стать действительно тем, кем желаешь казаться.

Таким образом, при проведении ОРМ необходим тщательный учет основных положений психологии. Вместе с тем их применение должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями законности и в определенных пределах, исключающих психологическое принуждение (шантаж) и использование таких низменных побуждений, как месть, национализм, корысть и т.д.

5.2.6. Оперативный эксперимент

Эксперимент вообще и оперативный эксперимент в частности имеют ряд *преимуществ перед методом наблюдения*. Во-первых, эксперимент позволяет изучить то или иное явление в различных условиях (например, поведение проверяемого лица). Во-вторых, в экспериментах можно повторить одно и то же явление неоднократно как при одних и тех же, так и при различных обстоятельствах. Правда, в отличие от эксперимента, проводимого в лабораторных условиях, где число повторений опыта практически может быть неограниченным, в практике ОРД повторению эксперимента нередко препятствуют: выезд, болезнь, изменение образа жизни объектов наблюдения, изучения и проверки; требования конспирации, исключающие дублирование одних и тех же условий во избежание расшифровки ОРМ, изменение ситуации на территории города.

Посредством эксперимента можно с большей точностью, чем при наблюдении, изучить то или иное явление, ибо такое изучение проводится с предварительной подготовкой: сама техника эксперимента, а тем более его замысел исходят из конкретной цели, которая доминирует в сознании оперативников и способствует избирательному отбору информации. Это само по себе создает основу углубленного изучения явления.

Кроме того, искусственно создаваемые условия в какой-то мере пробуждают к активности изучаемых лиц. Они, как правило, принимают решения при наличии альтернатив, что способствует целеустремленности их действий, а следовательно, и категоричности выводов оперативников по результатам эксперимента.

Эксперимент ускоряет получение необходимой информации о взглядах, намерениях, преступном опыте и т.п., выявление которых без применения экспериментальных методов можно ожидать годами, так как проявляются они лишь в определенной ситуации. Эксперимент требует создания таких ситуаций, подготовки условий, максимально обеспечивающих получение объективной и полной информации.

В этом случае практика сталкивается с необходимостью проведения *оперативной комбинации*, которая применяется в качестве тактического приема. Оперативная комбинация может предшествовать эксперименту, сопутствовать ему, маскировать его, она помогает дезориентировать лицо, в отношении которого проводится эксперимент. Например, отключение домашнего телефона для того, чтобы разрабатываемый направился в телефон-автомат, где может быть произведено его негласное опознание. Некоторые комбинации имеют целью побудить разрабатываемого к активным действиям, ускоряющим или облегчающим его обнаружение, задержание или изобличение, например оставить отпечатки пальцев, следы ног или какие-либо другие следы на определенных предметах.

Итак, *оперативный эксперимент* заключается в активном наблюдении за поведением изучаемого лица (лиц) в управляемых или контролируемых условиях или в проведении иных опытных действий, непосредственно не связанных с поведением лица (лиц), для получения оперативно значимой информации, с помощью которой проверяют и уточняют имеющиеся сведения о вероятной подготовке или совершении тяжкого (особо тяжкого) преступления (п. 14 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Достоверность результатов оперативного эксперимента достигается его проведением в наиболее приближенной к реальности обстановке, а также при условии отсутствия *подстрекательства (провокации)* к совершению преступления.

Полученные в результате проведения оперативного эксперимента данные могут способствовать:

- проверке выдвинутых оперативных (сыскных) версий;
- проверке и уточнению имеющихся данных о причастности конкретного лица к тому или иному негативному событию (деянию, явлению, процессу);
- осуществлению захвата с поличным лица, совершившего тяжкое преступление, непосредственно при совершении преступного деяния (действия или бездействия);
- подготовке и осуществлению следственных и судебных действий;
- установлению причин и условий совершения тяжкого преступления;
- установлению фактических обстоятельств события — имело ли место именно убийство, а не несчастный случай или самоубийство.

Оперативный эксперимент применим также для выбора наиболее эффективных форм профилактического вмешательства. С его помощью получают информацию о взглядах, позициях, высказываниях, об отношении к различным социальным ценностям лиц, относительно которых предстоит выбрать соответствующие методы профилактики. С помощью оперативного эксперимента может быть определена их социальная роль, симпатии и антипатии в обращении с другими лицами, в микросреде, где протекает их жизнь. Подобные задачи характерны, например, при нейтрализации влияния лидеров на участников формирующихся преступных групп, при подборе и специальной подготовке агентов в целях внедрения их в преступные сообщества. В простейших случаях для этого чаще всего достаточно проведения бесед и личных наблюдений оперативника. Но в сложных случаях, когда прямое вмешательство оперативников может расшифровать оперативную разработку, не всегда привычные ОРМ применимы, поэтому для получения необходимой информации следует прибегать к оперативному эксперименту.

Экспериментальным путем можно выявить лиц, осведомленных о месте пребывания скрывающихся преступников, определить характер осведомленности лиц, которые могут быть свидетелями по уголовным делам, выяснить реальность совершения тех или иных действий, проверить совпадение следов, возможность преодоления преград, возможность уложиться в определенное время и т.д. Словом, эксперимент является весьма эффективным ОРМ, в результате применения которого поступает новая информация, необходимая для принятия дальнейших тактических решений.

Оперативный эксперимент в ряде своих элементов сближается с экспериментом следственным (ст. 181 УПК РФ). Общее между ними заключается в том, что и *оперативный и следственный эксперименты* предполагают искусственно вызванное явление в целях его изучения, последовательную фиксацию и контроль за состоянием наблюдаемого (вызванного) явления, изменяющегося под воздействием факторов, вводимых и управляемых лицом, производящим эксперимент.

Однако между оперативным и следственным экспериментами имеются и существенные различия. Если следственный эксперимент применяется строго в рамках Уголовно-процессуального кодекса, то оперативный отличается значительно большим диапазоном применения.

Вариантов применения оперативного эксперимента значительно больше, чем эксперимента следственного.

Важнейшим отличием оперативного эксперимента от следственного является *конспиративность*, т.е. маскировка цели, ролей и задач, посвящение в замысел и структуру эксперимента весьма узкого круга оперативников.

Наконец, *различны формы фиксации результатов*: следственный эксперимент предполагает процессуальную форму, оперативный эксперимент фиксируется справкой, рапортом, агентурными сообщениями.

В отличие от следственного результаты оперативного эксперимента не являются доказательствами, однако приобретают важную роль в процессе получения доказательств. Результаты оперативного эксперимента могут указывать на факты, обстоятельства, предметы, которые при процессуальном порядке их обнаружения и фиксации становятся доказательствами.

Практике известно проведение оперативных экспериментов, с помощью которых достигается изучение психологии личности разрабатываемых или проверяемых, характера их отношений в микросреде, изучения поведения агентов в определенных ситуациях и т.д. Оперативный эксперимент применяется при изучении поведения, образа жизни, связей тех или иных лиц, выяснении их осведомленности об ОРМ. Например, для выяснения, ведет ли разрабатываемый или проверяемый контрнаблюдение, можно имитировать пост наружного наблюдения и изучать, как он будет на это реагировать: заинтересуется появлением человека, изменит маршрут, предпримет

средства маскировки внешности и т.д. С помощью агентов, оперативников, в ряде случаев с привлечением общественников, которым предлагается играть определенные роли, создают ситуации, в которых изучаемое лицо может проявить себя наиболее полно, тем самым достигается цель получения объективной информации.

Например, создается ситуация, в которой родственники или знакомые разыскиваемого преступника могут сообщить сведения, свидетельствующие о наличии между ними связи и их осведомленности о фактах, имеющих отношение к поведению преступника после его уклонения от следствия и суда. Это типичная ситуация альтернативного поведения: если знает, то скажет, если не скажет, следовательно, не знает. Этот эксперимент отличается от обычного выведывания: последнее рассчитано на получение сведений, заведомо известных соответствующему лицу.

Представляется весьма продуктивным применение оперативного эксперимента в целях выявления лидеров организованной преступной группы, что может быть достигнуто искусственным созданием обстановки, в которой проявляются межличностные отношения в группе.

В оперативном эксперименте проявляется связь чувственного и логического познания, проверяются интуитивно возникающие предположения и знания, извлекаемые из опыта борьбы с преступностью. Эксперимент как метод познания обогащает и наполняет этот опыт новым содержанием. Уже в 1880-е гг. шеф сыскной полиции Санкт-Петербурга *И.Д. Путилин* не представлял сыскной работы без эксперимента. Называя себя экспериментатором с головы до ног, он говорил:

И.Д. Путилин

Эксперимент — вот верный проводник от преступления к наказанию.

Контрольные вопросы

1. Раскройте предмет оперативно-разыскной психологии.
2. В чем смысл психологического профессионализма оперативного сотрудника?
3. Назовите основные психологические качества, свойства, умения оперативного сотрудника.
4. В чем отличие опроса как оперативно-разыскного мероприятия от допроса на предварительном следствии?
5. Какие приемы для повышения эффективности опроса необходимо использовать при его проведении?
6. По каким невербальным признакам опрашиваемого важно ориентироваться оперативному сотруднику?

7. Дайте определение понятия «наведение справок» как разновидности ОРМ. Какие приемы способствуют его результативному осуществлению?
8. Каковы условия проведения оперативного наблюдения?
9. Зачем оперативному сотруднику необходимо знание способов совершения преступлений?
10. Как следует осуществлять контрнаблюдение?
11. Почему оперативное внедрение — вершина сыского дела? Какова его сущность?
12. Каковы преимущества оперативного эксперимента перед наблюдением?
13. В чем отличие оперативного эксперимента от следственного?
14. С какой целью проводится оперативный эксперимент?

Литература

1. *Записки Видока* — начальника парижской тайной полиции. СПб., 1877.
2. *Карнец И.И.* Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994.
3. *Климов И.А., Ковалев О.Г.* Психология оперативно-розыскной деятельности // Психология. Педагогика. Этика: Учебник для вузов / Под ред. проф. Ю.В. Наумкина. М., 2002.
4. *Оперативно-розыскная деятельность: Учебник* / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. М., 2001.
5. *Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел* / Под ред. Б.Г. Бовина, Н.И. Мягких, А.Д. Сафронова. М., 1997.
6. *Практика уголовного сыска: Науч.-практ. сб.* / Под ред. проф. А.И. Алексева. М., 1999.
7. *Прикладная юридическая психология* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2001.
8. *Прыгунов П.Я.* Практикум по психологии ролевого поведения (для сотрудников правоохранительных органов): Учеб. пособие. М., 2003.
9. *Прыгунов П.Я.* Психологическое обеспечение специальных операций: ролевое поведение: Учеб. пособие. М., 2003.
10. *Психология общения: Энциклопедический словарь* / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011.
11. *Ронин Р.* Своя разведка: способы вербовки агентуры, методы проникновения в психику, сформированное воздействие на личность, технические средства скрытого наблюдения и съема информации: Практ. пособие. Минск, 1997.
12. *Чуфаровский Ю.В.* Психология в оперативно-розыскной деятельности. Установление и развитие контактов с субъектами заинтересованности. М., 1996.
13. *Энциклопедия юридической психологии* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2003.
14. *Шеф сыской полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин* // Соч.: В 2 т. Т. 1: Повесть о службе / Авт.-сост.: Д.К. Нечевин, Л.И. Беляева. М., 2003.

После изучения данной главы студент будет *знать*:

- психологические особенности личности и деятельности следователя;
- психологическую специфику проведения отдельных следственных действий;
- нетрадиционные методы в раскрытии преступлений;

уметь:

- проводить психологический анализ криминальной ситуации с позиции следователя;

владеть:

- психологическими способами, приемами повышения эффективности следственных действий.

6.1. Понятие психологии расследования преступлений

Психология расследования преступлений — раздел юридической психологии, в котором рассматриваются психологические особенности следственной деятельности, ее профессиограмма, психограмма личности следователя, психологические методы и приемы, средства и технологии повышения эффективности предварительного следствия.

Несмотря на то что психология расследования преступлений является сегодня одним из наиболее разработанных разделов юридической психологии, она подлежит дальнейшему развитию. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, сопровождающие общественную жизнь процессы социально-экономических и политических преобразований влияют на изменение динамики и роста преступности, приводя к повсеместному распространению определенных видов преступлений (взяточничества, мошенничества, заказных убийств и т.д.), что, в свою очередь, влечет необходимость изучения различных, в том числе и психологических, аспектов их расследования. С другой стороны, повышение уровня профессионализма и организованности преступных формирований предопределяет возникновение новых психологических особенностей труда следователя и, таким образом, вызывает необходимость определения дополнительных

требований, предъявляемых данным видом деятельности к его профессионально значимым психологическим качествам.

В связи с этим, имея не только важное научное, но и практическое значение, психология расследования преступлений нуждается в постоянном обновлении имеющихся знаний и проведении новых исследований, результаты которых, будучи использованы в следственной деятельности, способствуют достижению целей уголовного процесса.

6.2. Психология личности и деятельности следователя

6.2.1. Общая характеристика профессиональной деятельности следователя

В профессиональном плане деятельность следователя характеризуется:

- (1) *повышенной общественной значимостью* профессии, наличием властных полномочий с элементами принуждения, процессуальной самостоятельностью, высокой формализованностью социально-ролевой функции, процессуальной регламентированностью средств и сроков следствия;
- (2) *направленностью на восстановление истинной картины расследуемого прошлого события*, образов причастных и осведомленных о нем лиц по имеющимся в настоящем прямым и косвенным признакам — материальным и идеальным следам-отображениям (обстановке места происшествия, вещественным доказательствам, свидетельским показаниям и пр.), находящимся в причинно-следственной и пространственно-временной связи с расследуемым событием и действиями причастных к нему лиц;
- (3) *экстремальными психологическими условиями следственной деятельности*:
 - многообразием, сложностью и творческим характером решаемых задач, связанных с раскрытием и расследованием преступления, установлением, преследованием и задержанием опасного преступника;
 - повышенной ответственностью за принимаемые процессуальные и тактические решения в условиях дефицита информации и времени, противодействия заинтересованных лиц;
 - другими факторами, вызывающими сильную психическую и физическую напряженность (интеллектуальные, эмоциональные и физические перегрузки в условиях ненормируемого рабочего времени; наблюдение последствий преступления, личное восприятие трупа и других объектов, возбуждающих отрицательные эмоции; общение с людьми, непосредственно

наблюдавшими преступление или явившимися жертвами преступления; наблюдение их психического состояния — возбуждения или угнетения, растерянности, горя, боли и т.д.).

Следственная деятельность как разновидность социально-психологической деятельности состоит из познавательных, реконструктивных, удостоверяющих, коммуникативных и воспитательных компонентов, эффективность которых напрямую зависит от профессиональных качеств следователя.

6.2.2. Профессионально значимые качества следователя

Повышенная психическая напряженность, социальная ответственность работы следователя предъявляют особые требования к его личностным качествам. Согласно исследованиям, проведенным В.В. Романовым и М.В. Крозом, психограмма и критерии психологической пригодности к профессии следователя представлены следующими характеристиками:

(1) *мотивационно-ценностные особенности:*

- высокий уровень правосознания и социальной ответственности;
- честность, гражданское мужество, совесть, соответствие действий требованиям нравственности;
- принципиальность, непримиримость в борьбе с нарушениями правопорядка;
- обязательность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность;
- развитая мотивация достижения;
- выраженная мотивация самоактуализации;

(2) *познавательные качества:*

- высокий уровень интеллектуального развития;
- гибкость мыслительных процессов;
- способность к анализу и обобщению информации;
- упорство при решении задач;
- умение прогнозировать;
- умение различать главное и второстепенное;
- способность к реконструкции явлений по их косвенным признакам;
- наблюдательность, творческое мышление, развитая интуиция, эрудированность, хорошая память, развитое произвольное внимание, познавательная активность, критичность к информации;

(3) *коммуникативные качества:*

- умение устанавливать и поддерживать психологический контакт;
- умение понимать внутренний мир собеседника, его особенности, мотивы, текущее психологическое состояние;

- коммуникативная компетентность (умение слушать, проницательность, доброжелательность, свободное владение вербальными и невербальными средствами общения, самоконтроль);
 - широкий спектр стилей поведения в конфликтных ситуациях;
 - наличие лидерских (организаторских) качеств;
 - чувство юмора;
- (4) *личностные особенности*:
- адекватная самооценка;
 - самостоятельность и независимость, смелость, активность, ответственность, самоуважение.

Перечисленные качества являются гарантией эффективности проведения различных следственных действий — допроса, очной ставки, предъявления для опознания, следственного эксперимента, воспроизведения показаний на месте, обыска, выемки, следственного осмотра, освидетельствования, получения образцов для сравнительного исследования. Безусловно, все они имеют психологические особенности проведения, однако и по объему, и по числу участвующих лиц они различны. Рассмотрим наиболее психологически насыщенные следственные действия.

6.3. Психология следственных действий

6.3.1. Понятие следственного действия

Следственные действия — это действия по сбору и проверке доказательств, предусмотренные законом и осуществляемые следователем в определенном процессуальном порядке.

Следственные действия производятся после возбуждения уголовного дела (кроме задержания подозреваемого и осмотра места происшествия) на основании постановления следователя. В случаях, предусмотренных п. 4—9, 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, следственные действия производятся на основании судебного решения.

В зависимости от обстоятельств дела осуществляются те или иные, но в первую очередь неотложные следственные действия, к числу которых относятся: осмотр места происшествия, обыск, задержание обвиняемого (подозреваемого) и допрос.

6.3.2. Осмотр

Осмотр жилища, иного помещения, предметов, документов — неотложное следственное действие, которое проводится в целях обнаружения следов преступления и других вещественных доказательств, а равно иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

По своему психологическому содержанию осмотр представляет собой процесс наблюдения, т.е. активного, целенаправленного восприятия указанных объектов, анализа и синтеза полученной

информации для раскрытия и расследования преступления (ст. 176—178 УПК РФ). При этом на выработку психологической линии поведения следователя прежде всего влияют:

- степень развитости у него поисковых способностей;
- наличие рабочей атмосферы в следственно-оперативной группе;
- наличие или отсутствие волнения из-за страха совершить публичную ошибку или поспешные поверхностные действия;
- характер физических и психологических условий на месте преступления (погодно-климатические условия, неблагоприятное время суток, неблагоприятный фон преступления, значительная неопределенность в познании происшедшего события и пр.).

Реализация осмотра может быть значительно затруднена при наличии *преступной инсценировки* — имитации, направляющей следователя по ложному пути необъективных фактов и обстоятельств, специально придуманных преступником для получения негативного исхода следствия.

Структура деятельности, связанной с инсценировкой, складывается из следующих операций:

- анализа и оценки ситуации, в которой оказался будущий инсценировщик;
- принятия решения об инсценировке;
- рассмотрения возможных вариантов инсценировки и определения наиболее целесообразного варианта;
- создания мысленной модели события, которое предполагается инсценировать;
- реализации разработанной модели;
- подготовки объяснений, рассчитанных на то, чтобы убедить других лиц, включая следователя, в реальности инсценированного события и его причин;
- определения линии поведения на следствии и подготовки объяснений на случай разоблачения инсценировки.

Инсценировки часто используются преступниками для того, чтобы:

- (1) скрыть факт совершения преступления (например, для сокрытия хищения устраивается пожар);
- (2) скрыть одно преступление, продемонстрировав другое (например, убийство маскируется под дорожно-транспортное происшествие);
- (3) подготовить преступление инсценировкой (например, сжечь старый, но застрахованный автомобиль, чтобы получить страховку);
- (4) представить непроступное действие преступным (например, самоповреждение, сделанное женщиной, в целях привлечения к наказанию изменившего мужа или любовника);

- (5) фальсифицировать отдельные доказательства и пустить следствие по ложному пути (например, подброс на место происшествия личных документов другого человека) и др.

Инсценировку места преступления можно распознать по следующим моментам:

- усиленно демонстративный характер признаков события;
- наличие признаков различных преступлений;
- несоответствие признаков на месте происшествия механизму подлинного преступления;
- противоречия в обстоятельствах происшествия;
- неестественно яркая логичность, но отсутствие деталей в объяснениях потерпевшего;
- неоправданные нарушения и беспорядок, чрезмерно подчеркивающие характер «мнимых» следов.

Психологическая установка на выявление элементов субъективной стороны преступления всегда обеспечит следователю выявление на месте преступления:

- (1) определенных психологических характеристик, относящихся к личности преступника (за счет использования приемов составления психологического портрета, включающего информацию об индивидуальном стиле его деятельности, темпераменте, половых, возрастных особенностях, а также физических данных);
- (2) уровня преступного опыта человека и (или) его статуса в преступной группе;
- (3) психического состояния, не контролируемого сознанием отклонений в поведении, имевших место в момент совершения преступления.

На окраине города С., на берегу ручья, в зарослях негустого кустарника в 110 м от продовольственного магазина был обнаружен труп мужчины. По заключению судебно-медицинской экспертизы, потерпевшему, находившемуся в состоянии опьянения и употребившему спиртные напитки непосредственно перед смертью, было нанесено три удара по голове камнем, обнаруженным рядом с трупом. Отсутствие следов волочения и характерных нарушений одежды у потерпевшего указывало на то, что убийство было совершено там же, где найден труп. На месте происшествия в 1 м от трупа была найдена бутылка из-под дешевого вина с многочисленными отпечатками пальцев и ладони потерпевшего. По расположению следов на горлышке и верхней части бутылки можно было заключить, что потерпевший пытался использовать бутылку как орудие нападения или обороны. В карманах одежды потерпевшего были обнаружены деньги и документы. По следам обуви было установлено, что кроме потерпевшего на месте происшествия находился еще один человек. Предполагалось, что он и совершил преступление.

Одна из версий, выдвинутых следователем, состояла в том, что преступник был знаком с потерпевшим, принадлежал, как и он, к числу

завсегдаев отдела спиртных напитков ближайшего магазина, любивших собираться на берегу ручья; отношения у преступника с потерпевшим были хорошие, убийство совершено, скорее всего, в результате ситуативно возникшей ссоры. Преступник корыстных мотивов не имел, к преступлению специально не готовился, совершением преступления был напуган, поэтому и не предпринял никаких действий для сокрытия следов преступления. Предполагалось, что по характеру преступник эмоционально возбудим, плохо контролирует свои действия, нерасчетлив, опыта совершения преступлений не имеет. Результаты расследования показали, что эта версия оказалась правильной.

При формировании версий по итогам осмотра места происшествия и при реализации других следственных действий следователь должен обладать развитым профессиональным мышлением, интуицией и воображением. Для совершенствования эффективности профессионального мышления следователь может использовать следующие *психологические приемы*:

- (1) ориентации мышления, связанные с «членением» сложной информации на составные части, выявлением логических причинных связей;
- (2) воссоздания недостающих фрагментов и целостной мысленной картины преступления, базирующиеся на реконструкции событийного ряда из объективных психологических фактов;
- (3) преодоления «умственных тупиков», предполагающие использование умственных средств преодоления «стереотипов» мышления, «эмоционального оцепенения» и т.п.;
- (4) актуализации самоконтроля, умозаключений и выводов, базирующиеся на реализации установки на самокритику, устранение субъективных предпочтений;
- (5) группового мышления, учитывающие синергетические преимущества методов «мозгового штурма», групповой дискуссии;
- (6) психологизации мышления, основанные на эмпатии, рефлексии и др.

В отношении последнего приема следует особо отметить то, что *следователю необходимо рефлексировать преступника по всем параметрам*, т.е. думать за него по:

- механизмам реально совершенного преступного действия;
- механизму инсценировки;
- субъективной стороне совершенного преступления;
- психическому отношению преступника к совершенной инсценировке;
- реальному объекту преступления и инсценированному объекту, т.е. заявленному инсценировкой;
- субъекту преступления и субъекту инсценировки.

Следователь должен *прорвать* преступную защиту, т.е. сокрушить ту систему аргументов, которую построил для себя преступник. Разрушение системы защиты может осуществляться напрямую, а также косвенно, через систему аргументов, демонстрируемых через третьих лиц или средства массовой информации.

6.3.3. Освидетельствование

Особым видом осмотра в соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ является *освидетельствование* живых лиц для установления особых примет на теле освидетельствуемого (обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего). Нередко в интересах следствия необходимо провести освидетельствование потерпевшего как можно скорее, поскольку следы на его теле могут видоизмениться или же исчезнуть. Случается, что других объективных доказательств по делу нет и без освидетельствования не обойтись. Наиболее часто подобная ситуация возникает по делам об изнасиловании. Если потерпевшая (потерпевший) не возражает против освидетельствования, проблемы нет. Но она возникает, когда пострадавший отказывается от освидетельствования.

В таких случаях возникает вопрос о возможности принудительного освидетельствования данного лица. Вопрос с нравственно-психологических позиций весьма непростой. Дело в том, что потерпевшему лицу, пострадавшему от преступления, уже причинена физическая или моральная травма, и предложение подвергнуться освидетельствованию может, естественно, вызвать у него отрицательную реакцию или даже категорический отказ.

В этом случае следователю необходимо прежде всего попытаться убедить потерпевшего подвергнуться освидетельствованию, объяснить ему, чем вызвана эта необходимость. При этом он обязан использовать все законные средства воздействия. Иногда, например, небесполезно обратиться за помощью к лицам, близким потерпевшему и пользующимся у него авторитетом.

Важно, чтобы следователь каждый раз, когда ему нужно решить вопрос о принудительном освидетельствовании, прежде всего собрал и исследовал данные, характеризующие личность потерпевшего. По ним следователь сможет судить о том, что представляет собой данный человек. Это может помочь ему найти пути и средства, чтобы убедить потерпевшего в необходимости освидетельствования.

В случае категорического отказа потерпевшего от освидетельствования следователь должен еще раз продумать вопрос о том, нельзя ли обойтись без него или провести другие следственные действия, которые могли бы в той или иной мере компенсировать освидетельствование. Лишь в крайнем случае, когда исчерпаны все возможности и без принудительного освидетельствования никак не

обойтись, следователь выносит решение о его производстве. При этом он должен позаботиться о том, чтобы процедура освидетельствования в моральном аспекте была наименее болезненной для потерпевшего.

6.3.4. Обыск и выемка

Обыск — неотложное следственное действие, содержанием которого является принудительное обследование объектов (ч. 2 ст. 182 УПК РФ) и отдельных граждан (ст. 184 УПК РФ) в целях отыскания и изъятия орудий преступления, предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела.

Для обыска характерно отсутствие постоянного диалога с лицом, располагающим необходимой информацией, отсутствие контакта (обыскиваемый часто уже в силу одной ситуации обыска склонен отрицательно относиться к следователю) затрудняет получение следователем информации о месте нахождения сокрытых предметов. Поэтому важно использовать психологические факторы, способствующие успеху обыска, к которым, в частности, относятся: разработка подробного плана, активизация наблюдения и правильный анализ его результатов.

В ходе подготовки к обыску следователю рекомендуется получить ответы на следующие вопросы.

- Как выглядят разыскиваемые предметы (форма, цвет, запах и т.д.)?
- Что представляет собой объект, который подлежит обыску (площадь объекта, рельеф объекта, его планировка, количество помещений, количество дверей и окон и их расположение, мебель и ее расположение)?
- Когда и как начать обыск?
- Кто кроме обыскиваемого может находиться на объекте в момент производства обыска?
- Каково (искусственное или естественное) освещение объекта обыска?
- Где могут находиться искомые предметы?
- Кто будет производить обыск?
- Какие технические средства и другие материалы следует взять с собой?
- Каковы индивидуальные особенности обыскиваемых лиц (их сообразительность, профессиональные навыки, любительские занятия и т.п.)?

Поскольку один из приемов, обеспечивающих результативность обыска, — *его внезапность для того, у кого он производится*, необходимо:

- определить наиболее подходящее время для обыска;
- участникам обыска скрытно прибыть на место;
- внезапно проникнуть в помещение, подлежащее обыску.

При подготовке к обыску полезно *предусмотреть порядок разрешения во время его производства текущих вопросов и обмена информацией между членами следственно-оперативной группы*, причем таким образом, чтобы суть передаваемой информации была понятна тем, кому она адресована, по возможности оставаясь неясной для обыскиваемого. Потенциал невербальных средств общения здесь чрезвычайно велик. Целесообразно, зафиксировав промах в поисковых действиях сотрудника правоохранительных органов, незаметно указать на него, например, путем подачи заранее оговоренного условного сигнала, посредством какого-либо жеста, телодвижения, сопряженного с незначительным звуковым эффектом и т.п., чтобы обратить внимание на объекты, нуждающиеся в дополнительной проверке.

Проведение обыска обычно характеризуется высокой эмоциональной напряженностью и связано с нагрузкой на психику лиц, участвующих в поиске, что приводит к достаточно скорому утомлению и соответственно ослабляет их внимание при производстве поисковых действий. Поэтому при наблюдении за поведением членов следственно-оперативной группы необходимо выявлять внешние признаки усталости и принимать меры к восстановлению внимания, внося изменения в ход обыска, например, за счет перерыва, смены ролей и т.д.

Продуманная концепция обыска, как правило, предусматривает *оказание психологического воздействия на обыскиваемого*. Обыск чаще всего начинается с предложения выдать добровольно те объекты, обнаружение которых является целью обыска. К сожалению, на этой стадии добровольная выдача объектов происходит достаточно редко, но позже, когда в результате действий следователя круг поиска сузится настолько, что обыскиваемый перестанет сомневаться в том, что тщательно спрятанное им неизбежно будет обнаружено, он может выдать искомое.

На всем протяжении обыска *следователь и его помощники должны всячески демонстрировать уверенность в его результативности*, проявляя максимальную сосредоточенность и высокий уровень работоспособности. Подобная демонстрация решимости обнаружить искомое оказывает сильное психологическое воздействие на обыскиваемых, подрывая их веру в благоприятный для них (безрезультатный с процессуальной точки зрения) исход поисков.

В состоянии повышенного эмоционального напряжения, затрудняющего для обыскиваемого адекватную оценку происходящего, активность следователя может побудить его к выдаче искомого. Когда же действия и поведение сотрудников правоохранительных органов недостаточно скоординированы, отличаются вялостью и общим неверием в успех, надежды обыскиваемых на то, что скрываемые объекты не будут найдены, усиливаются, они лучше владеют собой,

что снижает информативность их невербальных проявлений. Крайне отрицательно на деятельности членов следственно-оперативной группы сказывается пассивность следователя, его равнодушное отношение к работе, которые могут привести к тому, что даже при прочих благоприятных условиях искомое не будет обнаружено.

Основной способ получения информации при обыске — наблюдение и анализ его результатов. При обыске следует наблюдать за всей обстановкой на объекте, за поведением и обыскиваемого и обыскивающих. Участникам обыска рекомендуется заранее договориться о наблюдении друг за другом «со стороны». Следует иметь в виду общеизвестную истину: стороннему наблюдателю легче заметить промахи и упущения человека, увлеченного определенной работой, поскольку самоконтроль является задачей более трудной, чем контроль за деятельностью другого лица. Поэтому рекомендации криминалистической тактики, касающиеся действий следователя по организации обыска таким образом, чтобы он имел возможность наблюдать за происходящим, не будучи прямо вовлеченным в поиск, никогда не потеряют своей актуальности.

Особенно много информации может *дать наблюдение за поведением обыскиваемого*, которое определяется следующими факторами: находясь в такой ситуации, он прогнозирует свое будущее в зависимости от результатов обыска. Это обстоятельство, как правило, приводит обыскиваемого в состояние сильнейшего эмоционального возбуждения, которое он обычно стремится скрыть. Приближение обыскивающего к месту хранения искомых предметов (например, похищенных вещей) приводит к возбуждению в мозге обыскиваемого тех очагов, которые связаны с событием преступления и его последствиями, что сказывается на его поведении. *О приближении обыскивающего к месту сокрытия могут сигнализировать общие признаки стресса*: дрожание, хрипота голоса (с этой целью с обыскиваемым устанавливается речевой контакт), аритмия дыхания, покраснение или побледнение лица, появление испарины, произвольные движения.

Ориентирующее значение невербальных реакций чрезвычайно удачно было продемонстрировано А.Р. Ратиновым на примере производства обыска у обвиняемой С.

В спальне С. было обнаружено множество ценностей, однако эмоциональная напряженность у С. не спадала. Когда же обыскивающие перешли в столовую, обвиняемая заметно успокоилась. Смена настроения С. привела следователя к заключению о необходимости повторного обследования спальни. Новый этап поисков вначале не дал результата, однако при осмотре шифоньера внимание следователя привлекла его массивная задняя стенка. Несмотря на возражения обвиняемой, обшивка была снята, в

обнаруженной под обшивкой полости хранились изделия из драгоценных металлов и камней.

Во время оформления протокола обыска один из его участников вспомнил, что, когда обследование спальни подходило к концу, С. часто поглядывала в угол комнаты и даже всплакнула при этом. Было замечено, что на протяжении обыска С. неизменно оказывалась около тех мест, где впоследствии обнаруживали наиболее ценные вещи. Поэтому было решено заново обследовать угол спальни. Неровная поверхность стены оказалась прикрытием тайника — за кирпичами был обнаружен узелок с большим количеством золотых изделий и монет.

Вместе с тем к интерпретации невербальных проявлений обыскиваемых следует подходить с осторожностью. Необходимо учитывать весь комплекс факторов, оказывающих влияние на их эмоциональное состояние, дифференцировать реакции заинтересованных лиц, разбираться в том, какие из них вызваны событием в целом, а какие обусловлены конкретным стечением обстоятельств в определенный момент обыска. Нельзя забывать о том, что обыскиваемые, осознавая значение невербальных проявлений в ситуации обыска, могут использовать их для того, чтобы ввести сотрудников правоохранительных органов в заблуждение. Стремление человека привлечь внимание следователя к отдельному предмету или месту должно стать поводом для обдумывания вопроса о том, не пытается ли обыскиваемый скрыть что-либо таким образом.

Одним из поисковых приемов является *побуждение к действию самого обыскиваемого лица* (открытие шкафов, подсобных помещений, хранилищ, переборка вещей и т.д.). При этом есть вероятность того, что в случае приближения обыскиваемого к месту, где спрятано искомое, симптомы переживаемого им волнения обнаружат себя и их удастся распознать. Кроме того, вовлечение обыскиваемого в поисковую деятельность создает дополнительные возможности для выявления заинтересованности лица в исходе обыска, в частности, за счет стремления «увести» обыскивающих от осматриваемого места; поведения, не соответствующего складывающимся обстоятельствам (к примеру, попытках открыть замок запертого хранилища неподходящим ключом), и тому подобных действиях обыскиваемого. Вместе с тем использование обыскиваемым тех или иных способов маскировки своего истинного информационного состояния можно рассматривать в качестве сигнала к мобилизации внимания и повышению поисковой активности лиц, ведущих обыск.

При проведении обыска в доме В., подозревавшегося в совершении серии разбойных нападений на территории Тамбовской области, проходившего в присутствии его жены, последняя большую часть обыска безучастно наблюдала за действиями членов следственно-

оперативной группы. Однако при приближении одного из оперативных работников к корзине с бельем в ванной комнате она проявила обеспокоенность: приблизившись к сотруднику, женщина, что называется, не сводила с него глаз. Кроме того, с трудом сдерживаемое волнение выдавали покусывание губ и судорожное подергивание сцепленных на животе пальцев рук. Когда осматривавший белье оперативный работник решил передвинуть корзину из угла в центр ванной комнаты для более удобного осмотра ее содержимого, женщина вдруг предложила свою помощь, пояснив, что в корзине лежит ее грязное нижнее белье и она не хочет, чтобы кто-то посторонний его перебирал. Действуя весьма настойчиво, она отстранила оперативника в сторону и начала доставать и разворачивать скотканное белье, демонстративно встряхивая и поворачивая его из стороны в сторону. Проанализировав поведение женщины, следователь решил сосредоточить свое внимание не на белье, а на самой корзине. В результате на дне корзины были обнаружены выемки, в одной из которых с помощью липкой ленты было закреплено золотое кольцо с бриллиантом, которое, как позже удалось установить, было похищено в ходе одного из разбойных нападений.

Наконец в процессе обыска с успехом может быть использован *«эмоциональный эксперимент»*, когда ритм обыска, к которому более или менее успевают адаптироваться обыскиваемый, специально нарушается путем корректировки отдельных обстоятельств его проведения с единственной целью — выявить реакцию субъекта на изменение ситуации, которая зачастую оказывается ключом к обнаружению искомого.

В ходе обыска, направленного на обнаружение крупных денежных сумм, следователь предложил работнику уголовного розыска вывести хозяина квартиры из комнаты, а через 10—15 минут вновь ввести его. Деньги обнаружили в тайнике, устроенном в батарее водяного отопления, одна секция которой была для этой цели изолирована от остальных. Успех обыска был обусловлен тем, что, будучи вновь введенным в комнату, хозяин квартиры тут же бросил внимательный взгляд на эту батарею, как бы проверяя, не был ли обнаружен тайник во время его отсутствия.

Изучение некоторых личностных особенностей психологии обвиняемого также может оказать существенную роль при подготовке и проведении обыска. В этой связи следует иметь в виду, что любое действие совершается человеком в пределах имеющихся у него навыков, умений, знаний. В выборе места и способа сокрытия предметов проявляются такие качества обвиняемого, как навыки, привычки, сообразительность, а также некоторые черты характера. Так, недоверчивый и скупой человек, скорее, приблизит объекты сокрытия к месту своего постоянного пребывания; трусливый — укроет в

более отдаленных местах; умелый, изобретательный — оборудует неординарный тайник.

Располагая достаточными сведениями о психологических особенностях обыскиваемого, следователь должен представить себе, какие возможности для прячущего таятся в данной обстановке и как эти возможности могли быть реализованы именно данным лицом, как должен был действовать обыскиваемый. В этом отношении примечательным является интересный (хотя и не имеющий прямого криминалистического значения) случай, связанный с пребыванием Наполеона на острове Святой Елены.

Бывший император Франции, пожизненно сосланный на этот остров, получил в качестве подарка от своего близкого друга шахматы из слоновой кости и нефрита. Наполеон ежедневно брал в руки изящные фигурки и любовался ими как произведением искусства, но до самой смерти так и не догадался, что в одной из фигурок был оборудован тайник, в котором находился план побега с острова. Шахматы знаменитого узника неоднократно и за огромные суммы продавались на аукционах. И лишь недавно последний их владелец обнаружил, что донышко одной из фигур отвинчивается. Так, один человек, по-видимому обладавший высоким уровнем интеллектуального развития и отправивший план побега в столь хитроумно изобретенном тайнике, остался непонятым другим высокоинтеллектуальным человеком. Психологически это можно объяснить тем, что установка человека, прятанного план побега, была направлена прежде всего на то, чтобы исключить возможность обнаружения тайника в пути следования подарка к Наполеону. Возможно, что одновременно по другим каналам Наполеону было направлено сообщение о том, что в шахматах спрятан план побега, но это сообщение в силу ряда обстоятельств не дошло до узника. С другой стороны, видимо, у Наполеона уже не было установки на побег, и он воспринял подарок, руководствуясь иными соображениями

Следует отметить и такое имеющее значение для психологии обыска обстоятельство, как *чтение многими лицами, совершившими преступления, художественной и юридической литературы криминалистического содержания и просмотр кинофильмов детективного жанра*, в которых, как правило, приводятся ставшие уже традиционными способы устройства тайников, т.е. связанные с наличием профессиональных навыков преступника, привычным для него образом жизни и т.п. Зная об этом, преступники при оборудовании тайников стремятся избежать использования профессиональных навыков.

Практике известны случаи, когда похищенные ценности обнаруживались: у штукатурка — спрятанными в шкафу на работе; у слесаря — зарытыми в землю в подвале собственного дома; у электросварщика — спрятанными под бревнами во дворе. Устарело пред-

ставление и о том, что в сельской местности тайники чаще всего устраиваются в земле, надворных постройках, подвалах, погребах, у колодца и т.д.

Особое значение приобретают данные о психологических особенностях обвиняемого *для личной безопасности следователя* и других участников поисковой группы. Поэтому при подготовке к производству обыска в том случае, когда следователь располагает данными о возможности хранения обвиняемым оружия, необходимо по возможности выяснить, не отличается ли обвиняемый агрессивностью и иными качествами, способствующими проявлению активных форм сопротивления, в том числе и вооруженного нападения.

Следственная практика знает случаи попыток *спровоцировать следователя на нарушение установленных процессуальных и этических норм производства обыска*. В этих целях обвиняемый или члены его семьи симулируют резкое ухудшение состояния здоровья, затевают ссоры, даже пытаются применить силу. Участники поисковой группы должны заранее быть готовыми предупредить возникновение конфликтной ситуации или своевременно ее пресечь.

При производстве обыска нередко появляется необходимость в участии *специалиста* или *эксперта*, что обусловлено спецификой процесса отыскания и изъятия предметов и документов, а также способами их сокрытия, которые могут быть весьма своеобразными и даже уникальными (выбрасывание в отхожее место, помещение в детскую коляску, в постель к тяжелобольному, закатывание в клубок пряжи и т.п.).

Специалист выполняет нелегкую тактическую задачу по обнаружению и изъятию интересующих следствие объектов. Персонализация деятельности специалиста при правильной тактической организации обыска или выемки может заключаться в следующих действиях:

- (1) помощь в отыскании тайников и иных мест сокрытия объектов, интересующих следствие (предметов, документов, денег и имущества, нажитых преступным путем, оружия, орудий совершения преступлений, трупа);
- (2) помощь в установлении места нахождения живых лиц;
- (3) обнаружение, изъятие и фиксация следов преступной деятельности;
- (4) применение научно-технических средств;
- (5) консультативная и практическая помощь в сохранении изъятых следов, их описании, упаковке и организации транспортировки с целью обеспечения сохранности.

В отличие от обыска, **выемка** (ст. 183 УПК РФ) осуществляется в отношении конкретных, заранее определенных объектов, когда точно известно, где и у кого они находятся.

Психологическая характеристика выемки имеет свою специфику по сравнению с обыском. Она в меньшей мере носит поисковый характер. Существенную проблему представляет предварительное (до начала производства выемки) определение предмета или документа, подлежащего изъятию. Для предотвращения развития конфликтной ситуации в процессе выемки следователю необходимо своевременно принять меры психологического воздействия.

6.3.5. Допрос

Допрос — процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела (ст. 187—191 УПК РФ).

Это одно из самых сложных следственных действий. Его производство требует от следователя высокой общей и профессиональной культуры, глубокого знания человеческой психологии, мастерского владения тактико-криминалистическими приемами.

Цель допроса состоит в получении полных и объективно отражающих действительность показаний. Эти показания служат источником доказательств, а содержащиеся в них фактические данные — доказательствами.

Не случайно выдающийся криминалист Г. Гросс, подчеркивая значимость допроса, писал, что он

имеет целью восстановить перед судом все события преступления так, как будто он видит его перед своими глазами.

Как любое сложное процессуальное действие, допрос подразделяется на ряд стадий (этапов), в ходе которых последовательно решаются промежуточные задачи и достигается конечная цель — выявление разнообразных фактических обстоятельств и событий, содержащих признаки правонарушения, установление и доказывание его состава.

Подготовительный этап предшествует непосредственной встрече следователя и допрашиваемого. Цель следователя на этом этапе — получить максимальную информацию о допрашиваемом, определить генеральную линию поведения, тактические особенности применения тех или иных приемов и методов допроса.

На этой стадии важно использовать тактические приемы, направленные на формирование у лица, вызываемого на допрос, по возможности положительного отношения к предстоящей процедуре. Например, вызов через родителей на допрос юноши, недавно достигшего совершеннолетия, может быть расценен им как неуважение к собственной личности, что повлечет формирование у него неприязненного отношения к следователю еще до начала допроса. В некоторых случаях вызов повесткой свидетеля, отличающегося эмоциональной неуравновешенностью, может негативно отразиться на его желании оказать помощь следствию.

Важно также получить необходимую информацию о допрашиваемом для последующего установления с ним психологического контакта. К такой информации можно отнести: особенности темперамента, характера, способностей, привычки, интересы, увлечения, пороки, жизненные цели, ценности, убеждения, профессиональные умения, навыки и т.д. Эти сведения можно почерпнуть из протоколов допросов и объяснений других лиц, других материалов уголовного дела, данных оперативных служб, служебных характеристик, публикаций в прессе и т.д.

Раскроем на примере, как следователь может использовать в своей работе психологические знания о типе темперамента свидетеля.

Следователю предстояло выяснить обстоятельства драки подростков на катке, которая закончилась смертельным исходом для одного из них. Драка произошла в 22 часа, участники ее разбежались. Смертельно раненого подростка обнаружила женщина, которая вызвала скорую медицинскую помощь, однако мальчик скончался, не приходя в сознание. Очевидцев преступления не оказалось. Никто из знакомых и близких друзей убитого в тот день на катке не был. Следователь, зная, что Сергей А. часто бывает на катке, решил выяснить, не видел ли он драки. Последний отрицал, хотя у следователя были данные, что он был в тот день на катке. Нужно было найти подходы к подростку, который отличался замкнутостью, имел ярко выраженный слабый тип нервной системы, был меланхоликом.

Не задавая прямых вопросов об убийстве, следователь поставил цель вызвать у Сергея сострадание к погибшему и его семье. Он знал, что подросток отличается от сверстников особой чувствительностью, любит животных, часто играет во дворе с детьми.

Проводя беседы с Сергеем, следователь старался задавать вопросы, на которые легко было ответить, поскольку они не имели отношения к преступлению. Рассказал Сергею, что у убитого подростка остались мать и младший брат. Мать, узнав о случившемся, потеряла сознание, и ее увезли в больницу. Младший брат, которому 9 лет, дома один, беспомощный, в школу не ходит, постоянно плачет. На следующую беседу следователь пришел к Сергею с собакой убитого подростка, которая жалобно скулила, чувствуя, что с хозяином что-то случилось. Увидев собаку, Сергей изменился в лице, в нем пробудились сокровенные чувства, и он сказал работнику милиции, что видел драку и знает, кто совершил преступление, хотя ему пригрозили мстью, если он расскажет об этом.

В данной ситуации следователь сумел установить психологический контакт с подростком на основе изучения его личностных особенностей путем предварительной подготовки несовершеннолетнего к изложению необходимых сведений. При этом важную роль сыграло знание следователем особенностей меланхолического темперамента юноши.

Перед допросом *подозреваемых* и *обвиняемых*, помимо выяснения их психологических особенностей, важно установить количество и качество имеющихся доказательств. Под качеством доказательств понимается, во-первых, их доступность, т.е. процессуальная доброкачественность, а во-вторых, их доказательственное значение, т.е. устность. Например, наличие обнаруженных и изъятых с места происшествия следов рук или обуви вовсе не означает, что они оставлены подозреваемым. Другое дело, когда имеется заключение эксперта, что они оставлены им. Тактика допроса в этих случаях будет различной.

Имея к моменту допроса лишь весьма косвенные улики причастности подозреваемого Старкова к расследуемым убийствам, следователь решил провести предварительное исследование вещественных доказательств, а подозреваемого — сделать его «участником». Дальнейшее следователь описывает так: «Мы взяли куртку, изъятую при осмотре квартиры Старкова, и в его присутствии стали тщательно ее осматривать. При этом мы обратили внимание на то, что в области правой лопатки мел настолько глубоко проник в ткань, что счистить его не удалось. Показывая куртку Старкову, мы рассуждали о механизме образования этого пятна. Включившись в наш разговор, Старков подтвердил, что действительно пытался вычистить мел на куртке, но это ему не удалось. Однако Старков заявил, что испачкал куртку мелом у себя в коридоре, когда пьяным возвращался домой.

Здесь же, при Старкове, было принято решение о незамедлительном изъятии соскобов мела в коридоре и в комнате его квартиры.

На вопрос Старкова, зачем это делается, ему объяснили, что соскобы мела с забора у места убийства Борисова уже взяты, а в его квартире образцы мела не отобраны, и разъяснили возможности судебно-химической экспертизы, которая сможет определить, откуда происходит мел на его куртке — из его квартиры или с места происшествия.

Затем лист растения из кармана его куртки сопоставили с образцами листьев акации с того же места убийства. Старков спросил: «Для чего это?» Ему объяснили возможности ботанической экспертизы.

Далее Старкову предъявили окурки папирос с места убийства Борисова, обратив внимание на то, что и он курит папиросы «Казбек», а затем начали сопоставлять изломы мундштука на этих окурках и тех, которые были найдены у него дома. Старков объяснил, что заламывать мундштук таким образом мог не только он, но и любой другой курящий. Не возражая против этого, ему объяснили, что судебно-медицинская (биологическая) экспертиза по остаткам слюны на окурках определит ее группу, и здесь же отобрали образцы слюны у Старкова. Затем сообщили допрашиваемому, что обнаружили у него дома спички с зеленой воспламеняющейся массой и такую же спичку нашли на трупе Борисова и сообщили о возможностях судебно-химической экспертизы в этом плане.

Эту группу тактических приемов убеждения отечественный криминалист О.Я. Баев называет *тактическими приемами демонстрации возможностей расследования*. Их сущность заключается в демонстрации допрашиваемому возможности объективного установления каких-либо скрываемых им обстоятельств независимо от его показаний путем:

- (1) проведения в дальнейшем определенных следственных действий (допросов тех или иных лиц, очных ставок, осмотров, обысков и т.д.);
- (2) использования научных методов расследования (применение научно-технических средств, назначение и проведение определенных экспертиз).

Естественно, для применения подобных приемов во время допроса необходима тщательная предварительная подготовка.

Стадия установления психологического контакта.

Психологический контакт — это система взаимодействия людей в процессе их общения, основанного на доверии, а также информационный процесс, в котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга.

Следователь должен позаботиться о создании на допросе таких условий, которые обеспечили бы желание допрашиваемых лиц вступить в общение со следователем. В связи с этим *к поведению следователя предъявляется ряд требований*. В частности, он должен:

- гибко учитывать личностные особенности допрашиваемого, вести себя корректно, на высоком культурном уровне;
- предвосхищать актуализированные потребности допрашиваемого, учитывать его психическое состояние;
- не проявлять ничего, что могло бы вызвать резко отрицательное отношение допрашиваемого к личности следователя;
- выдвигать на первый план обстоятельства, по которым допрашиваемый заинтересован вступить в коммуникативный контакт;
- опираться на положительные личностные качества допрашиваемого, особенно на те, которые высоко оцениваются самим допрашиваемым лицом;
- знать и использовать наиболее существенные эпизоды из биографии допрашиваемого;
- преодолевать собственное негативное отношение к допрашиваемому, не допускать пренебрежительного к нему обращения;
- внимательно относиться ко всем показаниям вне зависимости от их правдивости, сдерживать экспрессивные проявления (восторг, радость, выразительные жесты, мимика могут оказать внушающее воздействие или передать допрашиваемому определенную информацию).

Еще более продуктивным, но при этом и значительно более сложным в плане реализации способом установления и поддержания психологического контакта при допросе является *тактика невербального ведения допрашиваемого за собой*, которую условно можно определить как процесс планомерного невербального воздействия на допрашиваемого, оказываемого в целях создания у него положительного эмоционального фона, повышающего эффективность общения.

Из психологии общения известно, что наглядным признаком хорошего контакта между собеседниками является сходство их манер общения и принимаемых ими поз. При согласованном бесконфликтном общении силуэты собеседников совпадают, общающиеся повторяют мимику, жестикуляцию, интонацию друг друга, в то время как коммуникация между людьми, использующими разный «язык тела» (например, когда один из собеседников сидит в «закрытой» позе — скрестив руки и ноги, а другой открыт для общения, что и демонстрирует своими размашистыми жестами), может оказаться малорезультативной.

Исследования специалистов в области межличностного общения свидетельствуют о том, что совпадение «языка тела» является не только признаком тесного контакта, но и может служить средством его установления и поддержания. Поэтому использование техники «подстройки», состоящей в приведении своей речи в соответствие со скоростью, громкостью и тоном речи собеседника, своеобразном копировании его позы, жестов, мимики, движения глаз и т.д., способно помочь следователю наладить контакт с допрашиваемым, а затем в условиях взаимопонимания реализовать приемы невербального ведения допрашиваемого за собой, основанные на психологической закономерности, выражающейся в непроизвольном бессознательном копировании невербальных действий собеседника в ходе согласованного общения. Проявляя в невербальной форме открытость, доброжелательность, потребность в общении, можно добиться соответствующих изменений в поведении и эмоциональном состоянии допрашиваемого.

В ходе допроса несовершеннолетнего Н., подозреваемого в совершении кражи в одной из дач, следователю довольно долго не удавалось установить с ним контакт и получить от него какие-либо показания. Следователь обратил внимание на замкнутость подростка, общее негативное настроение, отчетливо проявлявшееся в его поведении. Сидя на стуле, Н. принял «защитную» позу, широко расставив ноги, положив локти на колени, крепко сжимал кисти рук, голова была опущена (взгляд почти все время был направлен в пол). Желая разрядить обстановку, следователь вышел из-за стола, сел, поставив стул рядом с Н., и принял позу, схожую с той, в которой сидел Н. После довольно продолжительного молчания следователь задал Н. несколько общих, не связанных с делом вопросов.

Отвечая на них, Н. немного оживился. Стремясь изменить атмосферу общения, следователь, обернувшись к столу, налил стакан воды и передал его Н. Принимая стакан, Н. разомкнул руки и выпрямился, а допив воду и поставив стакан на стол, облокотился о его край, неосознанно оказавшись в той же позе, которую принял следователь, пока Н. пил воду. Постепенно следователю удалось перевести разговор в деловое русло и получить от Н. достаточно подробные показания по делу.

Разумеется, подобный психологический контакт и возникающие на его основе доверительные отношения могут оказаться недолговечными. Но, как правило, достаточно того, что они позволяют эффективно провести допрос конкретного лица, получить от него максимально возможный объем значимой информации. Зачастую именно такие «мелочи» ложатся в фундамент доброжелательных отношений между участником процесса и следователем, способствуя конструктивному сотрудничеству на протяжении всего расследования уголовного дела.

На *третьей стадии допроса*, основной по времени и затрачиваемым следователем усилиям, психологически специфическими по содержанию являются три условно выделяемые фазы:

- (1) свободного рассказа допрашиваемого;
- (2) детализации;
- (3) систематизации полученной информации.

Согласно ч. 2 ст. 189 УПК РФ следователь свободен в выборе тактики допроса, но ему запрещается задавать наводящие вопросы, чтобы исключить возможное воздействие.

Предоставление допрашиваемому возможности в свободной форме изложить все ему известное о случившемся исключает суггестивные воздействия со стороны следователя, а также негативные влияния на функционирование памяти, облегчая течение свободных ассоциаций.

Рассмотрим психологические особенности этой стадии допроса отдельно для свидетеля и потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого.

При *допросе свидетеля, потерпевшего* возникает целый ряд психологических обстоятельств, которые должны учитываться следователем, а главное — такое свойство человеческой памяти, как забывание. Отсюда вытекает необходимость оказывать мнемическую помощь, чтобы побудить свидетелей, потерпевших вспомнить забытые ими факты, обстоятельства, имеющие значение для рассматриваемого дела. Для этого необходимо построить допрос так, чтобы каждый предыдущий вопрос подготавливал последующий, а каждый последующий являлся бы логическим продолжением предыдущего, чтобы ответы допрашиваемого воссоздавали полную картину того события, которое он воспринимал.

Правильно припомнить факты, интересующие следствие, в процессе допроса свидетелей, потерпевших могут помочь следующие приемы:

- постановка вопросов, которые расчлняют событие на составные части. Это может помочь свидетелю, потерпевшему, вспомнив какой-то один факт, по ассоциации вспомнить и другой;
- постановка вопросов, связанных с какими-либо событиями в жизни допрашиваемого. Это позволяет свидетелю, потерпевшему выяснить и причину заблуждения;
- предъявление предметов, рисунков, фотоснимков, схем, имеющих отношение к фактам, сообщаемым свидетелем, потерпевшим, для воспоминания, уточнения обстоятельств, интересующих следствие;
- предъявление документов, противоречащих показаниям свидетеля и потерпевшего (прослушивание магнитофонной записи показаний других свидетелей).

Использование этих приемов может помочь добросовестным допрашиваемым вспомнить действительные обстоятельства дела и полнее о них рассказать, а лжесвидетелей — заставить дать правдивые показания.

Особую сложность представляет допрос *несовершеннолетних свидетелей и потерпевших* (ст. 191 УПК РФ). Важно учитывать, что несовершеннолетние легко поддаются внушению, могут неправильно воспринять и истолковать отдельные факты. Чем меньше возраст ребенка, тем больший удельный вес в его памяти имеют элементы конкретики, непосредственной образности, недостаточный понятийный охват явлений. При этом возможна ошибочная, слишком расширенная или крайне ограниченная трактовка явлений. Поэтому при допросе малолетних им нужно ставить уточняющие, детализирующие, контрольные вопросы об отдельных обстоятельствах дела.

У шестилетней Гали, оказавшейся жертвой полового посягательства, спросили:

— Какой был дяденька?

— Страшный.

— А еще какой?

— С блестящим зубом.

— А еще что ты запомнила?

— У него на руке был тигр.

Однако преступника с такой приметой установить не удалось. Лишь несколько месяцев спустя на основании других данных было установлено, что преступление совершил Галимчук, у которого действительно на одном из передних зубов имелась коронка из светлого металла, однако на руке оказалась татуировка в виде танка. При уточнении у Гали причин расхождения выяснилось, что она под

словом «тигр» подразумевала танк. Девочка пояснила, а затем это подтвердил и ее отец, что как-то при просмотре одного из кинофильмов она спросила у него, показывая на танк: «Что это такое?» Отец ответил, что это «тигр».

Сложность мыслительной деятельности, психики подростка (неуравновешенность, замена утраченных образов вымышленными, склонность к фантазированию, повышенная эмоциональность) обуславливает необходимость в привлечении для участия в допросе специалистов в области детской и подростковой психологии, которые способны оказать более значимую пользу в установлении истины по уголовному делу.

Кроме того, допрос несовершеннолетнего и особенно малолетнего свидетеля, потерпевшего должен быть по возможности кратким, неутомительным.

Допрос подозреваемого, обвиняемого (ст. 173 УПК РФ) чаще происходит в условиях конфликтной ситуации, что в психологическом плане предполагает наличие психологической борьбы.

Общая тактическая схема допроса подозреваемого, обвиняемого может быть представлена следующим образом: от нейтральных фактов к основным обстоятельствам дела.

Допрашивая подозреваемого, обвиняемого, необходимо детализировать, уточнять его показания и сопоставлять их в процессе допроса с другими доказательствами по делу.

Знание материалов дела позволяет следователю при наличии противоречий в показаниях подозреваемого, обвиняемого использовать в ходе допроса приемы, которые помогают получить соответствующие сведения, проверить сообщаемые факты, вскрыть ложность даваемых показаний. В их числе:

(1) *приемы эмоционального воздействия:*

- побуждение к раскаянию и чистосердечному признанию;
- воздействие на положительные стороны личности допрашиваемого; использование антипатии, питаемой допрашиваемым к кому-либо из своих соучастников;
- использование фактора внезапности путем постановки неожиданных вопросов в ситуации, когда допрашиваемый таких вопросов не ждет;

(2) *приемы логического воздействия:*

- предъявление доказательств, опровергающих показания допрашиваемого;
- предъявление доказательств, требующих от допрашиваемого детализации показаний, которая приведет к противоречиям между ним и соучастниками;

- логический анализ противоречий, имеющих в показаниях допрашиваемого, необъяснимых с точки зрения его интерпретации случившегося;
- логический анализ противоречий между интересами допрашиваемого и интересами его соучастников;
- доказывание бессмысленности занятой позиции, не могущей помешать в конечном счете установлению истины;

(3) *тактические комбинации:*

- приемы, преследующие цель сокрытия от допрашиваемого осведомленности следователя о тех или иных обстоятельствах дела;
- метод косвенного допроса;
- приемы, направленные на создание ситуации, при которой допрашиваемый проговаривается.

Однако при участии в допросе защитника подобные приемы воздействия практические не работают.

На *заключительной стадии допроса* следователи обычно не только знакомят допрашиваемых с текстом протокола допроса, но и предлагают им сделать поправки, пожелания и дополнения к тексту, если они считают это необходимым. Если внесенные в протокол поправки и дополнения привели к возникновению противоречий или новых, не известных ранее обстоятельств, то можно вернуться к детализации показаний, чтобы разрешить возникшие противоречия.

Когда планируется участие допрашиваемого в других следственных действиях (очных ставках, предъявлении для опознания и др.), следователь обязан не только предупредить его о возможных дальнейших встречах, но и психологически подготовить к ним.

По завершении допроса конкретного лица следователь должен оценить его эффективность в процессуально-доказательственном и психологическом отношении. В первом случае он должен прогнозировать полноту и достоверность ответов, полученных на намеченный перечень вопросов, проверить наличие «разрывов» в цепи доказательств. В психологическом аспекте оценка эффективности допроса должна быть сделана исходя из реализации намеченной психологической линии поведения на допросе: учет субъектных, объектных и обстановочных условий, качество реализации приемов диагностики и воздействия на личность допрашиваемого.

6.3.6. Очная ставка

Причиной проведения *очной ставки* — одновременного допроса двух ранее допрошенных лиц — является наличие в их показаниях противоречий относительно одних и тех же обстоятельств (ст. 192 УПК РФ).

Являясь разновидностью допроса, очная ставка отличается повышенным динамизмом и остротой межличностного конфликта.

Обладея большой силой воздействия на лиц, в чьих показаниях содержатся умышленные искажения истины, она часто играет роль переломного этапа в их дальнейшем поведении на предварительном следствии.

Готовясь к очной ставке по алгоритму, который ранее был описан применительно к допросу, следователь в то же время предусматривает дополнительные меры по:

- профилактике возможной острой конфронтации;
- обеспечению условий максимальной детализации показаний участников очной ставки;
- специальными доказательствам, которые будут воздействовать на недобросовестного участника;
- возможностям внесения коррекции в намечаемый план очной ставки и т.д.

При подготовке очной ставки следователем обращается внимание на интеллектуальные и волевые качества, свойства характера будущих участников очной ставки, особенно тех *лиц, которые дали правдивые показания*: их способность активно отстаивать истину, аргументировать свои утверждения, противостоять возможным нападениям и даже угрозам со стороны лица, уклоняющегося от дачи правдивых показаний. Учитываются также социальный статус, национальные, социально-культурные традиции той среды, к которой принадлежат допрашиваемые. Следователю необходимо психологически подготовить к очной ставке в первую очередь того свидетеля, правдивость показаний которого нашла объективное подтверждение. Напомнить ему о его гражданском долге, общественной опасности расследуемого преступления, укрепить его волю и решимость разоблачить лжесвидетеля, не скрывая при этом его сложного процессуального положения.

Важно быть готовым к попыткам *обвиняемого* подавить волю второго участника очной ставки, если известно, что обвиняемый по характеру агрессивен и стремится к позиционному доминированию. Поэтому большое значение имеет выяснение позиций обвиняемого в межличностных отношениях в семье, на работе, в кругу друзей и характера прежних отношений со вторым участником очной ставки. Здесь необходима система мер, блокирующих возможность различного негативного воздействия. Необходимо категорически пресекать всевозможные угрозы, попытки внушающего воздействия, укреплять волевою позицию лица, дающего правдивые показания, усиливать его позицию предъявлением соответствующих доказательств, напоминанием ранее данных им показаний.

К моменту принятия решения о производстве очной ставки следователь уже обладает достаточно большим объемом информации по делу, и очной ставке чаще всего отводится роль катализатора

в процессе побуждения недобросовестного участника судопроизводства к даче полных и правдивых показаний. Однако проведение очной ставки может быть не связано с противодействием расследованию кого-либо из ее предполагаемых участников. Принимая решение о производстве очной ставки, следователь должен определить характер показаний ее будущих участников, опираясь на собранные по делу данные. Помимо констатации факта о наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, следователю необходимо проанализировать природу обнаруженных противоречий. Возможно, показания одного лица об обстоятельствах расследуемого преступления правдивы, а другого — лживы; дать ложные показания могли оба субъекта. Наконец, наличие противоречий в показаниях может быть не связано с ложью, а является добросовестным заблуждением одного из допрашиваемых, забывшего определенные обстоятельства.

Как справедливо замечает А.Р. Ратинов,

между полярными случаями — добросовестным заблуждением и заведомой ложью — имеется множество очень тонких и плавных переходов, когда люди говорят «почти» правду, лишь в малой степени отступают от истины, подчас и сами того не замечая.

В этом случае в ходе очной ставки используются приемы и «живые» доказательства, способствующие оживлению ассоциаций в памяти.

Не стоит исключать возможность того, что накопленной к моменту проведения очной ставки информации окажется недостаточно для установления причин противоречий, но вопрос этот должен быть решен хотя бы предположительно, чтобы обеспечить целенаправленное производство следственного действия. В связи с этим трудно переоценить роль, которую может сыграть анализ поведенческо-психологических особенностей участников очной ставки в ходе ранее проводившихся следственных действий, отражающего их подлинное отношение к информации, интересующей следствие.

При расследовании хулиганства, совершенного тремя молодыми людьми в отношении двух своих сверстников, вследствие чего последним были причинены телесные повреждения, один из подозреваемых, некий Т., занял позицию отказа от сотрудничества со следствием — вину свою не признавал, показаний не давал. В то же время двое других подозреваемых, Л. и М., с первого допроса стали давать показания. Однако в описании некоторых моментов начала драки, а также обстоятельств, имевших место после ее окончания, их показания не совпадали. Не совпадали они по ряду существенных деталей и с показаниями потерпевших. Попытки привести показания подозреваемых к общему знаменателю оказались тщетными: Л. и М. продолжали отстаивать каждый свою позицию. Оценивая их поведение в ходе допросов,

следователь пришел к мнению о том, что подозревать Л. и М. в неискренности не стоит. Во время допросов подозреваемые держались открыто, активно сотрудничали со следствием, явно сожалел о происшедшем, какого-либо лукавства, нервозности в их поведении заметно не было. Да и по сути противоречия в показаниях не приносили никому из подозреваемых очевидной выгоды. Следователь предположил, что противоречия в показаниях Л. и М. связаны с добросовестным заблуждением кого-либо из них (возможно, обоих), обусловленным различиями в восприятии события преступления. Между Л. и М. была проведена очная ставка, которая подтвердила правильность предположения следователя и позволила снять имевшиеся противоречия.

Отличительной особенностью очной ставки является возможность оказания ее участниками *сильного психологического воздействия друг на друга*. Речь идет о так называемом эффекте присутствия других людей (социальной ингибиции), при котором яркость, образность показаний одного из участников в сочетании с другими выразительными средствами воздействия (мимикой, жестикуляцией, голосовыми модуляциями) оказывают серьезное психологическое влияние на другого, до крайности повышая уровень его эмоциональной напряженности в связи с возможностью изобличения во лжи, чувством страха за свои правдивые показания или чувством неловкости за допущенные неточности. С психологической точки зрения недобросовестному участнику процесса гораздо легче давать показания следователю один на один, поскольку, по его мнению, следователь не знает всех обстоятельств случившегося, чем повторять ложные утверждения в присутствии другого человека, знающего правду и изобличающего лжеца. Сила описываемого воздействия возрастает при активной позиции добросовестного участника очной ставки, его энергичном, эмоциональном и убедительном отстаивании своей правоты.

Решая вопрос о целесообразности производства очной ставки, определяя наилучший момент для ее проведения, учитывая личностные качества ее участников, следователь должен исходить из предположения, согласно которому (при прочих равных условиях):

- человек образованный и культурный оказывает большее воздействие на малограмотного, малокультурного человека, в меньшей степени испытывая его влияние;
- умный, высокоинтеллектуальный человек увереннее чувствует себя в обществе человека недалекого;
- решительный, настойчивый, самостоятельный оказывает серьезное влияние на слабовольного;
- обладатель сильного типа темперамента, к примеру холерик, на очной ставке более активен, чем меланхолик.

Степень возможного влияния на добросовестного допрашиваемого, оказываемого его оппонентом, должна прогнозироваться в любом случае. Поскольку процесс психологического воздействия имеет двустороннюю направленность, то постоянно сохраняется опасность деформации позиции, отстаиваемой добросовестным участником.

В начале очной ставки устанавливается, знают ли допрашиваемые друг друга и в каких отношениях они находятся. Далее участникам очной ставки предлагается поочередно дать показания по тем обстоятельствам, в связи с выяснением которых она проводится. Следователь задает допрашиваемым необходимые вопросы, направленные на установление истины, и разрешает им задавать вопросы друг другу.

В первую очередь допрашивается лицо, дающее правдивые показания, во вторую очередь — лицо, отрицающее эти утверждения. Показания допрашиваемых детализируются. При проявлении признаков лжи, умолчании о существенных для следствия обстоятельствах следователь подчеркивает, что лишь содействие следствию может смягчить ответственность обвиняемого. Используется прием внезапного предъявления решающих доказательств, а также все ранее рассмотренные методы психического воздействия. Возможно проведение нескольких очных ставок между разными лицами.

Противоречия в показаниях снимаются в направлении от менее значимых обстоятельств к более значимым. Весьма эффективным средством является перемещение акцента с выяснения обстоятельства, составляющего основное, наиболее существенное противоречие в показаниях участников очной ставки, на значительно менее существенное, а может быть, и такое, в отношении которого между ними вообще нет противоречия (поскольку, например, это обстоятельство не выяснялось ранее у одного из допрашиваемых).

Н. отрицал свое участие в вооруженном нападении на кассу, совершенном совместно с И., и требовал проведения с изобличившим его И. очной ставки. Помимо показаний И. других доказательств в отношении Н. не имелось. Существовала, однако, реальная опасность того, что на очной ставке, поняв, что Н. отрицает свое участие в нападении, И. изменит свои показания в его пользу. Поэтому, рассуждал следователь, если И. на очной ставке задать вопрос «Кто участвовал в нападении на кассу?», И. догадается, что Н. отрицает свое участие в преступлении, и откажется от своих показаний об Н. Следовательно, нужно сместить акценты с самого факта участия Н. в нападении на выяснение деталей, которое, однако, должно быть основано на том, что сам факт участия Н. в преступлении сомнений не вызывает и Н. не отрицается. Поэтому вопрос к И. был сформулирован в такой редакции: «Кто явился инициатором нападения на кассу и чем был вооружен каждый его участник?»

Здесь учитывалось также, что при такой формулировке вопроса И. на очной ставке психологически будет легче дать правдивые показания, так как инициатором преступления был он, он же был вооружен пистолетом и стрелял из него, тогда как роль Н. менее значительна. Отвечая на этот вопрос, И., уверенный в том, что Н. сам факт нападения не отрицает, а только хочет преуменьшить его, И., вину, подтвердил, что инициатором нападения был именно он, он же был вооружен пистолетом, тогда как у Н. при нападении был всего лишь штык. На вопрос к Н., подтверждает ли он показания И., Н. ответил, что полностью их подтверждает, после чего очная ставка была закончена, а И., так и не понявший, что изобличил Н., — выведен из кабинета. После его ухода Н. дал правдивые показания о своем участии в нападении на кассу.

В течение всей очной ставки подход следователя к ее участникам должен быть глубоко индивидуальным, основанным на всестороннем анализе личности каждого из них, занимаемой им *позиции, линии поведения* с учетом всех материалов уголовного дела. Это возможно на основе всесторонней оценки показаний каждого из них, убедительности приводимых ими доводов не только с помощью вербальных, но и невербальных средств общения (интонации, мимики, жестикуляции, позы и пр.).

При проведении очной ставки между обвиняемыми для следователя имеется определенная степень риска, которая сводится к тому, что обвиняемые используют очную ставку или для углубления противоречий, или для еще большего запутывания хода следствия. Чтобы не допустить неконтролируемых визуальных контактов между ними, обмена различными сигналами с помощью условных жестов, очную ставку лучше всего проводить двум следователям, один из которых задает вопросы и оценивает реакции допрашиваемых, поддерживает визуальный контакт с ними, а второй в основном протоколирует ход и результаты допроса.

Учитывая особенности невербальной коммуникации, нетрудно заметить, что степень негативного влияния одного участника очной ставки на другого может быть снижена за счет правильной пространственной организации общения во время следственного действия. Если данный фактор значим при производстве допроса, то при проведении очной ставки важность его учета еще более возрастает. Прогнозируя развитие отношений между участниками очной ставки, следователь должен спланировать их размещение так, чтобы иметь возможность руководить ходом следственного действия, не упуская инициативы.

По мнению криминалистов Я.В. Комиссаровой и В.В. Волкова, если очная ставка проводится по ходатайству обвиняемого либо в целях укрепления позиции допрашиваемого, давшего правдивые

показания, и велика вероятность отрицательного психологического влияния на добросовестного участника со стороны оппонента, то целесообразно разместить обоих допрашиваемых на стульях на некотором расстоянии друг от друга, в 2—2,5 м от следователя, лицом к нему (участник, дающий ложные показания, должен сидеть немного дальше от следователя). Рациональность выбора в обозначенной ситуации именно такого варианта организации очной ставки в пространстве объясняется тем, что следователь, поддерживая с обоими допрашиваемыми визуальный контакт, имеет возможность, с одной стороны, контролировать их поведение, а с другой — демонстрировать добросовестному допрашиваемому свое одобрение и поддержку, тогда как допрашиваемый, дающий ложные показания, не в состоянии оказать на своего оппонента психологическое воздействие с использованием невербальных средств общения (мимики, жестикуляции и т.д.), так как находится вне поля зрения последнего.

Однако избличительная сила очной ставки выражается прежде всего в непосредственном впечатлении, которое оказывает живая речь одного ее участника на другого. Показания, произнесенные непосредственно в присутствии избличаемого, более впечатляют, чем те же показания, оглашенные следователем. Кроме того, устный рассказ на очной ставке обычно дополняется деталями, интонационными и экспрессивными оттенками, которые придают ему убедительность. Впечатление живой речи тем выше, чем она последовательнее и логичнее, чем решительнее и увереннее лицо, которое ее произносит.

6.3.7. Предъявление для опознания

В психологии под *опознанием* понимается процесс отнесения предъявленного объекта, играющего роль своеобразного стимула, к ранее известному объекту, зафиксированному в памяти опознающего в виде образа, или даже к целому классу (категории) тех или иных однородных объектов.

Участие в предъявлении для опознания наряду с собственно опознанием содержит в себе еще и отдельные элементы осмотра, допроса и даже в какой-то мере следственного эксперимента. В ходе опознания, согласно ст. 193 УПК РФ, определенное лицо, ранее допрошенное по данным фактам следователем, опознает живого человека (опознание может быть осуществлено по признакам внешности, жестах, мимике, походке, особенностям голоса и речи), трупы и части трупов, животных, различные предметы, документы, помещения, участки местности.

Опознание может осуществляться посредством предъявления натуральных объектов или их изображений. Объект, интересующий следствие, как правило, должен быть предъявлен для опознания в

группе с другими однородными объектами в количестве не менее трех. Это правило не распространяется на опознание трупа. О результатах опознания составляется специальный протокол.

При опознании личности важно помнить, что *наиболее информативными признаками являются особенности его лица*. Согласно исследованиям выдающегося отечественного психолога А.А. Бодалева, описывая человека, люди чаще всего называют *форму его лица, цвет глаз, форму и величину носа, лба, конфигурацию бровей, губ, подбородка*. Нередко преимущественной фиксации подлежат элементы внешнего оформления: одежда, прическа, украшения. *Лучше запоминаются такие особенности внешнего облика индивида, которые выступают как отклонение от нормы*. Доказано, что человек значительно лучше запоминает лица людей, принадлежащих к той же расе, что и он сам, по сравнению с лицами людей, принадлежащих к другим расам.

Следует добавить, что *испытываемые хорошо запоминают, что лицо им знакомо, но гораздо хуже помнят, почему оно им знакомо*.

Например, Браун, Деффенбахер и Стерджилл в своем эксперименте (1974) предлагали испытуемым наблюдать некое событие. Через несколько дней им показывали фотографии людей, которые предположительно были участниками этого события. На самом деле на фотографиях были запечатлены не те люди, которые действительно участвовали в событии. Еще через несколько дней испытуемым предъявляли для опознания четырех человек и просили указать тех, кого они видели в момент наблюдения события. Испытуемые часто указывали на тех, кого они видели на фотографиях (т.е. испытуемые правильно вспоминали, что эти лица им знакомы; но ошибочно связывали это знакомство с исходным событием).

Этот эксперимент иллюстрирует возможность предвзятого опознания под влиянием просмотра фотографий. Зарегистрированы также сходные с этим эффекты, когда человека, с которым встречались в одних обстоятельствах, ошибочно вспоминают как человека, с которым встречались в других обстоятельствах. Такое смешение часто называется бессознательным переносом. В этих случаях испытуемые также правильно вспоминают, что данное лицо им знакомо; ошибка возникает тогда, когда они связывают это знакомство с каким-либо конкретным эпизодом, имевшим место ранее.

Ведя следственную работу на основе опознания свидетелями внешности преступника, не следует забывать о том, что порой невозможное в действительности оказывается возможным. В частности, это относится к случаям поразительного сходства отдельных лиц. Мировую известность получил печальный случай пятилетнего пребывания некоего Адольфа Бека в тюрьме за чужие преступления.

В конце XIX в. А. Бек, проживавший в Лондоне, был арестован и осужден по обвинению в мошеннических обманах женщин, у которых выманивал золотые вещи и другие ценности. На суд из 22 потерпевших женщин явились 10, и все они опознали в подсудимом то лицо, жертвами которого оказались. С мая 1896 г. по 8 июля 1901 г. Бек находился в тюрьме. После его освобождения на поруки прошло 3 года, и Бек был арестован вторично. На улице его задержала женщина, обвинив в мошенническом получении у нее драгоценностей. Бек и на этот раз клялся в невиновности, но снова был осужден. Одна свидетельница опознала его по характерному носу, иные — по другим признакам, но у всех опознание было категорическим. Однако на этот раз судьба была милостивой к Беку. Спустя 10 дней после суда в одном из полицейских участков полицейский инспектор Кане увидел «двойника» Бека — Джона Смита, человека, вместо которого Бек отбыл тюремное заключение и был осужден вторично. На этот раз свидетельницы опознали Смита, а Бек был освобожден и полностью реабилитирован.

Мимика и жестикация человека, совершившего преступление, также могут быть объектом внимания. Выразительницей индивидуально-личностных и поведенческих особенностей человека является и его *походка* (стиль ходьбы) — сложный двигательный навык, отличающийся особым постоянством таких признаков, как длина шага, ритм, пластичность, скорость, степень напряженности, положение верхней части туловища и головы, сопроводительные движения, положение мысков ноги, звуковая характеристика шагов и другие особенности. Походка может указывать на принадлежность человека к определенной социальной группе (походка солдата, моряка, танцовщика, пожилого человека).

Опознание личности может осуществляться *по речи и голосу*: акценту, диалекту, фонетическим и словарным особенностям, дефектам (картавость, шепелявость, гнусавость, заикание). При этом опознающий подробно допрашивается об обстоятельствах, при которых он слышал речь опознаваемого, о речевых и голосовых особенностях, по которым предполагается опознание.

Например, студентка П., возвращавшаяся домой поздно вечером, была остановлена грабителем. Она слышала и запомнила только его голос, императивно-насмешливый: «Сеньора! Минуточку, ваши часы!»

Особенности голоса и речи могут также прояснить некоторые физические и социально-демографические характеристики предполагаемого преступника. По данным отечественных специалистов, наиболее уверенно определяется по голосу, точнее — по одной из его характеристик — высоте, пол говорящего. Средняя аудиторская

ошибка определения по голосу возраста человека достигает 5—7 лет; роста — 5—7 см, а веса — 5—10 кг. По вербальной (словесной) части высказывания возможно одновременно с уяснением его смыслового значения получить сведения о национальности, образовании, профессии и некоторых других характеристиках говорящего.

Специалисты на основании ряда проведенных исследований также полагают, что распознавание человеческих голосов возможно даже в тех случаях, когда между предъявлениями на опознание находится промежуток времени в несколько лет, а также и тогда, когда диапазон речевого сигнала сильно ограничен по частоте, амплитуде и времени (например, телефонный разговор).

Все сказанное несколько не умаляет приоритетности зрительно-го восприятия облика подозреваемого свидетелями преступления и его жертвами. Вместе с тем нельзя забывать, что правильной интерпретации внешности человека серьезно мешает преднамеренное, а иногда и непреднамеренное изменение преступником своего облика на период совершения противоправного действия.

Вспомним, например, что вещало телевидение об аресте одного из жестоких чеченских боевиков Салмане Радуеве.

Между телеведущей Первого канала РТ Е. Андреевой и одним из защитников подсудимого — С. Нечипоренко состоялся следующий диалог.

Андреева: Сейчас много разговоров о том, что Радуев не похож на прежнего, которого мы ранее видели на телеэкране. Скажите, может, в камере Лефортовской тюрьмы сейчас и не Салман Радуев?

Нечипоренко: Поначалу я и сам сомневался, учитывая новый внешний облик обвиняемого. Но когда я вошел в камеру и услышал его голос, увидел манеру его поведения, я понял, что это он — Салман Радуев!

К этому следует добавить и то, что современная следственная практика знает немало случаев, когда оперативно-разыскная работа по ряду так называемых громких дел не достигает желаемого результата. Естественно, в подобных случаях время работает на преступников: они седеют, лысеют — в общем, стареют, утрачивая свои прежние разыскные приметы. Таким образом, памятуя об уникальной способности голоса сохранять постоянное звучание на протяжении всей взрослой жизни человека, следует более внимательно относиться к голосовым и речевым особенностям подозреваемых при формировании перечня разыскных примет.

В связи с преступным событием на *формирование образа объекта* в момент его восприятия оказывают воздействие объективные и субъективные факторы.

Среди *субъективных факторов*, влияющих на опознание, большое значение имеют:

- (1) порог чувствительности воспринимающих органов, особенно зрения;
- (2) уровень мотивации на восприятие;
- (3) боязнь опознающим допустить ошибку, поскольку могут возникнуть правовые и моральные последствия;
- (4) социально-психологические установки (апперцепция) воспринимающего (возраст, пол, профессия и т.п.).

Так, у представителей различных профессий развивается профессиональная память. Как правило, у художников хорошая зрительная память, у музыкантов, телефонистов, актеров, учителей — слуховая. У математиков и счетных работников вырабатывается отличная память на цифры. В следственной практике известен случай, когда бухгалтер, очевидец автотранспортного происшествия, в течение месяца удерживал в памяти номер грузовой машины, сбившей пешехода и скрывшейся с места происшествия.

В истории отечественной милиции известны люди, обладавшие феноменальной памятью на лица. К их числу, в частности, принадлежал бывший чемпион мира по шахматам Александр Александрович Алехин, работавший в 1920 г. в Москве следователем Центророзыска. По свидетельству известного судебного медика и криминалиста П.С. Семеновского, людей, равных по памяти Алехину, он не знал. В подтверждение этого Семеновский рассказал следующий случай. Заходит А.А. Алехин в дежурную комнату и слышит там разговор дежурного с задержанным гражданином, который назвался Бодровым Иваном Тихоновичем. Алехин обратился к задержанному с вопросом:

— Как, вы сказали, ваша фамилия? Бодров?

— Да, Бодров, — ответил тот, — а что?

— Вы не Бодров, вы Орлов, — заявил ему Алехин, — и зовут вас не Иван Тихонович, а Иван Тимофеевич.

Задержанный с удивлением посмотрел на Алехина и закричал:

— На пушку берете! Не на того напали!

Но Александр Александрович, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Два года тому назад в военкомате, где я вас встретил, вы назвались Иваном Тимофеевичем Орловым. Вы готовились к медицинскому осмотру, были раздеты, на груди у вас висел золоченый крестик на тонкой цепочке из белого металла, под ним была небольшая родинка. А ну, откройте грудь!

Задержанный застыл на месте. Когда дежурный расстегнул у него ворот рубашки и обнажил грудь, все присутствующие увидели на груди и золоченый крестик на цепочке, и небольшую родинку. Следствие установило, что задержанный был действительно Орловым, рецидивистом, бежавшим из мест заключения.

Существенное воздействие на объективность восприятия оказывает также эмоциональное состояние субъекта. Особенно это отно-

сится к потерпевшим. Чувства гнева, страха, стыда и т.п. далеко не всегда способствуют объективному восприятию как самого события преступления, так и лица, которое его совершило. В некоторых случаях потерпевшие в момент события преступления впадают в обморочное или депрессивное состояние, что также не способствует объективности восприятия. На объективность восприятия оказывают влияние и такие индивидуальные качества, как склонность к фантазии, лживость, невнимательность и т.п.

Может иметь место и добросовестное заблуждение свидетеля, о чем, например, образно говорится в книге В. Шалагинова «Судья».

Один из персонажей говорит: «Помню, в университете был однажды произведен такой опыт: убежденный сединой профессор читает в просторной университетской аудитории лекцию, а в это время в дверях показывается пьяненький студентик, франтовато одетый, с тростью. В воздухе виснет брань. Профессор делает робкую попытку унять дебошира, но тот бросается на него и тростью гонит старика с кафедры. Возмущенная аудитория спешит на помощь профессору, но тот, неожиданно улыбаясь, говорит, что все это спектакль и что студентам предстоит дать отчет о том, что они видели. 200 человек пишут об этом, а на другой день во время разбора этих свидетельских показаний своды университетской аудитории оглашает гомерический хохот — так фантастичны заблуждения некоторых очевидцев. Находятся такие, у которых профессор чуть ли не пал под ударами трости, другие утверждают, что он лишь мило улыбался и был бледен, третьи не заметили, что студент был пьян, и даже не видели в руках его трости».

Как видим, расхождения в студенческих оценках происшедшего на кафедре весьма значительны. Можно с уверенностью предположить, что подобные разночтения могут иметь место и в случае реальной криминальной ситуации.

Однако, помимо фактора экстремальности в криминальной ситуации, могущего привести к значительному искажению истинности события преступления, определенную роль может играть и *обострение чувства восприятия*.

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» так описывается приход Раскольникова к старухе-ростовщице: «Старуха, разумеется, была дома, но она подозрительна и одна. Он отчасти знал ее привычки и еще раз плотно приложил ухо к двери. Чувства ли были его так изошрены, что вообще трудно предположить, или действительно было очень слышно, но вдруг он различил как бы осторожный шорох рукой у замочной ручки и как бы шелест платья о самую дверь. Кто-то неприметно стоял у самого замка и точно так же, как он здесь, снаружи, прислушивался, прятаясь изнутри и, кажется, тоже приложив ухо к двери».

К *объективным факторам* следует в первую очередь отнести неблагоприятные условия, в которых в большинстве случаев происходит восприятие преступного события. Это кратковременность восприятия, плохая видимость, быстрая смена отдельных эпизодов, значительное число объектов (более 7—9).

Действие указанных факторов желательно выявлять еще перед допросом лица, которому впоследствии предстоит участвовать в опознании, с тем чтобы все нежелательные воздействия указанных факторов были своевременно учтены следствием.

Согласно исследованию, проведенному Я.В. Комиссаровой и В.В. Семеновым, следователю важно также учитывать *поведенческие реакции опознающего*, позволяющие судить, насколько он уверенно опознает тот или иной объект. Проявляющиеся в жестикуляции, мимике, психофизиологических реакциях опознающего признаки замешательства, растерянности и тревоги могут свидетельствовать о невысокой степени достоверности полученных результатов. В то же время не следует придавать подобным признакам абсолютного значения, поскольку их появление может быть связано не только с сомнениями относительно опознания, но и с общими свойствами личности субъекта, например с его нерешительностью в ситуациях, требующих активных действий. Выявленная в ходе наблюдения информация, касающаяся уверенности или неуверенности опознающего в своем решении, может быть закреплена в процессуальной форме за счет фиксации в протоколе опознания вывода, сообщаемого опознающим с использованием таких формулировок, как «точно опознаю», «точно не опознаю», «кажется, он» и т.д.

Иногда анализ поведения опознающего, его реакций на предъявляемые объекты позволяет уличить его в неискренности, в том, что он узнал конкретный объект, однако отрицает данный факт. Причины ложного неопознания разнообразны:

- материальная заинтересованность (к примеру, в ситуации подкупа свидетеля);
- страх, возникающий перед лицом опознаваемого субъекта, например, из-за опасения мести со стороны последнего;
- ложно трактуемое чувство сострадания по отношению к преступнику и т.д.

Предвидеть и нивелировать действие каждого подобного фактора заранее достаточно сложно, поэтому наблюдение за поведением опознающего в момент предъявления ему объектов для опознания является важным условием эффективности опознания в целом.

Независимо от того, когда сформировалась установка опознающего на дачу ложных показаний при опознании (задолго до его проведения либо непосредственно при встрече с опознаваемым), намерение исказить информацию, сообщаемую следователю, обычно отражается в поведении субъекта. Поскольку моторика тела,

сопровождающая процесс опознания, часто не поддается волевому контролю субъекта, полностью утаить от окружающих факт узнавания конкретного объекта удается не всегда. При этом опознающий, как правило, сразу отмечает известного ему человека из числа предъявленных лиц, «выделяет» его взглядом, иногда подает ему едва заметные невербальные сигналы (это может быть кивок головой, прищуривание и т.д.). Затем взгляд отводится в сторону и следует заявление, что никого из предъявленных лиц он не узнает. Такого рода действия опознающего в совокупности с соответствующими изменениями в поведении опознаваемого должны стать важным аргументом в пользу дополнительной проверки полученной при опознании информации.

Для фиксации опознания целесообразнее всего использовать видеозапись, чтобы зафиксировать все возможные нюансы.

В настоящее время при возможности проводить опознание без непосредственного восприятия опознаваемым опознающего можно использовать и такой простой, но достаточно уникальный тактический прием — *предъявление потерпевшего обвиняемому и обвиняемого потерпевшему*, с тем чтобы подчеркнуть достоверность результатов опознания. Главное, чтобы предварительная, незапланированная встреча этих лиц, например в коридоре следственного органа, была исключена.

В случае когда для опознания предъявляется лицо, действительно совершившее преступление, описанная ситуация весьма опасна для процесса расследования в целом. Как известно, неопознание — это не просто отсутствие одного из новых доказательств, а «противоказательство», которое может и будет использоваться преступником в дальнейшем для защиты от обвинения. Следовательно необходимо принять меры для нейтрализации негативных последствий такого «неопознания». Опознающий сразу же должен быть допрошен по поводу того, действительно ли он не узнал человека либо узнал, но пытается скрыть данный факт. При этом целесообразно прямо указать опознающему на те особенности поведения, в которых со всей очевидностью проявилось его истинное отношение к ситуации опознания.

При расследовании убийства Г. было установлено, что накануне того дня, когда было совершено преступление, Г. был участником ссоры с Ш., которая, по мнению следствия, и побудила последнего пойти на убийство. Свидетельница ссоры Н. при допросе уверенно показала, что сможет опознать Ш. Однако при предъявлении Ш. в числе других лиц в ходе опознания Н. заявила, что никого не узнает. Вместе с тем проводивший опознание следователь отметил, что, оказавшись перед предъявляемыми лицами, Н. сразу сосредоточила свое внимание на Ш., явно узнав его, но, встретившись с ним

взглядом, заметно ступившись, отвела в сторону глаза и, ни на кого не глядя, тихо сказала, что никого не узнает. На предложение следователя не торопиться с ответом и внимательнее посмотреть на предъявленных лиц Н., даже не взглянув на них, торопливо повторила свой первоначальный ответ. Учитывая указанные обстоятельства, следователь по окончании опознания сразу допросил Н. по поводу его хода и результатов, заострив внимание на особенностях поведения Н. в ходе опознания. В итоге Н. показала, что узнала Ш., но отказалась об этом говорить, испугавшись возможной мести с его стороны или со стороны его знакомых. Получив гарантии безопасности, Н. подтвердила факт своего опознания Ш. в ходе очной ставки с ним, а затем в суде.

В целом при опознании необходимо придерживаться следующих правил:

- не ограничивать время производства опознания. Практически это означает, что опознающий может воспринимать предъявленные ему объекты, анализировать и делать выводы столько времени, сколько найдет нужным для получения объективного вывода. Все это полезно сообщить опознающему до производства опознания;
- не следует навязывать при опознании излишне быстрый темп действий всем его участникам. Этот неправильный ритм невольно воспринимается опознающим и может явиться следствием его ошибки;
- следует помнить, что темп, ритм деятельности обычно связан с такими характеристиками нервной системы, как сила, подвижность, уравновешенность. Если потерпевший относится к слабому, инертному типу, опознание следует производить в более замедленном ритме;
- необходимо учитывать, что ошибочное опознание в отличие от преднамеренно ложного может быть причиной различных внушающих воздействий на лицо, легко поддающееся внушению.

Точность свидетельской идентификации сильно зависит от *инструкций*, полученных свидетелями. Если в инструкции в явной форме допускается, что преступник отсутствует на опознании (т.е. возможным ответом является «никто из присутствующих»), то вероятность ложной идентификации снижается, хотя общая точность опознания при этом почти не изменяется. Точно так же инструкции могут повлиять на вероятность выбора любого конкретного человека из ряда, поэтому очень важно, чтобы они не были тенденциозными. Кроме того, точность идентификации, по-видимому, возрастает, если подозреваемых показывают свидетелям по одному, а не всех сразу и в профиль при повороте на три четверти.

6.3.8. Проверка показаний на месте

В целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, показания, ранее данные подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем, могут быть проверены или уточнены на месте, связанном с исследуемым событием (ч. 1 ст. 194 УПК РФ). Это эффективное средство актуализации их памяти, которое сопряжено с психическими процессами воспоминания, узнавания, описания, сравнения. Вместе с тем цель воспроизведения показаний — получить дополнительные сведения к уже полученным в ходе допроса. Результаты данного процессуального действия могут свидетельствовать об осведомленности или неосведомленности проверяемого лица об исследуемом событии, позволяют признать его (или не признать) очевидцем или участником данного события. Данное следственное действие является одним из средств разоблачения ложных показаний.

Проверка показаний проводится только на том месте, на котором произошло исследуемое событие, измененная обстановка реконструируется — максимально приближается к первоначальной, в демонстрационных действиях используются только те орудия (или их муляжи), которые использовались в проверяемом событии. Изменившиеся и не поддающиеся восстановлению условия учитываются как обстоятельства, снижающие достоверность полученных результатов.

При подготовке к данному следственному действию определяют те обстоятельства, которые подлежат проверке, уточнению и детализации, и вопросы, подлежащие выяснению. Кроме того, следователю важно убедиться, что лицо, чьи показания будут проверяться, готово и желает участвовать в проверке.

По прибытии на место лицо, чьи показания проверяются, свободно излагает соответствующие обстоятельства, связанные с расследуемым событием. При этом выясняется, по каким приметам оно выбирает маршрут непосредственно к месту события и узнает место события. При необходимости проверяемое лицо демонстрирует действия, совершенные им во время осуществления события, показывает все предметы, вовлеченные в событие, указывает все места, где могли остаться следы и иные вещественные доказательства. Этому лицу задаются необходимые уточняющие и детализирующие вопросы, а также вопросы, направленные на активизацию его воспроизводящей деятельности.

В психологическом отношении проверка показаний на месте сопряжена с психическим процессом узнавания: ранее сформированный образ здесь сопоставляется с образами текущего восприятия. При этом может осуществляться узнавание по существенным и несущественным признакам. Возможно и ложное узнавание, доб-

росовестное заблуждение. В крайне утомленном, психически напряженном состоянии проверяемое лицо может испытывать иллюзию повторного видения тех обстоятельств, которые в действительности воспринимаются впервые.

Многие люди не обладают развитой пространственной (топографической) ориентацией. Их ориентационные затруднения не могут быть истолкованы как несоответствие их показаний действительности. При этом учитываются такие особенности восприятия, как апперцепция, избирательная направленность, константность и аконстантность. Узнавание местности и обстановки затрудняется в различных ракурсах их восприятия, в условиях измененного освещения и особенно при погодных изменениях. Однако неузнавание объектов с четко выраженными опознавательными признаками должно вызвать сомнение в правдивости показаний. Особенно отчетливо должны запоминаться различные действия, последовательность их использования; обстоятельства, затруднявшие достижение определенных целей; обстоятельства, связанные с началом или окончанием действий, передвижений, поворотные пункты маршрута движения — все, что выступало в качестве опорных пунктов восприятия и запоминания.

Примером того, как анализ поведения лица в ходе проверки показаний на месте способствует выявлению его осведомленности о деталях совершенного преступления, может служить описанный ниже известный случай из следственной практики.

При допросе Я., подозреваемого в убийстве жены, от него было получено согласие указать место захоронения ее трупa. О том, что труп еще не найден, Я. известно не было. В ходе проверки показаний Я. уверенно шел по лесу и вывел участников следственного действия прямо к наполовину засыпанной траншее. Остановившись у траншеи, Я. в замешательстве взглянул на следователя: траншея была завалена льдом и снегом, было очевидно, что труп там не искали. Осознав, видимо, что труп его жены не был найден и признался он преждевременно, Я. сумел быстро справиться с волнением. Взяв себя в руки, он двинулся дальше, а через некоторое время, не глядя, ткнув в землю пальцем, сказал: «Вот здесь». Было ясно, что Я. решил указать ложное место захоронения трупa жены, при этом следователь спокойно и уверенно заявил: «Вы говорите неправду. Покажите, где спрятан труп». Я. смутился и, потоптавшись в нерешительности, вернулся назад, указав истинное место, где был закопан труп.

Успешное воспроизведение показаний на месте требует от следователя прежде всего *организаторских способностей*. Он должен одновременно руководить значительной группой людей (специалисты, конвой, понятые), воспринимать значительное количество

информации, анализировать ее, направлять ход следственного действия, а также фиксировать всю собранную информацию.

6.3.9. Следственный эксперимент

Следственный эксперимент проводится в целях проверки и уточнения доказательств, имеющих значение для уголовного дела, путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события (ст. 181 УПК РФ), а также путем опытной проверки фактической возможности и особенностей осуществления определенного действия, события или явления в определенных условиях.

На практике проводятся различные *виды следственного эксперимента*:

- (1) по установлению возможности наблюдения, восприятия какого-либо факта, явления, события;
- (2) по установлению возможности существования какого-либо явления;
- (3) по установлению возможности совершения какого-либо действия;
- (4) по установлению механизма (последовательности) происшедшего события в целом или отдельных его деталей;
- (5) по установлению механизма образования следов;
- (6) по определению наличия или отсутствия профессиональных или преступных навыков.

Основными требованиями к проведению следственного эксперимента являются: проведение опытных действий *в условиях, максимально приближенных к условиям, в которых осуществлялось проверяемое действие или событие*. К этим условиям относятся:

- проведение следственного эксперимента в том же месте, в то же время суток и года (где и когда произошло событие);
- проведение эксперимента при однородных физических и климатических условиях (солнце, жара, мороз, дождь, снег, грязь, оледенение и т.п.);
- проведение эксперимента с использованием всех первоначальных средств действия (механизмов, орудий, приспособлений, материалов);
- при тех же величине и направлении приложения сил;
- при тех же темпе и продолжительности действий.

Следует также учитывать, что эффективность деятельности человека, особенности его поведения в значительной мере зависят от его психического состояния. Воспроизведение этих состояний во многих случаях невозможно. Так, в состоянии аффекта человек способен многократно увеличивать свои физические и психические возможности. Моделирование субъективных факторов — основная сложность в проведении следственного эксперимента.

Следственный эксперимент осуществляется в условиях знания того, что произошло, каковы результаты проверяемого события. Действия же, осуществлявшиеся впервые, еще не были ориентированы этими знаниями. При этом многие операции имели пробно-проверочный, поисковый характер. Психическая модель действия была еще лишь вероятностной. Присутствие многих людей также может повлиять на «чистоту» эксперимента: при этом неизбежно подавление активности индивида в условиях социальной группы.

Наряду с этим ожидание последовательного ряда стимулов, знание их локализации значительно повышают чувствительность субъекта действия к этим стимулам. Любые повторные действия несут в себе эффект научения. Повторно можно сделать то, что сразу не получилось. Повторные действия могут осуществляться значительно быстрее и значительно медленнее, чем в первичных условиях. Замедление действий может быть связано с тем, что при проверке действий участника эксперимента со стороны он берет под сознательный контроль и все то, что первоначально могло осуществляться на подсознательном, стереотипном уровне, т.е. более ускоренно. Все это приводит к необходимости проводить опыты вариативно, нивелировать различные приходящие обстоятельства.

Опытные действия целесообразно повторять в зависимости от степени адаптации индивида к данным условиям, изменяя отдельные условия действия и даже исполнителей этого действия.

Результаты следственного эксперимента интерпретируются как наличие объективных возможностей осуществления определенного действия или события и как субъективная возможность выполнения определенного действия данным лицом. Сделанные выводы и заключения могут носить вероятностный или достоверный характер. При этом следует учитывать, что психологические возможности отдельных индивидов могут значительно превосходить усредненные человеческие возможности. Многие люди обладают повышенной чувствительностью отдельных анализаторов, высокими психомоторными возможностями.

Следственный эксперимент проводится в ряде случаев в соответствии с желанием проверяемого лица. Его действия в значительной мере определяются мотивационными побуждениями и текущими психическими состояниями, работой сенсорных и перцептивных систем. Без его активного поведения его возможности не могут быть проверены. Иногда проверяемое лицо не может совершить те действия, которые оно совершало раньше, в силу утраты своих возможностей, ухудшения психофизического состояния.

Иногда следственный эксперимент осуществляется в целях *проверки исключительного мастерства* (изготовление фальшивых денег, документов, вскрытие сейфов и т.п.) и требует предварительной

психологической подготовки проверяемого лица, установления с ним необходимого психологического контакта, возбуждения в нем желания продемонстрировать свои возможности. В этих случаях следователю не запрещается несколько «подогреть» тщеславие обвиняемого, естественно не забывая при этом о воспитательном на него воздействии.

При расследовании одного из уголовных дел был заподозрен в изготовлении поддельных штампов и печатей Т. Во время обыска на дому у Т. были обнаружены несколько поддельных штампов и печатей медицинских учреждений, материалы и оборудование, с помощью которых они могли быть изготовлены.

Следователь выразил сомнение в том, что такие сложные печати и штампы могли быть так искусно подделаны совсем молодым человеком, не имеющим необходимых способностей и умений.

Самолюбие Т. было задето, и он взялся доказать, что способен изготовить штампы и печати. В ходе следственного эксперимента Т., используя обнаруженные у него при обыске материалы и оборудование, за короткое время изготовил печати и штампы, аналогичные найденным при обыске.

От следователя, проводящего эксперимент, требуется *умение реконструировать обстановку*, в которой имели место проверяемые факты, *моделировать те или иные действия, наблюдательность, творческое мышление, прогностические способности, настойчивость.*

При расследовании уголовного дела, возбужденного по заявлению директора одного из сельских магазинов в связи с тайным хищением товара, следствием разрабатывались две основные версии: предполагающая совершение кражи посторонними лицами и предусматривающая возможность инсценировки преступления работниками магазина. В пользу последней версии говорил на первый взгляд не вполне реальный способ проникновения в магазин, выявленный при исследовании следов на месте происшествия. Преступник должен был разбить стекло в окне, находящемся в двух метрах и десяти сантиметрах от земли, отогнуть металлическую решетку, пролезть в образовавшийся узкий проем, отодвинуть шкаф, закрывавший тыльной частью все окно, а затем, проникнув таким образом в помещение, вытащить на улицу, действуя в обратном порядке, товары. При этом некоторые из них имели весьма внушительные размеры (ящики с продуктами, мешки с сахаром и т.д.). Было принято решение о проведении следственного эксперимента на предмет установления возможности совершения преступником вышеописанных действий, причем для присутствия при эксперименте были приглашены работники магазина. Наблюдая во время проведения эксперимента за их поведением, следователь не обнаружил признаков, которые могли бы свидетельствовать об их волнении

или страхе в связи с возможным разоблачением инсценировки. Директор и продавцы держались спокойно, вели себя естественно; подозрения следователя по поводу их причастности к краже подтверждения не находили. Более того, уверенность продавцов в возможности совершения кражи через окно побудила следователя потребовать повторения опытных действий, несмотря на то что несколько попыток реализовать не удалось. В итоге эксперимент удался, оказалось, что хищение указанным способом возможно. Вскоре преступники были задержаны и изобличены.

6.3.10. Использование результатов ОРД в следственных действиях

Согласно исследованиям отечественных юристов (В.А. Волынский, М.А. Удовыдченко, 2002 и др.), результаты ОРД могут использоваться, во-первых, для установления оснований проведения отдельных следственных действий, во-вторых, при их подготовке и определении наиболее целесообразных тактических приемов проведения. Следует заметить, что в первом случае используются результаты ОРД, которые приобщены к уголовному делу и источники получения которых не составляют служебной тайны; во втором — любые. Сведения, полученные из источников, не подлежащих расшифровке, могут быть положены в основу решения лишь о тех следственных действиях, производство которых закон не связывает с наличием процессуальных доказательств (обыск, выемка, осмотр, освидетельствование, допрос потерпевших и т.п.).

Использование оперативной информации является одним из важнейших условий успешного проведения *операции по задержанию подозреваемых* (ст. 91, 92 УПК РФ). Такая информация, как правило, содержит данные о:

- личности задерживаемого, его психическом и физическом состоянии, эмоциональных и волевых качествах, возможном намерении оказать сопротивление, наличии оружия и т.п.;
- условиях, в которых будет проводиться задержание, характер местности (помещения), наличие посторонних людей, возможных соучастников задерживаемого, их отношениях и т.п.

Исходя из этих данных определяется тактика задержания, силы и средства его обеспечения (численность и персональный состав следственно-оперативной группы, ее оснащенность техникой, оружием), дислокация участников операции, методы и средства их связи, приемы сближения с задерживаемым, нейтрализации его попыток оказать сопротивление, избавиться от уличающих доказательств и т.п.

При необходимости *задержания группы лиц*, например участников организованного преступного сообщества, оперативная информация позволяет тактически рационально решить вопрос об очередности

задержания различных субъектов преступной деятельности, организаторов, исполнителей, пособников и т.п., если не принято решение задерживать всех одновременно. Учитывая то, что в современных условиях не всегда можно зайти в квартиру, а особенно к лицу, занимающемуся преступным промыслом, под видом почтальона, электрика, прохожего, ошибшегося адресом и т.п., очень важно располагать оперативной информацией о связях задерживаемого, способах его предварительного контакта с незнакомыми посредниками в таких связях (пароль, код, шифр и т.п.).

В случаях *задержания вооруженных преступников*, тем более захвачивших заложников и забаррикадировавшихся в помещении или салоне транспортного средства, оперативное обеспечение становится неотъемлемым элементом всей операции, начиная с ее подготовки и заканчивая физическим захватом и транспортировкой преступников.

При наличии оперативной информации о возможном месте появления лица, совершившего преступление, к его розыску целесообразно привлекать потерпевшего, включая в состав оперативно-поисковой группы (когда он может опознать преступника). При этом необходимо принять меры по обеспечению его безопасности, обусловить способы связи с ним на расстоянии и взаимные действия при обнаружении преступника. Подобные мероприятия иногда проводятся в целях зашифровки негласных источников информации о лице, совершившем преступление, и месте его возможного появления. В этих же целях могут быть использованы и субъективные рисованные или композиционные портреты.

В Омске был совершен ряд разбойных нападений. Преступник вечером выслеживал одиноких прохожих, внезапно нападал на них, нанося удар тяжелым предметом по голове, забирал ценности и скрывался. Поступила оперативная информация о возможной причастности к этим преступлениям С. Однако из семи потерпевших ни один не был уверен, что опознает преступника. Тем не менее по их обобщенным показаниям был изготовлен рисованный портрет, используя который патрульный наряд милиции задержал подозреваемого. Кстати, затем его опознали двое из потерпевших, а результаты обыска по месту жительства и у сожительницы окончательно убедили следствие в виновности задержанного.

Особую ценность результаты ОРД имеют при подготовке и проведении *обыска*. Успех этого следственного действия во многом предопределяется наличием у следователя информации не только о том, что надо обнаружить и у кого, но и где конкретно искать.

Еще при подготовке к обыску следователь, используя оперативную информацию, может составить четкое представление об обыскиваемом лице: возраст, профессия, специальные навыки, преступный опыт, род занятий, образ жизни, увлечения; состав семьи,

отношения в семье, с соседями, с сотрудниками по месту работы, распорядок дня в семье, связи (в частности, в преступной среде); наличие судимостей и т.п. Такая информация позволяет правильно определить время обыска, его тактические приемы, предположительно судить о месте нахождения искомых объектов. Иногда полезно в порядке подготовки к обыску устанавливать за обыскиваемым наблюдение; организовать прослушивание его телефонных переговоров. При этом важно установить, есть ли у него оружие, не склонен ли он оказать сопротивление и т.п.

Не менее полезно оперативным путем собрать информацию об особенностях места производства обыска (конструктивные особенности здания, его этажность, наличие входов-выходов, планировка комнат, подсобных помещений; наличие окон, чердаков, подвалов; система запоров и охранной сигнализации; когда проводился ремонт, в чем он выразался и т.д.). Исходя из этого определяется состав следственно-оперативной группы, порядок ее действий, обязанности (задачи) отдельных участников следственного действия.

Особенность тактики использования оперативной информации при обыске заключается в том, что следователь не передает обыскиваемому какой-либо вербальной информации, а реализует ее в действиях. При этом важно, чтобы обыскиваемый не смог по действиям следователя (и других участников обыска) составить представление о возможной осведомленности обыскивающих и ее источниках. Например, располагая информацией о месте нахождения тайника, нельзя сходу направляться к этому месту. Более того, для его обнаружения желательно применить поисковые приборы.

Иногда производству обыска может предшествовать оперативная комбинация в целях побуждения обыскиваемого к определенным действиям, например укрыть возможные объекты обыска (наркотики, оружие, драгоценности и т.п.) в ином месте, передать их на хранение другим лицам и т.д. В порядке таких комбинаций обыск может быть проведен в том же месте повторно (обыскиваемые нередко полагают, что «в одну воронку снаряды дважды не попадают»).

Существенными тактическими особенностями отличается использование оперативной информации при подготовке и проведении обысков *по делам о преступлениях организованных преступных групп (сообществ)*. Такие особенности обуславливаются:

- (1) необходимостью проведения групповых обысков, а значит, формирования нескольких следственно-оперативных групп и центра управления их действиями;
- (2) увеличением круга объектов обыска, связанных с множеством эпизодов преступной деятельности обыскиваемых;
- (3) необходимостью ужесточения требований к сохранению тайны, касающейся не только места, времени проведения обысков, но и обнаруженных в результате этих обысков объектов;

(4) повышенной опасностью оказания сопротивления обыскивающим и даже вооруженного нападения на них.

Проведение обысков в таких ситуациях становится сложнейшей оперативной операцией, предполагающей не только использование уже имеющейся оперативной информации, но и последующее «оперативное сопровождение» следственных действий.

Использование оперативной информации при *допросе* зависит от процессуального статуса допрашиваемого, его личных качеств и занятой позиции. При допросе добросовестных свидетелей, потерпевших или искренне раскаивающихся подозреваемых (обвиняемых) оперативная информация позволяет конкретизировать вопросы, убедиться в достоверности показаний.

При допросе лиц, дающих ложные показания, помимо сказанного оперативная информация используется для выбора тактических приемов в целях изобличения допрашиваемого во лжи. Криминалист Н.И. Порубов пишет:

Зная оперативные данные, умело используя их в процессе допроса, следователь формирует у допрашиваемого убеждение в том, что следователю известны все обстоятельства совершенного преступления, психологически тем самым его обезоруживая, логически приводит к выводу о необходимости дать правдивые показания.

Оперативная информация нередко позволяет выявить мотивы лачи ложных показаний:

- (1) подозреваемыми (обвиняемыми) — уклониться от ответственности, преуменьшить свою вину, выгородить соучастников или, наоборот, оговорить их из чувства мести;
- (2) свидетелями, потерпевшими — скрыть собственный неблагоприятный поступок, результат воздействия подозреваемого (угрозы, шантажа, подкупа и т.д.). Наличие такой информации позволяет тактически более грамотно провести допрос и убедить допрашиваемого дать правдивые показания.

Необходимо отметить, что пользоваться при допросе оперативной информацией следует с величайшей осторожностью, чтобы не расшифровать ее источники. Как правило, это делается лишь после процессуального оформления соответствующих фактов в виде показаний свидетелей, заключений экспертиз, выемки документов и т.д. Зашифровке оперативной информации способствует придуманное с этих позиций применение тактических комбинаций, тактических приемов эмоционального и логического воздействия на допрашиваемого. Очевидно, что это предполагает изучение его личностных качеств еще на стадии подготовки к допросу, в том числе с использованием оперативной информации.

При производстве иных следственных действий (предъявление для опознания, очная ставка, следственный эксперимент и др.)

использование оперативной информации носит эпизодический характер и менее продуктивно. Это можно объяснить отсутствием должной инициативы у оперативных работников и необходимой осведомленности у следователей. Однако нельзя отрицать и слабую психологическую разработанность этой проблемы.

Оперативная информация может иметь решающее значение для определения времени, последовательности и тактических приемов проведения любых следственных действий.

Предъявление для опознания

Задержанный за совершение нескольких разбойных нападений в составе группы из четырех человек К. на допросе, давая признательные показания, заявил, что внешность одной из потерпевших он хорошо запомнил и может ее опознать. При этом он детально описал признаки внешности потерпевшей. Однако вскоре следователю поступила оперативная информация, что К. не без постороннего влияния намерен отказаться от своих ранее данных показаний и не будет опознавать потерпевшую.

В таких ситуациях следователь мог принять одно из трех решений:

- (1) отказаться от проведения опознания;
- (2) повторно допросить К. и выявить мотивы его намерения изменить ранее данные показания, а по возможности нейтрализовать их;
- (3) провести предъявление для опознания, а затем изобличить К. в даче ложных показаний при опознании.

Следователь из названных выбрал последний вариант действий, допуская видимый «проигрыш», который оказался тактически оправданным. Используя оперативную информацию и уже имеющиеся по делу доказательства, он изобличил К. во лжи и, более того, установил лиц, пытавшихся воздействовать на него в целях противодействия расследованию.

Следственный эксперимент

За совершение кражи компьютерной техники со склада коммерческой фирмы при попытке ее продать был задержан И., вынужденный сознаться в совершении данного преступления. Он настойчиво отрицал участие в нем еще двух человек, что следовало из оперативной информации. Следователь подробно допросил И. об обстоятельствах преступления (время прибытия к складу, способ взлома запоров, перемещения груза и т.д.), а затем предложил ему в порядке следственного эксперимента продемонстрировать свои действия. Первый же опыт показал, что И. при всем своем старании смог взломать замок на дверях и перенести в автомашину немногим более половины похищенного груза. От повторения опытов он отказался.

В подобных ситуациях следственный эксперимент как средство изблечения во лжи или оговоре может быть проведен в целях проверки возможностей услышать, опознать, увидеть что-то (кого-то), а оперативная информация дает возможность уточнить условия, при которых происходили проводимые действия.

При подготовке к *очной ставке* оперативная информация позволяет следователю сориентироваться в намерениях ее участников, в возможной линии их поведения и соответственно определить тактику ее проведения.

Важную роль оперативная информация имеет при назначении *судебных экспертиз*, которая может относиться:

- (1) к объектам исследования (природа происхождения вещества, механизм образования следов, способ подделки документов и т.п.);
- (2) к действиям подозреваемых в совершении преступления (фальсифицировать, уничтожить следы, видоизменить средства их образования и т.п.);
- (3) к личности эксперта, которому поручено производство экспертизы, — отношением к возможным попыткам воздействия на него (путем подкупа, шантажа) со стороны третьих лиц.

Оперативные работники оказывают следователю помощь не только в поиске объектов экспертного исследования, но и в получении сравнительных образцов, чему нередко предшествуют негласное изъятие и специальное исследование. Разумеется, результаты такого исследования не имеют доказательственного значения, но они могут быть переданы следователю, как и изъятые образцы, в качестве иной оперативной информации.

6.4. Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений

6.4.1. Нетрадиционные методы и их особенности

Использование *нетрадиционных методов*¹ в борьбе с преступностью на современном этапе открывает новые возможности для получения ценной оперативно значимой информации, профилактики и пресечения преступных действий. В качестве рабочей гипотезы, зало-

¹ Это понятие появилось в конце 1980-х — начале 1990-х гг. среди ученых и практиков. Новое направление признавалось перспективным, и для его научно-методического и нормативно-правового обеспечения в составе ВНИИ МВД России в сентябре 1992 г. был организован самостоятельный отдел психофизиологических проблем раскрытия преступлений и анализа преступного поведения, вошедший в Научный центр проблем криминальной милиции и расследования преступлений.

женной в концепции применения нетрадиционных методов, лежат широко известные научные факты о том, что противоправные действия совершаются человеком, находящимся в «особом» психическом состоянии, на фоне выраженного эмоционального и нервно-психического напряжения, которое, в свою очередь, обуславливает его поведенческие реакции. Изучение этих «особых» психических состояний, их систематизация, поиск взаимозависимости и взаимообусловленности с факторами внешней среды и функциональным статусом, криминалистическими признаками преступления на практике позволяют существенно сузить круг подозреваемых и с большей эффективностью использовать имеющиеся силы и средства при розыске преступника.

Нетрадиционные методы обладают следующими *особенностями*:

- (1) разрешение редкой, нестандартной следственной ситуации при невозможности (как правило) разрешения ее иным способом;
- (2) непринятие, неапробированность практикой в качестве стандартных, рабочих программ;
- (3) недостаточная научная изученность;
- (4) уникальность;
- (5) связь с особыми (исключительными) возможностями человеческого организма;
- (6) невозможность (ограниченная возможность) применения в судебном заседании;
- (7) перспективность для практики раскрытия и расследования уголовных дел.

Основными научно-практическими направлениями, рассматриваемыми в данном контексте, являются:

- (1) использование регистраторов психологического стресса (образцов почерка, полиграфов, или «детекторов лжи», и др.) для оценки выраженности психофизиологических реакций в процессе допроса в целях выявления скрываемой информации;
- (2) анализ преступного поведения и построение информационной модели преступника при раскрытии серийных особо тяжких преступлений против личности;
- (3) гипнорепродукция как действенный способ активизации памяти свидетелей и потерпевших;
- (4) использование экстраординарных (экстрасенсорных) способностей человека для раскрытия преступлений;
- (5) аудиовизуальная экспресс-оценка психологических особенностей личности в коммуникативном процессе.

Каждое из указанных направлений имеет под собой достаточно прочную теоретическую базу, разработанную и нашедшую свое подтверждение в трудах таких крупнейших специалистов, как академики А.К. Анохин, Л.П. Гримак, А.Р. Лурия (психофизиология), Б.Ф. Ломов, Ю.Б. Гиппенрейтер (психология) и др.

Нетрадиционные методы юридической психологии не противопоставляются традиционным, а служат дополнением к ним. Полученная с их помощью информация имеет не доказательственный, а ориентирующий характер и может быть использована в процессе проведения следственных действий и ОРМ для формирования и выдвижения следственных и оперативно-разыскных версий.

6.4.2. Аудиовизуальная экспресс-оценка истинности показаний

Ложность показаний допрашиваемого (подозреваемого, обвиняемого, недобросовестного свидетеля) может диагностироваться по ряду *вербальных* (словесных) и *невербальных* (несловесных) проявлений, которые, однако, не являются однозначными доказательствами этого:

- проговоркам в высказываниях, указывающим на осведомленность лица относительно скрываемых им обстоятельств;
- лексическим особенностям показаний, не соответствующим личностным характеристикам допрашиваемого;
- бедности эмоционального фона показаний, схематичности, заученности их вербальной структуры;
- самореабилитации;
- неспособности детализировать описание события;
- противоречивости сообщений из различных источников информации;
- уклончивости ответов на прямые вопросы;
- незнанию обстоятельств, которые должны были войти в поле произвольного восприятия и запоминания;
- медленности и скупости речи, увеличению речевых ошибок и др.

Эксперименты, проведенные А. Меграбяном и другими учеными более 30 лет назад в отношении несловесных признаков, показали, что, обманывая, коммуникаторы:

- меньше кивают и жестикулируют, меньше двигают ногами и ступнями;
- занимают менее открытые позиции относительно своих адресатов;
- чаще улыбаются;
- чаще моргают;
- касаются различных частей лица — рта, глаз, ушей, носа и др.

Выявление упомянутых признаков поведения подозреваемого дает возможность следователю не только развить наблюдательность, но и отработать разумный стиль собственного поведения. При этом одна из важнейших практических рекомендаций заключается в том, чтобы в случае разногласия между словами и жестами допрашиваемого больше доверять своему зрению, а не слуху. Истине будут соответствовать больше все-таки невольные жесты, движения человека,

его мимика, а не произносимые фразы. Необходимо учитывать, что надежность признаков, передающих подлинное отношение собеседника, убывает в следующем порядке: пространственное расположение, поза, голосовые сигналы, мимика, непосредственно высказывания. Иначе говоря, скрыть правду или истинное отношение к вам легче всего посредством слов, мимики, голоса и труднее всего при помощи других средств общения (жестов, движений, позы).

Д. Гриндер

Р. Бендлер

Другим важнейшим источником информации является *динамика глаз собеседника*. Подсознательно движения глаз, как считают создатели технологии *нейролингвистического программирования* Д. Гриндер и Р. Бендлер, в ту или иную сторону (вверх или вниз, влево или вправо) у большинства людей одни и те же. Разница бывает только у левой и правой. В зависимости от того, в какой сенсорной системе идет переработка информации у человека, его глаза в момент работы над информацией перемещаются в определенную зону. При этом каждая зона имеет свое значение и зависит не только от вида сенсорной системы, но и от того, происходит ли в данный момент работа с информацией, извлекаемой из памяти (т.е. вспоминаемой) или сконструированной. Глазодвигательные реакции *правши* со стороны наблюдателя выглядят следующим образом:

- *Зв (направо вверх)* — зрительные воспоминания. Это зона визуальных образов тех объектов, которые человек когда-то видел. Вызвать их могут вопросы типа: «Какого цвета стены вашего кабинета?», «Как выглядел дом, в котором прошло ваше детство?»;
- *Зк (налево вверх)* — зрительные конструкции. Визуальные образы тех вещей или явлений, которые человек никогда не видел раньше или видел не такими, как должен представить в

данный момент. Типовые вопросы: «Какое у вас самое светлое детское воспоминание?», «Вообразите, как вы будете смотреться в костюме гусара»;

- *Св (направо в сторону)* — слуховые воспоминания. Аудиальные образы тех звуков, которые человек уже слышал в прошлом. Типовые вопросы: «Вспомните звуки флейты», «Что я сказал в начале нашей беседы?»;
- *Ск (налево в сторону)* — слуховые конструкции, т.е. аудиальные образы тех звуков, которые человек никогда не слышал раньше. Стандартные вопросы: «Как прозвучало бы ваше имя, если прочитать его наоборот?», «Вы можете услышать, как спорят древнеримские сенаторы?»;
- *Сп (направо вниз)* — замкнутые слуховые представления. Внутренний разговор с собой. Стандартные вопросы: «Похвалите себя за удачно проведенный день», «Повторите про себя стихотворение, которое вы учили наизусть в школе»;
- *Кп (налево вниз)* — кинестетические представления любого типа, эмоциональные, а также осязательные и другие ощущения. Стандартные вопросы: «Какое чувство вы испытываете, прикасаясь ко льду?», «Что вы ощущаете, когда делаете по утрам зарядку?».

Для *левой* характерна картина, зеркально отражающая описанную.

Следовательно, при ответах на вопросы движения глаз допрашиваемого могут помочь отличить, когда он припоминает что-либо, на самом деле происходившее (движение глаз в зонах *Зв*, *Св*, *Сп*, *Кп*), или когда он на ходу придумывает, т.е. конструирует образы (движение глаз в зонах *Зк* и *Ск*). Последние стратегии можно использовать в качестве психологического детектора лжи.

Поскольку движения глаз допрашиваемого происходят достаточно быстро, при проведении допроса следователю рекомендуется:

- воспользоваться видеокамерой для последующего детального анализа этого информативного признака, обращая главное внимание на первую реакцию («скачок») глаз при воспоминании конкретного события;
- задаваемые вопросы логически вплетать в контекст беседы, иначе они могут вызвать настороженность или создать странное впечатление у допрашиваемого;
- придавать значение дополнительным признакам — изменению поз, микродвижениям рук, напряжению лицевых мышц и пр., хотя они и не столь однозначны;
- перед применением этого метода потренироваться или пройти специально организованные семинары.

Аудиовизуальная экспресс-оценка может также включать и некоторые *приемы активного выявления признаков лжи*. При этом эффективность обнаружения этих признаков во многом определяется способностью создать соответствующую искусственную ситуацию.

В общем плане порядок активных действий по выявлению лжи может быть следующим:

- (1) формулировка прямых вопросов, направленных на активизацию реакций собеседника;
- (2) использование пристального взгляда («глаза в глаза») с выражением сомнения в достоверности утверждений собеседника;
- (3) создание условий хорошей освещенности лица собеседника;
- (4) нарушение интимной зоны собеседника (менее 45—50 см), приближение к нему сзади, сбоку, спереди;
- (5) использование вопросов-ярлыков («Не так ли?», «Не правда ли?»), снижающих критичность восприятия собственных слов;
- (6) использование рекомендации «выбор без выбора», когда формулировка вопроса не допускает отрицательного ответа: «Вам удобнее... сейчас или позже?», «Вы сами сделаете это или с помощью?..», «Как я должен, на ваш взгляд, поступить: так или?..»

Таковы наиболее общие рекомендации психологов по выявлению признаков лжи в процессе общения. Они, несомненно, могут быть значительно расширены и дополнены на основе личного опыта.

6.4.3. Метод психолингвистического анализа утверждений¹

Западные специалисты данный метод рекомендуют применять на стадии подготовки допроса проверяемого лица. Это позволяет выбрать правильную тактику предстоящего допроса и облегчить решение задачи по получению признательных показаний.

Методика анализа утверждений ориентирует следователей на необходимость исследования следующих компонентов письменной речи:

- (1) посторонней, т.е. не имеющей отношения к делу информации;
- (2) степени уверенности в сообщаемой информации;
- (3) частей речи, местоимений, существительных, глаголов (особенно важно время: настоящее или прошедшее);
- (4) баланса утверждений (показаний).

¹ В современном американском варианте методики анализа утверждений акцент делается на использовании *лингвистических особенностей английского языка*. Поэтому применение этого метода в нашей стране предполагает необходимость проведения специальных исследований, нацеленных на его увязку со спецификой российской языковой культуры.

Критерий «баланс показания» — это не просто последовательность каких-то изложенных деталей, это своего рода отчет о событии. Развернутое показание должно состоять из трех примерно равнообъемных частей. Первая часть — то, что предшествовало расследуемому событию (она вводит событие в контекст). Вторая часть — описание возникновения самого расследуемого события, т.е. того, что случилось во время кражи, изнасилования, пожара и т.п. Третья часть — описание того, что произошло после расследуемого события. Здесь особо обращается внимание на слова, передающие эмоциональность пережитых событий.

Чем лучше сбалансированы три части показания, тем больше вероятность того, что показания правдивы. На листке, на котором написано показание, подсчитывается количество строк в частях, описывающих «до», «во время» и «после». Если наличествует 33%, т.е. 1/3, строк в каждой части, то большая вероятность, что показание правдиво. Вариации допустимы, но незначительные. Если какая-то часть показания неполная или вовсе отсутствует, то весьма вероятно, что показание ложное.

Криминалисты В.А. Образцов и Н.В. Кручинина приводят следующий пример из следственной практики.

В показании, написанном человеком, у которого якобы сгорел дом, следователь насчитал 56 строк (показание содержало полное описание событий — от пробуждения до отхода ко сну — в день пожара). Далее следователь произвел дифференцированный подсчет: до пожара — 33 строки (59%), во время пожара — 16 строк (28,5%), после пожара — 7 строк (12,5%).

Явное нарушение баланса насторожило следователя. Часть «до» чересчур длинная, а часть «после» — слишком короткая. Кроме того, в первой части содержалось слишком много информации, никакого отношения к пожару не имеющей. У следователя возникла мысль: «А не пытается ли автор текста оправдать себя или сбить с толку расследование?» Версия подкреплялась еще и тем, что в рубрике «после» имелось очень мало информации и совершенно отсутствовали какие бы то ни было эмоции. Никаких естественных для пострадавшего признаков гнева, шока, горечи, чувства потери. Получалось, что заявителя последствия пожара совсем не волновали. Впоследствии этот человек признался в том, что дом поджег он сам.

Наличие в показании посторонней, не имеющей отношения к делу информации также может служить признаком лжи. Человек, говорящий правду, тот, кому нечего скрывать, когда ему задают вопрос «Что случилось?», будет связно и в хронологическом порядке рассказывать об обстоятельствах развития события. Любая не относящаяся к этому вопросу информация считается посторонней.

Лицо, причастное к преступлению, может испытывать потребность в оправдании своих действий. В таких случаях информация, содержащаяся в показаниях, будет отклоняться от логической временной структуры или обходить события, имевшие место в действительности. Может также иметь место сообщение избыточной информации. В таких случаях следователь должен внимательно изучить эту постороннюю информацию и задаться вопросом, почему коммуникатор считает необходимым эту информацию включить в рассказ.

Супруг, застреливший жену, рассказывал в полиции, что он чистил ружье и оно случайно разрядилось. Следователи попросили мужчину описать (на бумаге) все, что он делал в день убийства.

В ответ на это предложение последовало длинное, перенасыщенное деталями описание состоявшейся накануне охоты и того, какое ржавое у него было ружье, однако информация о занятиях, делах, поступках в день убийства отсутствовала. По показателю качества посторонней информации следователь заподозрил «охотника» в преднамеренном убийстве жены.

Другой важный фактор — *дефицит убедительности*, или *недостаточная уверенность в сообщаемой информации*. Следователя должно настораживать, если в показаниях постоянно повторяются выражения типа «я не припоминаю», «точно не помню», «возможно, я забыл».

Нужно также обращать внимание на использование в повествовании таких фраз, как «я думаю», «я считаю», «типа того», «из того, что я знаю» и т.п. Эти так называемые ограничители служат для обесценивания события еще до того, как они будут переданы. Обычно человек, избегающий прямых, точных, категоричных ответов, оставляет себе возможность для маневра. Для следователя это должно стать сигналом того, что допрашиваемый чего-то недоговаривает.

По одному из дел объектом анализа являлось заявление студентки колледжа, утверждавшей, что в 3 часа 30 минут утра в ее комнату проник мужчина и изнасиловал ее.

Заявление было переведено из устной формы в письменную. Из опыта известно, что при описании потерпевшими такого сильного травмирующего психику события, как изнасилование, эмоции должны бить через край. Однако в сообщениях студентки их было явно недостаточно. Вот как она описала случившееся: «Он схватил меня и приставил к горлу нож. Когда я проснулась, а я уже действительно спала, я не сразу поняла, что происходит. И поверьте мне, я испугалась и удивилась. Вы знаете, я была испугана, а он приказывал мне замолчать и спрашивал, чувствую ли я нож у горла».

Обращает на себя внимание фраза: «Я испугалась, когда проснулась». В ситуации, когда женщина просыпается ночью и видит у себя в постели незнакомого мужчину, угрожающего ей ножом, более естественным было бы чувство ужаса, оцепенения, а не удивления и испуга.

Следователь учел все эти обстоятельства, готовясь к допросу. Избранная им тактика позволила изболочить студентку в ложном доносе. Событие преступления отсутствовало, что она и была вынуждена признать.

Не так давно внимание средств массовой информации в Америке было привлечено к нашумевшей истории, разгоревшейся вокруг Сюзанны Смит и двух ее якобы пропавших без вести детей. В ходе следствия выяснилась картина, далекая от того, как эта история вначале представлялась. А картина в ее реальном варианте выглядела так. Смит вышла из своего автомобиля красного цвета и отпустила парковочные тормоза. Машина, в которой находились привязанные к сиденьям двое ее сыновей, 3 и 14 месяцев от роду, покатились вниз и рухнула с крутого обрыва в глубокое озеро. Чтобы скрыть преступление, Смит обратилась в полицию с заявлением о похищении ее сыновей и потребовала объявить федеральный розыск детей и похитителя. Применение метода анализа утверждений позволило заподозрить, а затем изболочить «безутешную» мать в убийстве своих детей и сокрытии преступления.

Во время расследования Сюзанна Смит, рыдая, говорила: «Мои дети ждали меня. Они нуждались во мне. И сейчас я не могу им помочь». Муж Сюзанны и отец мальчиков, поверивший в эту историю, пытался утешить жену: «Все хорошо. Скоро они будут дома».

Анализируя показания родителей «похищенных» детей, следователи пришли к выводу, что отец верил в то, что его мальчики живы, а мать знала, что их нет в живых. Прийти к такому выводу помогла английская грамматика, в частности времена глаголов (*критерий «части речи»*). Отец, говоря о детях, употреблял глаголы в настоящем времени, мать — в прошедшем. Она употребляла такие слова, как «они ждали меня», «они нуждались в моей помощи». Потому что знала — ее сыновья мертвы, следовательно, помощь им уже не требуется.

Так из «убитой горем потерпевшей» госпожа Смит превратилась в заурядную обвиняемую. Суд признал ее виновной в содеянном и приговорил к пожизненному заключению.

6.4.4. Почерк как регистратор психологического стресса

Один из психологических методов определения вероятного времени совершения преступления подозреваемым в убийстве разработан профессором Башкирского государственного университета, докто-

ром психологических наук Г.А. Аминовым. Его методика позволяет по почерку подозреваемого определить пик его нервного напряжения, а время суток, на которое выпадает данный пик, и будет предполагаемым временем совершения преступления, что явится основанием к разрушению ложного алиби подозреваемого и в конечном счете приведет к его изобличению.

Суть этого метода заключается в следующем. Определив наиболее вероятный предполагаемый день совершенного преступления, следователь предлагает подозреваемому в убийстве собственноручно описать, чем он занимался каждые два часа в течение трех дней (в предшествующий, в день совершения преступления и следующие за ним сутки). Объяснение начинается с описания так называемого активного времени первого дня (от пробуждения до сна). Время, занятое сном, описывается по заранее подготовленному трафарету, например:

00—02 ч. В это время я уже спал. Мой сон здоровый, крепкий, непробудный, нормальный (упомянуть нужное).

02—04 ч. Мой сон здоровый, крепкий... и т.д. (до момента пробуждения).

Если опрашиваемый заявляет, что не может описать события в каком-то промежутке времени, ссылаясь на забывчивость, ему предлагают стандартную фразу для заполнения этого интервала, например:

14—16 ч. Мою память не назовешь крепкой и прекрасной, редкой и острой, превосходной и громадной.

Подозреваемый, понимая, что все сведения, изложенные в объяснении, будут предметом тщательной проверки, старается вспомнить побольше подробностей, которые при подтверждении подчеркивали бы объективность его показаний, и мысленно оживляет в памяти описываемые на бумаге события. Когда виновный подходит к описанию периода, в который было совершено убийство, то начинает ссылаться на забывчивость либо писать то, что свидетельствовало бы о его непричастности к преступлению. Но психологическое вчувствование уже настолько велико, что все попытки изложения ложного алиби сопровождаются воссозданием в сознании сцен совершенного убийства. Это психологическое состояние пишущего подозреваемого, по утверждению профессора Г.А. Аминава, отразится в почерке (внешне практически незаметно). Суть в том, что в процессе запоминания информации (произвольного или произвольного) происходит обобщение сведений по некоторым логическим принципам, а в качестве правил группировки используются разные ассоциации (по времени, месту, причинно-следственные). Обязательным атрибутом каждого из слов, характеризующих сон или память, является наличие в нем буквы «р» — ключевой буквы при исследовании текста.

Изучение практики привлечения специалистов-психологов к участию в процессуальных действиях по делам об умышленных убийствах показало, что методика А.Г. Аминова представляет бесспорный интерес в качестве одного из видов ориентирующей информации. Такое деловое сотрудничество может избавить следователя от многих ошибок, упущений и процессуальных нарушений. Изобличение же обвиняемого будет происходить в процессе доказывания его вины.

6.4.5. Использование специальных полиграфологических исследований (СПФИ)

Самым распространенным на сегодняшний день аппаратным средством для проведения СПФИ во всем мире является полиграф. С его помощью осуществляется регистрация психофизиологических реакций людей, в том числе в целях установления их причастности к преступлениям. Такая регистрация становится возможной только благодаря эмоциям человека, тесной взаимосвязанности, как известно, со всеми сторонами его деятельности, не исключая и преступных действий. А поскольку воспоминания о совершенном преступлении и сопряженные с ним эмоциональные переживания длительное время сохраняются в памяти виновного, возможно их воспроизведение на основе слов-раздражителей, предъявления объектов, связанных с криминальным событием, либо демонстрации их изображения. У непричастных же к преступлению лиц эти раздражители эмоциональных проявлений и сопровождающих их реакций не вызовут.

В настоящее время полиграфные устройства с различными целями используются более чем в 60 странах мира, в том числе в России (СССР) с 1975 г. в КГБ, а с 1994 г. — в органах внутренних дел.

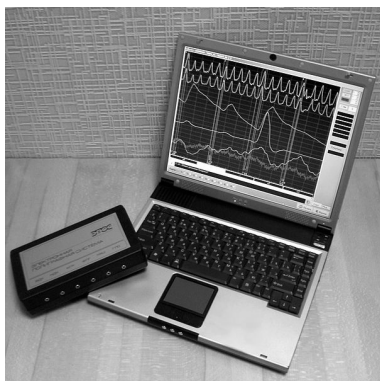
Ведущим в мире пользователем полиграфа являются США, применяющие метод опроса с использованием полиграфа или специальное психофизиологическое исследование (СПФИ) со времен Первой мировой войны. В настоящее время в США насчитывается свыше 5000 операторов полиграфа. Проверки на полиграфе применяют такие ведомства США, как Армия, ВВС, ВМС и Корпус морской пехоты, ФБР, ЦРУ, Агентство национальной безопасности, Секретная, Почтовая и Таможенная службы, Управление по борьбе с наркотиками и др.

В качестве примера использования полиграфа обратимся к событиям, повлекшим разоблачение знаменитого советского разведчика Рудольфа Абеля в 60-е гг. прошлого века. Этому способствовало применение мало кому известной тогда аппаратуры. Характерно, что при этом Абель не произнес ни одного слова. Он отказался давать показания, и американская контрразведка, арестовав его, даже не знала, в интересах какой страны он работал. Впрочем, вопросов ему не задавали.

Разведчика оставили в одиночестве в зашторенной комнате с несколькими прикрепленными к телу датчиками и демонстрировали ему на экране бегущие цветные слайды. Абель даже не понял, зачем устроена вся эта комедия. Вначале ему показали географические изображения Японии, Нигерии, Израиля, СССР. В тот момент, когда разведчик увидел контуры Советского Союза, у него повысилось кровяное давление и участилось дыхание. Затем на экране замелькали картинки американских штатов. Сам того не подозревая, он реагировал, а датчики успешно фиксировали изменения только на те географические точки, в которых у него, как выяснилось позднее, были тайники и явки. Тем же самым физиологическим образом Абель «выдал» улицу, дом, квартиру и сами тайники. После провала Абеля Комитет государственной безопасности СССР спешно принял полиграф на вооружение.

В России инициатором метода выявления скрываемой информации при раскрытии преступлений был А.Р. Лурия, который предложил «экспериментально-психологический метод обнаружения причастности» к преступлению. Однако в начале 1930-х годов он был вынужден прекратить свои исследования. В 1937 г., выступая по проблеме оценки доказательств в советском уголовном процессе, Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский подверг жесткой критике метод «открывать преступников при помощи сфигмографа, отмечающего изменения в кровообращении обвиняемого». Метод на долгое время был «заклеймен» как инквизиция на новый лад.

Впервые официально признание проверки на полиграфе получило зимой 1991 г., когда по инициативе Генеральной прокуратуры СССР был применен в деле об убийстве Александра Меня. Опрос подозреваемого показал, что он не был причастен к убийству.

Современный компьютерный полиграф (сенсорный блок с ПК)

Сам термин «полиграф» (греч. poly — много, graphos — пишу) появился после создания многоканальных приборов, регистрирующих динамику различных физиологических функций человека.

Полиграф («лай-детектор», «детектор лжи», «плетизмограф») — это многоканальный регистратор, приспособленный для записи психофизиологических реакций человека в процессе проводимого в установленном порядке опроса. По своему устройству и принципам регистрации физиологической информации полиграф схож с медицинскими регистрирующими приборами, такими как электрокардиограф, электроэнцефалограф и т.п., в связи с чем полиграф воз-

можно рассматривать как техническое средство для динамической записи изменений физиологических функций опрашиваемого.

В настоящее время в Российской Федерации не существует специального федерального закона, который бы детально регламентировал общественные отношения, возникающие в связи с применением полиграфных технологий.

Сегодня использование полиграфных устройств в правоохранительных органах регламентируется положениями следующих нормативных правовых актов:

- Конституции Российской Федерации;
- закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. (с последующими изменениями);
- уголовного кодекса Российской Федерации;
- уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;
- Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. (с последующими изменениями);
- иных федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов.

По мнению американских ученых, работающих в данной области, полиграфом может называться любой регистратор физиологических процессов, имеющий не менее трех каналов регистрации, два из которых фиксируют дыхание и частоту сердечных сокращений.

Российский и мировой рынки предлагают компьютерные полиграфы, в которых аналоговый сигнал, регистрируемый датчиками, располагаемыми на теле опрашиваемого, в цифровом виде передается в компьютер, обрабатывается с помощью специальных программ, а результаты могут выдаваться как в зашифрованном виде (коэффициенты), так и в виде графиков или гистограмм.

Опросы с применением полиграфа проводятся специально подготовленными специалистами, имеющими допуск к данной работе.

Первоочередным этапом в использовании полиграфа при раскрытии преступлений является решение задачи о возможности и целесообразности проведения самого опроса в данном конкретном случае. Этот вопрос решается исходя из состояния здоровья опрашиваемого, физического и психологического состояния в данный момент, возможных противопоказаний. Кроме того, необходимо получить у опрашиваемого заявление о добровольном согласии на проведение опроса с использованием полиграфа. При этом опрашиваемому разъясняются его права и даются необходимые пояснения о мерах, направленных на соблюдение этих прав. В случае отказа субъекта от намеченной процедуры опрос не проводится.

Полным *противопоказанием для проведения опроса с применением полиграфа* является отказ проверяемого лица от участия в опросе.

Не следует проводить СПФИ в следующих случаях:

- если проверяемый находится в состоянии опьянения, вызванного алкоголем, наркотическими или токсическими веществами;
- если проверяемый страдает хроническим или временным психическим расстройством психотического уровня или слабоумием;
- если проверяемый находится в астеническом состоянии;
- если проверяемый чрезмерно возбужден;
- если проверяемый страдает острым заболеванием, связанным с повышением температуры тела, либо со значительными функциональными нарушениями кардиореспираторной системы, либо с болевым синдромом.

Дискуссионным является вопрос о возможности проведения СПФИ в отношении беременных женщин.

Изучение зарубежных и отечественных публикаций позволяет предложить следующие *тактические приемы эффективного использования полиграфа*.

1. Проверку на полиграфе следует проводить на первоначальном этапе расследования преступлений: сразу же после совершения преступления, вслед за задержанием с личным и т.д., когда у испытуемого сохранился фон стрессового состояния.

2. После проверки на полиграфе испытуемый допрашивается следователем по итогам исследования.

3. Помещение, где проводится работа на полиграфе, должно отвечать определенным требованиям: быть достаточно просторным, оборудованным звукоизоляционным материалом, двойными дверями, кондиционером, иметь постоянную температуру, рядом должна быть смежная комната для предварительного размещения участников опроса. Кабинет, где размещен полиграф, должен быть снабжен аудио- и видеоаппаратурой для контроля за ходом опроса.

4. Перед проверкой оператор с испытуемым проводит собеседование, в процессе которого сообщает характер предстоящей проверки, уверяет в надежности детектора и его способности устанавливать правдивость ответов, уведомляет в безопасности для здоровья применяемого прибора.

5. Заранее готовятся тесты и вопросники. Вопросы должны быть краткими, понятными испытуемому, предполагать односложный ответ, касаться осведомленности или неосведомленности опрашиваемого об обстоятельствах расследуемого события. Вопросы, относящиеся к объективной стороне расследуемого события, следует ставить в мягких формулировках, например: «Вы дрались с парнем?», «Вы имели половой акт с девушкой?» вместо «Вы убили парня?», «Вы изнасиловали девушку?».

6. Вопросы задаются ровным, спокойным голосом, не акцентируя внимания на критическом компоненте. Из тактических сообра-

жений его лучше располагать на третьем или четвертом месте, но не первом или последнем. Между вопросами должны быть паузы в пределах 10—15 секунд, чтобы восстановить фон психофизиологического состояния проверяемого после предыдущей реакции.

7. Испытуемый в любой момент может отказаться от проверки. Этот отказ не может расцениваться как свидетельство его причастности к совершению преступления либо утаивания какого-либо факта и вести к ущемлению его законных прав и свобод. По просьбе опрошенного он может быть ознакомлен с результатами опроса.

Справка по результатам применения полиграфа имеет ориентирующее значение и не является источником доказательств.

8. При оценке результатов испытания следует доверять тому, кто предполагает, что подозреваемый говорит правду, а не тому, кто видит обман с его стороны. Если результаты испытания на детекторе предполагают ложь, то это не должно рассматриваться как основание для обвинения. Обман, подтвержденный испытаниями на детекторе, — лишь основание для продолжения ведения следствия.

Изучение инструментального метода диагностики позволяет сделать вывод о том, что полиграф следует рассматривать не только как техническое средство борьбы с ложью, но и как психологический источник правдивых показаний. Здесь, с одной стороны, срабатывает фактор доверия к технике, а с другой — устрашающий фактор ее применения. Последнее становится все более очевидным в связи с техническим совершенствованием прибора на основе достижений в области автоматике, телемеханики, кибернетики, космической медицины и др., позволяющим изменить технику «снятия» информации полиграфом, используя *метод бесконтактных датчиков*.

Так, в конце XX столетия в лаборатории физиологической кибернетики при ЛГУ было открыто электрическое поле, возникающее в пространстве вокруг человека в результате активности его внутренних органов — сердца, нервов, мускулатуры. Это поле, названное ауральным, несет информацию о функциональном состоянии внутренних органов и поэтому может использоваться для диагностики заболеваний и регистрации эмоций. Регистрация аурального поля производится на расстоянии без контакта приборов с телом человека — в воздухе — специальным ауродатчиком. Из одной точки поля можно одновременно регистрировать электрокардиограмму, сейсмокардиограмму, пневмограмму, фонограмму, актограмму и другие параметры организма.

Разработка метода бесконтактных датчиков делает возможным применение полиграфа специалистом-психологом или психофизиологом, привлеченным следователем к участию в таких следственных действиях, как обыск, следственный эксперимент с участием по-

дозреваемого или обвиняемого, предъявление для опознания. Получаемая с помощью полиграфа по ходу этих следственных действий ориентирующая информация способствует реализации и корректировке тактического замысла следователя.

Научно-технический прогресс обещает появление еще более тонченных «детекторов лжи», принцип действия которых может быть самым неожиданным. Рассматривается, к примеру, возможность определять ложь с помощью дистанционного измерения температуры отдельных участков человеческого тела. Разрабатывается прибор, который сможет указывать месторасположение эпицентра стресса в мозгу человека. Уже используется методика, основанная на фиксации движений глаз и сокращений зрачка. Вместе с техническим совершенствованием полиграфологических средств у нас в стране и за рубежом возрастает и число сторонников более широкого использования этого метода в раскрытии преступлений.

Вместе с тем следует признать, что полиграф оказывается полезен для идентификации тех, кто совершал противоправные действия в прошлом, но, по-видимому, не дает надежных результатов в выявлении тех, кто мог бы совершить их в будущем.

6.4.6. Разработка разыскного психологического портрета предполагаемого преступника (профилирование)

В отличие от многофункционального словесного психологический портрет (профиль) отражает внутренние, психологические, а также поведенческие признаки человека и формируется не на основе достоверных знаний об отражаемых в нем признаках, а на базе знаний вероятностного характера. Существенно и то, что данный метод «работает» далеко не в каждом случае раскрытия преступления. Поле его применения являются лишь некоторые группы дел, прежде всего связанные с раскрытием тяжких преступлений против личности. Известно еще одно важное ограничение возможностей его применения. Метод психологического профиля реализуется в тех случаях, когда место происшествия и состояние жертвы позволяют сделать заключение о наличии у неизвестного преступника каких-либо отклонений в поведении, психике, эмоциональном состоянии. В случаях же, когда убийство совершено в целях ограбления, а жертва — лишь средство в достижении этой цели, применение метода психологического профиля считается нецелесообразным.

Другая область преступлений, непригодных для составления психологического профиля, — это преступления, связанные с приемом наркотиков, поскольку трудно отграничить устойчивые личностные черты от состояний нарушенного сознания в момент совершения преступлений, обусловленных наркотическим опьянением. Наиболее пригодны для использования этого метода убийства

на сексуальной почве с признаками садистского истязания жертвы; эвисцерация (потрошение); посмертные колотые и резаные ранения; какие-либо манипуляции преступника с трупом жертвы; безмотивные поджоги и взрывы; изнасилования; ритуальные убийства.

Перечисленные ограничения, однако, не принижают значимости данного метода как остро актуального средства, позволяющего с честью выходить из запутаннейших тупиковых ситуаций, в которых другие методы оказываются зачастую бесполезными. Не случайно в информационном письме Генеральной прокуратуры РФ № 26—17/98—905 упоминаются основные формы применения специальных знаний психолога в деятельности следственных органов прокуратуры, в том числе участие в разработке социально-психологических портретов и розыскных «профилей» лиц, совершивших серийные убийства, для обеспечения целенаправленного розыска.

Материал, необходимый для построения психологического профиля, собирают путем тщательного изучения жертвы и места преступления. Разработанная в ФБР процедура составления психологического профиля состоит из пяти шагов, или этапов:

- (1) обстоятельное изучение и анализ природы и сущности преступления и типов лиц (психолого-психиатрическая типология), совершивших подобные деяния в прошлом;
- (2) исчерпывающий анализ места расследуемого преступления;
- (3) углубленное изучение окружения, занятий и увлечений жертвы (жертв) и подозреваемого (подозреваемых);
- (4) формирование возможных мотивирующих факторов всех подозреваемых лиц;
- (5) описание преступника (на основе внешних поведенческих проявлений его вероятной психологической сущности).

Получив широкое распространение в США, Великобритании, Голландии и других странах, метод разработки розыскного психологического портрета преступника творчески осваивается российскими специалистами. Имеются уже сформированные компьютерные базы данных, позволяющие в короткий срок создать психологический профиль подозреваемого с указанием его вероятного возраста, рода профессиональной деятельности и других оперативно значимых признаков. Например, созданные во ВНИИ МВД России автоматизированные системы «Монстр», «Сериал-2», «Сериал-3» в значительной степени должны упростить работу по составлению психологического портрета предполагаемого преступника, а алгоритм, разработанный их создателями, — найти свое подтверждение на практике.

Но, к сожалению, как показывает анализ отечественной практики, привлечение профессиональных психологов, специалистов (психиатров, сексопатологов, криминалистов) к составлению психологического портрета неустановленного преступника по делам о многоэпизодных убийствах по большей части редко завершается

успехом. По оценке психолога Л.П. Конышевой, почти не встречаются случаи, когда созданный психологический портрет непосредственно помог обнаружить и задержать преступника, неоднократно совершавшего убийства. Лишь изредка в печати можно встретить комплиментарные оценки юристов подобного сотрудничества. Но чаще высказываются сомнения в принципиальной способности специалиста-психолога дать психологический облик разыскиваемого, полезный для поисковой работы.

Чаще всего в психологическом профиле описываются и оцениваются следующие характеристики преступника: пол и возраст; семейный статус; образование; род занятий (общие сведения о работе); возможная реакция на следственные действия, например допрос; уровень сексуальной зрелости; возможность рецидива; вероятность того, что преступник в прошлом совершал аналогичные преступления.

В учебно-практическом пособии В.А. Образцова «Серийные убийства как объект психологии и криминологии» приводятся материалы работы профессора Роналда Холмса над профилем одного из американских серийных убийц. Изучив материалы дела, протокол вскрытия трупа последней жертвы, заключение судебных патологоанатомов, планы места обнаружения трупа и окружающей местности, фотографии и видеодокументы места происшествия и следов преступления, он описал в своем заключении следующие признаки устанавливаемого лица.

Возраст. Возраст подозреваемого где-то между 32—36 годами. Возможно, на пару лет старше. Для такого мнения есть следующие основания. Во-первых, как мне кажется, этот человек уже совершал подобные убийства, то есть я хочу сказать, что он уже несколько лет в своих фантазиях убивал женщин подобным образом. Потом он перешел к конкретным действиям, и то, что он сделал с этой женщиной, имеет предысторию: не исключено, что он уже совершил одно или два реальных убийства. Во-вторых, это обычный возраст завсегдатаев баров в данной местности. В-третьих, примерно в таком возрасте человек обладает физической силой, с которой было совершено преступление.

Пол. Преступление совершено мужчиной.

Раса. Как полагаю, этот подозреваемый белый. Почему я так считаю? Прежде всего, потому, что большинство убийц выбирают свои жертвы из представителей одной с ними расы. Каких-либо оснований считать, что преступник не принадлежал к белой расе, в материалах дела не усматривается.

Интеллект. Я склонен думать, что этот человек имеет средние или чуть выше средних умственные способности. Он прекрасно гармонирует со своим окружением и, вероятно, может выполнять работу, не нуждающуюся в постороннем надзоре. Он не производит впечатления умственно отсталого; хорошо его знающие люди считают

его человеком со средними способностями, но с некоторыми странностями.

Образование. У подозреваемого высшее или незаконченное высшее образование. В годы учебы он хорошо адаптировался к окружению, у него не было существенных проблем в поведении. Он посещал местную школу. Если учился в колледже, то не более семестра. Его способности позволяли поступить в колледж, но психическое состояние, личная неорганизованность не позволяли ему долго в нем оставаться. В период учебы он мог быть средним студентом, вероятно, без поведенческих проблем.

Семья. Этот человек либо единственный ребенок в семье, либо из малолетней семьи. Его отец был человеком пассивным и мало занимался воспитанием сына, возможно, что он вообще не жил с семьей либо рано умер. Мать была женщиной властной. Она была главным судьей, присяжным и исполнителем наказаний. Ее слово было в семье законом. Могут также предположить, что умерла она совсем недавно, может быть, месяцев шесть тому назад. Ребенок в семье жил под полным контролем матери, мать постоянно оскорбляла его.

Место жительства. Во время преступления, о котором идет речь, подозреваемый жил в этой местности, живет тут и сейчас. По тому, как он перенес уже мертвую жертву в наиболее привычное и удобное для манипуляций с нею место, чувствуется, что подозреваемый действовал в «своей зоне комфорта». Останки захоронены в четырех местах: там, где было найдено тело (это место находится в сфере вашей юрисдикции); три других места являются для подозреваемого менее комфортными, и захоронения в них были произведены позже. Подозреваемый живет ближе к месту первого захоронения.

На место захоронения тела нужно обратить особое внимание. Преступник живет недалеко от этого места, возможно, даже в пределах видимости. Дом, в котором живет подозреваемый, ничем не выделяется в округе. Этот человек живет здесь давно, его здесь хорошо знают. Вероятно, он долго жил вместе с матерью, не исключено, что до самой ее смерти.

Автомашина этого человека в плохом состоянии. Возраст машины — 8—10 лет; эта «домашняя» машина марки «форд», «шевроле» и т.д. Машина грязная, неопрятная, ее техническое состояние тоже оставляет желать лучшего. В салоне машины беспорядок, и здесь могут быть найдены следы крови жертвы.

Род занятий. У этого человека работа постоянная. Он может работать в строительной организации, где иногда ему приходится заниматься и физическим трудом. Он может также быть водителем грузовика. Профессия служащего исключена. Он обнаруживает некоторые познания в юриспруденции, а способ расчленения тела свидетельствует о владении информацией, которая может быть известна только полиции. Возможно, он когда-либо был или сейчас явля-

ется добровольным помощником полиции, медицинским техником, пожарным и т.п.

Психосексуальное развитие. У этого человека серьезные проблемы. То, что он расчленил труп и обезобразил лицо жертвы, изобразив на нем «улыбку», свидетельствует о лютой ненависти к женщинам. Части расчлененного трупа преступник разместил в определенном порядке. Прежде чем были обнаружены остальные части тела, нашли торс. В других частях тела были найдены кусочки льда — свидетельства того, что эти части тела представляли для убийцы большой интерес и он хранил их дольше. Интересно, что он сохранил (из того, что было найдено) часть тела от шеи до талии, то есть наиболее для него «лично значимую» часть; я не исключаю, что этот человек мог содрать кожу с трупа и носить ее по ночам у себя дома, где он живет в одиночестве. Этот человек может оказаться транссексуалом, и не исключено, что он уже обращался за консультациями по поводу своих сексуальных проблем. Подчеркиваю, я не считаю его гомосексуалистом. Просто у него серьезные проблемы в отношениях с женщинами. С одной стороны, он обожает женщину как таковую, он хочет ей нравиться (по этой причине он сохранил грудь и репродуктивные органы). С другой стороны, он женщину ненавидит из-за того, что ему пришлось вытерпеть (из-за матери?) от женщин. Об этом свидетельствует способ выбора жертв: он выбирает свои жертвы из числа сексуально активных посетительниц дешевых баров, алкоголичек, которым «наплевать на свою семью».

Рассмотренный профиль преступника был разработан по заданию ФБР в то время, когда детективы еще не располагали сведениями о личности искомого лица. Лишь впоследствии, после того как преступник был схвачен и разоблачен, чему способствовал его правильно составленный портрет-образ, выяснилось, что на счету этого маниакального убийцы и насильника 34 жертвы.

Конечно, составлением психологического профиля предполагаемого преступника работа специалистов не заканчивается. Следующая важная задача — разработка рекомендаций о том, как, используя информацию, заложенную в указанный портрет, выявить преступника и как тактически правильно построить его допрос с учетом личностных особенностей подозреваемого. В этих целях разработаны *различные приемы заманивания преступника в ловушку*. Например, убийцы определенного склада внимательно отслеживают обнародованную в СМИ информацию о совершенных ими преступлениях и работе полиции. Зная это, можно успешно использовать местную прессу, радио и телевидение для запуска специально подобранной информации, с тем чтобы побудить преступника к определенным действиям в определенном месте. Организация оперативного контроля за этим местом позволяет захватить искомое лицо, если оно «кльонет» на информационную «приманку».

6.4.7. Активизация памяти свидетелей и потерпевших на основе гипнорепродукции

Использование знаний о функционировании памяти человека как универсальной системы позволило разработать метод гипнорепродукции, или гипнорепродукционного опроса, в основе которого лежит медицинский гипноз, безопасный и безвредный для здоровья человека. А поскольку в практике расследования преступлений часто встречаются случаи, когда человек не может воспроизвести информацию о преступлении вследствие естественного забывания или по причине развития амнезии стрессового или травматического характера, именно гипнорепродукция может оказать реальную помощь в получении дополнительной информации. Данный метод основан на одном из важнейших свойств центральной нервной системы — закреплять временную последовательность протекающих в ней процессов и сохранять способность к их воспроизведению в дальнейшем. При этом оперативный сотрудник или следователь, являющийся инициатором проведения гипнорепродукционного опроса, должен четко представлять себе, что данное мероприятие является сугубо добровольным, не направлено на подавление воли опрашиваемого и может дать эффект лишь при наличии положительной мотивации на сотрудничество с правоохранительными органами. Более того, в отечественной и зарубежной практике имели место случаи, когда граждане по собственной инициативе обращались к специалистам-гипнологам с просьбой помочь им вспомнить забытые подробности криминального события.

Представляют интерес результаты исследования гипнорепродукции в правоохранительной деятельности, проведенного отечественным психологом В.Д. Хабалевым на примере правовой системы США. Многообразие и процессуальная самостоятельность органов, ведущих расследование преступлений в США, привели к тому, что существуют различные ведомственные нормативные акты, регламентирующие методику проведения опроса в состоянии гипноза. В большинстве своем в них учтены разработанные в юридической психологии *принципы повышения достоверности данных*, полученных при опросе в гипнотическом состоянии (М.Т. Орне, 1979):

- (1) сеанс гипноза должен проводить гипнолог (психотерапевт или психолог), который получил специальную подготовку по проведению «следственного гипноза» и квалификацию гипнооператора. Предварительная информация о преступлении направляется гипнооператору только в письменном виде. Гипнооператор должен быть независим от органов расследования и лично не заинтересован в исходе данного дела;
- (2) контакт гипнооператора с опрашиваемым должен быть аудио- или видеозадокументирован с момента встречи и до полного

- окончания сеанса. Перед началом сеанса гипнооператор должен выяснить отношение субъекта к гипнозу и подробно опросить его в состоянии бодрствования об исследуемом событии. При этом запрещается использование наводящих и внушающих вопросов;
- (3) в помещении, где проводится сеанс «следственного гипноза», должен находиться только опрашиваемый и гипнооператор. В случае необходимости другие лица могут наблюдать происходящее через одностороннее зеркало или на экране монитора;
 - (4) до сеанса гипноза первоначальные показания опрашиваемого по устанавливаемым фактам должны быть письменно зафиксированы сотрудником полиции.

Часто для активизации нужной информации достаточно бывает проведения одного гипнорепродукционного сеанса. Однако для устранения у пострадавших амнезий, вызванных травмой или фармакологическими веществами, нередко требуется проведение повторных сеансов, которых может быть в общей сложности больше десяти.

Большой объем информации с помощью этого метода удается получить в тех случаях, когда процессы припоминания осложняются тревожной мотивацией или запретными блоками («страшно вспомнить»), и меньший, когда интересующие сведения в момент происшествия оценивались свидетелем или потерпевшим как маловажные. Кроме того, большой эффект дает гипнотическое состояние, когда необходимо восстановить последовательность событий, и меньший, когда припоминаемый факт не имеет внутренних логических связей с событием и является случайным (например, воспринимаемый фон, номер, цвет или марка автомобиля).

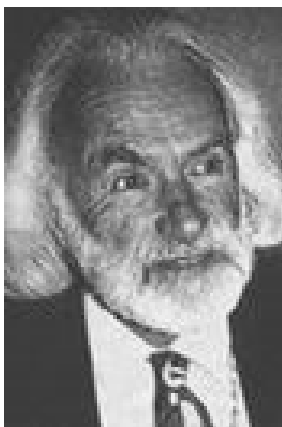
В целом наибольшее распространение следственный гипноз получил в США, где он применяется сотрудниками полиции Вашингтона, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Сиэтла, Дэнвера, Хьюстона, Сан-Антонио и других штатов, а на общенациональном уровне — ФБР, Администрацией по контролю за применением законов о наркотиках, Подразделением специальных расследований военно-воздушных сил и др. Использование следственного гипноза помогает добиться значительных результатов и при расследовании дел, связанных с многочисленными человеческими жертвами. Специальным решением Управления гражданской авиации США использование гипноза рекомендуется при расследовании обстоятельств авиационных катастроф (R.B. Garver, G.D. Fuselier & T.B. Booth, 1981; D.N. Hilland & P.A. Dzieszkowski, 1984; V.B. Raginsky, 1969). Зарубежная практика показала целесообразность использования гипнорепродукции при расследовании тяжких преступлений: убийств, разбоев, грабежей, изнасилований, похищений людей, вымогательств (рэкета).

6.4.8. Использование специальных знаний экстрасенса¹

Научный интерес к экстраординарным (экстрасенсорным) свойствам человеческой психики в целях раскрытия преступлений возник достаточно давно. Еще в конце XIX столетия основоположник судебной психологии Ганс Гросс писал по этому поводу:

Проявляя максимальную осторожность, в некоторых случаях нельзя совершенно исключить того, что высказывания или предсказания ясновидцев точны... что это достаточно надежные для нужд криминалистики познавательные средства.

Однако изучение лиц, обладающих экстраординарными (экстрасенсивными) способностями, началось значительно позже и было связано с созданием квантовой теории и разработок на ее основе новых представлений о структуре мира. В 1970—1980-х гг. американские ученые физик-теоретик *Давид Бом* и нейропсихолог *Карл Прибрам* разработали концепцию универсальной космической голограммы, которой, по существу, сходна структура мозга. Эта концепция признает, что в результате квантово-механических взаимодействий Вселенная образует единую, бесконечную во времени и пространстве, многомерную причинно-следственную сеть взаимосвязей, в которой все взаимодействует со всем с различной степенью интенсивности. Эта система взаимосвязей представляет собой некое бесконечное энергоинформационное поле, своеобразную сеть, каждая точка которой сопряжена со всеми остальными ее точками, воздействует на них и испытывает на себе их влияние.

К. Прибрам

Д. Бом

¹ *Экстрасенс* — человек, обладающий особым экстрасенсорным (сверхчувствительным) восприятием, корни которого кроются в особенностях (резервах) человеческой психики.

Мозг, согласно данной концепции, также является голографическим образованием и, будучи включенным в голографическую систему мира, потенциально располагает информацией о любых структурах Вселенной. Это свойство мирового пространства впоследствии привело к появлению такого понятия, как «всемирный информационный банк данных» («мировые поля сознания»), в котором, полагают, содержатся все сведения об уже свершившихся событиях, об осуществляющихся в настоящем и вероятностных вариантах будущих действий.

Человек может подключаться к «информационному банку данных» случайно, произвольно, просто потому, что его нервная система временно оказалась в особо чувствительном состоянии, и тогда определенные знания приходят в виде «озарений» (инсайда), «ага-эффекта», «откровений», «интуиции» и т.п. Но нередко подключение осуществляется целенаправленно, когда приобретает определенный навык формирования особого сверхчувствительного состояния психики произвольным образом. В этих случаях речь идет о нетрадиционных способах получения информации.

Изложенная концепция позволила считать, что одним из естественных путей внедрения нетрадиционных методов раскрытия преступлений в розыскную деятельность должно быть сотрудничество с одаренными природой экстрасенсами-искателями, а также подготовка специалистов по методике индуцирования сверхчувствительных состояний.

В настоящее время, несмотря на то что случаев лжепредсказательства, особенно с корыстной целью, больше чем достаточно, а настоящих колдунов, ясновидящих, способных получать информацию парапсихологическим способом, огульно обвиняют в шарлатанстве, следует признать, что экстрасенсы оказывают немалую помощь правоохранительным органам в поисках преступников и пропавших лиц. Более того, иногда помощь экстрасенса является единственной возможностью получить хоть какую-то информацию о преступлении. По мнению современных исследователей, достоверность информации, получаемой от экстрасенсов, составляет от 60 до 90%. При этом ни дальность свершившегося события, ни его давность на результаты их работы не влияют.

Известный российский криминалист Ю.П. Дубягин — создатель ассоциации «РОДЕРО», занимающейся поиском пропавших детей, отмечает, что игнорировать явления нетрадиционного диагностирования критических ситуаций, выработанных народными традициями, не стоит. А в связи с тем что ответы экстрасенсов носят преимущественно вероятностный характер и весьма подвержены разного рода помехам, к участию в расследовании преступлений следует приглашать нескольких таких специалистов и ориентироваться на их усредненные данные.

Среди нетрадиционных приемов воспроизведения прошедших событий и предсказания будущих, а также поиска заданных объектов в окружающей среде наибольшее распространение получили биолокация (биоиндикация, лозоходство), а также некоторые формы ясновидения.

Первый получивший широкую известность в Европе «достоверный и документально подтвержденный» случай использования в криминалистике экзотического способа поиска зафиксирован в 1692 г. в Лионе.

По просьбе городских властей некий Якуб Аймар с помощью «волшебной лозы» предпринял поиск преступников, совершивших убийство вино торговца и его жены. Вначале он обнаружил в городе одного из убийц и орудие преступления (топор), а затем, держа в руке свою лозу, совершил переход в 40 миль и вышел на второго убийцу, который также был схвачен.

Биолокация — способ выявления зафиксированной в сознании оператора и внечувственно воспринимаемой информации в виде идеомоторных (непроизвольных нервно-мышечных) реакций, внешне обнаруживаемых через движения зажатых в руке индикаторов (гибких прутиков, проволочных рамок, маятников).

Ясновидение — внечувственное получение информации о событиях, происходящих в данное время и недоступных непосредственному чувственному восприятию. Особыми его формами являются *ретроспекция* — способность видеть события, имевшие место в прошлом, и *проскопия* — способ получения информации о будущих событиях.

Применительно к расследованию преступлений можно выделить следующие поисковые задачи, которые могут быть решены с помощью экстрасенсов:

- получение сведений о том, жив или мертв человек в данный период времени;
- описание внешних признаков лиц, совершивших преступление и причастных к нему;
- определение местонахождения искомых объектов;
- словесное описание людей, местности, помещений, информация о которых интересует следствие;
- описание круга общения и иных межличностных контактов конкретного человека;
- прогнозирование возможного поведения лица.

Рабочий процесс специалиста-экстрасенса, использующего метод биолокации, включает:

- планирование поисковой операции;
- разработку последовательности поиска в зависимости от конкретных условий работы;

- изучение исходной документации, подготовку снаряжения, осмотр местности или определение ее топографических особенностей по карте;
- ориентировочное определение местонахождения заданного объекта;
- детализированный поиск объекта с определением требуемых характеристик;
- фиксацию результатов на местности или на карте;
- корректировку некоторых параметров замеров;
- оформление полученных результатов биолокации, которые предоставляются в соответствующих чертежах, схемах, таблицах и сопровождаются итоговыми выводами и предложениями.

У разных экстрасенсов-ясновидящих характер указанных выше «рабочих состояний» бывает неодинаков. Многие из них отмечают, что уровень бодрствования, в котором требуемая информация поступает к ним внечувственным образом, близок к своеобразному экстазу, вдохновению, когда все делается на большом эмоциональном подъеме, как бы само собой, и их основная задача в это время заключается лишь в том, чтобы сохранить это состояние.

В других случаях внечувственная информация поступает в состояниях, близких к просоночным, когда уровень бодрствования бывает значительно снижен и принимает характер дремотного. При этом многие из них для более уверенного приема экстрасенсорной информации предпочитают держать в руках фотографию человека, судьбу которого необходимо описать, или же принадлежавший ему предмет.

Рабочий алгоритм с использованием принципа ясновидения сходен с таковым при использовании метода биолокации. Он включает:

- уяснение задачи, поставленной органом, проводящим расследование, и оценку возможностей использования экстрасенсорных методов в ее решении;
- временное погружение оператора в измененное состояние сознания, в котором внечувственным образом формируется информация о разыскиваемом объекте;
- словесное описание полученных сведений в обычном состоянии и их анализ.

Представленный в данном параграфе далеко не полный перечень методов прикладной психологии, имеющих информационное значение при проведении следственных и оперативно-разыскных мероприятий, дает общее представление о возрастающей роли психологии и парапсихологии в раскрытии преступлений. По меткому замечанию польского криминалиста Ю. Вуйцикевича (1981),

проблема пригодности парапсихологии в следственной работе еще ждет своего окончательного решения. Тем не менее следственные органы в разных странах наверняка в случаях крайней необходимости будут обращаться к этим неконвенциональным методам.

Контрольные вопросы

1. Что изучает психология предварительного расследования?
2. Какие компоненты включает следственная деятельность?
3. Дайте понятие следственного действия.
4. Раскройте психологическое содержание осмотра как следственного действия.
5. Назовите приемы (способы) оптимизации обыска и выемки.
6. Раскройте психологическое содержание этапов проведения допроса.
7. Назовите приемы установления психологического контакта с допрашиваемым.
8. В чем отличие очной ставки от допроса?
9. Что в юридической психологии понимается под опознанием?
10. Какие правила необходимо соблюдать при опознании?
11. В каких целях проводится проверка показаний на месте? Какова ее психологическая сущность?
12. Какие разновидности следственного эксперимента вам известны?
13. В каких следственных действиях важно использовать результаты оперативно-разыскной психологии? Приведите примеры.
14. Какие нетрадиционные методы в раскрытии преступлений вы знаете? Какие из них, по вашему мнению, наиболее перспективны в розыскной и следственной деятельности?

Литература

1. *Ароцкер Л.Е.* Тактика и этика судебного допроса. М., 1996.
2. *Баев О.Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Науч.-практ. пособие. М., 2003.
3. *Борягин Н.И.* Некоторые вопросы психологии производства обыска. М., 1959.
4. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. Учебник для вузов. СПб., 2003.
5. *Вольнский В.А., Удовыдченко М.А.* Организация и тактика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений: Лекция. М., 1999.
6. *Глазырин Ф.В.* Психология следственных действий. Волгоград, 1983.
7. *Гримак Л.П.* и др. Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений. М., 1999.
8. *Гримак Л.П., Скрыпников А.И.* Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших. М., 1997.
9. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002.
10. *Дубягин Ю.П.* Опыт использования нетрадиционных методов розыска лиц, пропавших без вести // Проблемы использования нетрадиционных методов в раскрытии преступлений. М., 1993.

11. *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. М., 1996.
12. *Зубрилова И.С., Скрыпников А.И.* Применение полиграфа при раскрытии преступлений органами внутренних дел. М., 1999.
13. *Комиссарова Я.В., Семенов В.В.* Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступления. М., 2004.
14. *Коченов М.М.* и др. Изучение следователем психологии обвиняемого: Метод. пособие. М., 1987.
15. *Меграбян А.* Психодиагностика невербального поведения. СПб., 2001.
16. *Образцов В.А.* Серийные убийства как объект психологии и криминалистики: Учеб.-практ. пособие. М., 2003.
17. *Образцов В.А., Богомолова С.Н.* Криминалистическая психология. М., 2002.
18. *Образцов В.А., Кручинина Н.В.* Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации: Науч.-метод. пособие. М., 2002.
19. *Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел /* Под ред. В.Г. Бовина, Н.И. Мягких, А.Д. Сафронова. М., 1997.
20. *Порубов А.Н.* Ложь и борьба с ней на предварительном следствии / Под ред. проф. И.И. Басецкого. Минск, 2002.
21. *Прикладная юридическая психология /* Под ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2001.
22. *Психология общения: Энциклопедический словарь /* Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011.
23. *Ратинов А.Р.* Феноменология лжи. Судебно-психологический взгляд // *Юридическая психология: Сб. науч. тр.* М., 1998.
24. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 2001.
25. *Романов В.В.* Юридическая психология: Учебник для вузов. М., 2004.
26. *Ситковская О.Д., Коньшева Л.П.* Участие психолога в раскрытии и расследовании убийств: Науч.-практ. руководство. М., 2002.
27. *Скрыпников А.И., Гримак Л.П.* Нетрадиционные методы раскрытия преступлений в свете теории всеобщих энергоинформационных связей // *Записки криминалистов.* М., 1985. Т. 3.
28. *Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности) //* Под ред. Б.П. Сматюринского. М., 1994.
29. *Смирнов В.Н.* Юридическая психология: Учеб. пособие. М., 2008.
30. *Столяренко А.М.* Психологические приемы в работе юриста: Практ. пособие. М., 2000.
31. *Убийство Александра Меня — в зеркале КГБ //* Московский комсомолец. 1991. 5 дек.

32. *Фомушкин А.А.* Голос и речь раскрывают криминальные тайны: о применении психолингвистических познаний в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности. СПб., 2003.
33. *Хабалев В.Д.* Использование гипноза в оперативно-розыскной практике // Записки криминалистов. М., 1995. Вып. 5.
34. *Шевченко Н.Г.* Преступление раскрыто с использованием диагностики душевного состояния // Сб. тр. МВД СССР. М., 1990. № 4.
35. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. М., 1998.
36. *Энциклопедия юридической психологии* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2003.
37. *Юридическая психология. ЮНИТА 1* / Сост. В.М. Поздняков. М., 2002.
38. *Hilgard E.R.* Divided Consciousness. N.Y.: Wiley Interscience, 1977.
39. *Szezepanski T.* Mediumism współczesny i wielkie media polskie. Krakow, 1938.
40. *Wojcikiewicz Y.* Parapsychologia w pracy sledczej // Problemy kryminalistyki. 1981. № 150.
41. *Gross H., Geerds F.* Handbuch der Kriminalistik / Bd. Berlin, 1997.

После изучения данной главы студент будет *знать*:

- задачи, предмет и компетенцию судебно-психологической экспертизы;
- основания назначения и проведения судебно-психологической экспертизы;
- разновидности судебно-психологической экспертизы в уголовном и гражданском процессах; методы их проведения;

уметь:

- находить повод и основание для назначения различных видов судебно-психологических экспертиз; формулировать вопросы психологам-экспертам;

владеть:

- системой знаний о научно-методических возможностях судебно-психологической экспертизы.

7.1. Общая характеристика судебно-психологической экспертизы

7.1.1. Задачи, предмет и компетенция судебно-психологической экспертизы

Судебная экспертиза — это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки и техники, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (ФЗ № 73 от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», ст. 7—16).

Федеральным законом определено 12 классов экспертиз, судебно-психиатрическая экспертиза определена в классе с названием: «Судебно-медицинские и психофизиологические экспертизы»:

- судебно-медицинские;
- судебно-психиатрические;
- судебно-психологические;
- судебная психолого-психиатрические.

Судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) — разновидность экспертных исследований, в которых применяются специальные познания в области психологии.

В России первая известная попытка проведения судебно-психологической экспертизы относится к 1883 г. Она была назначена при расследовании уголовного дела по обвинению московского нотариуса Назарова в изнасиловании актрисы-любительницы Черемновой.

Черемнова на допросе сообщила, что в день преступления она дебутировала на сцене. Томительное ожидание спектакля, волнение, пережитое на сцене, вызвало у Черемновой, по ее словам, такой глубокий упадок физических и душевных сил, что, оставшись наедине с Назаровым, она была не в состоянии оказать ему сопротивление.

В целях получения объективных сведений о влиянии на психику переживаний, связанных с первым выступлением на сцене, следователь решил допросить двух известных русских актрис — М.Н. Ермолову и А.Я. Гламму-Мещерскую.

Конечно, это еще не была судебно-психологическая экспертиза в собственном смысле слова. Но тогда и института экспертизы еще не было. Этот пример показывает, что уже в те далекие времена делались попытки отойти от традиции решения психологических вопросов только на основе юридических знаний.

Более широкое распространение этот вид экспертизы получил в 20-е гг. XX столетия. Однако в то время отечественная психологическая наука переживала период становления. Еще не было накоплено достаточного количества экспериментальных исследований, а среди экспертов наметилась тенденция выхода за пределы своей компетенции.

Все это постепенно привело к распространению среди ученых — юристов и практиков взгляда о ненаучности данного вида экспертизы.

В настоящее время *главная задача СПЭ* состоит в оказании помощи органам предварительного расследования и суду в более глубоком исследовании специальных вопросов психологического содержания, помогающих установить истину об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Процесс проведения судебно-психологической экспертизы включает следующие этапы: подготовку к СПЭ — назначение СПЭ — проведение конкретного вида СПЭ — завершение СПЭ (подготовку заключения) — правовая оценка заключения по СПЭ.

Судебно-психологическая экспертиза может исследовать только такие вопросы психологического содержания, которые относятся к ее предмету. Главным свойством получаемых знаний посредством СПЭ можно признать достаточный уровень апробирования и (или) научной разработанности. Подобные знания и познания не должны находиться на стадии освоения, изучения, концептуальной дора-

ботки. Они должны обладать конкретным, достоверным, неоспоримым характером. В противном случае основанные на них выводы не будут иметь удостоверительного или доказательственного значения. Так, известный отечественный адвокат Н.П. Карабчевский еще в начале XX столетия утверждал:

Экспертиза, построенная на гипотезе, не может служить основанием приговора.

Предмет СПЭ составляет психическая деятельность человека (психические процессы, психические состояния и психические свойства) в норме и в экстремальных условиях, изучение которой существенно для правильного разрешения уголовного или гражданского дела.

Большинство используемых в судебно-психологической экспертизе *методов* заимствованы из общей психологии, однако имеются методы, которые специально разрабатываются для конкретных видов экспертиз. Ни один отдельно взятый метод не может дать исчерпывающих ответов на поставленные перед экспертизой вопросы. Только комплексное их использование может решить поставленные задачи.

Компетенция СПЭ определяется с учетом следующих критериев:

- (1) научно-методического уровня развития современной психологической науки, прежде всего научно-методическим уровнем развития базовых наук — общей и юридической психологии. На разрешение СПЭ могут быть поставлены только такие вопросы, на которые психология в состоянии ответить, т.е. располагает научно-методической базой для научно обоснованного разрешения определенных вопросов, относящихся к компетенции СПЭ, методикой их правильного разрешения и составления по ним научно обоснованного заключения. Поскольку уровень развития знаний в психологии постоянно повышается, возможности СПЭ будут расширяться и возрастать, т.е. этот критерий не носит постоянного характера;
- (2) в компетенцию СПЭ не может входить решение юридических вопросов (оценка юридических признаков субъективной стороны преступления — вины, ее формы, мотива и цели преступления, оценка доказательств, юридическая квалификация деяния, а также нравственная оценка личности и поведения подэкспертного). Последнее положение играет особую роль, поскольку оно включает в себя требования, предъявляемые как к профессиональной квалификации, так и нравственно-этической стороне экспертной работы.

Реализация этических правил соответствует интересам как подэкспертного, так и самого эксперта, поскольку специфика психологического исследования обвиняемого или подсудимого предполагает,

в частности, возможность установления психологического контакта с ним только в том случае, когда испытуемый убежден, что сообщение посторонним лицом сведений, которые даются им в ходе СПЭ, запрещено законом. Не случайно поэтому многие юристы и психологи настаивают на необходимости введения законоположения, гарантирующего сохранение экспертной тайны, а также соблюдение иных требований этического характера.

Серьезной проблемой является проведение СПЭ лицами, не имеющими для этого достаточной подготовки, не владеющими методами психологического исследования, правилами составления заключений и т.д. В условиях, когда штатных психологов-экспертов еще не хватает, обращение следственных и судебных органов к психологам, работающим в педагогических институтах, психиатрических больницах и т.п., практически неизбежно. Однако в целях повышения престижа и качества судебно-психологической экспертизы, по-видимому, следует ввести квалификационные экзамены на право заниматься психологической экспертизой в уголовном (гражданском) судопроизводстве.

Компетенцию СПЭ можно определить и через выделение круга вопросов психологического содержания, относящихся к компетенции отдельных видов психологической экспертизы. В настоящее время с учетом названных выше критериев и потребностей следственной и судебной практики к компетенции судебно-психологической экспертизы относятся:

- установление способности несовершеннолетних обвиняемых, имеющих признаки не связанного с психическим заболеванием отставания в психическом развитии, полностью сознавать значение своих действий и определение, в какой мере эти несовершеннолетние способны руководить своими действиями;
- установление способности психически здоровых свидетелей и потерпевших (с учетом их индивидуально-психологических, возрастных особенностей, уровня психического развития) правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания;
- установление наличия или отсутствия у субъекта в момент совершения преступления аффекта или иных непатологических эмоциональных состояний, способных существенно влиять на сознание и деятельность человека;
- установление способности психически здоровых потерпевших по делам об изнасиловании (в первую очередь малолетних) понимать характер и значение совершаемых с ними действий и оказать сопротивление;
- установление возможности возникновения у человека в конкретных условиях определенных психических состояний (напряженности, монотонности, стресса и т.д.) и экспертная

оценка их влияния на качество выполнения профессиональных функций при управлении техникой (в авиации, на железнодорожном и автомобильном транспорте, в работе операторов АСУ и т.п.);

- определение индивидуально-психологических особенностей человека, включая особенности его личности, характера, интеллектуальной и эмоционально-волевой сферы, способных существенно повлиять на поведение субъекта и формирование у него намерения на совершение преступления;
- установление ведущих, упрочившихся мотивов (в психологическом значении этого термина) поведения человека и мотивации отдельных поступков как важных психологических обстоятельств, характеризующих личность;
- психологическая диагностика (совместно с экспертами-психиатрами в ходе комплексной психолого-психиатрической экспертизы) структуры и динамики психических нарушений болезненного характера и выявление нормальных (сохраненных) сторон психической деятельности у психически больных;
- установление неформальной структуры преступной группы, в первую очередь несовершеннолетних, на основе данных о психологических особенностях личности ее участников, позволяющих занимать лидирующее или иное положение в группе.

7.1.2. Основания назначения и проведения СПЭ

Основанием назначения судебно-психологической экспертизы служит потребность органов расследования, суда в специальных психологических познаниях, которыми обладают лица, имеющие соответствующее образование в области психологии и прошедшие подготовку в проведении судебно-психологического исследования личности. Это основание в общей форме закреплено в ст. 195, 196 УПК РФ, согласно которым экспертизу следует проводить, в частности, для определения психического или физического состояния следующих лиц:

- подозреваемого и обвиняемого в случаях, когда возникает сомнение в их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;
- потерпевшего и свидетеля, когда возникает сомнение в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания.

Здесь подразумевается широкий круг психических состояний, который включает и психические состояния, не выходящие за пределы нормы.

Согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетний, достигший возраста, с которого насту-

пает уголовная ответственность, если он вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

С учетом этого ст. 421 УПК РФ обязывает предварительное расследование и суд при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии несовершеннолетнего, не связанном с психическим расстройством, устанавливать, мог ли он в полной мере сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

В подобных ситуациях для выяснения данного обстоятельства возникает основание для проведения судебно-психологической экспертизы специалистами в области детской, юношеской психологии либо экспертами-психиатрами.

В ч. 1 ст. 131 УК РФ говорится об изнасиловании с использованием беспомощного состояния потерпевшей, которое включает в себя не только физические, но и психологические критерии. С учетом этого еще в постановлении Пленума Верховного Суда № 2 от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» было указано о необходимости исследования судами беспомощного состояния потерпевшей не только в силу ее физического, но и психического состояния, из-за которого она не могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказать сопротивление виновному.

Основание для назначения судебно-психологической экспертизы может возникнуть и при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 107, 113 УК РФ (убийство, совершенное в состоянии аффекта, и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта).

СПЭ проводится на основании постановления следователя или определения суда. В этих документах:

- (1) излагаются основания для назначения судебно-психологической экспертизы;
- (2) излагаются обстоятельства дела, имеющие отношение к предмету экспертизы;
- (3) определяется, какие именно факты требуют анализа с применением специальных познаний в области юридической и общей психологии;
- (4) указывается, кому поручается проведение экспертизы и формулируются вопросы, которые ставятся на разрешение экспертов.

Формулируя вопросы, следует учитывать:

- объект, предмет, компетенцию и научно-методические возможности судебно-психологической экспертизы;

- уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и криминалистическое значение устанавливаемых с помощью данной экспертизы фактов;
- конкретные обстоятельства дела, в которых возникли основания и повод для назначения соответствующего вида судебно-психологической экспертизы.

7.2. Виды судебно-психологической экспертизы

7.2.1. Классификация СПЭ

Существует несколько *видов классификаций судебно-психологических экспертиз*, имеющих значение для практики предварительного следствия и судопроизводства: по месту и условиям проведения (амбулаторная, которая проводится в месте содержания подэкспертного под стражей или в другом удобном для эксперта месте по договоренности со следователем, в зале судебного заседания), времени проведения (на стадии предварительного следствия, при судебном разбирательстве), очередности проведения (первичную, дополнительную, повторную), по процессуальному положению подэкспертных (в отношении подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших, подсудимых), по количеству привлеченных к исследованию экспертов и использованию знаний из нескольких смежных наук (единоличная, комиссиянная, комплексная) и по предмету экспертизы.

Среди *видов комплексных экспертиз выделяют*: судебную психолого-криминалистическую, психолого-лингвистическую, психолого-сексологическую, психолого-педагогическую, психолого-автотехническую, психолого-светотехническую, психолого-искусствоведческую, психолого-психиатрическую, медико-психологическую.

С учетом типичных ситуаций, в которых возникает повод и основание для назначения судебно-психологической экспертизы по различным категориям уголовных дел или по делам отдельной категории, условно можно выделить **девять** видов судебно-психологической экспертизы:

- (1) СПЭ способности воспринимать важные для дела обстоятельства и давать о них правильные показания;
- (2) СПЭ физиологического аффекта и других психических состояний;
- (3) СПЭ потерпевших по делам об изнасиловании;
- (4) СПЭ индивидуально-психологических особенностей;
- (5) СПЭ несовершеннолетних обвиняемых;
- (6) СПЭ для установления социально-психологической структуры преступной группы;
- (7) СПЭ по делам о происшествиях, связанных с управлением техникой;

(8) посмертная СПЭ;

(9) СПЭ в составе комплексных экспертиз.

К компетенции СПЭ в гражданском судопроизводстве относятся такие вопросы, как:

- установление степени понимания подэкспертным лицом содержания заключенных им сделок;
- выявление у дееспособного субъекта непатологических психических аномалий, препятствующих адекватному отражению действительности;
- установление психической совместимости супругов, возможности снятия эпизодических конфликтов;
- установление психической совместимости детей с каждым из родителей, усыновителей и опекунов;
- определение возможности конкретных лиц обеспечивать воспитание детей;
- установление способности свидетелей правильно воспринимать имеющие для дела значения обстоятельства и давать о них адекватные показания;
- разрешение проблем компенсации морального вреда, защиты чести, личного достоинства и деловой репутации.

7.2.2. СПЭ способности воспринимать важные для дела обстоятельства

Поводом для назначения данной экспертизы могут служить:

- принципиальное несовпадение показаний свидетеля или потерпевшего с другими материалами дела;
- данные о каком-либо особом психическом состоянии в момент восприятия информации, имеющей значение для дела;
- большой срок давности событий, составляющих содержание показаний;
- данные о личности свидетеля или потерпевшего (возраст, профессия, уровень интеллектуального развития, низкая степень владения речью и т.д.), основанные на анализе условий восприятия и сомнения в способности конкретного лица воспринимать те или иные обстоятельства;
- данные о характере воспринимавшегося раздражителя и т.д.

В подобных ситуациях можно рекомендовать следующие *типичные вопросы*.

- Учитывая индивидуальные особенности зрения (или другого органа чувств) свидетеля (потерпевшего) и конкретные условия, в которых происходило событие (указывается какое), мог ли свидетель (потерпевший) правильно воспринимать определенные обстоятельства (указывается какие)?

Данный вопрос в зависимости от конкретных обстоятельств дела может быть модифицирован или даже разделен на несколько отдельных вопросов, особенно в тех случаях, когда имелись противоречия в показаниях на разных этапах судопроизводства.

- Каковы основные индивидуально-психологические особенности свидетеля?
- Мог ли свидетель в силу имеющихся у него индивидуально-психологических особенностей правильно воспринимать события преступления (указывается какие) и давать о них правильные показания: а) в период допроса (указывается дата), б) в настоящее время?

Основанием для такой дифференциации могут служить сведения об экстремальных условиях восприятия, динамике психического состояния субъекта, стрессовых условиях, в которых были даны первоначальные показания.

Более конкретные вопросы могут быть сформулированы следующим образом.

- Обладает ли свидетель абсолютной чувствительностью зрительного (или другого) анализатора, необходимой для восприятия раздражителя (указывается какого)?
- Обладает ли свидетель разностной чувствительностью зрительного (или другого) анализатора, достаточной, чтобы в имевших место условиях восприятия ощутить изменение в силе раздражителей?

Если объектом экспертизы являются несовершеннолетние (малолетние) свидетели или потерпевшие, предметом экспертизы может стать характерная для определенного возраста (и представителей некоторых типов характера) тенденция к фантазированию, результатом которой могут стать показания свидетеля или потерпевшего.

Наряду с этим у некоторой части детей одной из ведущих черт характера на определенное время становится повышенная внушаемость. Как правило, это преходящее качество, однако в ряде случаев оно становится устойчивой характерологической чертой и у взрослых.

Для установления этих индивидуально-психологических особенностей формулируются следующие вопросы.

- Имеются ли у свидетеля признаки повышенной склонности к фантазированию?
- Имеются ли у свидетеля признаки повышенной склонности к внушаемости?
- Может ли свидетель с учетом выявленного у него уровня развития речи давать правильные показания?
- Обладает ли свидетель такими особенностями внимания, памяти и мышления, которые могли способствовать запоминанию им информации (указывается какой) и сохранения ее на протяжении длительного времени (указывается какого)?

В необходимых случаях вопросы, направленные на установление способности испытуемого правильно воспринимать обстоятельства преступления, могут сочетаться с другими вопросами: о наличии физиологического аффекта, психологических показателей беспомощного состояния, некоторых особенностей личности и характера и т.д.

Объектами данного вида экспертизы могут быть как взрослые, так и дети, являющиеся, как правило, свидетелями и потерпевшими по делу, хотя в некоторых случаях вопрос о способности правильно воспринимать факты и давать о них правильные показания может быть поставлен и в отношении обвиняемого и подсудимого.

В монографии Н.Н. Китаева, А.П. Тельцова «Проблемы расследования отдельных видов умышленных убийств» (1992) в качестве примера приводится дело по обвинению ранее судимых Самченко и Николаева в разбойном нападении на П. и его убийстве с особой жестокостью.

Тело потерпевшего было расчленено в квартире — месте совершения преступления, голова и руки сожжены в печи для затруднения идентификации личности П., остальная часть трупа сокрыта в колодце. Работники уголовного розыска выявили Кибиреву и Высоцкую как лиц, присутствовавших при совершении этого преступления, а затем способствовавших сокрытию его следов.

Николаев на допросе дал показания о динамике совершенного разбоя и убийства, проверка подтвердила их объективность, позволила отыскать ряд важных вещественных доказательств. Самченко вину отрицал, выдвигая различные легенды, впоследствии стал приписывать преступление неизвестным лицам, действия которых он вынужденно наблюдал. Показания очевидцев Кибиревой и Высоцкой, избличавших его, Самченко объявил оговором, сделанным под внушением работников дознания. Областной суд вернул дело на дополнительное расследование, подвергнув сомнению объективность показаний Кибиревой и Высоцкой.

При проведении судебно-психологической экспертизы было установлено, что объем механической памяти у Кибиревой небольшой, приемов запоминания она не знает. После изучения дела, психологического обследования испытуемой и анализа фонограммы ее допроса эксперт заключил: «...рассказ Кибиревой содержит большой объем информации; запомнить такой объем она смогла только потому, что в восприятии преступления, которое совершалось в присутствии Кибиревой, участвовали зрительные, слуховые и двигательные аппараты. Кроме того, восприятие сопровождалось сильными эмоциональными переживаниями (страх, ужас).

Во время воспроизведения событий речь Высоцкой несколько раз прерывалась слезами. Поведение следователя было пассивным, он не перебивал ее, не задавал вопросов, тактично просил успокоиться и продолжать показания, которые представляют собой рассказ, содержащий огромный объем информации».

7.2.3. СПЭ физиологического аффекта и других психических состояний

Данная экспертиза проводится по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 104, 110 УК РФ, и других насильственных преступлениях, когда имеются основания полагать, что убийство или другое насильственное преступление совершено обвиняемым в состоянии физиологического аффекта или ином конфликтном психическом состоянии, возникшем в результате безнравственных и противоправных действий потерпевшего (его виктимного поведения), под давлением других внешних обстоятельств.

За основу выделения *физиологического аффекта* как типового психического состояния обычно берется определение этого состояния отечественным психологом *С.Л. Рубинштейном*, который писал, что это

стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, который может дать не подчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии...

С.Л. Рубинштейн

Поводами для назначения этой экспертизы являются выявленные в ходе допроса свидетелей, потерпевших и обвиняемого признаки необычного психического состояния или поведения обвиняемого во время совершения инкриминируемого ему деяния:

- (1) взрывной характер эмоционально-поведенческих реакций обвиняемого;
- (2) нанесение им большого количества ударов потерпевшему;
- (3) интенсивность эмоциональных процессов;
- (4) частичное ослабление сознательного, волевого контроля за своими действиями;
- (5) неадекватность реакций на раздражители;
- (6) неполнота восприятия происходящего, частичное запоминание обстоятельств расследуемого события;
- (7) изменения в деятельности вегетативной нервной системы (побледнение, покраснение лица, дрожание пальцев рук);
- (8) временное нарушение речи и т.п.

В военной прокуратуре г. Н-ска расследовалось уголовное дело в отношении рядового Ерохина, которому было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 111 УК РФ.

Как видно из материалов уголовного дела, рядовой Ерохин, солдат первого года службы, в связи с тем что ему труднее других давалось

усвоение учебного материала, а также из-за того, что он имел физические недостатки, стал объектом насмешек сослуживцев. Особенно часто допускал шутки, переходящие в оскорбления, его сослуживец — рядовой Муринов.

Не видя выхода из создавшейся ситуации, переживая ненормально сложившиеся отношения с сослуживцами, Ерохин стал раздражительным, еще хуже овладевал необходимыми науками, иногда плохо спал.

Как показал Ерохин: «Когда я ночью просыпался, меня тревожили мысли, что на следующий день надо мной опять будут смеяться. Мне это было очень неприятно. Муринов и другие, видя, что их шутки меня раздражают, еще больше злили меня, смеялись над моими недостатками. О том, что надо мной постоянно насмеются, я не хотел говорить командирам, так как думал, что они тоже будут смеяться надо мной.

Муринов и его друзья называли меня «слепым», «очкариком» и другими обидными словами. Я очень болезненно реагировал на эти прозвища. Часто в строю Муринов толкал меня в спину с такой силой, что я налетал на идущих впереди товарищей.

15 октября я получил письмо из дома, в котором мать жаловалась мне, что отец продолжает пьянствовать, издевается над ней и ей приходится на ночь уходить из дома. Кроме того, к этому же времени мне перестали приходить письма от знакомой девушки, с которой я дружил до призыва в армию.

В этот день мир казался мне в черном свете. Если бы у меня был автомат с одной пулей, я бы пустил ее себе в лоб.

Когда я лег спать в 23 часа, то никак не мог успокоиться и уснуть. Мне казалось, что сейчас кто-нибудь может встать, подойти ко мне и опять приставать. Особенно я боялся Муринова, койка которого была под моей койкой, расположенной во втором ярусе. Мысли о плохих отношениях с товарищами, о матери, об оскорблениях Муринова не давали мне покоя.

В первом часу ночи 16 октября я встал, оделся, взял из тумбочки шило и ударил им в область левой лопатки Муринова, который спал на койке. Я сам не мог понять, что случилось. У меня было такое состояние, как будто я упал с высокой скалы.

После этого я побежал к дежурному по части и доложил о том, что убил Муринова...»

В подобных ситуациях на разрешение судебно-психологической экспертизы могут быть поставлены следующие типовые вопросы.

- Каковы основные индивидуально-психологические особенности личности обвиняемого (подсудимого) (темперамент, характер, особенности эмоционально-волевой сферы, предрасположенность к аффекту)?
- В каком психическом (эмоциональном), психофизиологическом состоянии находился обвиняемый во время совершения

инкриминируемых ему действий и какими факторами оно было обусловлено (постоянная интоксикация, переутомление, эмоциональное потрясение, бессонница и др.)?

- Находился ли обвиняемый во время совершения инкриминируемых ему действий в состоянии физиологического аффекта?
- Каков вид воздействия внешнего раздражителя (например, провоцирующих действий потерпевшего и в целом роли окружающей среды)?
- Учитывая особенности эмоционального состояния обвиняемого, в какой мере он мог осознавать значение своих действий и руководить ими?

Объектом данного вида экспертизы чаще всего являются лица, обвиняемые в убийстве, нанесении тяжких телесных повреждений, реже — потерпевшие по делам об изнасиловании, а также лица, совершившие попытку к самоубийству или завершённый суицид. Однако в практике встречаются случаи, когда экспертиза данного вида назначается по делам иных категорий, например в случаях, когда преступление совершено в каких-либо экстремальных условиях.

При установлении в ходе СПЭ других эмоциональных состояний (например дистресса, кризиса, фрустрации и пр.) эксперт может воспользоваться правом экспертной инициативы, чтобы профессионально квалифицировать и их возможные негативные последствия в плане влияний на способность лица в определенной мере отдавать отчет в своих действиях и сознательно руководить ими.

7.2.4. СПЭ потерпевших по делам об изнасиловании

Объектом данной экспертизы являются, как правило, несовершеннолетние лица женского пола. Однако в практике встречаются случаи, когда экспертиза этого вида назначается в отношении взрослых девушек и женщин в связи с необходимостью решения вопроса о наличии у них в момент совершения противоправных действий психологических показателей беспомощного состояния, когда они в силу своего физического и психического состояния не могли понимать характер и значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление виновному. В редких случаях объектом такой экспертизы бывают мужчины, потерпевшие от половых преступлений.

Чаще всего поводом для назначения этого вида экспертизы являются данные о физическом или психическом насилии со стороны обвиняемого и пассивности либо других вариантах неадекватных действий потерпевшей.

В Н-ской прокуратуре расследовалось уголовное дело по обвинению гр-на Елисеева в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 131 УК РФ.

В ходе предварительного следствия было установлено следующее.

16 ноября в 22-м часу Елисеев встретил на безлюдной улице поселка Пролетарский возвращавшуюся из вечерней школы рабочей моло-

дежи 16-летнюю Тарасову Надю. Догнав ее, Елисеев взял ее под руку и сказал, что проводит ее до сквера. Пройдя около 50 м, Тарасова попыталась освободиться от его руки и уйти домой. Однако Елисеев пригрозил ей, что, если она побежит или начнет кричать, он ее зарежет. Когда они подошли к неосвященному скверу, Тарасова стала просить его отпустить ее и заплакала, не делая больше попыток вырваться от него, убежать или позвать на помощь кого-либо.

После того как они оказались в сквере, Елисеев ударил Тарасову ребром руки по шее и потребовал раздеться. Когда та безропотно сняла с себя часть одежды, Елисеев повалили ее на землю и изнасиловал. После этого, пользуясь тем, что Тарасова не оказывает ему никакого сопротивления, он совершил с ней половой акт в извращенной форме. Затем по его требованию Тарасова оделась. Перед уходом Елисеев пригрозил ей убийством, если она расскажет кому-нибудь о случившемся.

В ходе допроса потерпевшая Тарасова пояснила: «От испуга я вся замерла, ноги не слушались меня, сделались как ватные. Я не могла бежать. Мне стало страшно. Кругом было темно. Чтобы он меня не убивал, я решила дойти с ним до сквера. Сначала я не понимала, чего он от меня хочет. Я очень его боялась и не соображала от испуга, что делаю и зачем. Я вся дрожала... Все было как в тумане».

Свидетель Тарасова, мать потерпевшей, показала: «Надя росла очень спокойной, тихой и медлительной девочкой. С детства страдала ревматизмом сердца. В школе училась плохо, отставала в учебе от своих сверстниц, и мы взяли ее из школы после 7-го класса. В больнице, куда мы возили Надю к невропатологам, врачи нам сказали, что с годами ее развитие выровняется, какого-либо психического заболевания у нее не обнаружили. Дома она всегда была послушным ребенком. Чтобы ей ни сказали, она всегда все делает. Особенно она боялась отца, который всегда был с ней строг, запрещая встречаться с мальчиками. О существующих отношениях между мужчинами и женщинами Надя не была осведомлена. На эту тему мы с ней не говорили, считая, что это еще рано».

Допрошенный в качестве подозреваемого Елисеев подтвердил изложенные в начале обстоятельства дела. Однако при этом пояснил, что на вид Тарасовой было не менее 18 лет, намерения убивать ее не имел, половой акт с ней совершил потому, что она не сопротивлялась. Такое ее поведение он расценил как молчаливое согласие вступить с ним в интимную связь. Если бы она вырывалась, кричала, он не стал бы добиваться половой близости. Поэтому свои действия он не расценивает как акт насилия.

В подобных ситуациях могут быть поставлены следующие типовые вопросы.

- Каковы основные индивидуально-психологические особенности личности потерпевшей?

- В каком психическом состоянии находилась потерпевшая во время совершения преступления?
- Могла ли потерпевшая, учитывая имеющиеся у нее индивидуально-психологические особенности личности, особенности ее психического состояния в период (указывается какой) совершения преступления, знаний в области интимных отношений, правильно оценить характер совершаемых с нею действий?
- Могла ли потерпевшая, учитывая свойственные ей индивидуально-психологические особенности и психическое состояние в момент совершения преступления, оказывать сопротивление обвиняемому?

Если сомнения в психическом состоянии потерпевшей подтверждаются данными, указывающими на ее полную заторможенность и пассивность или, напротив, сильное возбуждение в период, относящийся к событию преступления, то следует иметь в виду, что в ситуациях такого рода может возникнуть аффект страха. В подобных случаях может быть поставлен вопрос:

- не находилась ли потерпевшая в период совершения по отношению к ней противоправных действий в состоянии физиологического аффекта или каком-либо другом экстремальном эмоциональном состоянии?

Поскольку возникновению беспомощного состояния часто предшествует психическое насилие со стороны виновного, а также прямое или косвенное внушение с его стороны, то перед экспертами-психологами могут быть поставлены следующие вопросы.

- Являлось ли психическое состояние потерпевшей следствием действий обвиняемого, и если являлось, то каких именно?
- Не обнаруживает ли потерпевшая признаков повышенной внушаемости?

В необходимых случаях на разрешение данной экспертизы могут быть поставлены и такие вопросы.

- Имеются ли у потерпевшей признаки умственной отсталости, не связанной с психическим заболеванием, и если имеются, в чем они выражаются?
- Учитывая особенности психического развития потерпевшей, могла ли она в полной мере сознавать значение сложившейся ситуации и предвидеть возможные последствия своего поведения?

В результате адекватных ответов на поставленные вопросы жертв изнасилования можно отнести к следующим трем *специфическим группам*:

- (1) группе случайных жертв (здесь всегда есть определенная оборонная позиция по отношению к агрессору);

- (2) группе неосознанно провоцирующих сексуальное поведение преступника (это женщины, легко устанавливающие случайные знакомства, демонстрирующие при общении личную сексуальную опытность, но застигнутые врасплох развитием событий);
- (3) группе «жертв», сознательно провоцирующих сексуальное поведение преступника с предполагаемой целью в последний момент выйти из сложившейся ситуации (но это им, однако, часто сделать не удается).

Психологически обоснованное (после результатов специального обследования) отнесение взрослых потерпевших по делам об изнасиловании к одной из указанных групп предоставляет суду возможность более правильно установить причины и условия, способствующие совершению изнасилования.

7.2.5. СПЭ индивидуально-психологических особенностей

Данный вид экспертизы проводится в тех случаях, когда:

- (1) вызывают сомнения имеющиеся в деле данные о личности обвиняемого или подсудимого;
- (2) имеются противоречивые оценки индивидуальных особенностей обвиняемого (подсудимого) со стороны разных свидетелей;
- (3) требуется установить особенности ведущих мотивов поведения человека и мотивации конкретных поступков как важных обстоятельств, характеризующих личность;
- (4) необходимо исследовать отдельные психологические особенности личности обвиняемого или подсудимого (такие, например, как повышенная внушаемость, импульсивность, ригидность, преобладающее настроение, темп и характер решения мыслительных задач и т.д.), способных существенно влиять на мотивацию поведения субъекта, в том числе на формирование у него намерения совершить преступление;
- (5) необходимо дать психологическую интерпретацию отдельных действий субъекта с учетом его индивидуально-психологических особенностей.

Объектом данного вида СПЭ могут быть обвиняемые и подсудимые. Практика показывает, что если предыдущие виды экспертизы проводятся в основном на предварительном следствии, то СПЭ индивидуально-психологических особенностей — главным образом в судебном заседании. Это понятно, так как судьи бывают крайне заинтересованы в получении квалифицированно составленного «психологического портрета» подсудимого, благодаря которому появляется возможность глубже понять психологический механизм совершения преступления и принять взвешенное, законное и обоснованное решение по делу с учетом индивидуально-психологических особенностей подсудимого.

На разрешение данного вида экспертизы могут быть поставлены следующие типовые вопросы.

- Каковы индивидуально-психологические особенности личности подсудимого (темперамента, характера, интеллекта, эмоционально-волевой и мотивационной сфер)?
- Каковы основные особенности мотивации поведения подсудимого?
- Обладает ли подсудимый повышенной внушаемостью (или каким-либо другим качеством, которое интересует суд, например ригидностью мышления, импульсивностью, эмоциональной неустойчивостью и т.д.)?
- Обладает ли подсудимый такими индивидуально-психологическими особенностями, которые могли повлиять на формирование у него намерения на совершение инкриминируемого ему деяния (указывается какого)?
- Мог ли обвиняемый (подсудимый), учитывая его индивидуально-психологические особенности, правильно воспринимать рассматриваемые в суде события (указывается какие) и давать о них правильные показания (указывается когда)?
- Мог ли подсудимый, учитывая его индивидуально-психологические особенности, сознавать значение совершаемых им действий и руководить ими?
- Как на основе психологического исследования личности обвиняемого (подсудимого) и его психического состояния в период совершения преступления могут быть объяснены его действия (указывается какие) в определенный период (указывается в какой)?

Для характеристики личности подсудимого и его противоправных действий могут иметь значение данные о характере его межличностных отношений с ближайшими родственниками, друзьями и т.д. В этом контексте может быть поставлен, например, такой вопрос.

- Учитывая данные психологического исследования, как могут быть охарактеризованы внутрисемейные отношения подсудимого и его жены? Имелись ли в их взаимоотношениях признаки психологической несовместимости?

Психологическое исследование индивидуально-психологических особенностей личности проводится и при проведении других видов экспертизы, в том числе и рассмотренных ниже.

7.2.6. СПЭ несовершеннолетних обвиняемых

Основной задачей данного вида СПЭ является установление способности отстающих в развитии, но психически здоровых подростков полностью сознавать значение своих действий и руководить ими.

В основе ответа на этот главный вопрос лежит психологическая диагностика уровня психического развития подростка, свидетельст-

вующего о том, достиг ли подросток в своем развитии возраста уголовной ответственности. Главная задача экспертизы в данном случае состоит в установлении индивидуально-психологических особенностей, которые могут оказывать влияние на способность субъекта в момент совершения преступления сознавать значение своих действий и руководить ими.

В подобных ситуациях перед экспертами-психологами могут ставиться следующие типовые вопросы.

- Имеются ли у подростка признаки отставания в психическом развитии, и если имеются, то в чем они конкретно выражаются?
- Учитывая особенности психического развития несовершеннолетнего, мог ли он полностью сознавать значение своих действий?
- Учитывая особенности психического развития несовершеннолетнего, в какой мере он мог руководить своими действиями?

При проведении экспертиз данного вида нередко складывается ситуация, когда необходимо применение специальных познаний в области как психологии, так и психиатрии, а также в такой специфической области прикладной психологии, как дефектология.

Совместные усилия психологов и психиатров в области экспертизы несовершеннолетних правонарушителей необходимы для решения вопроса о задержках психического развития детей и подростков вследствие *олигофрении*, причем наибольшие трудности вызывает диагностика ее невыраженной степени — *дебильности*.

В этих случаях необходимо проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы с постановкой перед экспертом следующих вопросов.

- Страдал ли ранее и не страдает ли в настоящее время несовершеннолетний психическими заболеваниями?
- Обнаруживает ли несовершеннолетний признаки задержки умственного развития, и если обнаруживает, то в чем они выражаются?
- Учитывая состояние здоровья несовершеннолетнего и особенности его психического развития, мог ли он полностью сознавать значение своих противоправных действий (указывается какие именно) и в какой мере мог руководить ими?

Если же судебно-психиатрическая экспертиза проведена до психологической и ею установлено наличие психического заболевания у подростка в период совершения им инкриминируемых ему деяний, то необходимость в проведении СПЭ практически отпадает, за исключением тех случаев, когда правоохранные органы интересуют уровень и структура психического дефекта по отношению к психической норме, а также когда необходим тонкий психологический анализ ситуации совершения преступления в целях выяснения способности субъекта сознавать значение и руководить своими действиями по отношению к каким-либо определенным обстоятельствам.

Если же проведенной судебно-психологической экспертизой установлено, что несовершеннолетний не страдал и не страдает каким-либо психическим заболеванием, включая и олигофрению, но у следователя и суда остаются сомнения в отношении его умственного развития, то назначение судебно-психологической экспертизы следует считать обоснованным и даже необходимым, поскольку в результате ее проведения может быть решен вопрос об уровне (в частности, снижении) психического развития, обусловленном не болезненными процессами, а, например, педагогической запущенностью.

7.2.7. СПЭ для установления социально-психологической структуры преступной группы

Данный вид экспертизы, как правило, назначается в период предварительного расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами в условиях сложившейся неформальной группы с асоциальной или криминальной направленностью.

На основе изучения собранных по делу материалов и индивидуально-психологических особенностей участников группы психологи-эксперты могут дать ответы на следующие вопросы.

- Кто из обвиняемых имеет психологические особенности личности (какие), позволяющие ему занимать лидирующее положение в данной преступной группе?
- Кто из обвиняемых имеет такие особенности личности, как повышенная внушаемость, робость, подчиняемость, слабые волевые качества?
- У кого из обвиняемых уровень психического развития (в том числе интеллектуального, эмоционального) значительно снижен по отношению к другим?

Могут быть поставлены и другие вопросы, направленные на раскрытие структуры взаимоотношений в преступной группе, в том числе и в отношении совершеннолетних лиц, если имеется возможность провести психологическое изучение личности каждого ее участника (в отдельных случаях — по материалам дела).

Банда Шичалина и Скрипника за 6 лет совершила более 50 преступлений. Для участия в некоторых преступных эпизодах бандиты привлекали еще трех своих знакомых. На допросах Скрипник давал подробные показания о содеянном, не отрицал своего активного участия в нападениях банды, но утверждал, что главенствующую роль в преступном союзе играл Шичалин. Последний же отводил роль организатора Скрипнику. Тогда следователь назначил по делу судебно-психологическую экспертизу, которая должна была ответить на вопрос, кто является неформальным лидером преступной группировки.

Эксперт дал подробные психологические характеристики каждого из соучастников и пришел к выводу, что роль неформального лидера принадлежит Шичалину.

7.2.8. СПЭ по делам о происшествиях, связанных с управлением техникой

Основным объектом данного вида СПЭ являются лица, которые в силу своей профессии или иных причин являются операторами различного профиля: водители автомобилей, железнодорожных составов, летчики, операторы энергетических установок и т.д., по вине или при участии которых произошли какие-либо происшествия (аварии, поломка техники и т.п.), а у следователя или суда возникают при этом сомнения в их способности (психофизиологических возможностях) выполнять функции по управлению техникой.

Крылов, управляя автомобилем, совершил наезд на внезапно выскочившую на проезжую часть девочку.

При проведении автотехнической экспертизы было установлено, что при нормальной реакции у водителя в такой ситуации была техническая возможность избежать наезда путем торможения. Следователь предъявил Крылову обвинение и, закончив расследование, направил уголовное дело в суд.

По ходатайству адвоката в суде была назначена судебно-психологическая экспертиза, в ходе которой выяснилось, что у Крылова замедленная реакция.

Введя в расчеты увеличенное время реакции, эксперт дал заключение, что Крылов не имел возможности избежать наезда путем торможения.

В роли экспертов по данному виду экспертизы выступают специалисты в области психологии труда и инженерной психологии.

В настоящее время такая экспертиза применяется при расследовании происшествий на всех видах транспорта (железнодорожном, авиационном, автомобильном, морском), хотя, безусловно, наиболее часто экспертов-психологов приглашают для участия в расследовании дорожно-транспортных происшествий (ДТП). СПЭ в данном случае направлена на установление момента, когда водитель, с учетом его индивидуальных психофизиологических возможностей, имел техническую возможность предотвратить данное ДТП. Объектом экспертизы могут быть не только водители, но и потерпевшие и свидетели-очевидцы.

Перед экспертами-психологами прежде всего ставится вопрос о том, мог ли водитель (обвиняемый или потерпевший), с учетом его индивидуальных психологических и психофизиологических особенностей, правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить обстоятельства ДТП в своих показаниях.

Кроме того, могут быть поставлены вопросы, направленные на установление психофизиологических особенностей водителя, а также вопрос об оценке его действий (с психологических позиций) в нормальных условиях и тех условиях, в которых произошло ДТП.

СПЭ потерпевших компетентна выявить особенности их восприятия, характерные для них особенности формирования оценочных суждений. Конкретные вопросы могут касаться характеристик памяти, внимания, восприятия, времени реакции в условиях, в которых имело место ДТП.

Особый интерес представляют выводы экспертов-психологов относительно психического состояния водителя в момент ДТП, поскольку наряду с устойчивыми индивидуально-психологическими особенностями психическое состояние оказывает влияние на течение всех психических процессов, участвующих в обеспечении деятельности водителя. Перед экспертом в связи с этим могут быть поставлены вопросы о том, не является ли данная ситуация экстремальной, и если является, то какими признаками она характеризуется; не находился ли водитель в каком-либо особом психическом состоянии в момент ДТП (стресса, фрустрации, напряжения, тревоги, страха, утомления и т.д.).

Учитывая многообразие ситуаций, в которых происходят происшествия, связанные с управлением различной техникой, представителям правоохранительных органов необходимо иметь в виду, что назначению данного вида СПЭ должна обязательно предшествовать консультация со специалистами в области психологии труда и инженерной психологии, которая позволит правильно сформулировать вопросы, выносимые на разрешение экспертов.

7.2.9. Посмертная СПЭ

Объектами посмертной судебно-психологической экспертизы, как правило, являются:

- (1) лица, совершившие самоубийство;
- (2) погибшие в результате совершения преступления (убийства), в отношении которых для установления истины по делу требуется посмертное исследование их индивидуально-психологических особенностей.

В первом случае СПЭ проводится для установления психологических причин, способствовавших совершению самоубийства, что имеет важное значение для исследования вопроса о том, имел ли место факт доведения до самоубийства, во втором случае — для установления личностно-психологических особенностей, важных для оценки отношений между погибшим и обвиняемым.

Вопросы, которые ставятся на решение экспертов, во многом совпадают с изложенными выше и направлены на получение ответа о психическом состоянии лица в исследуемый промежуток времени. Так, при расследовании самоубийства могут быть поставлены следующие вопросы.

- В каком психическом состоянии находился погибший в период, непосредственно предшествующий самоубийству, и какими факторами оно было обусловлено?

- Не находился ли погибший в состоянии стресса, фрустрации, аффекта или ином экстремальном психическом состоянии?
- Каковы были основные индивидуально-психологические особенности погибшего и в какой мере они нашли свое выражение в совершении самоубийства?

Достаточно наглядным примером сложности подобного типа экспертиз служит следующий несчастный случай.

Мать двенадцатилетнего мальчика, вернувшись с работы, обнаружила труп сына, висящий на брючном ремне на ручке дверцы, ведущей на чердак. Отношения в семье были неконфликтными, психических отклонений у мальчика не наблюдалось. Изучение материалов дела, а также личностно-биографическое исследование позволили эксперту установить, что мальчик в последнее время был охвачен желанием развить в себе сильную волю, но, по-детски воспринимая возможность самовоспитания, совершил опасные для жизни действия. Следствием одного из таких «опытов» по воспитанию сильной воли и стала случайная смерть.

Крайне важна роль данной СПЭ при разбирательстве в суде (а часто уже на предварительном следствии) случаев тщательной инсценировки убийства под самоубийство. Объектом правового реагирования могут быть и случаи, связанные с выплатами по полисам страхования жизни. (Если застрахованный совершил самоубийство, страховка наследникам не выплачивается.) Кроме того, возможны ситуации, связанные с медицинской практикой, приведшие к самоубийству, а также обстоятельства, при которых возникает необходимость отграничить суицид от смерти в результате несчастного случая. Здесь вопрос о психическом состоянии или заболевании лица перед смертью нередко является ключевым для расширения зоны поиска и обоснованности различных судебных версий.

Для определения суицида и исключения других причин смерти важнейшим является такой поведенческий признак личности, как *намерения*. В свою очередь, и это облегчает задачу, имеются объективные признаки, позволяющие диагностировать намерения субъекта. Эти признаки могут быть обнаружены как в вербальном, так и в невербальном материале — записных книжках, аудио- и видеозаписях, дневниках, рисунках и т.д. К их числу относятся следующие обстоятельства:

- (1) неожиданные, не согласующиеся со стилем жизни экспертируемого лица приготовления к смерти. Например, проявления необъяснимой щедрости, неожиданное раздаривание имущества, внезапно возникающая активность по обеспечению будущего детей, любимых животных и т.п.;
- (2) появление в разговорах тем прощания, неизбежности смерти, желания уйти из жизни (например, высказывания: «Мне уже

ничего не мило», «Вам будет грустно без меня», «Вы для меня много значите», «Пусть у вас будет хорошая жизнь»);

- (3) проявление бессилия, беспомощности;
- (4) проявление сильной физической или душевной боли, страдания («Эта боль меня убивает. Я не в силах больше ее выносить», «Это выше моих сил», «Я так больше не могу». Косвенные проявления непереносимой боли, например отсутствие облегчения после обычных медицинских процедур);
- (5) интерес к смертоносным средствам и способам ухода из жизни (приобретение оружия, накопление потенциально смертоносных лекарств и т.п.);
- (6) меры предосторожности, направленные на то, чтобы не помешали совершить суицид, чтобы не могли спасти (выбрано уединенное место, двери заперты и т.п.);
- (7) указания на то, что покойный знал возможности выбранных им средств смерти (например, знал летальную дозу употребленного им ядовитого вещества);
- (8) попытки и угрозы суицида в прошлом;
- (9) стрессовые события или ощутимые потери, как состоявшиеся, так и предстоящие (например, потеря близкого, разрыв с любимым, провал на выборах, крах карьеры, утрата самоуважения, финансовое банкротство, ожидание неизбежных изменений также могут быть сильным стрессовым фактором, даже в том случае, когда такие изменения желаемы);
- (10) тяжелые депрессии или психические расстройства. Под депрессией в данном контексте понимается не кратковременное уныние и упадок настроения, а психическое расстройство, характеризующееся стойкой и всеобъемлющей потерей интереса к жизни на протяжении достаточно длительного времени (от двух недель и более). Дополнительными индикаторами депрессии служат гипертрофированное чувство вины и угрызений совести, общий упадок сил, потеря аппетита, заметное изменение веса тела. Поскольку депрессия относится к категории возобновляющихся (возрастных) заболеваний, наличие депрессии в прошлом свидетельствует о серьезности проблемы.

Для того чтобы заметить признаки депрессии или иные психические расстройства, необязательно быть психиатром. Об ухудшении психического здоровья может свидетельствовать появление признака неопрятности (нежелание и неспособность следить за собой, своим внешним видом), резкое ухудшение взаимоотношений с окружающими, а также предшествующая психиатрическая госпитализация. К числу других психических расстройств относятся маниакальные или маниакально-депрессивные заболевания, психозы, органические психические расстройства, расстройства, связанные

с алкоголизмом и токсикоманией, трудности контролирования импульсов.

В случае наступления смерти от передозировки лекарств или наркотиков необходимо выяснить, имел ли покойный представление о потенциальной опасности употребляемых препаратов; как он их приобрел (по рецепту, купил с рук, заранее собирал и накапливал); имелись ли раньше случаи передозировок и какие меры лечения применялись; соблюдались ли неукоснительно предписания и меры предосторожности при употреблении лекарств.

Смерть обследуемого лица может быть связана с *асфиксией*. В такой ситуации целесообразно обращать внимание на то, был ли покойный одет или раздет, не имелось ли в окружающей его обстановке порнографического, иного сексуального либо алкогольного или наркотического оснащения. Для правильной оценки ситуации могут потребоваться сведения о сексуальной активности, сексуальных отклонениях покойного, его возможном интересе к орудиям и способам физического лишения жизни, умении обращаться с веревкой, другими необходимыми для самоудушения аксессуарами.

Собранные и проанализированные данные психолог представляет в виде письменного заключения. При возникновении сомнений в наличии суицидального намерения у погибшего может быть назначена комплексная психолого-психиатрическая экспертиза с постановкой традиционных для нее вопросов.

7.2.10. СПЭ в составе комплексных экспертиз

Понятие комплексной экспертизы охватывает проведение исследований на основе использования разных специальных познаний. При проведении комплексной экспертизы ее участники исследуют одни и те же факты и объекты с использованием специальных познаний представляемых ими отраслей, с тем чтобы с помощью взаимопользований и взаимодействия результатов дать в конечном счете ответы на вопросы, выходящие за пределы компетенции одной отрасли науки, техники, искусства или ремесла.

Комплексная экспертиза предполагает совместное ее проведение экспертами разных специальностей и составление ими общего совместного заключения, если они придут к общим выводам.

Таким образом, *комплексной экспертизой* следует называть судебную экспертизу в отношении одних и тех же объектов, проводимую совместно специалистами смежных наук в целях получения разностороннего и полного ответа на поставленные органами предварительного следствия или судом вопросы, относящиеся к пограничным областям этих наук.

Комплексную экспертизу следует отличать от вспомогательных психологических исследований, к которым приходится прибегать при проведении судебно-психиатрической и других экспертиз.

В этих случаях любое психологическое исследование не претендует на самостоятельность, поскольку оно полностью подчинено целям основной экспертизы, чаще всего судебно-психиатрической, при проведении которой доминирует врач-психиатр.

Однако установившееся соотношение позиций психологов и психиатров в клинической работе при проведении судебно-психиатрической экспертизы нельзя переносить в область комплексной экспертизы, где представители разных наук выступают в роли полноправных участников экспертизы, каждый из которых несет одинаковую ответственность за содержание и выводы экспертизы.

Судебно-психологическая экспертиза может быть включена в комплекс с различными видами судебных экспертиз. Например, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза проводится, как правило, в тех же случаях, когда возникают основания и повод для назначения соответствующего вида судебно-психологической экспертизы, но ее объектом являются лица, страдающие психическими недостатками, пограничными между нормой и патологией (неврозом, психопатией, олигофренией и т.п.).

По делам о дорожно-транспортных происшествиях могут быть назначены следующие виды комплексных судебных экспертиз.

Комплексная медико-психологическая экспертиза проводится с участием специалистов в области автодорожной медицины и медицинской психологии. Она назначается для оценки действий участников ДТП, их трудоспособности до и после происшествия, а также их способности давать правильные показания об обстоятельствах ДТП с учетом влияния психофизиологических факторов, изменяющих параметры психической деятельности человека в сторону их ухудшения, в частности, под влиянием так называемого эмоционального шока, возникающего в результате эмоциональной перегрузки или потрясения, либо физических травм, полученных при наезде или столкновении.

Комплексная психолого-автотехническая экспертиза проводится в сложных случаях для установления научно обоснованных характеристик механизма ДТП во всех его фазах, определения вызвавших его причин, в том числе тех, которые определяют индивидуально-психологические особенности водителя или других участников ДТП. Данный вид экспертизы проводится совместно специалистами-автотехниками и инженерными психологами. В ходе ее проведения психологами даются ответы на вопросы, раскрывающие степень инженерно-психологического соответствия дорожной обстановки индивидуальным психофизиологическим возможностям водителя и других участников ДТП.

Комплексная психолого-светотехническая экспертиза поручается специалистам в области инженерной психологии и светотехники. Она назначается в тех случаях, когда для оценки действий водителя,

механизма и причин ДТП необходимо учитывать динамику условий освещенности с точки зрения их влияния на психофизиологические особенности восприятия водителя. Формулировки вопросов определяются конкретными обстоятельствами ДТП и частично содержатся в предыдущих главах.

Рассмотренный перечень видов судебно-психологических экспертиз, естественно, не является исчерпывающим. Так, в последние годы в мировой практике судом все чаще стали назначаться экспертизы для решения таких вопросов, как эмоциональное и интеллектуальное воздействие на зрительскую аудиторию (особенно на детей и подростков) фильмов ужасов, боевиков или порнофильмов. Это актуально в тех случаях, когда к уголовной ответственности привлекаются лица, которые создают, демонстрируют подобные фильмы или занимаются их распространением. В отечественной практике в последнее время возрастает потребность в проведении и таких видов СПЭ, как экспертиза социально-психологических особенностей членов преступной группы, психолингвистическая экспертиза и др. Представляется, что с расширением правовой практики и дальнейшим развитием психологической науки будут углубляться и перспективы применения как в целом судебно-психологической экспертизы, так и использования в ней более разнообразных методов психологического исследования.

Контрольные вопросы

1. Раскройте понятие СПЭ.
2. Каковы объекты СПЭ?
3. Каковы задачи, предмет и компетенция СПЭ?
4. Назовите основания назначения и проведения СПЭ.
5. Какие виды СПЭ вам известны?
6. Что является поводом для назначения СПЭ способности воспринимать важные для дела обстоятельства?
7. По какой категории уголовных дел чаще всего проводится СПЭ физиологического аффекта?
8. К каким специфическим группам на основе результатов СПЭ можно отнести жертв изнасилования?
9. В каких случаях проводится СПЭ индивидуально-психологических особенностей человека?
10. Назовите основную задачу проведения СПЭ несовершеннолетних обвиняемых.
11. В каких случаях целесообразно проводить СПЭ для установления структуры преступной группы?
12. Для решения каких вопросов целесообразно проводить СПЭ по делам о происшествиях, связанных с управлением техникой?
13. В каких случаях проводится посмертная СПЭ?
14. Раскройте понятие и компетенцию комплексной СПЭ.
15. Какие виды комплексной СПЭ вы знаете?
16. Какие виды СПЭ в гражданском судопроизводстве вы знаете?

Литература

1. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник для вузов. СПб., 2003.
2. *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. М., 1996.
3. *Иванов Л.А., Мазуркевич В.Б., Мельник В.В., Яковлев Я.М.* Судебно-психологическая экспертиза при расследовании транспортного происшествия. Саратов, 1993.
4. *Ильченко Ю.И.* Эмоции и чувства в деятельности следователя. Краснодар, 1978.
5. *Карабчевский Н.П.* Речи 1882—1902 гг. 2-е изд. СПб.: Тип. СПб-го товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1902.
6. *Китаев Н.Н., Тельцов А.П.* Проблемы расследования отдельных видов умышленных убийств. Иркутск, 1992.
7. *Котов Д.П., Шиханцов Г.Г.* Психология следователя. Воронеж, 1977.
8. *Коченов М.М., Мельник В.В., Романов В.В.* Судебно-психологическая экспертиза в практике органов военной юстиции: Учеб. пособие. М., 1982.
9. *Мельник В.В., Цыцарев С.В., Яковлев Я.М.* Основы судебно-психологической экспертизы по уголовным делам. Л., 1987.
10. *Мельник В.В., Яровенко В.В.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Владивосток, 1990.
11. *Прикладная юридическая психология* / Под ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2001.
12. *Психология общения: Энциклопедический словарь* / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011.
13. *Романов В.В.* Юридическая психология: Учебник для вузов. М., 2004.
14. *Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М.* Новые направления судебно-психологической экспертизы: Справ. пособие. М., 2000.
15. *Сафуанов Ф.С.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе. М., 2004.
16. *Секераж Т.Н.* Теоретические и методические основы диагностики «порока воли» в СПЭ: Дис. ... канд. юр. наук. М., 2004.
17. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. М., 1998.
18. *Энциклопедия юридической психологии* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2003.
19. *Concise encyclopedia of psychology.* Second edition. Edited by Raymond J. Corsini, Alan J. Auerbach. John Wiley & Sons, Inc., 2006.

После изучения данной главы студент будет *знать*:

- социально-психологические компетенции участников судопроизводства;
- социально-психологические особенности судебного разбирательства с участием присяжных заседателей;
- психологическую специфику проведения судебного разбирательства на отдельных его этапах;

уметь:

- проводить психологический анализ уголовного дела на отдельных стадиях судебного разбирательства;

владеть:

- психологическими способами, приемами оптимизации познавательной, организационной и коммуникативной деятельности участников судопроизводства.

8.1. Понятие психологии судопроизводства

Психология судопроизводства (судебного разбирательства) — самостоятельный раздел юридической психологии, исследующий закономерности, связанные с психической деятельностью всех лиц, участвующих в рассмотрении уголовного, гражданского дела¹, а также воспитательное воздействие судебного процесса и приговора на подсудимого и других лиц, роль общественного мнения как фактора, влияющего на судебный процесс, психологическую культуру процесса и др.

С этим разделом юридической психологии тесно связаны науки: уголовное и гражданское право, уголовный и гражданский процесс,

¹ Психология гражданского судопроизводства остается пока малоразработанной отраслью знаний. Среди правоведов и психологов можно указать лишь немногих исследователей в этой области: *Резниченко И.М.* Основные проблемы психологии гражданского процесса. Владивосток, 1978; *Он же.* Психологические аспекты искового производства. Владивосток, 1989; *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. М., 1996; *Он же.* О современном состоянии и перспективах развития юридической психологии // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 3.

социальная психология, психология труда, психология творчества, педагогическая психология, судебная этика, риторика.

Психология судебного разбирательства служит делу профессиональной подготовки юридических кадров, воспитания и обучения судебных работников, роста их профессионального мастерства, формирования необходимых качеств и устранения отрицательных явлений в их деятельности. Она обеспечивает судебных работников эффективными и научно обоснованными рекомендациями, содействует разработке наиболее целесообразных приемов и методов их труда, полностью отвечающих требованиям законности.

8.2. Общая характеристика психологической структуры судебной деятельности

Психологическая структура судебной деятельности включает следующие взаимосвязанные основные компоненты:

- (1) конструктивную деятельность;
- (2) познавательную деятельность;
- (3) организационную деятельность;
- (4) коммуникативную деятельность.

Для всех участников судебного процесса (суд, коллегия присяжных, адвокатура, прокуратура) выделенные составляющие являются общими, но в зависимости от выполняемых функций значимость каждой из них меняется, а их эффективность напрямую зависит от степени функционирования тех или иных психических процессов, состояний, а также развитости личностных свойств и качеств.

8.2.1. Конструктивная деятельность суда

Конструктивная деятельность суда заключается в принятии решения по возникшему судебному спору, вынесении правильного и справедливого вердикта коллегии присяжных заседателей и приговора суда.

Если на предварительном следствии основной является познавательная деятельность, то в суде определяющей становится конструктивная деятельность. Ведь именно суд призван решить дело по существу — это его основная и исключительная функция. Все остальные виды деятельности (познавательная, организационная и коммуникативная) подчинены этой основной задаче.

Содержание конструктивной деятельности суда составляет процесс выработки у судей и присяжных заседателей личного внутреннего убеждения о виновности или невиновности подсудимого и по другим решаемым ими вопросам, а также формирование коллективного убеждения коллегии профессиональных судей и коллегии присяжных заседателей по решаемым ими вопросам.

Термины «внутреннее убеждение» и «убеждение» означают одно и то же. Выражение «внутреннее убеждение» имеет целью подчеркнуть его самостоятельность, собственность и глубинность, ненавязчивость, неповерхностный характер. Предпосылка убеждения — субъективная уверенность. По И. Канту, уверенность — это

признание истинности из недостаточных оснований, относительно которых неизвестно, являются ли они только субъективными или также и объективными...

При достаточности оснований в отношении объекта познания уверенность переходит в новое качество — убежденность:

...чтобы перейти от простой уверенности к убеждению, мы должны... сначала обдумать... и затем исследовать, т.е. проверить, являются ли основания достаточными.

Таким образом, субъективная уверенность может превратиться в подлинную внутреннюю убежденность только при появлении достаточных оснований в отношении объекта познания. В суде объектом познания является рассматриваемое деяние, содержащее признаки определенного преступления.

В психологическом аспекте личное внутреннее убеждение судьи и присяжного заседателя характеризуется также отсутствием сомнений в правильности и справедливости принимаемого решения, что способствует формированию у них нравственно-психологической готовности вынести такое решение. Разрешая дело на основании внутреннего убеждения, судья и присяжный заседатель руководствуются указаниями не только закона, но и совести. По оценке А.Ф. Кони,

судья, решая дело... должен говорить: я не могу иначе, не могу потому, что логика вещей и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неумолимо подсказывают мне мое решение, и против всякого другого говорит моя совесть как судьи и человека. Постановляя свой приговор, судья может ошибаться; но, если он хочет быть действительно судьей, а не представителем произвола в ту или другую сторону, он должен основывать свое решение на том, что в данное время ему представляется логически неизбежным и нравственно-обязательным.

Личное внутреннее убеждение профессиональных судей и присяжных заседателей по решаемым ими вопросам, осознание ими логической неизбежности и нравственной обязательности определенного решения формируются постепенно с учетом результатов познавательной деятельности на следующих этапах:

- (1) предварительного изучения председательствующим судьей материалов уголовного дела в целях решения вопроса о предании обвиняемого суду;
- (2) планирования судебного разбирательства и выдвижения судебных версий;

- (3) проверки материалов предварительного следствия в судебном разбирательстве;
- (4) судебных прений и сопоставления своих оценок с оценками обвинения и защиты;
- (5) окончательного формирования личного внутреннего убеждения председательствующего судьи и присяжных заседателей, осуществляемого в совещательной комнате.

По делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей и коллегии профессиональных судей, на формирование личного внутреннего убеждения присяжных заседателей и профессиональных судей, а также коллективного убеждения коллегии по решаемым вопросам оказывает влияние процесс коллективного обсуждения этих вопросов в совещательной комнате.

По своей социально-психологической сущности обсуждение коллегией присяжных заседателей и коллегией профессиональных судей решаемых ими вопросов — это способ выработки коллективного решения путем групповой дискуссии, представляющий собой обсуждение какого-либо вопроса, в ходе которого происходит сопоставление информации, идей, мнений, точек зрения, предложений ее участников.

Групповая дискуссия позволяет принять качественное коллективное решение на основе глубокой и точной оценки ситуации с учетом различных точек зрения, обусловленных разнообразным жизненным опытом ее участников. Благоприятное влияние групповой дискуссии на выработку качественного группового решения отмечал еще средневековый арабский философ аль-Фараби:

Ведь достоверно известно, что нет более веских, полезных и сильных доводов, чем свидетельство различных знаний об одной и той же вещи и объединение многих мнений в одном, ибо интеллект у всех служит для доказательства... Когда же различные умы сойдутся после размышления, самопроверки, споров, прений, дебатов, рассмотрения с противоположных сторон, то тогда не будет ничего вернее того убеждения, к которому они придут, доказав его и единодушно согласившись с ним.

8.2.2. Познавательная деятельность суда

Познавательная деятельность суда направлена на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Особенность познавательной деятельности суда заключается прежде всего в том, что материалы предварительного следствия уже дают ему готовую модель события, подлежащего исследованию, что существенно облегчает суду познание фактов и обстоятельств дела.

Однако проверенные следователем версии, содержащиеся в обвинительном заключении и других материалах уголовного дела, а

также выводы всегда должны восприниматься судом только как вероятностные, предположительные знания. В ходе судебного разбирательства эти вероятностные, предположительные знания должны быть преобразованы в достоверные знания путем выявления оснований их истинности.

Процессу преобразования вероятностных знаний в достоверные неизбежно сопутствуют сомнения, которые стимулируют тщательную проверку собранных доказательств и поиск новых. Это способствует в конечном итоге отысканию истины, формированию у суда и присяжных заседателей правильного внутреннего убеждения о виновности или невиновности подсудимого и других обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Преобразование вероятностных знаний в достоверные как способ устранения возникающих в процессе познания сомнений и выявления оснований истинности или ошибочности вероятностных знаний происходит в процессе доказывания на этапах судебного следствия и прений сторон путем выдвижения и проверки различных версий об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Прежде всего, проверяются версии обвинения и защиты, которые лежат в основе позиции государственного обвинителя и защитника.

Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), виновности лица в совершении преступления, формы его вины, мотивов и других обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Собирание доказательств осуществляется судом и другими субъектами доказывания путем совершения предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ действий, направленных на обнаружение, истребование, получение и закрепление в установленном законом порядке доказательств.

Проверка доказательств производится судом и другими субъектами доказывания путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (ст. 87 УПК РФ). Краткость времени восприятия информации в суде приводит к необходимости особой дисциплины мыслительной деятельности при собирании, проверке и оценке доказательств.

Оценка доказательств — познавательная, логическая деятельность суда и других субъектов доказывания, содержанием которой является определенный вывод, суждение об относимости, допустимости, достоверности, значении (силе) каждого доказательства и достаточности их совокупности для установления обстоятельств,

входящих в предмет доказывания и разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК РФ).

Психологическим критерием достаточности совокупности доказательств для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания и разрешения уголовного дела, является *внутренняя убежденность* судьи, присяжного заседателя в том, что совокупность всех исследованных в суде доказательств позволяет сделать однозначный, несомненный вывод о доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания и разрешения уголовного дела.

Если же сомнения в доказанности какого-либо обстоятельства остаются, его нельзя считать доказанным. Особенно строгие требования уголовно-процессуальный закон предъявляет к доказанности виновности подсудимого. В соответствии со сформулированным в ст. 14 УПК РФ принципом презумпции невиновности все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом, толкуются в пользу обвиняемого. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях (ч. 3, 4 ст. 14 УПК РФ), т.е. на непроверенных, вероятностных знаниях, а также на доказательствах, достоверность которых сомнительна.

Российские и зарубежные процессуалисты неизменно придерживаются положения, согласно которому убеждение судьи, присяжного заседателя о доказанности вины обвиняемого должно быть однозначным, свободным от «разумных, практических сомнений», «не омраченным» такими сомнениями.

Для формирования в уголовном судопроизводстве благоприятных процессуальных и социально-психологических условий для честной борьбы с возникшими в процессе доказывания в суде сомнениями, формирования у судей и присяжных заседателей правильного внутреннего убеждения по вопросам, относящимся к их компетенции, особенно важное значение имеют следующие уголовно-процессуальные нормы:

- (1) *принцип свободы оценки доказательств* (ст. 17 УПК РФ), который состоит в том, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор и другие субъекты оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основываясь на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью; никакие доказательства не имеют заранее установленной силы;
- (2) *торжественная процедура принятия присяжными заседателями присяги* следующего содержания: «Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как ули-

чающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку» (ч. 1 ст. 332 УПК РФ);

- (3) *нормы УПК РФ*, направленные на приведение уголовно-процессуального законодательства в соответствие с конституционным принципом состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ), освобождение суда от несвойственной ему функции обвинения, возложение всей ответственности за доказанность обвинения на поддерживающего государственное обвинение прокурора.

К этим нормам относятся прежде всего:

- (1) положение ч. 2 ст. 14 УПК РФ о том, что бремя доказывания вины подсудимого и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого и обвиняемого, лежит на стороне обвинения, т.е. на предусмотренных гл. 6 УПК РФ участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (прокурора, следователя, начальника следственного отдела, дознавателя, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, представителя и законного представителя потерпевшего, гражданского истца и его представителя, частного обвинителя);
- (2) положения ст. 15 УПК РФ, в соответствии с которыми:
- уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон;
 - функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо;
 - суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты. Его задача — создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав;
 - стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

В соответствии с конституционным принципом состязательности и равноправия сторон по УПК РФ инициатива и активная роль в собирании и исследовании доказательств и обстоятельств дела с позиции обвинения и защиты принадлежит сторонам. В *ходе судебного следствия* председательствующий вправе задавать подсудимому, потерпевшему и свидетелю вопросы только после того, как они будут допрошены сторонами.

Возможность активного участия суда в процессе доказывания в УПК РФ существенным образом ограничена и тем, что в нем отсутствует предусматривавшееся в ч. 1 ст. 20 УПК РСФСР положение,

которое обязывало не только прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, но и суд принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств. В ст. 29 УПК РФ, закрепляющей полномочия суда, ничего не говорится о полномочиях суда активно участвовать в процессе доказывания. В ней речь идет лишь о полномочиях суда, связанных с разрешением уголовного дела, и о решениях, которые принимает только суд как орган, осуществляющий судебную власть.

Следует отметить, что указанные нормы УПК РФ, направленные на приведение уголовно-процессуального законодательства в соответствие с конституционным принципом состязательности и равноправия сторон, являются не самоцелью, а средством установления истины об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, формирования у судей и присяжных заседателей правильного внутреннего убеждения об обстоятельствах дела с учетом позиции не только обвинения, но и защиты.

О важном значении для правосудия освещения обстоятельств дела с позиций обвинения и защиты очень хорошо сказал известный адвокат В.Л. Россельс:

Судья с помощью прокурора и защитника воспринимает обстоятельства дела, подобно человеку, смотрящему в стереоскоп обоими глазами, из которых каждый видит предмет со своей «позиции», вследствие чего предмет этот виден не только в плоскостном изображении, но и как бы рельефно, пространственно и в глубину.

Реализация в уголовном судопроизводстве конституционного принципа состязательности и равноправия сторон способствует формированию благоприятных процессуальных и социально-психологических условий для осуществления не только познавательной, конструктивной, но и организационной, коммуникативной деятельности суда.

8.2.3. Организационная деятельность суда

Организационная деятельность суда заключается в управлении председательствующим судьей в рамках своих полномочий ходом судебного процесса в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона (УПК РФ). В организационной деятельности судьи присутствуют черты, которые отличают ее от руководящей деятельности в общепринятом смысле: участники процесса не находятся у судьи в подчинении, его руководство ограничено рамками процессуального регулирования и, как правило, имеет публичный характер.

8.2.4. Коммуникативная деятельность суда

Коммуникативная деятельность суда состоит в построении правильных взаимоотношений с участниками судебного разбирательства, аудиторией в рамках требований уголовно-процессуального закона. Эта деятельность суда отличается многообразием взаимоотношений, возникающих в ходе судебного разбирательства, целью которых является установление доверительного контакта с субъектами судебного разбирательства; преодоление в них чувства скованности; выявление причин расхождения в оценке события теми или иными лицами и т.д.

Выделяют следующие *виды взаимоотношений, возникающих в суде*:

- (1) взаимоотношения по вертикали: взаимоотношения судей и присяжных заседателей с участниками судебного разбирательства (государственным обвинителем, защитником, подсудимым, потерпевшими, свидетелями и другими участниками судебного разбирательства), а также отношения суда с присутствующими в зале судебного заседания гражданами, не являющимися участниками судебного разбирательства;
- (2) взаимоотношения по горизонтали: взаимоотношения между председательствующим судьей и присяжными заседателями, взаимоотношения между членами коллегии присяжных заседателей, взаимоотношения между членами коллегии профессиональных судей;
- (3) взаимоотношения между подсудимыми (если их несколько) и их защитниками.

Поскольку суд призван координировать действия сторон, уравновешивать их усилия, оказывать сторонам содействие в сборе необходимых доказательств, предоставлять сторонам равные доказательственные возможности, профессиональным участникам судопроизводства требуется значительная осведомленность о психологии профессионального общения, чтобы не допустить сползания процессуального состязания на уровень хаотичного препирательства сторон.

8.3. Требования, предъявляемые к нравственным и психологическим качествам участников судопроизводства

8.3.1. Нравственные и психологические особенности судьи

Качественное, эффективное и надежное выполнение обязанностей судьей зависит, прежде всего, от социальной, нравственной и интеллектуальной зрелости его личности, которая обычно наступает в 25 лет. Поэтому одним из обязательных требований закона к судьям

является достижение ими такого возраста (ст. 119 Конституции РФ, ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»).

С достижением 25 лет у психически здорового человека в достаточной степени формируются психологические качества, определяющие способность сознательно и ответственно участвовать в отправлении правосудия, правильно и справедливо разрешать рассматриваемое в суде дело, в том числе здравый смысл и совесть.

Здравый смысл (практический рассудок) с древнейших времен почитается людьми за то, что он, по выражению Демокрита,

дает три плода: дар хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо делать.

Здравый смысл, или *мудрость* как его высшее проявление, представляет собой форму практического мышления социально, нравственно и интеллектуально зрелой личности, для которой характерен ответственный, осторожный, взвешенный, всесторонне продуманный, системный подход к принятию важных практических решений с учетом разнообразных знаний об окружающей действительности, в том числе об общих свойствах человеческой природы, культуре, нравах, обычаях, производственно-бытовых условиях жизни людей разных социально-психологических типов, существующих в обществе нравственных, правовых и других социальных норм.

При принятии практических решений, в том числе и судебных, здравый смысл проявляется в неразрывном единстве с совестью. *Совесть* — это наше собственное воздействие на самих себя. В сложных жизненных ситуациях, в процессе выработки и принятия сложных и ответственных решений, требующих нравственного выбора, совесть выступает в роли своеобразного доброжелательного внутреннего «собеседника», «советчика» и «контролера».

Совесть помогает судье достойно выполнять свой профессиональный долг по осуществлению правосудия в соответствии с требованиями закона и профессиональной этики. Именно совесть как нравственный регулятор помогает проявлять такие положительные нравственные качества, как честность, справедливость, принципиальность и объективность. Одновременно совесть сдерживает проявление в поведении таких отрицательных нравственных черт, как пристрастность, предвзятость, которые, например, могут вызвать чрезмерное доверие к следователю и исключить критическое отношение к материалам предварительного следствия, способствовать твердой уверенности в том, что все возможные версии выдвинуты и проверены следователем.

По этому поводу изложено следующее мнение психолога Л.М. Карнозовой:

Если пока оставить в стороне карательную идеологию, пропитавшую наш суд... который выходит в процесс, ознакомившись с мате-

риалами дела и обвинительным заключением, подписанным прокурором, мы увидим, что презумпции невиновности противостоит «знание о виновности», психологически обоснованное фактической презумпцией профессионализма тех, кто занимался предварительным расследованием, а также тем обстоятельством, что в обвинительном заключении факты уже определенным образом «упакованы», «опредмечены».

Следует отметить, что судьи не всегда могут осознавать свою необъективность, пристрастность, предвзятость. Эти неосознаваемые проявления приводят к обвинительному уклону (установке), выражающемуся в том, что судьи до выяснения в суде всех обстоятельств дела рассматривают подсудимого как виновного.

По данным Ю.М. Грошевого, до судебного разбирательства сложилось убеждение в виновности подсудимого у 3% судей, избранных на первый срок, 10,1 — на второй, 12,2 — на третий, 13,4% — на четвертый срок. Увеличение стажа судебной работы усиливает доверие судей к материалам предварительного расследования. Число судей, испытывающих такое доверие, составляет 26% (среди судей, избранных на четвертый срок).

Таким образом, неосознанному предубеждению в пользу виновности способствует ряд социально-психологических факторов:

- личный опыт судьи и его коллег, свидетельствующий о том, что в подавляющем большинстве случаев люди, которых следствие обвинило в преступлении, оказывались и в самом деле преступниками. Данное обстоятельство способствует образованию условно-рефлекторной связи между двумя явлениями — подсудимый и преступник. Именно этим объясняется то, что большинство судей воспринимают подсудимого не объективно-нейтрально, как лицо, чья вина еще не доказана, а близко к образу «врага»;
- изучение материалов предварительного расследования, особенно обвинительного заключения, где сфокусированы доказательства о виновности и приводится искусная интерпретация их содержания с позиции обвинения;
- давление общественного мнения, в том числе работников прокуратуры и полиции, особенно по делам об убийствах и других тяжких преступлениях.

Способность судьи противостоять этим факторам зависит не только от его честности, мужества, смелости, решительности, уверенности и иных нравственно-волевых качеств, но и от его высочайшей профессиональной подготовленности, умелого и квалифицированного выполнения возложенных на него публичных обязанностей по осуществлению правосудия. Вот почему Кодекс судейской

этики предусматривает, что судья обязан поддерживать свою квалификацию на высоком уровне, необходимом для надлежащего исполнения обязанностей по отправлению правосудия. По убеждению известного юриста Л.С. Халдеева,

судье — высокому профессионалу — легче жить и работать. Высокий профессионализм позволяет одерживать победу над страхом, так как он означает умение выразить свое судейское убеждение правильной, практически неоспоримой аргументацией, перед которой будут бессильны ожидающие от него других решений.

Следует отметить, что профессиональная компетентность судьи включает не только юридическую, но и *психологическую компетентность*, важнейшими показателями которой является наличие у него определенных качеств, от которых зависит его способность устанавливать и поддерживать психологический контакт, преодолевать психологические и коммуникативные барьеры, внушать к себе доверие и уважение, решать сложные дела и судьбы людей, создавать убеждение судейской аудитории в своей правоте,

Одним из важнейших показателей психологической компетентности судьи является умение слушать других участников процесса. Проявление судьей этого коммуникативного качества — одно из важнейших социально-психологических условий объективного, беспристрастного, правильного и справедливого разрешения рассматриваемого уголовного дела. Подтверждением тому является еще одно высказывание Л.С. Халдеева:

Одним из главных требований, прямо или косвенно выраженных в многочисленных правовых актах, является умение выслушать участников судебного разбирательства. Судья должен слышать участников процесса, именно «слышать», а не делать вид, что он их слушает. Кроме проявления объективности и беспристрастности в этом проявляется также и его воспитанность... Судья должен выслушивать участников процесса не в знак вежливости или человечности, хотя эти качества тоже не помешают делу. Судья должен выслушать другого, поскольку если законом предусмотрено заслушать какое-нибудь лицо, то это продиктовано не пустой формальностью, а принципиальным требованием, суть которого — в оказании решающего влияния на принятие предстоящего решения.

Как известно, в основе любого состязательного уголовного процесса заложен конфликт между сторонами. Однако ни в одной из конфликтных ситуаций судья не может быть представлен, поскольку в состязательном уголовном судопроизводстве он должен играть *роль беспристрастного арбитра* между сторонами. Поэтому в основе стратегии взаимодействия судьи с конфликтующими участниками судебного разбирательства должна быть позиция психологической отстраненности. С высоты этой позиции судья дистанцируется от

своих естественных импульсов и эмоций, старается спокойно оценить конфликт и избрать такой стиль общения, который позволил бы ему объективно и беспристрастно вести судебное разбирательство.

Конечно, каждый судья должен определить для себя такие рамки дозволенного и недозволенного, которые служили бы надежным фундаментом его авторитета и репутации. Важно не забывать об особом статусе, которым наделен судья. И статус этот заключается не только и не столько в неприкосновенности, независимости, самостоятельности и прочих атрибутах судебной власти. Он предопределяет такую линию служебного и внеслужебного поведения, которая позволила бы любому гражданину сказать: «Этот судья — настоящий профессионал, и я доверю ему рассмотреть мое дело, зная, что оно будет разрешено только по закону».

8.3.2. Нравственно-психологические качества государственного обвинителя

Деятельность прокурора является, пожалуй, наиболее многогранной по сравнению с деятельностью представителей всех других юридических специальностей и отличается высочайшей степенью ответственности. Определенная универсальность и специфика этой деятельности, государственная значимость осуществляемых прокурором функций обуславливают широкий комплекс предъявляемых к нему требований.

Прокурору, помимо общих профессиональных свойств юриста, должны быть присущи такие качества, как умение проводить большую организаторскую работу, направленную на обеспечение строгого соблюдения законности, фундаментальные и специализированные юридические знания в соединении с умением применять их в процессе осуществления прокурорского надзора. Все те нравственно-психологические качества, которые необходимы следователю, судье и о которых шла речь ранее, не в меньшей мере необходимо иметь и прокурору. Хотя это достаточно очевидно, подчеркнем, что прокурор должен быть человеком высокообразованным, эрудированным, высококультурным, мастерски владеющим искусством устной речи. Только на базе всех этих качеств, в их органической связи между собой возможна правильная, плодотворная прокурорская деятельность.

Нравственные и психологические требования, предъявляемые к прокурору, распространяются на все стороны его деятельности. Однако наиболее остро, весомо и зримо они проявляются в судебном процессе во время осуществления им функции государственного обвинителя. Значение этих качеств особенно велико, если принять во внимание, что деятельность прокурора в суде по уголовным делам — одна из важнейших и объемнейших частей выполняемых им служебных обязанностей.

От того, насколько правильно и полно соблюдены прокурором нравственно-психологические требования, во многом зависит успешное осуществление задач уголовного правосудия, в особенности обеспечение правильного применения закона, предупреждение и искоренение преступлений.

Во время судебного разбирательства уголовного дела прокурор выполняет только одну процессуальную функцию — *обвинение* (п. 2 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»), которая тесно связана с обвинением в материально-правовом смысле, т.е. с предметом обвинения. Связь между предметом обвинения и обвинительной деятельностью кратко может быть выражена следующей формулой: «Обвинитель обязан выдвинуть обвинение, обвинение должно быть доказано обвинителем».

Уяснение связи и различий, существующих между обвинением в уголовно-процессуальном и материально-правовом аспектах, дает возможность более полно раскрыть содержание важнейшей нравственно-психологической проблемы государственного обвинения — объективности и принципиальности.

Известно, что под *принципиальностью* понимают качество, характеризующее верность определенной идее в убеждениях и последовательное проведение этой идеи в поведении. Принципиальность касается лишь формы морального сознания (моральных принципов) человека (внутренняя убежденность), но не затрагивает их общественной направленности. Поэтому при оценке такого качества, как принципиальность, обязательно учитывается конкретное содержание тех моральных принципов, которые проводятся в жизнь.

Обвинение в материально-правовом смысле, будучи процессуальным выражением состава преступления, вменяемого конкретному лицу, должно быть *объективным*, т.е. выражать объективную истину. Осуществление прокурором в суде процессуальной функции обвинения — это практическая последовательная реализация тех объективных выводов, к которым он пришел, убежденности в вине подсудимого и доказанности этой вины.

Требования объективного подхода к разрешению любого уголовного дела носят как правовой, так и глубоко нравственно-психологический характер. Обвинение и осуждение невиновного, несправедливая мера наказания в отношении виновного грубейшим образом нарушают законность и вступают в резкое противоречие с нормами морали. Только абсолютная убежденность в виновности подсудимого дает прокурору юридическое и моральное право поддерживать обвинение, требовать осуждения и наказания этого лица, не принижая его достоинства.

Такая убежденность неизменно придавала особую авторитетность выступлениям губернского прокурора, основоположника

Судебной реформы 1864 г. *Д.А. Ровинского*. По меткому замечанию А.Ф. Кони,

его речь, живая и очень сжатая, без всяких цветов красноречия, содержательная по существу и простая по форме, выслушивалась с особым вниманием и всегда достигала своей цели. Он избегал всяких резкостей и, никогда не впадая в полемический тон, старался не убедить других во что бы то ни стало, но ясно и точно изложить свое убеждение. Когда однажды в характеристике весьма непривлекательного образа действий одного из участвующих в деле лиц у него наряду с описанием фактической стороны дела сорвался с языка эпитет «безобразие», — он был этим искренне огорчен и чрезвычайно встревожен. Не будучи оратором, он умел действовать на слушателей спокойным достоинством своей речи. Он не принадлежал к мастерам слова, но зато никогда не забывал на трибуне великий завет Гоголя «обращаться со словом честно.

Одна из основных нравственных заповедей деятельности прокурора состоит в том, что он не должен поддерживать обвинение во что бы то ни стало, несмотря ни на какие повороты дела в суде. В своем решении прокурор обязан руководствоваться обстоятельствами дела, сложившимися в суде, и вправе в соответствующих случаях отказаться от обвинения частично или же полностью.

Практика же убеждает в том, что даже при достаточно полном, профессионально грамотном и объективном расследовании дела может иметь место разная оценка доказательств или же разный подход к квалификации преступного деяния, с одной стороны, следователя, прокурора, составившего и утвердившего обвинительное заключение, а с другой — суда или же прокурора в суде, исходя из данных, полученных непосредственно в ходе судебного разбирательства.

Государственному обвинителю, как правило, психологически далеко не всегда легко отказаться от поддержания обвинения, если это обвинение в достаточной мере не подтверждается в судебном заседании. Ему также трудно ставить вопрос о переквалификации действий подсудимого. Сложность положения заключается в том, что, отказываясь от обвинения, прокурор тем самым как бы признает свою ошибку — в том случае, если он утверждал обвинительное заключение или же в распорядительном заседании требовал

Д.А. Ровинский

предания обвиняемого суду. Определенное воздействие на прокурора в этом плане способно оказывать то обстоятельство, что возможное решение суда, расходящееся с мнением обвинительной стороны, может отрицательно сказаться на статистических показателях, по которым оценивают работу прокурора и следователя.

Всеми этими соображениями прокурор, разумеется, не должен руководствоваться. Истина для него должна быть превыше всего. Занять правильную позицию, преодолеть психологический барьер помогает прокурору не только принципиальность, но и способность в интересах дела решительно отказаться от ошибочной позиции, пренебречь ложным самолюбием. Важно и то, чтобы у прокурора выработалось здоровое отношение к возможному несогласию суда с выводами органа предварительного расследования.

Нередко прокурор при объективно явно недостаточной доказанности обвинения (будучи, однако, субъективно убежденным в виновности подсудимого) прибегает к таким приемам, которые, по сути, означают компромиссное решение вопроса, а иногда — своего рода сделку с совестью. Например, прокурор просит суд определить подсудимому минимальную меру наказания или же меру наказания в пределах отбытого срока, в частности в пределах срока нахождения подсудимого под стражей, хотя эта мера и не соответствует степени общественной опасности содеянного и личности подсудимого. При этом он рассчитывает, что если суд согласится с ним, то частная жалоба на судебный приговор не будет подана.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ требует выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также как отягчающие, так и смягчающие его вину обстоятельства. Неукоснительное и полное выполнение этих требований является важной правовой и нравственной задачей прокурора. Объективность обвинения этим, однако, не ограничивается. Она запрещает прокурору искусственно подбирать доказательства, тенденциозно освещать факты, обходить молчанием обстоятельства, ставящие под сомнение отдельные пункты обвинения, игнорировать все то, что оправдывает подсудимого или смягчает его вину. Поддерживая обвинение, прокурор должен представить суду всю фактическую сторону совершения преступления в ее действительном содержании, вскрыть общественную значимость рассматриваемого дела, показать отрицательные и положительные качества личности подсудимого¹.

Надлежащее выполнение требований УПК РФ, объективная оценка всех выявленных обстоятельств в их совокупности способ-

¹ Согласно ч. 8 ст. 335 УПК РФ данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется.

ствуют выработке правильной, *принципиальной позиции* прокурора в судебном заседании.

Рассматривая нравственные требования, предъявляемые к прокурору, А.Ф. Кони писал, что прокурор-обвинитель в своей речи не должен

ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, преувеличивать значение доказательств и улики или важности преступления. Таким образом, в силу этических требований прокурор приглашается сказать свое слово и в оправдание обстоятельств, казавшихся сложившимися против подсудимого, причем в оценке и взвешивании доказательств он — говорящий публично судья.

Сравнивая прокурора с «говорящим судьей», А.Ф. Кони имел, очевидно, в виду то, что прокурор, так же как и судья, должен взвешивать все обстоятельства как за, так и против, но в отличие от судьи должен делать это вслух.

Объективность, принципиальность и чувство меры — лучшие советчики прокурора, которые могут подсказать ему наиболее целесообразное, правильное в каждом конкретном случае решение относительно меры уголовного наказания.

Деятельность прокурора в судебном процессе, особенно его выступление с обвинительной речью, в значительной мере воспринимается зрительно. По этой причине для надлежащего восприятия судебной аудиторией действий прокурора немаловажное значение имеют его внешний вид и поведение, в частности *манеры и умение вести себя соответственно обстановке*. Надменный, «неприступный» вид, «застывшее» выражение лица, малоподвижность способствуют созданию у окружающих впечатления формального отношения к исполнению своих обязанностей, безразличия к происходящему в суде. Разумеется, строгость внешнего вида, сдержанность в суде вполне приличествуют высокому званию прокурора, его важным и ответственным функциям. Однако и судьи, и вся судебная аудитория хотят видеть в прокуроре человека, а не «говорящий автомат».

Может наблюдаться и такой стиль поведения, когда прокурор старается держаться подчеркнуто непринужденно, раскованно, что выражается, в частности, в принятии им небрежных поз, вида скупающего человека, в чрезмерно свободной жестикуляции. Ясно, что такие манеры недопустимы, поскольку не вяжутся с ролью государственного обвинителя, с традиционным представлением граждан о форме поведения в суде.

Важная обязанность прокурора в судебном заседании — неукоснительно *подчеркивать свое глубокое уважение к суду*. Не составляют

исключения даже те случаи, когда суд действует с нарушением правовых или этических норм. Если, например, суд по каким-то причинам допускает процессуальное упрощение, задача прокурора — обратить внимание суда на необходимость соблюдения требования соответствующих правовых норм. При этом форма обращения должна быть тактичной и корректной. Если прокурор громкогласно, в подчеркнуто вызывающей манере заявит, что суд грубо нарушает или игнорирует закон, то это заявление с этических позиций не может не вызвать порицания. В то же время будет правильным, если прокурор, получив разрешение суда сделать заявление, спокойным тоном скажет, что в соответствии с законом (назвав при этом конкретную статью) суд обязан на данном этапе выполнить определенное процессуальное действие. Если суд не принял во внимание заявление, прокурор должен (также в корректной форме) просить включить его замечание в протокол судебного заседания.

Прокурору нередко приходится преодолевать нежелание подсудимого давать правдивые или же вообще какие-либо показания, попытки отдельных свидетелей или потерпевших скрыть какие-то важные для дела обстоятельства. Он может даже столкнуться с прямым противодействием лиц, заинтересованных в исходе дела. В этих условиях особенно важно проявление тактичности в сочетании со строгостью и официальнойностью.

В процессе допроса подсудимого прокурор вправе задать вопрос о том, как он, подсудимый, в настоящее время относится к совершенному преступлению. Но прокурор не должен читать нотаций, поскольку это может нарушить деловой ход допроса, содержать в себе элементы психического принуждения. Более того, нравуочения и назидательный тон не согласуются с такими важными принципами уголовного процесса, как презумпция невиновности и беспристрастность.

Прокурор обязан с неподдельным вниманием выслушать защитительную речь, не проявляя при этом видимого неудовлетворения или возмущения, даже если речь адвоката содержит резкую критику в его адрес, а изложенные выводы противоречат фактам. Если же обвинитель демонстрирует невнимание или пренебрежение к выступлению своего процессуального противника, то в каждом подобном случае он грубейшим образом нарушает правила профессиональной этики.

В целом обвинитель не может исходить из того, что имеет преимущества перед остальными участниками процесса. Поэтому окрик, ссылки на свое служебное положение недопустимы. Что касается оценок личности противной стороны в процессе, то они всегда нежелательны.

8.3.3. Профессиональные и нравственно-психологические требования, предъявляемые к адвокату-защитнику

Профессиональные требования, которым должны соответствовать адвокаты, вполне понятны и в каких-то дополнительных комментариях не нуждаются.

В соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» статус адвоката в России вправе приобрести лицо, имеющее высшее юридическое образование, стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо прошедшее стажировку в адвокатском образовании от одного года до двух лет и сдавшее квалификационный экзамен.

Не вправе претендовать на приобретение статуса адвоката лица: (1) признанные недееспособными или ограниченно дееспособными и (2) имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления.

Наличие высшего юридического образования, как показывает практика, еще не является свидетельством образованности человека. Юридическое образование есть лишь одна из сторон общей правовой культуры. В качестве другой ее части выступает высокий уровень овладения соответствующей правовой деятельностью, умение применять свои правовые знания на практике. Сказанное в полной мере относится и к адвокату-защитнику.

Об уровне правовой культуры адвоката-защитника можно судить исходя из того, насколько он знает и оценивает свои права и обязанности, а также как он сам соблюдает правовые предписания и руководствуется ими при защите прав и законных интересов обвиняемых. Первый из названных критериев в большей степени связан с правосознанием, а второй — с правомерным поведением. Только в единстве они могут свидетельствовать об уровне правовой культуры адвоката-защитника.

Высокий уровень правовой культуры адвоката-защитника предполагает не только уважение к праву, но и привычку соблюдать предписания правовых норм. Такая привычка во многом представляет собой нравственно-психологическую установку адвоката-защитника, которая способствует формированию твердых убеждений в правоте отстаиваемой им на следствии или в суде позиции по защите своего подзащитного.

Высокий профессионализм и правовая культура, глубокая убежденность адвоката в правоте своей позиции еще недостаточны для оказания подзащитному высококвалифицированной юридической помощи. Со стороны адвоката-защитника требуется еще и *социально-правовая активность* в поведении, *творческий подход* в реализации правовых предписаний, индикаторами которых служит степень эффективности и целеустремленности в использовании средств защиты.

Адвокат должен соответствовать также и определенным *требованиям нравственного характера*, нашедшим выражение, в частности, в Генеральных принципах этики адвокатов Международной ассоциации юристов, одобренные Правлением МАЮ в г. Эдинбурге (Шотландия) в 1995 г. Согласно им *адвокаты должны*:

- (1) постоянно поддерживать высочайшие стандарты доверия и сопричастности по отношению к тем, с кем они вступают в контакт;
- (2) относиться к интересам своих клиентов как к самому важному делу при условии выполнения обязанностей перед судом, соблюдения правосудия и профессиональных этических стандартов;
- (3) уважать любое обязательство, данное при выполнении профессиональных обязанностей, до тех пор, пока это обязательство не выполнено либо не отменено;
- (4) не принимать поручение, если интересы клиентов находятся в противоречии с интересами самих адвокатов, их партнеров или других их клиентов;
- (5) всегда соблюдать конфиденциальность в отношении бывших и настоящих клиентов, за исключениями, предусмотренными законодательством;
- (6) уважать право клиента на свободный выбор адвоката;
- (7) точно учитывать деньги клиентов, которые клиенты дали им на доверительное хранение, и держать эти деньги отдельно от собственных денег;
- (8) поддерживать высокую степень собственной независимости для того, чтобы иметь возможность дать клиентам беспристрастный совет;
- (9) высказывать своим клиентам беспристрастное мнение о вероятном исходе их дела и не создавать условия для ненужной работы, оплачиваемой клиентом;
- (10) прилагать все силы для выполнения своей работы компетентно и без задержки и не принимать поручения, если не уверены в его квалифицированном выполнении;
- (11) вправе назначить разумный гонорар за свою работу (причем требование гонорара не должно быть условием выполнения работы, которая заняла больше времени, чем было необходимо, либо сопровождалось ненужными действиями адвоката);
- (12) всегда относиться к своим клиентам в духе уважения, сотрудничества и справедливости.

Большинство из этих принципов имеет самое непосредственное отношение к процессу осуществления адвокатами защиты граждан от подозрения и обвинения. В них органически переплетаются правовое и нравственное содержание.

С учетом указанных Генеральных принципов этики адвокатов в России после вступления в действие УПК РФ и ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» был разра-

ботан и принят на первом Всероссийском съезде адвокатов 31 января 2003 г. Кодекс профессиональной этики адвоката (с изменениями и дополнениями, утвержденными II Всероссийским съездом адвокатов 8 апреля 2005 г.; III Всероссийским съездом адвокатов 5 апреля 2007 г.).

Закрепленные в этом Кодексе основные нравственные требования, предъявляемые к адвокату и осуществляемой им адвокатской деятельности, следующие:

- (1) постоянно поддерживать высочайшие стандарты доверия к себе со стороны клиентов и всех других лиц в ходе делового общения с ними, не злоупотреблять доверием, избегать всего того, что может привести к подрыву доверия, помнить о том, что профессиональная независимость является необходимым условием доверия к адвокату (ст. 5);
- (2) помнить, что безусловным приоритетом деятельности адвоката является профессиональная тайна, от обязанности хранить которую адвоката может освободить только доверитель (ст. 6);
- (3) честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката (ч. 1 ст. 8);
- (4) уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся за оказанием юридической помощи, соблюдая при этом деловую манеру общения (ч. 2 ст. 8).

Основные нравственные устои Кодекс профессиональной этики адвоката дополняют указанием на то, что *адвокат не вправе делать*. Согласно ст. 10 Кодекса *адвокат*, в частности:

- (1) не вправе давать своему клиенту заверения и гарантии в отношении результата выполнения поручения, которые могут прямо или косвенно вызвать у обратившегося необоснованные надежды или представления, что адвокат может повлиять на результат другими средствами, кроме добросовестного выполнения своих обязанностей;
- (2) не должен принимать поручение, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения;
- (3) не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя;
- (4) не должен допускать фамильярных отношений с доверителем.

Адвокат не вправе принимать поручение на осуществление защиты по уголовному делу двух или более лиц, если:

- (1) интересы одного из них противоречат интересам другого;
- (2) интересы одного хотя и не противоречат интересам другого, но эти лица придерживаются различных позиций по одним и тем же эпизодам дела;

(3) по одному делу необходимо осуществлять защиту лиц, достигших и не достигших совершеннолетия (ч. 1 ст. 13).

Адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на защиту по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты и должен выполнять обязанности защитника до стадии подготовки и подачи кассационной жалобы на приговор суда по делу его подзащитного (ч. 2 ст. 13).

Адвокат свои отношения с коллегами обязан строить на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав. Он должен воздерживаться от употребления выражений, умаляющих честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката, не порочить его, не критиковать правильность действий и консультаций адвоката, ранее оказывающего юридическую помощь этим лицам, не обсуждать со своими подзащитными обоснованность гонорара, взимаемого другими адвокатами (ст. 15).

Что касается гонорара за юридическую помощь, то он определяется соглашением сторон с учетом объема и сложности работы, продолжительности необходимого для ее выполнения времени, опыта и квалификации адвоката, степени срочности выполнения работы и других обстоятельств (ст. 16).

С позиции нравственных начал очень важным является закрепленный ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката запрет на разглашение информации об адвокате и адвокатском образовании относительно:

- (1) оценочных характеристик адвоката;
- (2) отзывов других лиц о работе адвоката;
- (3) сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов;
- (4) заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей (тех же подзащитных) или вызвать у них необоснованные надежды.

В силу того что вся деятельность адвоката связана с людьми, она вызывает к жизни самые различные и многообразные взаимоотношения, в которых правовое и нравственное переплетаются еще и с психологическим. *В психологической структуре деятельности адвоката* можно выделить познавательный, коммуникативный, конструктивный и организационный компоненты.

Так, в процессе защиты адвокату приходится *познавать множество различных фактов и обстоятельств*, относящихся к событиям прошлого и настоящего. Основная трудность этого аспекта деятельности заключается в вычленении из окружающей среды информации, которая позволит ему не только восстановить картину вменяемого подзащитному преступления, но и осмыслить все познанное с точки зрения оправдания подзащитного или смягчения его вины.

Успех работы адвоката-защитника во многом определяется его *умелым обращением с людьми*. Речь идет о создании правильных взаимоотношений с подзащитными, следователями, судьями, любыми иными участниками уголовного процесса, об установлении с ними психологического контакта — коммуникативного компонента защиты. Коммуникативность позволяет глубже проанализировать психологические причины совершения преступления, охарактеризовать личность обвиняемого, наладить процессуальные и общечеловеческие связи, исследовать характер положительных и отрицательных обстоятельств, выяснить причины конфликтных ситуаций, возникающих в ходе расследования или судебного рассмотрения уголовного дела. Этому также способствует выработка у адвоката-защитника таких коммуникативных качеств, как вежливость, доброжелательность, стремление выслушать и понять собеседника. Угрюмость, неумение излагать свою мысль, исключительная бедность мимики отрицательно влияют на установление коммуникативных связей.

Помня о значении коммуникативных качеств, не следует упускать из виду факторы, способствующие возникновению *психологической совместимости*, от которой зависит выбор обвиняемым защитника, отказ от него, психологический подход защитника к обвиняемому и установление с ним психологического контакта. В числе этих факторов — комплекс эмоционально-динамических и индивидуально-психологических качеств адвоката-защитника и обвиняемого, а также профессиональные навыки адвоката, определяемые опытом, знаниями, способностями, общей и профессиональной культурой.

В защитительной деятельности большую роль играет организационный компонент. В него входят разработка адвокатом наиболее совершенной тактики и методики защиты, формирование индивидуального стиля в работе, поиск наиболее эффективных приемов и способов, помогающих достигнуть наилучших результатов защиты, выработка у подзащитного позитивного настроения.

Анализ компонентов психологической структуры деятельности адвоката-защитника дает все основания отнести эту профессию к числу требующих повышенной моральной ответственности и психологического напряжения сил, что, в свою очередь, может привести к снижению интереса к работе, а следовательно, и работоспособности. Иногда эти факторы могут стать причиной фрустрации — крушения надежд, провалов в работе, неудач. Последствиями такого состояния становится впадение адвоката-защитника в длительную депрессию, безразличие к профессии и как крайнее проявление — психические изменения в личности (профессиональная деформация).

Профессиональной деформации способствуют и постоянный дефицит времени, перегрузка в работе. Нередко можно наблюдать,

как у того или иного адвоката одновременно находятся десятки адвокатских производств, вынуждающих его изыскивать возможности иногда в течение одного рабочего дня участвовать и в судебном заседании по уголовному делу, и при производстве следственных действий; встречаться в следственном изоляторе с очередным подзащитным и побеседовать с его родственниками, делать запросы в различные организации и т.д.

Естественно, силы и возможности человека не беспредельны. Погоня за большим количеством дел и неумным гонораром чревата ухудшением качества работы. Кстати, практика свидетельствует о том, что подзащитные сравнительно быстро распознают в деятельности адвоката доминирование корыстной мотивации и отказываются от его помощи. При этом какой-либо формальной предопределенности профессиональной деформации не существует. Степень сопротивления деформационным процессам разнообразна и во многом зависит от воли адвоката-защитника.

В целом овладение этой профессией предполагает *высокий уровень развития личности*, постоянное стремление к самореализации и самосовершенствованию, что позволяет лишь приблизиться к тому идеалу, который один из грандов французской адвокатуры — М. Пайе определял следующим образом:

Дайте человеку все качества ума, дайте ему всю силу характера, заставьте его все видеть, все изучить, все запомнить; пусть он неутомимо работает в течение 30 лет своей жизни, пусть он сразу будет и литератором, и критиком, и моралистом, пусть у него будет опыт старца, пыл юноши, неизгладимая память ребенка; заставьте, наконец, всех фей по очереди приходить к его колыбели и одарять его всеми дарами и тогда, может быть, вы сумеете образовать совершенного адвоката.

Таким образом, профессия адвоката относится к числу тех юридических специальностей, в которых, как отмечал А.Ф. Кони, общее образование идет впереди специального, т.е. высокая общая культура, высокий общий уровень развития являются предпосылкой овладения высокой профессиональной и нравственно-психологической культурой.

8.4. Социально-психологические особенности судопроизводства с участием присяжных заседателей

8.4.1. Функции и специфика суда присяжных

Как известно, особенностью судопроизводства с участием присяжных заседателей является деление суда на две коллегии, действующие самостоятельно в пределах своей компетенции, — коллегия при-

сyjnych заседателей (двенадцать присяжных) и коллегию профессиональных судей (в современном российском суде она состоит из одного профессионального судьи — председательствующего).

В компетенцию *коллегии присяжных заседателей* входит решение вопроса о фактической стороне дела и виновности (доказано ли, что имело место деяние, в котором обвиняется подсудимый; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния), а также вопроса о том, заслуживает ли он снисхождения.

Коллегия профессиональных судей решает все вопросы юридического характера: об исключении из судебного разбирательства недопустимых доказательств, квалификации преступления, наказании виновного и т.п. Председательствующий судья руководит судебной процедурой, организует судопроизводство на основе состязательности и равноправия сторон.

А.М. Унковский

Что же касается не процессуальной, а социально-психологической составляющей в деятельности данного института, то и по сей день продолжается полуторавековая дискуссия между сторонниками и противниками суда присяжных, сводимая по существу к попыткам теоретически подтвердить или опровергнуть положения, высказанные накануне судебной реформы 1864 г. известным русским юристом и общественным деятелем *А.М. Унковским* в записке об освобождении крестьян:

...разве суд присяжных в Англии в XV и XVI столетиях был более образован, нежели наш? Англия вводит суд присяжных всюду, куда достигает ее владычество, и везде это учреждение оказывает благодетельные последствия. Суд присяжных существует даже в Новой Зеландии. Неужели дикари этого острова более развиты, чем наш народ? Для суждения о виновности... нужны только здравый смысл и совесть... Неужели можно отвергать в нашем народе и эти качества?

При этом ни сторонники, ни противники суда присяжных по сей день не учитывают в достаточной степени *социально-психологические факторы*, обеспечивающие не только активизацию здравого смысла и совести, но и формирование в коллегии присяжных заседателей благоприятных условий для выработки качественного и согласованного коллективного решения (вердикта). Встречаются уголовные дела, когда даже подсудимые категорически отказываются от того, чтобы их судьбу решал такой суд. Они рассуждают примерно

так: «Ну что понимают эти присяжные? Вот судьи, они же все-таки юристы...» Есть и другие причины, кроме ссылок на «юридическую недалекость».

Во время чеченского конфликта на территории Ивановской области был задержан Д., чеченец по национальности, хотя и постоянно проживающий в г. Иваново. Ему было предъявлено обвинение в совершении умышленного убийства. Больше всего обвиняемый боялся, что дело будет рассматриваться судом присяжных. Доводом такой боязни было его утверждение: раз идет война в Чечне, раз там льется кровь русских, то они обязательно найдут повод для мести.

Подобные рассуждения встречаются не только в России. Даже в Англии и США еще сохраняется некоторое предубеждение к суду присяжных, при этом наиболее часто встречающиеся упреки — чувствительность к риторике, а вернее сказать, склонность при вынесении вердикта опираться не на закон и глубокий анализ всех обстоятельств дела, а на обывательскую оценку театрально построенных и явно предвзятых выступлений прокурора и адвоката... (А. Бланк, 1985; Р. Уолкер, 2007).

Еще П. Сергеич (Пороховщиков, 1892) писал:

Ежедневный опыт говорит, что для виновного выгодно, для невиновного опасно судиться перед присяжными.

8.4.2. Возрастной состав коллегии присяжных заседателей

Согласно ст. 3 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» обязанности присяжного заседателя могут быть возложены только на лиц в возрасте от 25 до 65 лет. Такой возрастной состав обеспечивает формирование коллегии присяжных заседателей из числа лиц, обладающих достаточной социальной, нравственной и интеллектуальной зрелостью, запасом житейской мудрости и практического рассудка, умением логически мыслить и жизненным опытом, которые необходимы для правильного решения поставленных перед присяжными заседателями вопросов. По делам, обвинение по которым основано главным образом на косвенных уликах, особенно важное значение имеют приобретенные личным опытом присяжных заседателей элементы обыденных знаний об окружающей действительности и основанные на них представления о причинно-следственных, пространственно-временных и вероятностных связях между предметами и явлениями окружающей действительности. Эти обыденные знания помогают присяжным обнаружить надежные фактические основания для полной, всесторонней и объективной

проверки относимости, достоверности и достаточности доказательств, установить между ними правильные взаимосвязи и таким образом мысленно реконструировать по ним картину прошлого события и причастность к нему подсудимых.

8.4.3. Разнородный состав коллегии присяжных заседателей

В социально-психологической литературе отмечается, что группы с неоднородным составом, со значительными индивидуально-психологическими различиями участников лучше, чем однородные (состоящие из личностей примерно с одинаковой системой качеств), справляются со сложными задачами. Это объясняется тем, что неоднородный состав группы способствует активизации коллективного мышления. Благодаря различиям в опыте, точках зрения, мышлении, способностях восприятия и т.д. их участники с разных сторон подходят к решению задач. В результате увеличивается число идей, разнообразных вариантов решения и, следовательно, возрастает вероятность эффективного выполнения поставленной задачи.

Неоднородный личный состав коллегии присяжных заседателей имеет важное значение в такой многонациональной стране, как Россия, поскольку каждая нация, народность имеет свои особенности быта, характера, нравов, обычаев и т.п., без учета которых невозможно всесторонне исследовать вопросы о фактической стороне дела и виновности подсудимого, особенно по делам, обвинение по которым построено главным образом на косвенных уликах.

8.4.4. Количественный состав коллегии присяжных заседателей

Формированию разнородного состава коллегии присяжных заседателей способствует и количественный ее состав. Современные социально-психологические исследования свидетельствуют о том, что оптимальным количественным составом коллегии присяжных заседателей для коллективного исследования поставленных перед ними вопросов и выработки по ним качественного согласованного решения является тот, который сложился исторически — двенадцать присяжных заседателей, поскольку при таком количестве формируются наиболее благоприятные для этого социально-психологические условия:

- нейтрализуется или уменьшается влияние отрицательных социально-психологических факторов групповой деятельности (конформизм, внушаемость, негативизм);
- активизируется влияние положительных социально-психологических факторов групповой деятельности: группа напоминает информацию о судебном процессе лучше, чем отдельные

индивиды, присяжные наиболее активно обмениваются информацией, тем самым углубляя понимание друг другом проблемы.

8.4.5. Качественный состав коллегии присяжных заседателей

Качественный состав коллегии присяжных заседателей подразумевает людей, способных быстро и эффективно включиться в деятельность по исполнению обязанностей присяжного заседателя. Социально-психологическое понятие «включенность» означает степень вхождения человека в систему требований, норм, ролей, прав, обязанностей, ожиданий, которые предъявляет к нему деятельность. Для обеспечения быстрой включенности присяжных заседателей в исполнение своих обязанностей в соответствии с требованиями присяги и другими требованиями закона важное значение имеют следующие личностные особенности:

- достаточная для качественного исполнения обязанностей присяжного заседателя социальная, нравственная и интеллектуальная зрелость и нравственно-психологическая устойчивость личности, показателями которых является не только достижение возраста 25 лет, но и добропорядочное и законопослушное поведение, отсутствие неснятой или непогашенной судимости, ненахождение под следствием в качестве обвиняемого или подозреваемого;
- отсутствие качеств, исключающих или ограничивающих способность субъекта полноценно участвовать в судебном заседании в качестве присяжного заседателя, сознательно и активно в составе коллегии присяжных заседателей исследовать вопросы о фактической стороне, виновности и выработке по ним качественного согласованного решения (вердикта) и препятствующих его психологической совместимости с другими членами коллегии присяжных заседателей (невладение языком, на котором ведется судопроизводство; психические заболевания, исключающие или ограничивающие дееспособность; другие психические и физические недостатки);
- объективность, беспристрастность, непредубежденность, отсутствие предвзятых мнений, незнание материалов дела из процессуальных или непроцессуальных источников, а также то, что кандидат в присяжные заседатели не подвергался незаконным воздействиям, которые могли бы отрицательно повлиять на его объективность;
- наличие у обладающего указанными выше личностными особенностями кандидата в присяжные заседатели желания и объективной возможности отвлечься, психологически «отключиться» от своих личных, семейных и служебных проблем на период

исполнения обязанностей присяжного заседателя, отсутствие у него уважительных причин для неучастия в судебном заседании.

Формированию качественного состава коллегии присяжных заседателей из числа лиц, обладающих указанными личностными особенностями, обеспечивающими быстрое и эффективное включение в исполнение обязанностей присяжных заседателей, способствуют специальные организационные меры (составление общего и запасного списков), уголовно-процессуальные правила отбора, отвода и роспуска ввиду тенденциозности состава. Имеется также зарубежный опыт отбора присяжных на основе социальных наук.

Впервые применение социально-психологических методов при отборе присяжных произошло в судебном процессе над 8 антивоенными активистами в Гаррисберге (штат Пенсильвания, 1971 г.). В ходе предварительной проверки присяжных группа социолога Д. Шульмана и психолога Р. Кристи использовала «статистическое моделирование», предполагающее проведение масштабного обследования в рамках сообщества, из которого будет набираться состав присяжных. В ходе полевых исследований, с использованием метода интервью, собиралась демографическая и социально-экономическая информация в отношении религии, возраста, пола, профессии и других характеристик, которая впоследствии связывалась с предубеждениями и предположениями, касающимися вопросов предстоящего судебного разбирательства. Эта информация табулировалась и вводилась в компьютер. Вывод данных программировался на идентификацию «идеального» присяжного, а также приемлемые и неприемлемые профили.

И хотя критики социально-психологический способ отбора присяжных нередко именуют «игрой в кости», схемой «социологического скирдования», в суде нет более значимой и ответственной фазы, чем предварительная проверка допустимости лиц в качестве присяжных заседателей по рассматриваемому делу. А потому в деле отбора присяжных, видимо, будет наиболее приемлемым комплексный, всесторонний подход.

8.4.6. Уровень социально-психологического развития коллегии присяжных заседателей как социальной группы

Коллегия присяжных заседателей как малая социальная группа становится дееспособным субъектом коллективного решения сложных и ответственных вопросов о фактической стороне дела и виновности подсудимого не сразу после формирования. В этот момент по уровню своего социально-психологического развития она представляет собой *группу-конгломерат* ранее незнакомых людей, общающихся поверхностно и ситуативно.

В суде с участием присяжных заседателей на быстрое и эффективное преобразование коллегии из группы-конгломерата в социальную группу, способную выработать качественное, правильное и справедливое коллективное решение по указанным вопросам, влияют:

- рассмотренная выше торжественная процедура принятия присяжными заседателями присяги (ч. 1 ст. 332 УПК РФ);
- разъяснение председательствующим судьей присяжным заседателям их прав и обязанностей (ч. 6 ст. 332, ст. 333 УПК РФ), произнесение им напутственного слова (ст. 340 УПК РФ), которое по содержанию и форме представляет собой популярную теорию доказательств и уголовного права в объеме, необходимом для правильного и справедливого решения.

В результате не только повышается юридическая информированность членов коллегии присяжных заседателей, но и *создается благоприятная для конструктивной групповой дискуссии атмосфера, здоровый социально-психологический микроклимат.*

Этому, в частности, способствует и предусмотренный ч. 22 ст. 328 УПК РФ *порядок ограждения* коллегии присяжных заседателей от неправомерного влияния заинтересованных лиц и присутствующей в зале судебного заседания публики. По завершении формирования коллегии присяжных заседателей председательствующий предлагает двенадцати присяжным заседателям занять отведенное им место на скамье, которая должна быть отделена от присутствующих в зале судебного заседания и расположена, как правило, напротив скамьи подсудимых. Запасные присяжные заседатели занимают на скамье присяжных заседателей специально отведенные для них председательствующим места.

Рассмотренные выше опосредованные процессуальной формой суда присяжных социально-психологические факторы придают судопроизводству ярко выраженную охранительную направленность и способствуют формированию у присяжных заседателей стремления избежать осуждения невинного человека.

На весах здравого смысла и совести особенно *тщательно взвешиваются доводы обвинения*, которые могут быть положены в основу обвинительного вердикта только тогда, когда они подкреплены достаточным количеством всесторонне исследованных достоверных доказательств. В этой добросовестности кроется один из секретов того, что в суде присяжных более последовательно, чем в обычном суде, соблюдаются презумпция невинности и вытекающие из нее правила оценки доказательств.

Сомнение в виновности обвиняемого может быть преодолено только тогда, когда собрано достаточное количество доказательств о каждом элементе состава преступления. Даже избыточное количество доказательств об объекте, объективной стороне деяния может

не компенсировать неполноту доказательственного материала о субъекте преступления и виновности. Эта неполнота, например, может выразиться в научно несостоятельном и противоречивом экспертном заключении психиатра о вменяемости подсудимого или психолога о его психическом состоянии в момент совершения преступления.

Одно из характерных проявлений фактической добросовестности присяжных — их стремление восполнить материалы судебного следствия путем постановки допрашиваемым лицам толковых, существенных, дополняющих, уточняющих и контрольных вопросов (если такие вопросы не догадались поставить прокурор, адвокат или председательствующий судья).

С.С. Хрулев

Наглядное представление об этом дает следующий типичный пример из работы видного общественного деятеля, юриста *С.С. Хрулева*.

Молодой крестьянин обвинялся в убийстве с целью ограбления кабатчика; он был вполне уличен, сознался и на суде с удивительным хладнокровием рассказал о своем приготовлении к убийству и о самом убийстве. На вопрос присяжных: для чего он набросил зипун на голову убитого, перед тем как нанести ему удар топором, и сколько раз он ударил, подсудимый отвечал: «Ударили мы только один раз, потому больше не нужно было. Мы по плотницкой части прежде были, так рука у нас верная. Зипун мы набросили для того, чтобы кровь на нас не брызнула и никаких доказательств на нас не было. Мы хотя люди и необразованные, — добавил он, — а свой разум при себе имеем и насчет доказательств имеем понятие»... Суд приговорил его к бессрочной каторге.

Нетрудно заметить, что правильному решению присяжными заседателями вопросов о фактической стороне дела и виновности подсудимого способствовало то, что благодаря их дельным, толковым вопросам, заданным подсудимому, удалось получить дополнительные данные о существенных деталях преступления, которые могли быть известны только его исполнителю.

Отсюда следует, что надо внимательно относиться к ходатайствам присяжных о постановке допрашиваемым лицам определенных вопросов, даже если кажется, что они несущественны. Как уже отмечалось, профессиональные юристы из-за односторонности своего опыта не всегда могут догадаться о причинах, побудивших задать такие вопросы, а затем вынести тот или иной вердикт.

Таким образом, нормальная «работа» здравого смысла и совести присяжных заседателей по формированию правильного внутреннего убеждения о виновности подсудимого, их нравственно-психологическая готовность вынести обвинительный вердикт возможны только при наличии добротной информационно-логической основы, т.е. при достаточном количестве относящихся к делу фактических данных, доказательств, находящихся в причинно-следственной и пространственно-временной связи с расследуемым прошлым событием, содержащим признаки преступления, действиями причастных к нему и (или) осведомленных о нем лиц.

Как справедливо заметил Ф. Бэкон,

человеческий ум всеми силами стремится выйти из состояния неуверенности и найти нечто прочное и неподвижное, на что он мог бы, как на твердь, опереться в своих блужданиях и исследованиях.

В такой надежной информационно-логической «тверди» здравый смысл и совесть присяжных заседателей особенно нуждаются, когда сложнейшие и ответственные вопросы о виновности приходится решать на основании косвенных доказательств.

Разумеется, процесс доказывания по вопросам о фактической стороне дела и виновности на основании косвенных доказательств гораздо сложнее хотя бы потому, что для мысленной реконструкции «мозаичной» картины расследуемого прошлого события можно использовать не любые, а лишь относящиеся к делу улики. Пригодны для этого не всякие, а только допустимые доказательства, полученные с соблюдением конституционных и процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого и других участников процесса и процессуального порядка расследования, т.е. такие улики, которые обнаружены, зафиксированы, отражены в материалах дела с соблюдением необходимых процессуальных форм.

При отсутствии в деле достаточного количества допустимых косвенных доказательств, наличии всего лишь нескольких улик у присяжных заседателей возникает нравственно-психологическая предрасположенность к вынесению оправдательного вердикта.

Необходимо особо отметить, что по делам об убийствах и других опасных преступлениях, обвинение по которым, казалось бы, основано на достаточно серьезных уликах, неполнота материалов дела как фактическое основание для возникновения сомнений в виновности подсудимого не всегда достаточно четко осознается даже самими присяжными заседателями. В некоторых случаях она ощущается ими только интуитивно, как находящееся на периферии сознания неопределенное «что-то не так», расшатывающее первоначальное впечатление о виновности подсудимого, усиливающее сомнение и страх осудить невинного человека.

Когда здравый смысл и совесть подсказывают присяжным, что доводы обвинения неосновательны, у них «не поднимается рука» вынести обвинительный вердикт, т.е. не формируется нравственно-психологическая готовность к этому, даже если интуиция подсказывает им, что подсудимый скорее виновен, чем невиновен, особенно по делам об убийствах и других особо тяжких преступлениях, по которым чрезвычайно велика цена возможной судебной ошибки.

С точки зрения современного системного подхода к принятию решений испытываемые присяжными заседателями при дефиците доказательственной информации «муки» принятия ответственного решения о признании подсудимого виновным, непреодолимые сомнения и все усиливающийся страх осудить невиновного человека являются естественной эмоциональной реакцией на «натянутое», недостаточно обоснованное обвинение, на отсутствие надежной информационно-логической основы, на которую их здравый смысл и совесть могли бы, как на «твердь», опереться.

Вопреки расхожему мнению о том, что оправдательные вердикты присяжные выносят под влиянием эмоциональных речей «гипнотизеров-адвокатов», истинная причина оправдательных вердиктов присяжных по сложным делам, разрешаемым в нестандартных нравственно-конфликтных ситуациях, заключается в банальной неполноте предварительного и судебного следствия, в отсутствии надежной фактической базы для логически и юридически безупречных выводов по вопросам о виновности.

При этом заметим, что дефицит или противоречивость доказательств — благодатная процессуальная почва для «цветов красноречия» способного адвоката. Чем меньше фактических данных положено в основу обвинения и чем больше они противоречат друг другу, тем больше возможностей у защиты для выдвижения и разработки контрверсий и тем меньше возможностей у обвинения для их опровержения, что усугубляет сомнения присяжных и предрасполагает их к вынесению оправдательного вердикта.

Основываясь на проведенном анализе, можно сделать вывод, что главным психологическим барьером, препятствующим формированию у присяжных убеждения «по совести» в виновности подсудимого при наличии в деле серьезных улик, является обусловленное неполнотой следствия, дефицитом и (или) противоречивостью доказательств состояние субъективной неуверенности. Оно эмоционально ощущается присяжными как чувство тревожного сомнения и страха осудить невиновного человека.

Этот психологический барьер представляет собой труднопреодолимый для обвинения своеобразный «бастион», хорошо укрепленный совокупным интеллектуальным, нравственным потенциалом здравого смысла и гуманистической совести двенадцати присяжных

заседателей, их присягой, напутственным словом председательствующего, подтягивающим их нравственное и правовое сознание до уровня понимания презумпции невиновности, т.е. толкования неустрашимых сомнений в пользу обвиняемого.

Существует только один законный и надежный способ разрушить этот мощный психологический барьер — качественное предварительное и судебное следствие, обеспечивающее всестороннее и объективное исследование каждого элемента состава преступления на основании достаточного количества относимых, достоверных, допустимых доказательств. Только это способствует формированию у присяжных непоколебимого, спокойного и искреннего внутреннего убеждения в виновности подсудимого.

В некоторых случаях намерение вынести оправдательный вердикт у присяжных заседателей возникает и при наличии в деле достаточного количества обвинительных доказательств — когда они сомневаются в справедливости решения о виновности. Подобные ситуации возникают, например, по делам об умышленных убийствах, совершенных *обвиняемым в состоянии физиологического аффекта*, вызванного виктимным поведением, безнравственными и противоправными действиями самих потерпевших.

Об одном таком случае рассказывает П. Сергеич в книге «Искусство речи на суде».

В прошлом году в Петербурге присяжные оправдали крестьянина, совершившего двойное убийство: своей жены и ее любовника. И это был справедливый приговор, несмотря на страшное дело. Они оправдали убийцу не из жалости на чужой счет, а по справедливости. Жена ненавидела его, он любил ее; она ушла к любовнику, и они вдвоем готовились к убийству мужа. Он пошел к жене, чтобы увести ее домой, к детям; его встретили насмешками, бранью, угрозами. Он знал, что они сговорились отделаться от него. Произошла ссора, и он, озлобленный насмешками, зарезал обоих. Что же, он виновен или нет? Рассудок всегда ответит: да, их злодейство не оправдывает преступления, он должен был удержать поднятую руку. А чувство справедливости дало присяжным нравственное право сказать: нет, не виновен. И будь я присяжным, я, вероятно, сказал бы то же самое.

В данном случае, вынося по нравственным соображениям оправдательный вердикт, присяжные заседатели исходили из того, что именно потерпевшие своим откровенно наглым, дерзким, вызывающим поведением, унижающим честь и достоинство подсудимого как человека, мужчины, супруга и отца, довели его до того критического состояния (физиологического аффекта).

Совесь и здравый смысл присяжных подсказывают им, что в период этого временного нравственного «затмения» униженный и

оскорбленный человек едва ли способен избрать наиболее разумный, правильный вариант поведения в экстремальных условиях, созданных самими потерпевшими. Поэтому в подобных нравственно-конфликтных ситуациях присяжные в преступившем черту закона подсудимом видят не опасного для общества преступника, а случайно оступившегося по вине потерпевших несчастного человека, достаточно наказанного и судом собственной совести, и несчастной судьбой, и несправедливыми действиями потерпевших, и длительным сроком содержания под стражей, и материальными издержками, неизбежно сопутствующими предварительному и судебному следствию.

При оценке таких поступков присяжные как судьи общественной гуманистической совести учитывают не только отсутствие у обвиняемого злой воли, но и особо неблагоприятное для подсудимого стечение обстоятельств, так сказать, «давление событий».

Сказанное означает, что при возникновении в суде с участием присяжных заседателей подобной нравственно-конфликтной ситуации государственный обвинитель должен дать правильную оценку общественной опасности совершенного подсудимым преступления, чтобы присяжные, «жалая преступника», пожалели и потерпевшего, и общество. Необходимо разъяснить присяжным, что сочувствие к подсудимому они могут выразить, признав его заслуживающим снисхождения, что необоснованное оправдание виновного подсудимого опасно для общества, поскольку формирует у граждан неуважительное отношение к правам человека, поощряет самосуд.

С учетом сказанного можно сделать вывод, что качество и эффективность судопроизводства с участием присяжных заседателей зависят от знания и понимания судьями, прокурорами и адвокатами *социально-психологических особенностей судопроизводства с участием присяжных заседателей*, т.е. здравого смысла и совести как интеллектуальной и нравственной основ этой формы судопроизводства.

8.5. Психологические особенности судопроизводства на отдельных его этапах

8.5.1. Психологические аспекты изучения материалов дела

Изучение материалов дела — начальная часть судебного разбирательства, в которой осуществляется ознакомление участников процесса с материалами предварительного расследования и его заключением, письменными материалами и некоторыми вещественными доказательствами.

На этом этапе формируется процессуальная позиция судьи, прокурора, адвоката. Всестороннее знание дела позволяет им наметить стратегию и тактику своей деятельности, сформировать систему стра-

тегических вопросов на этапе судебного следствия и произнести яркую, убедительную, аргументированную речь в судебных прениях.

При изучении материалов дела активизируются аналитическая и критическая стороны психической деятельности участников судебного процесса. В частности, выясняется:

- соответствуют ли выводы обвинительного заключения материалам данного уголовного дела;
- учтена ли следователем вся совокупность доказательств по делу, имеется ли необходимость восполнения пробелов предварительного следствия в суде;
- на каких сторонах дела следует построить стратегию обвинения или защиты;
- какие доказательства могут получить новую интерпретацию;
- что может повлиять на решение суда.

На данном этапе воссоздается вся обстановка исследуемого происшествия, принимается во внимание все то, что позволяет увидеть событие с иной точки зрения. Тщательно изучаются протоколы допросов обвиняемого, выясняется его отношение к предъявленному обвинению. Всестороннему критическому анализу подвергаются действия следователя, уточняются их необходимость и процессуальная обоснованность, осуществляется логическое моделирование исследуемого события, проводятся мысленные эксперименты, выдвигаются контрверсии.

Определяя модель события, взаимосвязь его частей и этапов, судья переходит к планированию его рассмотрения в судебном заседании. Материалы дела разбиваются на крупные блоки, последовательные группы взаимосвязанных фактов. Последовательность рассмотрения событий в судебном заседании обеспечивает их адекватное восприятие участниками судебного заседания, отражение действительной динамики рассматриваемого события. Особое внимание уделяется источникам первостепенных фактов и внутренней их согласованности. Анализируется возможность их случайного совпадения, определяется круг лиц для вызова в судебное заседание, запрашиваются все необходимые новые документы. Решение вопросов, связанных с преданием суду, осуществляется коллегиально на распорядительном заседании суда.

8.5.2. Психологические особенности судебного следствия

На этапе судебного следствия формированию у председательствующего судьи, профессиональных судей и присяжных заседателей правильного личного внутреннего убеждения по решаемым ими вопросам с учетом позиции сторон, представленных ими и исследованных в суде доказательств, способствует реализация следующих процессуальных норм:

- (1) судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, а по делам частного обвинения — с изложения заявления частным обвинителем (ч. 1 ст. 273 УПК РФ). Председательствующий опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, признает ли он себя виновным и желает ли он или его защитник выразить свое отношение к предъявленному обвинению (ч. 2 ст. 273 УПК РФ). После этого подсудимый или его защитник вправе обратиться к суду с краткой вступительной речью с изложением позиции защиты, что способствует расположению суда к восприятию оправдательных доказательств, которые защита намерена представить;
- (2) очередность исследования доказательств определяется стороной, представившей доказательства суду (ч. 1 ст. 274 УПК РФ);
- (3) судебное следствие в суде с участием присяжных заседателей начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника (ч. 1 ст. 335 УПК РФ). Во вступительном заявлении государственный обвинитель излагает существо предъявленного обвинения и предлагает порядок исследования представленных им доказательств (ч. 2 ст. 335 УПК РФ). Защитник высказывает согласованную с подсудимым позицию по предъявленному обвинению и мнение о порядке исследования представленных им доказательств (ч. 3 ст. 335 УПК РФ).

В своем вступительном заявлении государственный обвинитель и защитник должны так изложить свою позицию и порядок исследования представленных ими доказательств, чтобы вызвать интерес к своей аргументации, психологически настроить председательствующего судью и присяжных заседателей на восприятие доказательств с соответствующей позиции.

В этой связи представляют интерес результаты исследований американских социальных психологов о способах представления доказательств. Этими исследованиями, в частности, установлено, что в суде присяжных стороны представляют доказательства одним из двух способов. В первом случае, называемом *порядком, определяемым версией*, они представляют доказательства в той последовательности, в которой происходили события, придерживаясь как можно ближе версии, которую они бы хотели внушить присяжным. Во втором случае, называемом *порядком, определяемым свидетелями*, они представляют свидетелей в той последовательности, которая, как они полагают, произведет наибольшее впечатление на присяжных, даже если события при этом описываются беспорядочно (например, адвокат или прокурор прибегают к своим лучшим свидетелям напоследок, с тем чтобы процесс завершился на драматической, запоминающейся ноте, даже если свидетель описал события, происходившие на раннем этапе предполагаемого преступления).

Результаты явным и решительным образом свидетельствуют в пользу стратегии, которая использует порядок, определяемый версией. По мнению американских социальных психологов, одна из причин высокого процента обвинительных приговоров по уголовным делам в США (около 80%) состоит в том, что на реальных процессах прокуроры обычно представляют доказательства в порядке, определяемом версией, тогда как адвокаты обычно следуют порядку, определяемому свидетелями;

- (4) первой представляет доказательства сторона обвинения. После исследования доказательств, представленных стороной обвинения, исследуются доказательства, представленные стороной защиты (ч. 2 ст. 274 УПК РФ).

В состязательном уголовном процессе основным способом представления и исследования сторонами доказательств в суде является *допрос*. Судебный допрос отличается от допроса на предварительном следствии прежде всего тем, что он более отдален во времени от события преступления. На момент допроса в суде допрашивающие и допрашиваемые знакомы с материалами дела, имеющейся доказательственной базой, в том числе с показаниями, данными ранее в ходе предварительного следствия. Это является одной из причин отказа подсудимого от показаний, данных на предварительном следствии.

Психологическую подоплеку изменения подсудимым показаний на разных этапах уголовного процесса описал А.Ф. Кони:

Опыт, даваемый уголовной практикой, приводит к тому, что по большей части преступлений, в которых виновность преступника строится на косвенных доказательствах, на совокупности улик и лишь отчасти подкрепляется его собственным сознанием, это сознание несколько раз меняет свой объем и свою окраску. Подозреваемый сознается лишь в одном, в неизбежном, надеясь уйти от суда; обвиняемый сознается полнее, потому что надежда уйти от суда меркнет в его глазах; подсудимый, пройдя школу размышлений, а иногда и советов товарищей по несчастью, снова выбрасывает из своего признания все то, что можно выбросить, к чему не приросли твердые улики, ибо у него снова блеснит надежда уйти уже не от суда, но от наказания.

Правовой же основой избрания подозреваемыми, обвиняемыми, подсудимыми такой линии защиты является положение ч. 2 ст. 77 УПК РФ о том, что «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Кроме того, обвиняемый (подозреваемый) вправе вообще отказаться от дачи показаний (п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Судебный допрос ведется не «в тиши кабинета», а в условиях публичности, гласно. Показания в судебном заседании, как правило,

даются непосредственно «глаза в глаза». При этом потерпевшие и свидетели могут впервые допрашиваться в присутствии подсудимого.

Судебный допрос осуществляет не одно лицо, а несколько лиц с противоборствующих позиций, преследуя конкретные цели, соответствующие их процессуальному положению. Особенностью судебного допроса также является одновременное с ним ведение протокола. При этом показания фиксирует другое лицо, которое не осуществляет допрос.

По сравнению с допросом на предварительном следствии меняется и характер допроса, который становится в судебном заседании не столько поисковым, сколько проверочным, подтверждающим.

Каждая из сторон для подтверждения правильности своей позиции, проверки и опровержения позиции другой стороны может участвовать в производстве различных видов допроса: прямом, перекрестном, шахматном и передопросе.

Прямой допрос (или, как его еще называют, «первоначальный», «основной» допрос) — это допрос участниками процесса сведущего лица своей стороны в целях получения у него информации (доказательств, фактических данных), подтверждающей позицию данной стороны, отстаиваемые ею в суде фактическую и правовую версии рассматриваемого события.

Так, государственный обвинитель, частный обвинитель, потерпевшие, гражданский истец, представители частного обвинителя, потерпевшего и гражданского истца участвуют в прямом допросе «свидетелей обвинения» (вызванных в суд по инициативе обвинения свидетелей, потерпевших, экспертов, подтверждающих позицию обвинения), а подсудимый, его защитник, гражданский ответчик и его представитель — в прямом допросе «свидетелей защиты» (подсудимых и вызванных в суд по инициативе защиты свидетелей и экспертов, подтверждающих позицию защиты).

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ прямой допрос — это основное процессуальное средство представления каждой стороной своих доказательств, подтверждающих отстаиваемые ею фактическую и юридическую версии. Новый УПК допускает возможность начать прямой допрос не со свободного рассказа, а с постановки вопросов с целью получить конкретные ответы относительно интересующих сторону фактов. Вопросы должны логично вытекать один из другого и ставиться в такой последовательности, чтобы ответы на них создавали картину происшествия, соответствующую фактической и юридической версиям допрашивающей стороны.

Выбор формы начала допроса зависит от стороны, представляющей доказательства. Однако при прямом допросе наиболее убедительным является *свободный рассказ* допрашиваемого об известных ему обстоятельствах дела. Для побуждения допрашиваемого к свободному рассказу сторона, ведущая прямой допрос, предлагает

допрашиваемому сообщить все известные ему по делу обстоятельства. В случае неполноты или неточности свободного рассказа представляющая доказательства сторона направляет и контролирует дальнейший ход прямого допроса путем постановки в необходимых случаях дополняющих, уточняющих или напоминающих вопросов.

Дополняющие вопросы задаются, когда допрашиваемый в своем свободном рассказе не сообщил о каких-то важных с позиции ведущей прямой допрос стороны обстоятельствах, фактах (например, о времени или месте совершения рассматриваемого в суде события).

Уточняющие вопросы ставятся, когда показания допрашиваемого об этих обстоятельствах недостаточно конкретны и когда их необходимо детализировать.

Напоминающие вопросы задаются, когда допрашиваемый испытывает затруднения в припоминании каких-либо существенных с позиции данной стороны фактов и обстоятельств.

В ходе прямого допроса следует избегать контрольных вопросов, в частности испытывающих память допрашиваемого, нельзя подталкивать его к лживым показаниям.

В необходимых случаях можно прибегать к тактическим приемам, помогающим свидетелю более полно и объективно изложить обстоятельства дела, убедить судей и присяжных заседателей в правдоподобности сказанного. К подобным приемам относится, например, применение различных средств наглядности, помогающих свидетелю полно изложить свои показания, а суду — понять их доказательственную ценность.

Важнейшей предпосылкой успешного ведения допроса является *установление психологического контакта с допрашиваемым*. Видя перед собой большую аудиторию, допрашиваемый зачастую испытывает сильное волнение, психическое напряжение, которые могут выражаться как в повышенной раздражительности, излишней возбудимости, так и, напротив, в скованности, заторможенности. Все это препятствует установлению с ним психологического контакта и проведению полноценного прямого допроса.

В связи с этим приобретает большое значение умение допрашивающего быстро и незаметно нейтрализовать подобные психические состояния допрашиваемого. Это можно достичь ровным, спокойным, доброжелательным тоном начинаемого с ним диалога, вежливым, уважительным обращением. Для установления и поддержания психологического контакта всегда лучше называть допрашиваемого по имени и отчеству, чем употреблять такие «холодные», чуждые для его слуха понятия, как «свидетель», «потерпевший», «подсудимый».

Одновременно с ведением прямого допроса каждая сторона может представлять доказательства, подтверждающие отстаиваемые ею

фактическую и юридическую версии, путем проведения *шахматного допроса*, сущность которого заключается в постановке допрашивающим вопросов и другим, уже допрошенным лицам (находящимся в зале судебного заседания ранее допрошенным потерпевшему, свидетелям, эксперту), по тем же фактам и обстоятельствам, о которых идет речь в данный момент в основном допросе. В этом случае шахматный допрос проводится для подтверждения показаний одного лица, полученных в ходе прямого допроса, другими лицами, ранее допрошенными в суде.

Государственному обвинителю и защитнику, проводящему шахматный допрос, не следует забывать, что вопросы, задаваемые другим лицам, должны преследовать конкретную цель подтверждения или опровержения показаний допрашиваемого и не уводить в сторону от линии основного допроса.

После представления доказательств одной стороной путем проведения прямого и шахматного допросов своих «свидетелей» противная сторона имеет право принять участие в исследовании этих доказательств путем проведения перекрестного допроса того же лица и связанного с ним шахматного допроса.

Перекрестный допрос — это допрос участниками процесса «свидетеля» противоположной стороны, чьи показания представлены этой стороной в ходе прямого допроса, в целях критического исследования и проверки сведений, содержащихся в показаниях данного лица. В состязательном уголовном судопроизводстве искусное проведение перекрестного допроса позволяет эффективно решать следующие тактико-психологические задачи, связанные с процессом убеждения судей и присяжных заседателей:

- (1) выставить в наиболее выгодном для своего дела свете те данные, которые имеются в показаниях свидетелей противной стороны;
- (2) дополнить их, если можно, выяснением обстоятельств, которых не коснулся процессуальный противник, и таким образом получить доказательства, подтверждающие версию ведущей перекрестный допрос стороны;
- (3) дискредитировать результаты прямого допроса: подорвать доверие к неблагоприятным для другой стороны показаниям допрошенного лица, нейтрализовать произведенное ими впечатление, уменьшить их убедительность, зародить сомнение в их правдоподобии у судей и присяжных заседателей.

Для дискредитирования результатов прямого допроса, подрыва неблагоприятных свидетельских показаний, нейтрализации их убеждающей силы в ходе перекрестного допроса используются следующие приемы:

- обращение внимание на противоречия в показаниях свидетеля;
- побуждение свидетеля признать то, что он не вполне уверен в тех фактах, относительно которых ранее прямо утверждал;

- доказывание, что свидетель не способен давать показания относительно тех фактов, которые от него требуется удостоверить;
- демонстрация его пристрастности или предубежденности по делу в целом или в какой-то его части;
- дискредитация личности давшего невыгодные показания.

Перекрестный допрос, особенно в присутствии присяжных заседателей, следует проводить активно, наступательно и в то же время тактично, чтобы у суда не складывалось впечатление, что своими вопросами допрашивающий «придирается» к свидетелю, пытается сбить его с толку.

К.К. Арсеньев

Как справедливо отмечал *К.К. Арсеньев* — автор «Заметок о русской адвокатуре» (СПб., 1875), система придиричьих и сбивчивых вопросов зачастую бывает несовместимой с правильно понятыми интересами стороны.

В большинстве случаев она возбуждает в присяжных предубеждение не против допрашиваемого свидетеля, а против допрашивающей стороны, предубеждение, отражающееся и на всем последующем ходе дела. И действительно, чем упорнее и запальчивее стремление стороны запутать, сбить свидетеля, тем легче может возникнуть предположение, что показание

свидетеля в его первоначальном безыскусственном виде заключает в себе истину, опасную для допрашивающей стороны. В самом благоприятном случае придиричьивый допрос свидетеля может утомить присяжных и затруднить для них верную оценку свидетельского показания. Здесь, как и во многих других фазисах процесса, для сторон в особенности необходимо чувство меры, умение останавливаться вовремя, не слишком рано и не слишком поздно. Излишняя мягкость, преувеличенная деликатность допроса столь же неуместны, как и крайняя настойчивость его и резкость.

Сторона, проводящая перекрестный допрос, для дискредитации результатов прямого допроса свидетеля противоположной стороны, выявления и демонстрации суду содержащихся в показаниях этого лица противоречий одновременно может проводить шахматный допрос ранее допрошенных лиц. В подобных случаях шахматный допрос выступает в роли своеобразной очной ставки между допрашиваемым при перекрестном допросе лицом и ранее допрошенными лицами.

В условиях открытого судебного разбирательства шахматный и перекрестный допросы оказывают повышенное психологическое воздействие на психику допрашиваемого и могут склонить его к показаниям, которые желательны для одной из сторон.

Вот почему П. Сергеич, говоря о перекрестном допросе, отмечал, что, с одной стороны,

для людей честных и умелых это средство раскрыть то, что без того осталось бы недоступным для суда,

а с другой — предупреждал, что, когда это острое оружие используют нечестные и неумелые люди, оно может превратиться

в то искусство, посредством которого можно заставить человека отречься от всего, что он знает, и назвать себя не своим именем.

В таких случаях для устранения вредных последствий перекрестного допроса проводится *передопрос* — повторный допрос участниками процесса «свидетеля» своей стороны, проводимый после перекрестного допроса и связанного с ним шахматного допроса. Передопрос свидетеля своей стороны позволяет проводившему прямой допрос вновь вернуться к началу допроса, чтобы исправить «разрушения», причиненные перекрестным допросом и связанным с ним шахматным допросом.

Повторный допрос подсудимого, потерпевшего, свидетеля или эксперта проводится и в тех случаях, когда в связи с исследованием других доказательств возникают сомнения в достоверности полученных ранее первоначальных показаний либо имеется необходимость в их уточнении. Например, при допросе одного свидетеля суд выяснил, как, по его словам, происходило событие (время, место, способ и иные обстоятельства, подлежащие доказыванию). Другие же свидетели об этих обстоятельствах дали иные показания. В подобных случаях стороны и суд вправе повторно допросить ранее допрошенного свидетеля. Повторный допрос определенного лица проводится по всем существенным обстоятельствам в целях получения от него правдивых показаний.

Возможный повторный допрос подсудимого, не признающего своей вины, государственному обвинителю целесообразно проводить в конце судебного следствия, когда аргументы и совокупность фактических данных, подтверждающих вину подсудимого, настолько убедительны и бесспорны, что он, убедившись в несостоятельности своей позиции, может дать правдивые показания.

Эффективность проведения любого вида судебного допроса зависит от умения государственного обвинителя, защитника и председательствующего судьи ставить допрашиваемым лицам правильные вопросы.

Психологическая и юридическая науки, а также судебная практика выработали следующие *требования к постановке вопросов* допрашиваемому лицу.

1. Перед постановкой вопроса надо прогнозировать возможные ответы допрашиваемых и влияние этих ответов на формирование внутреннего убеждения судей и присяжных заседателей о виновности подсудимого и по другим решаемым им вопросам.

2. Задавать вопрос следует только тогда, когда имеются основания получить определенный ответ. В состязательном уголовном процессе государственный обвинитель и защитник должны ставить допрашиваемому только такие вопросы, ответы на которые «работают» на отстаиваемую ими позицию (в правильности которой они, конечно, убеждены), способствуют формированию убеждения председательствующего судьи и присяжных заседателей в обоснованности обвинения.

3. Каждый задаваемый вопрос должен вытекать из материалов дела и помогать получению от допрашиваемого полной информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, прежде всего о фактических обстоятельствах дела и виновности подсудимого.

4. Обвинителю и защитнику не следует задавать рискованные и неосторожные вопросы, которые могут вызвать неблагоприятные (соответственно для обвинения и защиты) ответы, а также вопросы об обстоятельствах, уже достаточно выясненных или не имеющих значения для дела, — «вопросы ради вопросов».

5. Вопросы должны быть краткими, понятными, точными и конкретными. Чем конкретнее вопрос, тем больше оснований рассчитывать на такой же ответ и тем менее вероятно уклонение от него допрашиваемого. Если вопрос ставится в общей форме, то и ответ допрашиваемый может дать в общей форме.

6. Формулировка вопросов должна быть ориентирована на уровень умственного и культурного развития допрашиваемого и присяжных заседателей.

7. Допрашиваемым могут быть поставлены как открытые вопросы (требующие развернутого ответа), так и закрытые (на них можно ответить только «да» и «нет»). При прямом (основном, первоначальном) допросе целесообразно ставить открытые вопросы, в том числе и вопрос о том, что известно допрашиваемому об обстоятельствах рассматриваемого дела, который целесообразно ставить первым.

8. Неприемлемы неэтичные, двусмысленные и наводящие вопросы, содержащие в себе *подсказку* ответа. Государственный обвинитель и защитник должны сами избегать таких вопросов и незамедлительно заявлять возражения, когда подобные вопросы задает противоположная сторона. Например, прокурор должен заявить возражение, когда адвокат спрашивает подсудимого: «Не принуждали ли вас

работники следствия к признанию вины?», хотя сам обвиняемый о каком-либо незаконном воздействии на него не сказал ни слова.

Во избежание недопустимых наводящих вопросов следует ориентироваться на постановку вопросов типа: «кто, что, где, почему, когда, как, поясните, опишите».

9. Следует также избегать вопросов, ориентирующих допрашиваемого на ответ, носящий характер предположения, поскольку подобные ответы могут вызвать у присяжных заседателей сомнения в обоснованности, четкости позиции обвинения по разрешаемым вопросам.

10. Между вопросами должна быть определенная связь, соответствующая задуманной допрашивающим тактической схеме допроса, обеспечивающей получение информации об обстоятельствах рассматриваемого дела в оптимальной последовательности для мысленного воссоздания присяжными заседателями и судьями картины события преступления, образа причастного к его совершению лица, а также для правильного их вывода по основному вопросу о виновности.

11. При допросе своих свидетелей (соответственно «свидетелей обвинения» и «свидетелей защиты») целесообразно начинать основной (первоначальный) допрос с наиболее важных, существенных моментов. При допросе же свидетелей противоположной стороны государственному обвинителю и защитнику из психологических и тактических соображений целесообразно придерживаться следующей последовательности в постановке вопросов: вначале допрашиваемому ставят вопросы, наиболее для него благоприятные, не вызывающие отрицательной реакции; затем переходят к вопросам об обстоятельствах, прямо не затрагивающих интересов допрашиваемого (как первая, так и вторая группа вопросов помогает установлению психологического контакта с допрашиваемым); наконец, формулируются наиболее существенные и важные вопросы.

12. Для установления и поддержания психологического контакта с допрашиваемым, присяжными заседателями и судьями важное значение имеют темп и тон задаваемых государственным обвинителем и защитником вопросов, а также сопровождающие их позы, мимика и жестикация.

Вопросы нужно ставить энергично, но спокойным и нераздраженным тоном, не делая между ними больших пауз, которые характерны для неорганизованного и несобранного человека.

При постановке вопросов поза должна быть естественной и скромной, соответствующей той, которая свойственна лицу, сидящему за столом в судебном учреждении во время разбирательства дела. Не следует задавать вопросы, покачиваясь и развалившись на стуле или перекинув небрежно руку за его спинку.

Мимика и жесты должны быть естественными и скупыми. Не следует гримасничать и сильно жестикулировать руками.

Следует отметить, что необходимо уметь не только правильно ставить вопросы, но и выслушивать ответы на них допрашиваемого. Иногда государственный обвинитель или защитник ставит вопрос, а затем не слушает ответ, переговаривается с кем-то, читает бумаги, листает записи и т.п. Такое нетактичное поведение препятствует установлению и поддержанию психологического контакта с допрашиваемым, присяжными заседателями и судьями.

8.5.3. Психология прений сторон

Судебные прения — яркая и обычно эмоциональная часть судебного разбирательства, в которой наглядно проявляется состязательное начало процесса. Стороны обвинения и защиты, адресуясь к суду, подводят итоги судебного разбирательства в том виде, как они им представляются, и обращаются со своими предложениями о том, какие решения по делу они считают справедливыми.

Последовательность выступлений участников прений сторон (в тех случаях, когда в деле принимают участие несколько защитников или несколько обвинителей) устанавливается судом. При этом первым во всех случаях выступает обвинитель, а последним — подсудимый и его защитник. Гражданский ответчик и его представитель выступают в прениях сторон после гражданского истца и его представителя (ч. 3 ст. 292 УПК РФ).

Основная задача выступления сторон с судебной речью и репликой заключается в том, чтобы помочь суду правильно подвести итоги судебного следствия, сформировать у судей и присяжных заседателей правильное внутреннее убеждение о виновности или невиновности подсудимого и по другим вопросам, относящимся к их компетенции, побудить их принять по этим вопросам правильное и справедливое решение с учетом позиции и доводов каждой из сторон. Для достижения этой цели выступления сторон, прежде всего государственного обвинителя и защитника, должны быть убедительными по содержанию и форме.

Убедительность выступления зависит не только от доказательности речи, но и от эффективного решения других задач, связанных с процессом аргументации (убеждение, склонение слушателей присоединиться к мнению судебного оратора, чтобы они стали его единомышленниками по всем обсуждаемым им вопросам).

Для эффективного решения этих взаимосвязанных задач в процессе аргументации наряду с логическими применяются также речевые, эмоционально-психологические и другие внелогические способы убеждающего воздействия. Различные способы убеждающего воздействия изучаются в логике, психологии, лингвистике,

психолингвистике, риторике и других науках. Совместное изучение многообразных способов убеждения аудитории с помощью речевого воздействия является предметом особой отрасли знания — теории аргументации, представляющей собой комплексное учение о наиболее эффективных в коммуникативном процессе логических и внелогических способах (методах и приемах) убеждающего воздействия.

Теория аргументации анализирует и объясняет скрытые механизмы «незаметного искусства» речевого воздействия в рамках самых различных коммуникативных систем. Влиять на убеждения слушателей или зрителей можно не только с помощью речи и словесно выраженных доводов, но и многими другими способами — жестом, мимикой, наглядными образами и т.п. Даже молчание в определенных случаях оказывается достаточно веским аргументом.

Различные логические и внелогические способы убеждающего воздействия изучаются и теорией судебного ораторского искусства в целях разработки рекомендаций и приемов построения убедительной по содержанию и форме судебной речи. Соблюдение этих рекомендаций имеет особенно важное значение в суде с участием присяжных заседателей.

Основное содержание судебного ораторского искусства отвечает на три главных вопроса, от правильного решения которых зависит способность судебного оратора (государственного обвинителя и защитника) разработать и произнести в суде убедительную по содержанию и форме судебную речь:

- (1) о чем говорить;
- (2) что говорить;
- (3) как говорить.

Вопросы «о чем говорить» и «что говорить» определяют содержание обвинительной и защитительной речей.

Вопрос «о чем говорить» направлен на определение предмета судебной речи, поскольку согласно ч. 2 ст. 336 УПК РФ прения сторон проводятся лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Учитывая, что выступление адвоката перед присяжными заседателями с защитительной речью является одним из способов защиты, используемых адвокатом в целях добиться вынесения коллегией присяжных заседателей определенного вердикта по относящимся к их компетенции вопросам, при определении предмета защитительной речи следует исходить из требований уголовно-процессуального закона к постановке вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, с учетом результатов судебного следствия и прений сторон (ст. 338 УПК РФ) и содержания вопросов присяжным заседателям (ст. 339 УПК РФ).

При определении предмета защитительной речи при выступлении перед присяжными заседателями следует исходить прежде

всего из содержания предусмотренных ч. 1 ст. 339 УПК РФ основных вопросов:

- (1) доказано ли, что деяние имело место;
- (2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый;
- (3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

Именно анализу этих вопросов с позиции защиты с учетом исследованных в суде доказательств и доводов обвинения, изложенных в речи государственного обвинителя, посвящено основное содержание защитительной речи.

В необходимых случаях в защитительной речи анализируются также вопрос о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения (ч. 4 ст. 339 УПК РФ), а также предусмотренные ч. 3 ст. 339 УПК РФ вопросы:

- о таких обстоятельствах, которые влияют на степень виновности либо изменяют ее характер, влекут освобождение подсудимого от ответственности;
- о степени осуществления преступного намерения, причинах, в силу которых деяние не было доведено до конца;
- о степени и характере соучастия каждого из подсудимых в совершении преступления;
- позволяющие установить виновность подсудимого в совершении менее тяжкого преступления, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Вопрос «что говорить» направлен на логическую аргументацию позиций защиты и обвинения по вопросам, относящимся к предмету речи в суде с участием присяжных заседателей. Так, защитительная речь по своему содержанию представляет собой выступление, направленное на убеждение присяжных заседателей в том, что имеются фактические и правовые основания для принятия ими одного из следующих решений (соответствующих избранной позиции защиты):

- (1) вынесения оправдательного вердикта по всем деяниям, в которых обвиняется подсудимый (согласно ч. 3 ст. 343 УПК РФ оправдательный вердикт выносится, если за отрицательный ответ на любой из поставленных в вопросном листе основных вопросов проголосовало не менее шести присяжных заседателей. В соответствии с ч. 1 ст. 339 основные вопросы ставятся по каждому из деяний, в совершении которых обвиняется подсудимый);
- (2) вынесения оправдательного вердикта по одному или нескольким деяниям, виновность подсудимого в совершении которых защита не признает, и обвинительного вердикта по другим деяниям с признанием подсудимого заслуживающим снисхождения (когда защита полностью или частично признает подсудимого виновным в совершении других деяний, в которых он также обвиняется);

- (3) вынесения обвинительного вердикта с признанием подсудимого виновным в совершении менее тяжкого преступления, чем то, в котором он обвиняется, и заслуживающим снисхождения (когда защита оспаривает квалификацию деяния, в котором обвиняется подсудимый);
- (4) вынесения обвинительного вердикта с признанием подсудимого виновным в совершении того преступления, в котором он обвиняется, но в меньшем объеме, и заслуживающим снисхождения (когда защита оспаривает объем обвинения, но не оспаривает квалификации деяния);
- (5) вынесения обвинительного вердикта с признанием подсудимого заслуживающим снисхождения (когда защита признает подсудимого виновным в полном объеме предъявленного ему обвинения).

Конкретное содержание защитительной речи по указанным выше вопросам определяется адвокатом с учетом результатов судебного следствия и избранной и согласованной с подзащитным позиции защиты.

Особенностью процесса аргументации при выступлении перед присяжными заседателями является апелляция к здравому смыслу присяжных заседателей, их логике и жизненному опыту. Для активизации этих компонентов здравого смысла присяжных, особенно по делам, обвинение по которым основано на косвенных доказательствах, важное значение имеет не только анализ бытовой стороны дела, разъяснение каждого доказательства, в том числе заключений экспертов, но и приведение удачных сравнений, аналогий, помогающих присяжным заседателям понять правильность и справедливость позиции обвинения.

По одному из дел адвокат пытался убедить присяжных заседателей, что проанализированные в речи обвинителя косвенные доказательства подобны цепочке, а следовательно, надежность их не превышает прочности слабейшего ее звена. Далее он стал настаивать на том, что в предъявленных обвинением доказательствах есть несколько слабых мест и поэтому присяжные не должны выносить подсудимому обвинительный приговор.

Прокурор в реплике также воспользовался аналогией, чтобы аргументировать свою позицию. Он заявил, что проанализированные им в обвинительной речи многочисленные косвенные доказательства подобны канату, состоящему из множества отдельных прядей. Пусть несколько прядей слабы и могут порваться, но канат в целом остается прочным и надежным. Точно так же и в рассмотренном ими деле, хотя какие-то отдельные улики могут не вызывать доверия, однако, кроме них, в деле имеется достаточно много веских доказательств, свидетельствующих о прочности и надежности позиции обвинения, которые позволяют вынести обвинительный приговор. Эта удачная аналогия помогла склонить чашу весов правосудия в сторону обвинения и добиться вынесения присяжными заседателями обвинительного вердикта.

Для убеждения присяжных заседателей в правильности и обоснованности позиций защиты и обвинения важное значение имеет не только содержание, но и форма судебной речи. Если разработка содержания судебной речи направлена на решение вопросов, о чем и что говорить, то разработка формы речи — на решение вопроса о том, *как говорить*.

Так, американские юристы (Р. Ландин, Э. Дихтер, 2000) отмечают, что если у вас неудачная форма изложения, то уже не имеет значения, *что вы говорите*, потому что все равно вас не будут слушать.

Вопрос «как говорить» направлен на разработку убедительной формы изложения и произнесения содержания судебной речи при помощи языковых средств: языка, стиля речи, ораторских приемов, оптимальной для убеждения присяжных заседателей композиции¹.

В устном выступлении композиция — это логика развития темы, реально-речевая структура выступления, в которой отражается соотношение ее частей — вступления, главной части, заключения — по их целевому назначению, стилистическим особенностям, соотношению общих положений и конкретных фактов, рациональных и эмоциональных средств речевого воздействия.

При разработке композиции защитительной речи следует руководствоваться выработанными наукой и практикой общими требованиями (принципами), регламентирующими методику разработки композиции любой речи.

Принцип органического единства требует логически-смыслового единства всех частей и материалов речи, их подчинения главной мысли — во всяком сочинении есть известная «царствующая мысль», к которой должно все относиться. Каждое понятие, каждое слово, каждая буква должны идти к сему концу, иначе они будут введены без причины, они будут излишни, а все излишнее несносно.

Именно тезис (главная мысль) находится в центре композиции речи, связывая в гармоническое целое все ее части (вступление, главную часть и заключение речи), весь ее материал — имеющиеся в распоряжении оратора доводы, факты, доказательства, знания, которые используются в качестве логических посылок в доказывании тезиса (главной мысли).

При выступлении перед присяжными заседателями с защитительной речью в ней в качестве тезиса (главной мысли) выступают доказываемые адвокатом положения, в которых выражается сущность позиции защиты по решаемым присяжными заседателями вопросам о фактической стороне дела и виновности, а также о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения.

¹ *Композиция* (от лат. compositio — составление, упорядочение) — построение произведения, расположение его составных частей и материала каждой части в оптимальном для раскрытия темы порядке.

Принцип расположения материала речи в оптимальной для доказывания тезиса (главной мысли) взаимосвязи требует, чтобы элементы речи, их форма и содержание (аргументы, доводы, доказательства) взаимно подкрепляли и усиливали убеждающее воздействие.

М.М. Сперанский этот принцип сформулировал следующим образом:

...обозреть свой предмет, раздробить его на части и, сличив одну часть с другой, приметить, какое положение для каждой выгоднее, какая связь между ними естественнее, в каком расстоянии они более друг на друга отливают света; приметить все сие и установить их в сем положении, дать сию связь, поставить в сем расстоянии. При этом для обеспечения наибольшего убеждающего воздействия надобно, чтобы один довод не только не вредил другому, но и поддерживал его. Доводы все могут доказывать одну и ту же вещь, но не иметь между тем близкой связи между собой.

М.М. Сперанский

Принцип расположения аргументов (доводов, доказательств) в оптимальном для доказывания главной мысли (тезиса) порядке (очередности), усиливающим убеждающее воздействие. При определении последовательности предъявления аргументов следует руководствоваться следующими правилами:

- (1) если неизвестна исходная установка собеседника, то сильные аргументы следует поместить в начало и в конец;
- (2) если исходная установка собеседника не негативная, то начинайте со слабых аргументов, а заканчивайте сильными;
- (3) если исходная установка собеседника негативная (явно недружественная), то начинайте с сильных аргументов, а заканчивать можно и слабыми.

С учетом того, что защитительная речь адвоката направлена на убеждение и переубеждение не только и не столько собеседника (процессуального противника), а прежде всего присяжных заседателей, а также учитывая то, что после выступления прокурора с обвинительной речью, которая может сформировать у присяжных заседателей некоторое предубеждение в пользу обвинения, представляется, что адвокату для опровержения доводов обвинения и обеспечения наибольшей защиты чаще всего следует придерживаться «гомерового порядка» — наилучшего в классических риториках: сначала сильные аргументы, затем масса доказательств средней силы, в конце — один наиболее мощный аргумент. Слабые доводы в защитительной речи лучше не приводить вообще.

Принцип изложения материала речи в логической последовательности, чтобы каждая мысль (фраза) вытекала из предыдущей или была связана с ней, соотнесена. Как отмечал М.М. Сперанский,

все мысли в слове должны быть связаны между собой так, чтоб одна мысль содержала в себе, так сказать, семя другой, что способствует ясности речи.

Принцип логически-смыслового единства всех частей речи (вступления, главной части и заключения). О логически-смысловом единстве совершенной речи очень красочно сказал Платон:

Всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, — у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг к другу и соответствовать целому.

Рассмотренные общие принципы разработки композиции речи учитываются при подготовке любой судебной речи с учетом назначения ее вступительной, главной и заключительной частей. Ввиду ограниченного объема работы мы рассмотрим предназначение и содержание этих частей только в защитительной речи.

Работу над подготовкой защитительной речи целесообразно начинать с разработки ее главной части. При выступлении перед присяжными заседателями целью главной части защитительной речи являются изложение и обоснование позиции защиты по вопросам, разрешение которых относится к компетенции присяжных заседателей, убеждение их в правильности и обоснованности позиции защиты, а также опровержение позиции и доводов обвинения в целях переубеждения присяжных заседателей и судьи. На решение указанной задачи направлены следующие элементы главной части защитительной речи:

- (1) изложение фактических обстоятельств дела;
- (2) анализ и оценка доказательств;
- (3) характеристика личности подсудимого и потерпевшего;
- (4) анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Содержание и последовательность расположения этих элементов в защитительной речи строго индивидуальны и зависят от результатов судебного следствия, избранной защитой позиции, характера предъявленного обвинения, особенностей доказательственного материала и других обстоятельств рассматриваемого дела, а также от содержания речи государственного обвинителя, приведенных в ней доводов и соображений. Вряд ли поможет правильно разрешению уголовного дела и своему подзащитному такой адвокат, который, игнорируя результаты судебного следствия, позицию и доводы государственного обвинителя, будет строить главную часть своей речи, упрямо следуя заранее принятой схеме.

В зависимости от результатов судебного следствия, избранной позиции и тактики защиты, других конкретных обстоятельств указанные элементы защитительной речи могут располагаться в различной последовательности.

Так, если адвокат считает доказанным иную фактическую фактуру обвинения по сравнению с той, которую сформулировал прокурор, то, как правило, он излагает фактические обстоятельства дела после анализа и оценки доказательств или в ходе их.

Если подсудимый отрицает предъявленное ему обвинение, то главную часть защитительной речи можно начать с характеристики личности подсудимого, если, разумеется, она положительная. Такое начало расчищает защитнику дорогу для анализа оправдательных доказательств. При отрицательной характеристике подсудимого главную часть речи можно начать с анализа сомнительных и недоброкачественных доказательств обвинения.

Таким образом, разработка главной части защитительной речи — дело живое, творческое, оно не терпит шаблона, однообразия, заранее установленного трафарета.

При разработке и произнесении главной части речи особое внимание адвокат должен уделять разъяснению присяжным заседателям с позиции защиты сомнительных фактов и обстоятельств.

По свидетельству С.С. Хрулева,

та речь произведет впечатление на присяжных заседателей, которая разъясняет сомнительные для них обстоятельства, освещая их с должных сторон, т.е. затрагивает самую суть дела и говорится понятным для них языком, и что та речь, которая не удовлетворяет этим условиям, как бы ни была эффектно изложена по форме, не производит никакого впечатления, или, лучше сказать, не окажет влияния на решение дела.

Во вступлении защитительной речи адвокат стремится решить следующие задачи, связанные с созданием условий для эффективного убеждения и переубеждения присяжных заседателей (в связи с тем, что после речи государственного обвинителя у них уже сложилось определенное мнение), формирования у них внимательного и благосклонного отношения к позиции и доводам защиты:

- (1) овладеть вниманием присяжных заседателей;
- (2) вызвать их интерес к речи;
- (3) установить с ними психологический контакт, расположить их к себе, завоевать их доверие;
- (4) сформировать у них ответственное отношение к правильному и справедливому решению относящихся к их компетенции вопросов в соответствии с требованиями, изложенными в тексте присяги и юридическом наставлении, которое им будет приведено в напутственном слове председательствующего судьи;
- 5) психологически подготовить присяжных к восприятию позиции и доводов защиты, изложенных в главной части речи.

Для решения этих задач во вступительной части защитительной речи используются различные приемы:

- оценка с позиции защиты общественного и этического значения рассматриваемого дела. Этот прием удачно использовал адвокат К.Ф. Хартулари в защитительной речи по делу Левенштейна:

Господа судьи и господа присяжные заседатели! Если только вы признаете за судом уголовным и его приговорами нравственно-педагогическое значение и не отрицаете того глубокого интереса, какой представляет собой настоящий процесс, затрагивающий одну из самых больных сторон нашего общественного организма, то, несомненно, должны будете отнестись к участи обвиняемой с тем особенным вниманием и осторожностью, которыми только и обусловливается справедливость человеческого суда вообще и вашего будущего приговора в особенности!

Правда, что переданная вам, господа присяжные заседатели, подсудимой история ее прошлой жизни, со времени знакомства с Линевичем и до совершения настоящего преступления, не нова — она также стара и обыденна, как история десятка и сотни тысяч женщин, увлеченных, обманутых и покинутых теми, для которых пожертвовали всем, что дает право на звание честной женщины и на

Н.П. Карабчевский

уважение общества! Но столь же устарелым следует признать, в свою очередь, и предположение, что суровостью судебных приговоров, которых требует от вас обвинительная власть, можно предотвратить в будущем и подобные драматические эпизоды среди незаконной семьи.

Мне кажется, что сообщенные обвиняемой факты из жизни ее как обольщенной девушки, незаконной жены и такой же незаконной матери будут повторяться, независимо от судебной кары, до тех пор, пока, по справедливому замечанию одного из поборников женского вопроса, не будет закона, который защищал бы нравственный капитал женщин с такой же строгостью, с какой осуждает вора, похитившего имущество...;

- описание картины преступления и причастных к нему лиц.

В качестве примера можно привести следующий фрагмент из речи Н.П. Карабчевского в защиту Ольги Палем:

Господа присяжные заседатели! Менее года тому назад, 17 мая, в обстановке довольно специфической, с осложнениями в виде распитой бутылки дешевого шампанского на столе, стряслось большое зло. На грязный трактирный пол упал ничком убитый молодой человек, подававший самые большие надежды на удачную карьеру, любимый семьей, уважаемый товарищами, здоровый и рассудительный, обещавший долгую и благополучную жизнь. Рядом с этим пошла по больничным и тюремным мытарствам еще молодая, полная сил и жажды жизни женщина, тяжело раненная в грудь, теперь измученная нравственно и физически, ожидающая от вас решения своей участи. На протяжении какой-нибудь шальной секунды, отделившей два сухих коротких выстрела,

уместилось столько зла, что немудрено, если из него выросло то «большое», всех интересующее дело, которое вы призваны теперь разрешить...;

- указание на специфические особенности рассматриваемого дела;
- апелляция к отдельным положениям, выдвинутым в речи государственного обвинителя и защитника с разбором отдельных положений, ошибок и т.п.;
- приведение приправленных «философской солью» общих предпосылок (нравственно-этического, психологического или чисто житейского характера) для обоснования позиции защиты;
- разъяснение присяжным заседателям социального смысла и правомочий защиты при рассмотрении уголовного дела;
- изложение программы выступления в главной части речи (во вступительной части защитительной речи по сложным, многоэпизодным и (или) групповым делам).

Если вступительная часть речи — это своеобразная прелюдия к фортепианному произведению, то *заключительную часть речи* можно сравнить с заключительным аккордом. О значении заключительной части речи очень красноречиво сказал К.Л. Луцкий:

Заключение — последняя и одна из наиболее важных частей судебной речи. Успех оратора на суде часто зависит от него, еще чаще от него зависит неуспех его. Задача заключения — нанести последний для победы удар и подействовать в последний раз на ум и волю судей и присяжных. Судебного оратора тут можно сравнить с артистом, певцом или музыкантом: последние ноты решают успех всей исполнявшейся вещи.

При выступлении перед присяжными заседателями заключение защитительной речи направлено на то, чтобы окончательно убедить присяжных заседателей в правильности и справедливости позиции защиты по вопросам, относящимся к их компетенции, побудить их вынести по этим вопросам соответствующий позиции защиты вердикт. С этой целью адвокаты в заключении используют следующие приемы:

- краткое повторение позиции защиты по указанным вопросам;
- краткое подведение итогов судебного следствия с суммированием основных доказательств и доводов защиты;
- напоминание присяжным основных данных, положительно характеризующих подзащитного и (или) вызывающих к нему сочувствие (его молодость, чистосердечное раскаяние, совершение им преступления не по злой воле, а под давлением неблагоприятных внешних обстоятельств, виктимного поведения потерпевшего и т.п.);
- обращение к чувству милосердия и справедливости присяжных заседателей и судьи;

- обращение внимания присяжных заседателей и судьи на уникальные особенности рассматриваемого дела, связанные с мотивами, причинами и условиями совершения преступления, личностью подзащитного с кратким приведением общих предпосылок нравственно-психологического и житейского характера, обосновывающих справедливость позиции защиты.

8.5.4. Психологические особенности судебного приговора (вердикта)

Постановление приговора — завершающая часть судебного разбирательства, предназначенная для формирования истинного и обоснованного решения суда, в которой наряду с принятием судьейского решения учитывается весь комплекс социально-психологических явлений, имевших место непосредственно в судебном разбирательстве, — позиция прокурора и защитников, поведение потерпевшего, отдельных свидетелей и подсудимого, настроение всех присутствующих в зале судебного заседания. Справедливо сказано, что

по отношению к приговору как важнейшему акту правосудия решения, принятые в предшествующих стадиях, носят вспомогательный характер (П.А. Лупинская, 1976).

Процессуальный порядок постановления приговора четко регламентирован. Приговор является единственным процессуальным актом о признании лица виновным или невиновным в совершении преступления и назначении ему уголовного наказания или оправдания.

Постановление приговора осуществляется в связи с окончательным формированием достоверной модели состава преступления, всего того, что по закону входит в предмет доказывания. При этом решаются следующие вопросы:

- (1) какие конкретные жизненные условия повлияли на совершение преступления;
- (2) каковы обстоятельства, предусмотренные законом в качестве смягчающих и отягчающих ответственность;
- (3) каким способом совершено преступление, до какой степени оно доведено (стадии приготовления, покушения или окончательного преступления);
- (4) какую роль выполнял виновный в структуре группового преступления;
- (5) какие антисоциальные качества личности преступника проявились в совершенном общественно опасном деянии;
- (6) насколько глубока антисоциальная пораженность личности подсудимого и какая мера наказания может быть избрана для него и в карательном отношении, и в отношении задач его ресоциализации.

Для предотвращения осуждения невиновного и обеспечения законности, обоснованности и справедливости приговора суд руководствуется презумпцией невиновности, согласно которой каждый обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока предположе-

ние о его виновности не будет опровергнуто вступившим в законную силу приговором, вынесенным в установленном законом порядке (ст. 49 Конституции РФ). Обязанность опровержения предположения о невиновности подсудимого возложена на сторону обвинения, тогда как обвиняемый освобождается от обязанности доказывать свою невиновность. В соответствии с презумпцией невиновности все неустранимые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого, а недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности и влечет оправдание подсудимого. Таким образом, уголовное дело передается в суд, «не на осуд, а на рассуд», т.е. суд должен провести непредвзятое исследование собранных по делу доказательств и ни в коем случае не видеть свою задачу в неременном осуждении обвиняемого. Суд обязан оправдать каждого, чья вина не доказана. Таким образом, оправдание невиновного — не менее важная цель правосудия, чем осуждение виновного¹.

Под оправдательным приговором следует понимать акт судебной власти, которая официально провозглашает и гарантирует невиновность подсудимого, и ее решение о невиновности имеет законную силу. Основания для вынесения оправдательных приговоров сформулированы в ч. 2 ст. 302 УПК РФ, а именно:

- (1) не установлено событие преступления;
- (2) подсудимый не причастен к совершению преступления;
- (3) в деянии подсудимого отсутствует состав преступления;
- (4) в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт.

Между этими основаниями должно существовать логическое соответствие для того, чтобы они не пересекались и охватывали все случаи, когда вынесение оправдательного приговора действительно необходимо.

При сравнении оправдательного приговора с обвинительным нетрудно заметить, что оправдание производит более сильное воздействие на психику судебной аудитории (одобрительные возгласы, аплодисменты или знаки несогласия), нежели вынесение обвинительного приговора. А поскольку в России широко распространено мнение о том, что если уж человек предан суду, то он непременно будет осужден, оправдание воспринимается как явление чрезвычайно редкое и неожиданное.

А статистика оправданий такова. В царской России суд присяжных оправдывал в XIX в. около 40%, в XX в. вплоть до Октябрьской революции 1917 г. — 25% подсудимых. В советский период высокие цифры оправданий, как ни странно, приходится на тот период, когда уничтожались «враги народа» несудебными методами. Это цифры,

¹ Значение оправдательного приговора как гуманного акта правосудия отмечалось еще в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 г. и в других более поздних решениях Верховного Суда РФ.

свидетельствующие о крайне низком уровне расследования преступлений и обвинительном уклоне следствия, на который не могли не реагировать даже рабоче-крестьянские судьи (в довоенный период в СССР только 5% народных судей имели высшее юридическое образование, в 1946 г. таких судей было 14,6%). Наши суды выносят лишь 0,6% оправдательных приговоров.

Во многих странах (в Англии, Франции, США и др.) оправдательный приговор в принципе неотменяем, что особенно характерно для суда присяжных. Это объясняется действием трех правовых принципов: толкование сомнений в пользу оправданного, запрет «поворота к худшему» при обжаловании приговора, уважение к «гласу народа» при вынесении оправдательного вердикта присяжными заседателями. Кроме того, УПК РФ установил, что лицо признается виновным, если за осуждение проголосовали 7 или более присяжных заседателей. Эта цифра ниже международных стандартов (в Англии — 10, во Франции — 8, в США — единогласие).

В России 2008 г. судами с участием присяжных заседателей было рассмотрено 536 уголовных дел, что составляет 14,5% общего числа уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции. При этом судами с участием присяжных заседателей осуждено 900, а оправдано 236 человек, или 20,5% числа лиц, в отношении которых судами с участием присяжных заседателей вынесены судебные решения по существу дела. Для сравнения укажем, что доля оправданных лиц по всем остальным уголовным делам, рассмотренным судами областного звена, составила всего 4,8%. Кроме того, 23,1% оправдательных приговоров отменяются вышестоящими судебными инстанциями, причем после отмены оправдательного приговора и нового рассмотрения дела в суде первой инстанции нередко выносится обвинительный приговор (до 80%) (Л.И. Петрухин, 2008).

И хотя каждый оправдательный приговор — свидетельство силы судебной власти, которая не боится противостоять столь могущественным органам, как прокуратура, Министерство внутренних дел или Федеральная служба безопасности, существуют строгие установки «судебной бюрократии», не поощряющие вынесения оправдательных приговоров. Они основываются на ложном мнении, что оправдательный приговор — помеха в деле всеобщей борьбы с преступностью, признак слабости судебной власти и правоохранительной системы, средство уклонения преступников от заслуженного наказания. Основная же причина такого неутешительного явления — это боязнь потерять хорошо оплачиваемое место (за последние 9 лет заработная плата судей повышалась 5 раз), лишиться себя солидного отставочного пособия, поставить крест на своей судейской карьере, что в условиях безработицы очень рискованно. Кстати, этот страх присущ не только судьям, но и всем чиновникам России, занимающим высокие и хорошо оплачиваемые посты. Эффективным способом преодоления судейского страха могла бы быть подлинная независимость судей, т.е. реальное осуществление конституционного принципа несменяемости

и независимости судей, и отмена практики привлечения к ответственности судей за каждый отмененный и измененный приговор (например, в США такой ответственности нет и федеральные судьи назначаются пожизненно до ухода на пенсию).

Сегодня следует признать неоспоримым и тот факт, что именно суд присяжных сильнее всего гуманизирует судопроизводство: выносит большое число оправдательных приговоров, является формой контроля гражданского общества за положением дел в судах, минимизирует число судебных ошибок и практически исключает коррупцию в судах. Более того, вердикты присяжных, как правило, более соразмерны, более справедливы, чем приговоры, выносимые судами, состоящими из профессиональных судей. В этом проявляется существенный парадокс: общество, как правило, всегда требует ужесточения наказаний для преступивших законы, но когда представители народа сами «вершат суд», они становятся справедливее и милосерднее профессиональных судей. Следовательно, сегодня задача первостепенной важности — защитить этот демократический институт от нападков и предотвратить ограничение его компетенции.

Контрольные вопросы

1. Что изучает психология судебного разбирательства?
2. Какова психологическая структура судебной деятельности?
3. Раскройте сущность каждого компонента судебной деятельности.
4. Какие требования предъявляются к морально-психологическим качествам судьи, прокурора, адвоката?
5. Какие личностные качества присяжных заседателей влияют на эффективность и надежность выполнения ими процессуальных обязанностей?
6. Какие социально-психологические факторы влияют на способность коллегии присяжных заседателей вырабатывать качественное согласованное коллективное решение при вынесении вердикта по вопросам о фактической стороне дела и виновности подсудимого?
7. Раскройте психологические аспекты стадии изучения материалов дела.
8. Каковы психологические особенности судебного следствия?
9. Раскройте психологическое содержание видов судебного допроса. Использование каких приемов обеспечивает эффективное их проведение?
10. От чего зависит убедительность речи в прениях сторон? Какие способы убеждающего воздействия существуют?
11. Дайте психологическую характеристику постановления приговора. В чем причина вынесения присяжными частых оправдательных вердиктов?

Литература

1. Аллу Р., Шени Ш. Великие адвокаты XIX века. СПб., 1901.
2. Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1977. Т. 1.
3. Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. СПб., 1884.

4. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник для вузов. СПб., 2003.
5. *Владимиров Л.Е.* Суд присяжных. Харьков, 1877.
6. *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.
7. *Грошевой Ю.М.* Проблема формирования судьейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975.
8. *Джаннишев Г.* Основы судебной реформы: К 25-летию нового суда. М., 1891.
9. *Дулов А.В.* Судебная психология. Минск, 1975.
10. *Кант И.* Логика // Трактаты и письма. М., 1980.
11. *Карнозова Л.М.* Гуманитарные начала в деятельности судьи в уголовном процессе. М., 2004.
12. *Кони А.Ф.* Избранные произведения. М., 1956.
13. *Леоненко В.В.* Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981.
14. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и форма. М., 1976.
15. *Мельник В.В.* Искусство доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве. М., 2000.
16. *Мельник В.В.* Искусство защиты в суде присяжных. М., 2003.
17. *Мельник В.В.* Роль совести в процессе доказывания // Российская юстиция. 1996. № 2. № 4.
18. *Петрухин И.Л.* Оправдательный приговор и право на реабилитацию: Монография. М., 2008.
19. *Платон.* Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2.
20. *Подольный Н.А.* Статус адвоката в свете реформы адвокатуры в России // Адвокатская практика. 2002. № 4.
21. *Психология общения: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева.* М.: Когито-Центр, 2011.
22. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. СПб., 1914.
23. *Проблемы совершенствования суда присяжных в современной России: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукина.* М., 2004.
24. *Руднев В.И.* Некомпетентность судьи как основание для его отвода и прекращения полномочий // Журнал российского права. 2003. № 7.
25. *Русская защита: Нашумевшие уголовные процессы. Сенсационные аферы / Сост. М.А. Анашкевич.* М., 2003.
26. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1988.
27. *Статистическая справка о работе судов общей юрисдикции за 2008 год // Российская юстиция.* 2009. № 3.
28. *Столяренко А.М.* Психологические приемы в работе юриста. М., 2000.
29. *Судебные речи известных русских юристов.* М., 1958.
30. *Тарасов А.А.* Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе. Правовые и социально-психологические проблемы. Самара, 2001.
31. *Уолкер Р.* Английская судебная система. М., 1980.
32. *Халдеев Л.С.* Судья в уголовном процессе: Практик. пособие. М., 2000.
33. *Хрулев С.* Суд присяжных (очерк деятельности судов и судебных порядков) // Журнал гражданского и уголовного права. 1896. Кн. 10.
34. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. М., 1997.
35. *Concise encyclopedia of psychology.* Second edition. Edited by Raymond J. Corsini, Alan J. Auerbach. John Wiley & Sons, Inc., 2006.

После изучения данной главы студент будет *знать*:

- психологические требования, предъявляемые к личности сотрудника пенитенциарного учреждения;
- психологические проблемы наказания и исправления преступника;
- методы психологического изучения и коррекции личности осужденного;

уметь:

- анализировать проблемные ситуации, возникающие в процессе перевоспитания осужденных и их ресоциализации;

владеть:

- психологическими методами индивидуально-профилактической и ресоциализирующей работы с осужденными.

9.1. Понятие исправительной (пенитенциарной) психологии

Пенитенциарная психология (от лат. *penitentarius* — покаяние, раскаяние, исправление) — область юридической психологии, изучающая условия и особенности исправления и перевоспитания осужденных в учреждениях, исполняющих наказание, личностные свойства этих лиц, процесс их адаптации к пребыванию в данных учреждениях, психические состояния, вызываемые лишением свободы; разрабатывающая методы воспитания положительного отношения к труду, формирования установки на исправление.

Пенитенциарная психология изучает как психологию отдельных осужденных, так и структуру формальных и неформальных групп в местах заключения, психологические механизмы их возникновения и функционирования. Результаты научных исследований по пенитенциарной психологии используются при создании практических психолого-педагогических рекомендаций, направленных на ресоциализацию правонарушителей, создание у них психологической готовности к нормальной жизни на свободе, а также на предупреждение рецидивной преступности.

Пенитенциарную психологию называют также «исправительно-трудовой», «уголовно-исполнительной» (по названию соответствующей отрасли права) или исправительной. Эти термины в настоящее время рассматриваются как синонимы.

9.2. Психологическая характеристика сотрудника исправительного учреждения

9.2.1. Психологические требования к личности персонала пенитенциарных учреждений

Поскольку исправительные учреждения (ИУ) обладают специфическими чертами (постоянное проживание в месте лишения свободы законно осужденных преступников; преимущественное использование внешних и высокоструктурированных средств контроля поведения, которые зачастую носят аверсивный (лат. *aversio* — отвлечение) характер, например одиночное заключение, лишение привилегий); четкое разграничение ролей персонала и заключенных; как правило, стремление классифицировать преступника в соответствии с личностными характеристиками, досье судимостей или реабилитационным потенциалом; попытки изменить течение криминальной карьеры заключенного), эффективность деятельности этих учреждений во многом зависит от профессиональной компетентности и психологической пригодности персонала. В силу этого в пенитенциарной психологии традиционно уделяется существенное внимание обоснованию психологических требований, предъявляемых к сотрудникам этой системы. Отечественные психологи (М.Г. Дебольский, А.Д. Глоточкин, В.Ф. Пирожков, В.М. Поздняков, Е.А. Пономарева и др.) в числе профессионально значимых качеств сотрудника исправительных учреждений выделяют: нравственную активность, эмоциональную устойчивость, развитые педагогические и коммуникативные способности, психологическую готовность к службе, устойчивость к неблагоприятному влиянию среды осужденных и др. Рассмотрим значение этих качеств в деятельности сотрудников основных подразделений ИУ.

Организационной структурой исправительных учреждений является *отряд*. Комплектование отрядов осужденными осуществляется исходя из педагогической, режимной, производственной, криминологической и индивидуально-психологической целесообразности. Численность осужденных в отряде составляет 80—100 человек. Руководство отрядом осуществляет начальник, который подчинен начальнику отдела по воспитательной работе. Кроме того, деятельность начальника отряда курируют (по своим линиям работы) начальник оперативно-режимного отдела и начальник производст-

венного отдела. Непосредственных подчиненных у начальника отряда, как правило, нет. Поскольку эта должность в ИУ ключевая, на нее возложена основная работа по организации и проведению всего комплекса мероприятий с осужденными отряда.

На *начальнике отряда* лежит персональная ответственность за выполнение возложенных на отряд задач. Он осуществляет всю *воспитательную и просветительскую* работу в отряде, привлекая в этих целях других сотрудников. Изучив личность осужденного (его социальный статус, неформальную роль и взаимоотношения с другими осужденными), начальник отряда на основе этой информации планирует индивидуально-воспитательную работу. Значительное место в работе начальника отряда занимает проведение *аттестации осужденных* в связи с подготовкой условно-досрочного освобождения, переводом на поселение, помилованием и другими изменениями.

Кроме того, начальник отряда:

- проводит регулярные собрания с осужденными;
- принимает их по личным вопросам;
- разъясняет вопросы уголовно-исправительного законодательства и правила внутреннего распорядка;
- решает проблемы бытового и трудового устройства;
- выявляет лиц, подлежащих общеобразовательному, правовому и производственному обучению;
- проводит мероприятия по формированию потребности к труду;
- участвует в установлении норм выработки;
- контролирует санитарное состояние помещения отряда и соблюдение правил личной гигиены;
- обеспечивает исполнение законов и законных требований осужденных;
- анализирует условия и причины нарушений режима содержания;
- проводит профилактическую работу;
- разрешает конфликты;
- поддерживает связь с шефами.

Таким образом, главной стороной деятельности начальника отряда ИУ является *социальная*, отражающая его роль как проводника правовых и нравственных идей. Привитие осужденным социально одобряемых ценностей, а также нравственных качеств (гуманность, честность и т.д.) невозможно без твердой веры в конечный успех этой работы. И эта вера должна передаваться осужденным, заражая даже самых апатичных из них.

Поскольку начальник отряда постоянно работает с людьми и часто решает производственные, а также воспитательные задачи, ему необходимо быть хорошим организатором. Талант воспитателя в *организационной деятельности* проявляется прежде всего в создании

коллектива осужденных, в руководстве этим коллективом и производственными процессами. Еще Ф.М. Достоевский отмечал, что

арестанты без хорошо организованной работы похожи на пауков в склянке, которые готовы поесть друг друга.

Начальнику отряда мало наметить стратегию воспитательного воздействия — нужно уметь провести в жизнь свои замыслы и при этом преодолеть открытое и скрытое сопротивление окружающих. Для решения сложных организаторских задач воспитателю необходимо обладать определенным авторитетом в глазах осужденных. А этот авторитет зависит от:

- (1) творческого подхода к решению воспитательных задач;
- (2) высокоразвитого чувства ответственности как за свои действия, так и за действия подчиненных;
- (3) высокого уровня общей культуры.

Коммуникативная деятельность начальника отряда связана прежде всего с организацией общения с осужденными, в ходе которого происходит направляемый воспитателем обмен информацией. Здесь важно не только то, что говорится, но как и кем говорится. Пени-тенциарной психологии известны многочисленные случаи, когда хорошо образованный воспитатель не мог донести свои слова до сознания осужденных в связи с возникновением между ними так называемого «психологического барьера». Поэтому воспитателю ИУ необходимо обладать умением внимательно слушать и находить индивидуальный подход к каждому подопечному. Более того, эффективность взаимодействия воспитателя с осужденным во многом зависит от знания подробностей его биографии:

- где и когда родился;
- какое имеет образование, профессию и специальность;
- где работал до осуждения и какие были взаимоотношения с окружающими, имел ли семью;
- этнические обычаи и традиции;
- наиболее существенные жизненные обстоятельства (был ли рожден в браке, воспитывался ли у родителей или одним из них, в каких материальных условиях);
- каким наказаниям подвергался;
- какова шкала предпочтений;
- в каком возрасте и при каких обстоятельствах совершил первое преступление;
- где и при каких условиях приходилось отбывать наказание;
- совершил ли последнее преступление в составе группы, какое положение занимал в ней;
- каков уровень зараженности криминальной субкультурой, знает ли жаргон, значение своих татуировок, при каких условиях они были нанесены;

- имеет ли болезни и физические травмы;
- как относится к своему нынешнему положению, чем живет, на что надеется, как планирует свое будущее.

Более того, практически весь спектр проблем общения осужденных с внешним миром осуществляется также непосредственно через начальника отряда (переписка с родственниками, организация свиданий, запросы в различные инстанции, регистрация актов гражданского состояния, различные выплаты через бухгалтерию и др.). Для выполнения этих задач начальник отряда контактирует со всеми службами исправительного учреждения.

Конструктивная деятельность начальника отряда связана с созданием воспитательной тактики и стратегии и включает в себя следующие аспекты:

- 1) содержание будущей деятельности (планирование);
- 2) систему и последовательность собственных действий;
- 3) систему и последовательность действий воспитуемых (при этом проектируется деятельность коллектива в целом, отдельных его групп, а также отдельных осужденных).

Начальник отряда ответственен и за *работу по предупреждению нарушений режима и профилактике преступлений*. С этой целью он осуществляет осмотры, досмотры осужденных, изъятие запрещенных для хранения и использования предметов, проводит служебное расследование, дознание, выявляет лидеров, контролирует процессы формирования групп с отрицательной направленностью. Используя полученные сведения, он вовлекает осужденных в социально полезную деятельность, ведет с ними беседы, применяет на практике средства и методы психологической коррекции поведения, проводит работу по подготовке к жизни на свободе.

В исправительных учреждениях не менее важными являются *оперативно-режимная и охранная служба*. Ее сотрудники:

- обеспечивают охрану и режим содержания осужденных;
- предупреждают и раскрывают преступления в местах лишения свободы;
- используя средства и методы оперативно-разыскной и режимной деятельности, проводят дознание и неотложные следственные мероприятия;
- осуществляют профилактические «мероприятия по ликвидации группировок отрицательной направленности» и «развенчиванию» их лидеров;
- во взаимодействии с внутренними войсками и территориальными ОВД осуществляют розыск бежавших;
- организуют и проводят обыски, осмотры осужденных, помещений и территорий;

- осуществляют организационные мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций;
- содействуют аппаратам уголовного розыска в розыске преступников, бежавших из мест лишения свободы.

Третью категорию личного состава ИУ составляет *инженерно-технический персонал*, непосредственно занятый производством. Наряду с ответственностью за инженерно-технологическую часть им поручена и воспитательная работа. Они должны непосредственно проводить работу по перевоспитанию лиц, подвергнутых уголовному наказанию, вовлекать их в социально полезную деятельность. Инженерно-технический персонал помогает осужденным сформировать профессионально-технические навыки, овладеть профессией, обрести профессиональную уверенность. В связи с этим работникам производства необходимо знать индивидуально-психологические особенности личности осужденных, процесс формирования микрогрупп, осуществлять меры по предупреждению преступлений и нарушений режима на производственных объектах (кражи, изготовление неучтенной продукции, оружия и др.). В рабочее время инженерно-технический персонал взаимодействует со всеми службами ИУ, обеспечивающими режим содержания, обучения, воспитания, исправления осужденных.

Личный состав всех категорий работников ИУ должен быть также готов к проведению мероприятий по борьбе с массовыми беспорядками, неповиновением администрации, захватом заложников и т.д. Ему необходимо владеть тактическими приемами действий в экстремальных ситуациях, средствами связи, табельным личным оружием и приемами самозащиты, управлять транспортными средствами, оказывать доврачебную помощь.

9.2.2. Профессиональная деформация личности сотрудников исправительных учреждений

В массовом сознании бытует расхожее мнение о том, что в уголовно-исполнительной системе работают люди с садистскими наклонностями, высоким уровнем агрессивности, низким интеллектом и т.п. Этот стереотип чаще всего формируется на основе целенаправленного искажения событий в средствах массовой информации, влияния ряда детективных произведений, фильмов, взявших на себя роль трансформатора массового пенитенциарного опыта, отдельных ситуаций, связанных с нарушением законности.

И хотя специально проведенное исследование (Б.Г. Бовин, 2009) установило, что в целом усредненный личностный профиль сотрудников пенитенциарных учреждений существенно не отличается от профилей личности работников других правоохранительных органов, общественный резонанс привел к необходимости изучения при-

чин нарушений законности в местах лишения свободы пенитенциарными психологами и педагогами (М.Г. Дебольский, А.В. Пищелко, В.И. Белослудцев, И.И. Соколов и др.).

Было, в частности, выявлено, что причинами противоправных действий сотрудников ИУ служат:

- несоответствие личностных качеств требованиям профессиональной деятельности;
- профессиональная некомпетентность;
- эмоциональная несдержанность в ситуациях провокации (оскорбление чести, достоинства и т.п.);
- влияние менталитета, выработанного в тоталитарном государстве;
- слабая материальная обеспеченность сотрудников;
- профессиональная деформация персонала.

Последний феномен заслуживает особого внимания. Когда говорят о *профессиональной деформации*, то имеют в виду изменения и нарушения в личности сотрудников, вызванные специфическими факторами деятельности и отрицательно влияющие на ее осуществление, результат взаимовлияния специфики служебной деятельности и личностных характеристик.

Деформирующее влияние на личность сотрудников ИУ оказывают, прежде всего, следующие *факторы*:

- закрытость исправительных учреждений;
- идентификация сотрудниками себя с властью, а осужденных — с «невольниками»;
- тесный контакт с криминогенной средой, особенно в отдаленных и лесных исправительных учреждениях;
- высокая хроническая стрессогенность профессиональной деятельности, связанной с постоянной угрозой эмоциональной или физической агрессии со стороны осужденных и высоким уровнем эмоциональности в общении.

Под воздействием перечисленных факторов у сотрудников исправительных учреждений постепенно снижается требовательность к себе, своим поступкам, действиям, решениям. На более ранних этапах службы личностные изменения проявляются лишь в усвоении профессионального жаргона, уголовной жестикюляции, подражании некоторым поведенческим манерам осужденных, а в последующем — в потере способности к сопереживанию чужому горю и формировании установки на ужесточение наказания.

Рукоприкладство, грубость, применение спецсредств без необходимости — крайние формы проявления профессиональной деформации. Исследования упомянутых выше ученых подтверждают, что среди сотрудников пенитенциарных учреждений, имеющих стаж службы более 10 лет, гораздо больше акцентуантов, которым свойственны агрессивность, понижение доброжелательности, сни-

жение позитивного эмоционального отношения к людям и службе, снижение коммуникативности, чем среди молодых сотрудников. Наглядно механизм формирования профессиональной деформации описан в работе «Эксперимент с моделированной тюрьмой», где авторами сделан вывод, что именно социальная роль (например, «надзиратель») меняет психологию и поведение человека, побуждая действовать на основе сложившихся социальных стереотипов. Таким образом, профессиональная деформация — это не просто «пережиток тоталитарной системы» или проявление российского менталитета, а общечеловеческий социально-психологический феномен.

Подтверждением сказанного служит широко известный эксперимент американского психолога С. Милграма (1965).

Ученый формировал у испытуемого установку, что он — учитель и должен будет наказывать своих учеников за допущенные ошибки при заучивании иностранных слов. В качестве наказания использовался удар током, напряжение которого постоянно увеличивалось от 15 до 450 вольт с шагом в 15 вольт. На пульте были нанесены цифры с указанием напряжения и пометкой: «слабый удар» (15—60 В), «чувствительный удар» (75—150 В), «очень чувствительный удар» (165—250 В), «опасно-мощнейший удар» (265—450 В). Как только «ученик» допускал ошибку, экспериментатор требовал от учителя переключить тумблер на одну ступеньку выше, невзирая на крики испытуемых.

Оценивая итоги эксперимента, С. Милграм пришел к следующему выводу: если бы в Соединенных Штатах была создана система лагерей смерти по образцу Германии, подходящий персонал для этих лагерей можно было бы набрать в любом американском городе средней величины.

С. Милграм

Ф. Зимбардо

В целом эксперимент показал, что даже вполне благопристойные люди, когда им доверяют общественно значимую деятельность и наделяют властными полномочиями, одновременно снимая персональную ответственность за последствия своих действий, склонны к проявлению неоправданной жестокости ради выполнения поставленной перед ними социальной задачи. Поэтому закономерно, что и в условиях пенитенциарного учреждения, где объектом карательно-воспитательного воздействия является преступник, т.е. человек, нарушивший закон и зачастую имеющий те или иные пороки, механизм проявления по отношению к нему жестокости со стороны сотрудников может становиться еще менее личностно болезненным, чем в приведенном эксперименте. Здесь действует психологический механизм *дегуманизации противника* — раз он плохой, то по отношению к нему можно применять самые жестокие меры.

Отмечая реальность действия в исправительных учреждениях данного механизма деформации персонала, автор знаменитого Стэнфордского тюремного эксперимента Ф. Зимбардо (1974) отмечал, что

надзиратель тюрьмы — такая же жертва системы, как и заключенный.

Однако какими бы сложными ни были ситуации, как бы ни «давили» на человека внешние условия, он всегда должен сам принимать решения и нести за них ответственность.

В качестве *мер профилактики профессиональной деформации личности* могут выступать:

- (1) профессиональный отбор и профессиональная ориентация сотрудников ИУ;
- (2) создание компенсирующих условий для расширения социальных связей;
- (3) создание благоприятного морально-психологического климата в коллективе;
- (4) обеспечение надлежащей системы контроля за деятельностью сотрудников;
- (5) создание кабинетов психологической подготовки и разгрузки;
- (6) формирование профессионального иммунитета на основе социально-психологического тренинга и пр.

9.3. Психологические проблемы наказания и исправления преступников

9.3.1. Отношение осужденных к наказанию и его последствия

С позиций пенитенциарной психологии рассмотрение феномена наказания через покарание и исправление, профилактирова-

ние совершения новых преступлений обосновываются спецификой психологических закономерностей и механизмов необходимых при этом мер воспитательного воздействия.

Автор пятитомной «Истории царской тюрьмы» М.Н. Гернет говорил:

Наказание как кара только тогда будет действенной, если суд с учетом субъективной стороны преступления и перспектив изменения личности осужденного изберет такую меру причинения физических и моральных страданий, которые бы не ожесточали его, а заставляли испытывать угрызения совести и стремиться к позитивным самоизменениям, а главное — адекватно воспринимать назначенную меру наказания.

М.Н. Гернет

Правильное восприятие справедливого наказания осужденным возможно только при возникновении «установки на раскаяние», которая играет роль фильтра на пути усвоения всех воспитательных воздействий. Поэтому для эффективной психокоррекции чрезвычайно важно перестроить установки осужденных по отношению к наказанию и преступлению.

Отношение к наказанию — главное личностное переживание осужденного. Это своеобразное кредо, характеризующее уровень правового и нравственного сознания осужденного и опосредующее

отношение к целям и средствам исправления, ресоциализации, общественно полезному труду, воспитательной работе, образовательному обучению и профессиональной подготовке.

Данный феномен отличается подвижностью и динамичностью, что позволяет сотрудникам ИУ заниматься его формированием. По данным исследования, проведенного в 2008 г., около 25% отбывающих наказание считают осуждение и наказание справедливыми, около 45% — осуждение справедливым, но меру наказания слишком суровой, около 30% — и то и другое несправедливыми. Наиболее распространенной психологической формой защиты осужденных является самооправдание, инициирующее развитие представления о своей невиновности и несправедливости отбываемого наказания. Обычно к концу срока отбытия наказания число лиц, полностью отрицающих справедливость осуждения и наказания, сокращается.

Международный и отечественный опыт применения уголовного наказания свидетельствует о его глубоком, разностороннем и зачастую

нежелательном влиянии на личность осужденного. Психологи-пенитенциаристы (М.Н. Гернет, В.Ф. Пирожков, Г.Ф. Хохряков и др.) отмечают следующее.

1. В связи с уголовным наказанием личность осужденного приобретает особое правовое положение, заключающееся в ограничении ее прав, но, как известно, любые ограничения и запреты порождают у осужденных стремление к их нарушению, активизируют в этом отношении их изобретательность и изощренность.

2. Кроме того, в условиях изоляции человек приобретает и специфические обязанности, в рамках которых обычные для любого гражданина нравственные нормы приобретают правовой характер, а их нарушение влечет правовые последствия.

3. Сам факт социальной изоляции носит для личности стигматизирующий характер: приобретается социальный статус преступника или правонарушителя, который воспринимается как акт клеймения, вызывая чувство неполноценности и активизируя механизмы его компенсации и психологической защиты.

4. Изоляция от общества связана с принудительным изменением образа жизни и включением осужденного в новые для него социальные процессы, в организованную особым образом жизнедеятельность.

5. В условиях социальной изоляции человек включается в специфическую среду, где собраны лица с различной степенью криминализации, в которой могут преобладать социально-безнравственные нормы, ценности, традиции. Их усвоение ведет к дальнейшей нравственной деградации человека, противодействиям исправительным усилиям персонала ИУ.

Элементами наказания, сильнее всего влияющими на личность осужденных, выступают: срок наказания, перспектива досрочного освобождения, жизнь под постоянной охраной и надзором, строгая регламентация, ограничение свободного передвижения, принудительный характер труда, моральные переживания, невозможность иметь нормальные половые отношения (последние приводят к гомосексуальным отношениям). Наиболее типичными ситуациями в таких условиях выступают:

- (1) фрустрация — ломка и крушение жизненных планов и перспектив;
- (2) прессинг-ситуация — сверхсильное давление криминальной среды на личность, способное существенно исказить мотивы и поведение осужденного;
- (3) ситуация психической травмы, связанная с разрушением прежних привычных связей и образа жизни.

Каждая из этих ситуаций обладает как позитивными, так и негативными последствиями для личности.

При стереотипном и длительном образе жизни в местах лишения свободы происходят стирание граней между различными типами

личности и формирование нового типа — личности осужденного. Такой личности, как правило, присущи:

- (1) интенсивное формирование и закрепление социально-групповых свойств, присущих человеку, изолированному от общества;
- (2) акцентуация качеств, которые в обычных условиях свободной жизни у них не проявлялись.

Психологические влияния на личность зависят от возрастных и половых особенностей, вида режима, наличия опыта отбывания наказания, степени подверженности асоциальной (тюремной) субкультуре.

Что же касается последнего фактора, отметим, что в нормативной системе сообщества осужденных, регулирующей поведение его членов, выделяются три основные группы *субкультурных норм*:

- (1) *регулирующие отношения осужденных с администрацией колонии* — «не оказывай помощи администрации», «не вступай в актив самодельных организаций»;
- (2) *регулирующие отношения между всеми осужденными* — «не воруй у своих», «не обманывай своих», «вовремя плати карточные долги»;
- (3) *закрепляющие деление осужденных на «касты» и регулирующие отношения между членами каст*: для привилегированных — «соблюдай нормы», «не оказывай помощи нижестоящим»; для непривилегированных — «выполняй за всех грязную работу», «не садись за один стол с другими осужденными».

В субкультуре есть свои традиции с разнообразными обрядами и ритуалами, например: «прописка» — прием новичков в группу и приписывание им группового статуса; «ломать корянку» — от порции хлеба отщипываются маленькие кусочки, вместе ломавшие корянку становятся «кентами», или названными братьями, и могут объединиться в одну группу — «семью».

Традиционным для субкультуры является обычай *принесения клятвы* («клянусь зоной», «век свободы не видать»), который играет важную роль в сплочении сообщества и проверке его членов на преданность. Клятвопреступник опускается на низшие ступени групповой иерархии. Клятвы, в частности, дают новички, обязуясь следовать всем нормам субкультуры. Клятва может даваться в ответ на предъявленное обвинение в каком-либо нарушении или по некоторому конкретному поводу (обещание заплатить карточный долг).

В субкультуре наряду с клятвами существует и ритуал *наложения проклятия*. Проклятие направлено на причинение морально-психологического ущерба проклинаемому и считается, что оно обладает магической силой. Содержание проклятия может быть самым разнообразным: потеря жизни, здоровья, социального благополучия проклинаемым или его родственниками. А форма, как правило, однообразная — ненормативная лексика.

Основной способ снять проклятие или уничтожить его силу — высказать встречное, более сильное проклятие. Поэтому начинается обмен проклятиями, носящий форму состязания. Обмен проклятиями — это не нецензурная перебранка, а состязание в уровне интеллекта, быстроте реакции, остроумии, знании тюремных законов.

В субкультуре осужденных, как и в архаичных культурах, широко распространены *табу* (на жаргоне — «западло»). Например, табуирован красный цвет: предметами данного цвета нельзя пользоваться; или нельзя ни перед кем становиться на колени (особо рьяные последователи тюремных традиций выкалывают на коленях пятиконечные звезды). Если осужденный путем насилия или обмана («Посмотри, не твои ли сигареты лежат под кроватью?») встал на колени, его статус понижается: вставший на колени не может командовать другими. Для лидеров существуют свои табу. Так, авторитет не может участвовать в художественной самодеятельности: его дело руководить людьми, а не паясничать на сцене.

К другим основным проявлениям субкультуры относятся жаргон, татуировки и клички. Эстетическую сторону субкультуры выражает *блатной фольклор*. У преступников есть свои обряды, игры, стихи, пословицы и поговорки («Раньше сядешь — раньше выйдешь»), песни. Блатные, «каторжные» песни представляют собой уникальное явление не только для субкультуры, но и для всей народной культуры.

В отечественной и зарубежной криминологии выдвигались различные гипотезы по объяснению *причин возникновения асоциальной субкультуры осужденных*. Одни ученые видят причины этого феномена в остаточном действии воровских традиций. Представители другой точки зрения (например, польский социолог Я. Курчевский) объясняют возникновение субкультуры воздействием сексуальной изоляции, которая делит людей на активных и пассивных гомосексуалистов, позволяя первым морально оправдывать сексуальную эксплуатацию вторых. Из этой гипотезы следует, что сексуальная изоляция должна вызывать проявления асоциальной субкультуры везде, где свобода разнополых сексуальных контактов сильно ограничена.

Другие исследователи (польские криминологи А. Подгурецкий, Б. Холыст), подвергая критике эту гипотезу как весьма ограниченную, считают, что условия сексуальной изоляции не всегда способствуют возникновению субкультуры (например, полярники на зимовке). В то же время она проявляется в закрытых учреждениях для подростков 11—12 лет, у которых сексуальные устремления еще не сориентированы. Поэтому представляется более естественным объяснять истоки возникновения субкультуры осужденных с позиции изменения характера жизнедеятельности личности в условиях лишения свободы. То есть субкультура осужденных по своей социальной сущности является адаптивным, приспособительным механизмом.

Вместе с тем для мест лишения свободы асоциальная субкультура — явление закономерное и объективное. Ее не следует считать продуктом «злой воли» преступников, а также объяснять социально-нравственной запущенностью осужденных. Специфичность субкультуры определяется уникальностью взаимосвязанных факторов, присущих в полной мере только наказанию в виде лишения свободы, а именно: принудительная изоляция индивидов от общества; включение индивидов в однополюсные группы на уравнительных началах; жесткая регламентация поведения во всех сферах жизнедеятельности.

Действие этих факторов постоянно и принципиально неустранимо, поскольку они являются необходимыми элементами лишения свободы. Все это нарушает привычные способы жизнедеятельности, лишает или резко ограничивает человека в удовлетворении целого ряда элементарных потребностей, снижает возможность получения новых впечатлений, делает жизнь монотонной. Осужденные пытаются найти новые способы выполнения ведущих социальных функций или же такие заменители, которые давали бы возможность реализоваться потребностям в общении, самоутверждении, самоуважении и т.д.

Таким образом, *источником возникновения асоциальной субкультуры являются существенное отличие условий жизни на свободе от условий исправительного учреждения и стремление осужденных приспособиться к этим новым условиям, восстановить, насколько возможно, привычные формы жизнедеятельности.*

Указанные выше социальные факторы являются объективными, внешними по отношению к социальной среде мест лишения свободы.

Но существуют и внутренние социально-психологические факторы, поскольку общество осудило и изолировало осужденных и тем самым противопоставило их основной массе законопослушных граждан. Общность социального положения, наличие общих ценностей (свобода, справедливость) способствуют тому, что осужденные начинают осознавать себя членами единого сообщества («мы»), имеющего общие интересы и противопоставленного людям, живущим на свободе («они»). А сообщество, имеющее особые интересы и ценности, вырабатывает и специальные нормы, направленные на защиту этих интересов и ценностей и сплочение самого сообщества.

9.3.2. Сущность и содержание исправления осужденных

Несмотря на то что действующий ныне Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 № 1-ФЗ (ред. от 7 февраля 2011 г.), содержит определение понятия «исправление осужденных» (п. 1,

ст. 9¹), среди ученых по сей день продолжаются дискуссии о содержании и пределах изменений в психологии лиц, отбывающих наказания. При этом часто привлекаются такие близкие понятия, как «ресоциализация», «перевоспитание», «личностная реорганизация» и др., но без раскрытия их содержания и взаимосвязей. В публикациях пенитенциарных психологов также констатируется неоднозначность употребления термина «исправление осужденных».

Для российской пенитенциарной традиции характерна вера в возможность исправления осужденных. Еще в 1912 г. С.В. Познышев по этому поводу писал:

Если нет прирожденного преступника, нет и неисправимого преступника.

Современное понимание «исправление осужденного» предполагает использование, прежде всего, воздействий по:

- (1) реорганизации личности, приводящей к устранению личностных дефектов, обусловивших совершение преступления;
- (2) ресоциализирующим влияниям, обеспечивающим выработку установок и паттернов (образцов) просоциального поведения;
- (3) реабилитационным мерам, снимающим издержки изоляции от общества и организующим оптимальное вхождение в общество после освобождения.

Такое понимание сущности понятия «исправление осужденного» базируется на восприятии осужденных как субъектов, способных к исправлению через участие в специально организованных исправительных программах и самовоспитание осужденных.

Большинство юристов отрицают возможность коренного изменения психологии человека, а психологи и педагоги, наоборот, обосновывают реальность возможностей позитивного изменения личности осужденных. Поэтому выявление закономерностей и механизмов исправления различных категорий осужденных является предметом широких исследований, проводимых сегодня и за рубежом, и в России.

Опыт отечественной пенитенциарной практики (А.Я. Герда, А.С. Макаренко и др.) перевоспитания несовершеннолетних преступников служит подтверждением возможностей их исправления в условиях особой, просоциальным образом организованной пенитенциарной среды. При этом успешно формировались, как правило, положительная направленность (ценностные ориентации, убеждения, жизненные планы, смысл жизни), воля, настойчивость, выдержка, целеустремленность, дисциплинированность и др. Однако

¹ *Исправление осужденных* — это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

податливость исправлению взрослого человека, как известно, значительно меньше.

А.Д. Глоточкин и В.Ф. Пирожков связывают *успешность исправления* с субъективными и объективными факторами, их благоприятностью, психофизиологическими, индивидуально-психологическими, криминально-нравственными, социально-психологическими, возрастными факторами, преодолением ошибочных взглядов (переубеждением). Исправление требует преодоления психологических барьеров, учета механизмов психологической защиты, достижения правильного восприятия наказания осужденным, формирования установок раскаяния, покаяния. Признание вины предполагает искреннее раскаяние.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России, где меры по соблюдению прав личности осужденного и усилению безопасности среды учреждения рассматриваются как приоритетные, особую актуальность приобретает создание системы воспитательных и оперативно-режимных мер, повышающих психологическое воздействие на осужденных, в целях побуждения их к раскаянию и покаянию, явке с повинной и участию в исправительных программах.

9.4. Психологическое изучение и коррекция личности осужденного

9.4.1. Динамика психических состояний осужденных

Исследование динамики психических состояний человека, лишённого свободы, приводит к выводу о наличии определенных закономерностей и нескольких адаптационных периодов (фаз). Лишение свободы — это всегда крушение жизненных планов человека, резкая смена образа жизни. Возникающие у него в связи с этим негативные психические состояния и поведенческие проявления протекают на фоне необходимости адаптации к условиям конкретного учреждения, исполняющего наказание.

Наиболее острые отрицательные психические состояния осужденные испытывают *в фазе первоначальной адаптации к условиям отбывания наказания* (первые 3—6 месяцев). Так, для тех, кто впервые лишился свободы, характерны состояния фрустрации, депрессии, тоски (по дому, родным, близким).

Внешне острые негативные психические состояния, как правило, проявляются в апатичности, отрешенности или повышенной раздражительности, агрессивности в отношении к окружающим или к самому себе. Подобные проявления обусловлены ломкой сложившихся стереотипов, затруднениями в общей ориентировке и утверждении в среде осужденных. При этом в зависимости от уровня

криминализации личности и субъектов «адаптационной поддержки» осужденные могут избрать различные *тактики поведения и вхождения в коллектив ИУ*:

- (1) поддержка актива и администрации;
- (2) борьба за лидерство и самоутверждение;
- (3) выжидание;
- (4) поиск покровителя;
- (5) нейтралитет;
- (6) полная неадаптированность.

Сотрудникам ИУ необходимо строить индивидуальную работу с осужденными, учитывая возможные проявления указанных тактик. При этом внимательное изучение внешней активности и характера переживаний осужденных позволяет предупреждать межличностные или личностно-групповые конфликты, предотвращать суицидальные попытки, оказывать поддержку в адаптации к конкретным условиям и ситуациям отбывания наказания.

Через 5—6 месяцев пребывания в исправительном учреждении (причем в зависимости от меры преодоления внутриличностных конфликтов и освоения требований внешней среды) для осужденных типичным является выход на *вторую фазу адаптации* — «*вхождение в роль*». Ее особенностью является то, что личностные реакции многих осужденных на факт социальной изоляции и воздействия внешней среды нивелируются и они все больше в типовых ситуациях как бы становятся похожими по внешним поведенческим проявлениям (походка, позы, жестикация, жаргон, обращение к персоналу и т.д.) на «сидельных» осужденных. Это свидетельствует об усвоении стереотипов «тюремного ролевого поведения». Но наряду с этим наблюдаются попытки проявления интереса и индивидуальных особенностей на производстве, во время досуга, в отношениях с «близкими по духу» осужденными («земляками», «сверстниками» и т.п.).

Третья фаза — «*завершение адаптации*» — наступает, как правило, к концу первого года отбывания наказания и характеризуется тем, что осужденные начинают жить не только прошлым и настоящим, но и надеждой на будущее. Главная задача сотрудников ИУ в этот период состоит в том, чтобы в жизненных планах осужденного нашло отражение не только стремление любыми путями отбыть наказание, но и выработалось желание позитивно изменить себя, преодолеть преступный образ мыслей, негативизм к людям и социальным институтам, аморальные привычки и пр. Кроме индивидуальной воспитательной работы с осужденными сотрудники ИУ (воспитатели, начальники отрядов, бригадиры, оперативные работники, негласные сотрудники) должны воздействовать и через позитивные ритуалы, обычаи, традиции, имеющие место в первичных общностях, коллективах учреждения.

9.4.2. Статусно-групповая категоризация в среде осужденных

Успешность исправительных воздействий на осужденного во многом предопределяется психологической компетентностью сотрудников в вопросах расслоения, поляризации среды осужденных и наличием умений выявлять и учитывать их индивидуально-личностные особенности, построения взаимоотношений в воспитательной работе. Научные исследования и практика отечественных пенитенциарных учреждений свидетельствуют, что в них расслоение осужденных на определенные статусно-групповые категории происходит, прежде всего, в зависимости от ориентации на групповые нормы — определенные правила, стандарты поведения, которые приняты в определенных группах и которым должно подчиняться поведение ее членов.

Если поведение осужденного в первую очередь регулируется нравственными и правовыми ценностями, ориентацией на соблюдение правил внутреннего распорядка, стремлением позитивно изменить себя, преодолеть преступные стереотипы и оказывать помощь администрации учреждения в противодействии насаждению воровских традиций, то данных осужденных относят к *группе актива колонии*. Эта группа осужденных состоит из лиц, твердо вставших на путь исправления, активно участвующих в трудовом процессе, общественной деятельности и организации самоуправления осужденных.

Ко второй, наиболее многочисленной, группе осужденных — «нейтралам» — относят тех, кто, с одной стороны, внешне солидарен с официальными нормами и требованиями администрации (не нарушает режима, хорошо трудится, учится), а с другой — открыто не осуждает поведения нарушителей режима, уклоняется от прямой поддержки инициатив администрации и актива, поскольку не осуждает неофициальных норм, существующих в среде осужденных. Подобная двойственность в линии поведения, когда поступки прежде всего зависят от создавшейся ситуации, требуют значительных воспитательных усилий со стороны сотрудников исправительных учреждений. Ведь в зависимости от того, на чью сторону удастся сориентировать «нейтралов», во многом будет зависеть динамика развития оперативной обстановки в ИУ.

К третьей группе осужденных — «отрицалам» — относятся те лица, для которых основным регулятором поведения выступают нормы, сформулированные в «воровском законе». Кроме того, для них характерны оппозиция, а порой и открытое противодействие администрации учреждения; уклонение от участия в общественно полезном труде; стремление доминировать над другими осужденными и жить за их счет; материальная и физическая поддержка нарушителей режима; категорическое неучастие в работе самоорга-

низующихся объединений и пренебрежительное отношение к ним, борьба с активом за сферы влияния и т.д.

В последние годы наблюдается тенденция увеличения численности данной категории осужденных. Это привело к повышению их агрессивности, моральному и физическому давлению по отношению ко всем осужденным, которые не придерживаются «воровского закона», усилению неповиновения администрации, организации побегов, захватов заложников, массовых беспорядков.

Четвертая группа осужденных — «*отверженные*» — лица, чье поведение противоречит как официальным (нравственно-правовым), так и неофициальным («воровским») нормам и обычаям.

Совершенно очевидно, что для создания подобной классификации не требуется серьезных научных изысканий и, конечно же, не нужны специальные исследовательские методики. Отнесение конкретных осужденных к определенным категориям в зависимости от их отношения к определенным ценностным нормам — это лишь первичная ориентировка в возможном направлении их поведения. Полноценное осуществление индивидуального подхода к исправлению, перевоспитанию осужденных должно быть основано на специальном изучении индивидуальных и типологических особенностей их личности. Помощь в этом могут оказать специальные методики, особенно те, которые позволяют дать наиболее полную личностную характеристику, ориентированную на решение задач исправления и перевоспитания.

9.4.3. Теоретические предпосылки изучения личности осужденного

Личность осужденного находится в центре внимания уголовно-исполнительного законодательства. Сама идея ценности человека, его прав и свобод находит свое выражение уже в первых статьях Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Так, согласно ст. 1 УИК «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». Внимание к личности осужденных законодатель проявил и при определении задач уголовно-исполнительного законодательства, среди которых важное место занимает «охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации» (ч. 2 ст. 1 УИК РФ).

С учетом интересов личности осужденных в УИК РФ определяются основные принципы исполнения наказаний: законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения и средств исправления,

стимулирования правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием (ст. 8 УИК РФ).

Статья 109 УИК РФ определяет, что воспитательная работа проводится с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденных и обстоятельств совершенных ими преступлений. Поскольку воспитательная работа по своему содержанию носит психолого-педагогический характер, уголовно-исполнительное законодательство (ст. 110 УИК РФ) определяет лишь основные ее формы и методы, в связи с чем администрации исправительного учреждения предоставляется возможность творчески применять наиболее эффективные средства, методы и приемы воспитательного воздействия с учетом индивидуальных особенностей каждого осужденного, не исключая и зарубежного опыта.

Так, например, в тюрьмах США довольно широко практикуется метод «знаковой экономии». Суть данного метода заключается в следующем. Осужденному первоначально определяются те виды поведения, которые нужно сформировать и закрепить (например, соблюдение распорядка дня, правил вежливого обращения с администрацией и т.д.). За каждый акт желаемого поведения администрация выдает осужденному «знак». Им может быть жетон, квитанция, запись в соответствующей карточке. Каждый знак означает, что в конце определенного срока (дня, недели, месяца) их обладатель может воспользоваться теми или иными благами (например, дополнительной прогулкой, свиданием с родственниками и т.д.). Выбор знаков и стоящих за ними благ зависит от условий программы и изобретательности ее организаторов.

Анализ отечественного и зарубежного опыта приводит к выводу о том, что деятельность ИУ направлена в первую очередь на решение психолого-педагогических задач, которому должно предшествовать всестороннее психологическое изучение личности различных категорий осужденных. Еще Ю.Ю. Бехтерев (1928), подчеркивая важность изучения личности осужденного, отмечал:

Исследование осужденного должно проникать во все подразделения учреждения, обеспечивая решение следующих задач: правильной классификации заключенных в пределах одного ИУ; установления соответствующего режима для каждой категории заключенных; разумной организации трудовых процессов; целесообразной постановки школьной и внешкольной работы; правильного учета результатов пенитенциарного воздействия; повышения педагогической квалификации работников пенитенциарных учреждений.

Личность каждого осужденного есть одна из разновидностей личности преступника, которая, в свою очередь, представляет собой некую абстрактную модель — совокупность социальных и психоло-

гических признаков, характеризующих преступников как некий социальный и психологический тип, отличный от других типов. В своей основе личность осужденного во многом и в целом повторяет личность преступника.

Действительно, лица, отбывающие наказание, не могут измениться полностью. Однако под воздействием новой среды, других преступников, собственных переживаний, факта изоляции, особенно если он длителен, меняются их установки и жизненные цели, нравственные ценности и ориентиры, а следовательно, и мотивы, которые представляют собой смысл соответствующих поступков. Таким образом, меняется все поведение в период отбывания наказания и после освобождения.

В общем виде можно сказать, что *преступник, находящийся в местах лишения свободы, — это отчужденная и в то же время психологически зависимая от внешних факторов личность*. Его личностные параметры следует рассматривать в качестве объектов индивидуального предупредительного воздействия, каким, в сущности, и является исправление осужденных.

Исполнение наказания в виде лишения свободы, как известно, может способствовать еще более глубокому отчуждению от позитивной среды и ее ценностей, отрыву от семьи, друзей, трудового коллектива. Поэтому необходимо предпринять меры, в том числе и психологические, которые позволили бы в максимально возможной степени «снять» указанные негативные последствия отбывания наказания в виде лишения свободы. Это должно реализовываться в двух основных направлениях:

- (1) необходимо всемерно способствовать тому, чтобы тем осужденным, личность которых дезадаптирована, отчуждена, в период исполнения наказания были обеспечены успешная социализация, преодоление социально-психологической изоляции, приобщение к социально полезным ценностям, включение в сферу социально одобряемого общения;
- (2) в отношении тех осужденных, которые не отличаются отчужденностью, нужно принимать наряду с воспитанием у них уважения к законам и солидарности с ними меры для сохранения связей с семьей, трудовыми коллективами и т.д., «причастности» к жизни в самом широком понимании.

В этих целях вся воспитательная работа в исправительных учреждениях должна быть еще более гуманизирована, причем соответствующие меры следует принимать не только к «благополучным» осужденным, а ко всем. Эти меры более настойчиво и концентрированно должны осуществляться в отношении тех, кто больше других запущен в нравственно-педагогическом плане, многократно совершал преступления, упорно сопротивляется воспитательным усилиям, нарушает режим отбывания наказания и т.п.

Источниками получения информации о личности осужденного могут быть:

- беседы с ним и иные контакты, наблюдение за его поведением;
- материалы личного дела, приговор и иные материалы уголовного дела, в особенности акты судебно-психологической, судебно-психиатрической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы;
- переписка осужденного;
- результаты оперативно-разыскной деятельности;
- беседы с родными и близкими осужденного.

Огромное значение в изучении личности осужденного может иметь *применение психологических тестов*. Их использование позволяет дать наиболее полную психологическую характеристику личности, вскрыть мотивы того или иного поведения, решить задачу профессиональной пригодности и выбрать наиболее оптимальные методы коррекции поведения.

Наиболее широкое применение для этих целей нашли прежде всего анкетные (методика многостороннего исследования личности (ММИЛ), 16-факторный вопросник Кеттелла) и проективные методы (методика «Незаконченных предложений»; цветовой тест Люшера; тест Маховер «Рисунок человека»; тематический апперцептивный тест (ТАТ); тест Роршаха). Однако такое тестирование должны проводить специально подготовленные сотрудники.

В целом изучение личности осужденного способствует выполнению следующих основных функций:

- *психодиагностической* — направлена на полное изучение индивидуальных и групповых характеристик осужденных;
- *прогностической* — дает оценку вероятного индивидуального и группового противоправного поведения осужденных;
- *профилактической* — направлена на реализацию способов целенаправленного воздействия на поведение осужденного;
- *профорIENTATIONной* — связана с оценкой психической пригодности осужденного к определенным видам деятельности в условиях ИУ;
- *консультационной* — ориентирована на оказание индивидуальной психологической помощи осужденным.

9.4.4. Типологизация личности осужденных

Не менее важным представляется решение проблемы дальнейшей дифференциации исправления осужденных с учетом результатов психологических исследований. Речь идет об их типологии, а не классификации (при всей ее важности), поскольку именно типология дает возможность зафиксировать наиболее существенные черты, имеющие криминогенное значение.

Отметим, что под *психологическим типом личности* понимается особенное в личности, выделенное по определенному психологическому критерию, позволяющему разделить все личности на необходимое и достаточное число их психологических условных групп. Применительно к человеку типология отличается от классификации прежде всего тем, что в ней речь идет не о любом признаке, а о таком, в котором отражаются сущность, наиболее важные объяснительные характеристики той или иной группы людей. Причем такое понятие, как единое основание для конкретной типологии, не следует трактовать буквально, понимая под этим единственный параметр, измеряющий какое-либо свойство.

Основанием типологии должны быть признаки явлений одного уровня познания (например, в психологии — характерологические свойства или темперамент, направленность личности, ценностные ориентации, мотивы и т.п.). Из сказанного следует, что типология в большей мере, чем классификация, позволяет понять причины преступного поведения, обеспечивает научное объяснение различных явлений.

Для исследований по пенитенциарной психологии знание типичного в осужденном дает возможность вносить предложения по совершенствованию системы режимных мер, социального контроля, повышению эффективности предупредительных мер, улучшению профилактической и воспитательной работы. При этом следует выяснить механизмы возникновения типичного для тех или иных категорий осужденных и на этой основе находить способы активного воздействия на те особенности их личности, которые в известной мере стали причиной преступного поведения или нарушений в период отбывания наказания.

Известно, что еще А.С. Макаренко среди своих воспитанников (бывших правонарушителей) выделял следующие типы людей:

(1) выбранные на три—шесть месяцев командиры отрядов; (2) актив (люди, хорошо относящиеся к задачам учреждения, принимающие участие в работе органов самоуправления); (3) «гниющий» актив (часть актива, к которой предъявляются пониженные требования и которая получила незаслуженные привилегии); (4) резерв актива («подрастающие пацаны, действительная смена, уже и теперь часто показывающая зубы хорошим организаторов»); (5) «болото» (пока ничем себя не проявившие; это состояние временное); (6) «шпана» (те немногие, за которыми группа установила наличие «бьющего в глаза порока», — обжоры, лодыри, болтуны и пр.).

Перспективной для разработки мер воспитательного воздействия является типологизация осужденных на основе *акцентуированных* (существенно выделяющихся) *свойств характера*. Установлено, что акцентуация свойственна в основном осужденным, совершающим

правонарушения в местах лишения свободы. Среди акцентуированных типов чаще всего встречаются:

- *эпилептоидный* — склонность к злобно-тоскливому настроению с накапливающейся агрессией, проявляющейся в виде ярости, гнева с элементами жестокости;
- *неустойчивый* — склонность легко поддаваться влиянию окружающих, постоянный поиск новых впечатлений, компаний;
- *циклоидный* — чередование фаз хорошего и плохого настроения;
- *гипертимный* — постоянно приподнятое настроение, повышенная психическая активность;
- *сензитивный* — повышенная обостренность, уязвимость чувства собственного достоинства.

Рассмотрим также в качестве примера *психологическую типологию осужденных, склонных к совершению умышленных убийств и причинению тяжкого вреда здоровью в ИУ*, основанную на различии внешне регистрируемых психологических механизмов мотивации поведения. Это различие, естественно, предопределяет выбор мероприятий, тактики осуществления индивидуально-профилактических воздействий.

Первый можно условно рассматривать как *аффективный* (эмоциональный) *тип* поведения. Сосредоточение в местах лишения свободы значительного числа лиц, характеризующихся повышенной социально-нравственной запущенностью, приводит к созданию специфического для этих мест социально-психологического климата, который обуславливает соответствующую мотивацию поведения осужденных. В условиях мест лишения свободы, когда действуют жесткие неформальные традиции и правила поведения осужденных, возможность аффективного поведения существенно возрастает. Поэтому совершение преступления против личности во многом предопределяется таким психологическим свойством личности, как неуравновешенность эмоциональной сферы сознания.

Известно, что использование в разговоре определенных оскорбительных кличек одним осужденным в отношении другого, а также оскорбительных выражений или действий, даже однократно допущенных, чрезвычайно значимо для их среды, так как для «оскорбленного» такое обращение может повлечь за собой продолжительные негативные последствия. Поэтому эмоциональная сила такого общения очень часто приводит оскорбленную сторону в состояние аффекта и к противодействию в форме убийства обидчика или нанесения ему тяжких телесных повреждений прямо на месте конфликта. Вероятность такого поведения повышается у лиц с неустойчивой психикой, а также с психическими отклонениями от нормы. Сюда же следует отнести осужденных, употребляющих наркотики и спиртные напитки.

Ко второму рассматриваемому типу поведения осужденных можно отнести *эмоционально-рассудочный тип*. В данном случае умышленное убийство или умышленное тяжкое телесное повреждение является также результатом конфликтных отношений осужденных на основе следования требованиям неформальных традиций и правил поведения, действующих в среде осужденных. Однако здесь конфликтные отношения между осужденными не завершаются аффектом у оскорбленного. Его противодействие, выраженное в умышленном убийстве обидчика или нанесении ему тяжких телесных повреждений, является вполне осознанным актом, соответствующим принятым традициям и правилам, существующим в среде осужденных. В связи с этим совершение насильственных действий может быть отсрочено до более удобного момента в целях сокрытия следов преступления либо подготовки орудий преступления и т.п. В данном случае к эмоциональной стороне противодействия добавляется рассудочный, тактический его компонент. Поэтому для данного типа действий главным является такое психологическое свойство личности осужденных, как неразвитость механизма абстрактного мышления.

К третьему типу относится *рассудочный тип*. В этом случае у осужденных эмоциональная сторона поведения не является доминирующей при совершении указанных преступлений. Здесь умышленное убийство либо умышленное тяжкое телесное повреждение — не цель реализации эмоционального мотива (обида, месть), а способ реализации какого-либо материального мотива. Жертва при этом эмоционально как бы не существует для субъекта рассматриваемых действий. Однако она оборачивается для него неодолимой преградой в удовлетворении той или иной жизненно важной потребности. Сюда же следует отнести и случаи, когда для субъекта умышленного убийства либо умышленного тяжкого телесного повреждения вообще безразлично, кто будет жертвой. Сам факт совершения преступления для него является средством достижения определенной цели (например, стремление изменить место отбывания наказания). Поэтому доминирующими психологическими свойствами осужденных этого типа являются высокий уровень притязаний, завышенная самооценка, а также отсутствие способности к сопереживанию.

Осужденные данной категории совершают убийства и причиняют вред здоровью не только в силу сложившихся обстоятельств, но и вопреки этим обстоятельствам. В отличие от эмоционального и эмоционально-рассудочного типов они сами создают преступную ситуацию или активно ищут ее. Таков далеко не полный перечень признаков, характеризующих представителей данной категории осужденных с точки зрения пенитенциарной психологии.

9.4.5. Индивидуально-профилактическая работа с осужденными

Повышение эффективности воспитательно-профилактических воздействий требует индивидуализации и конкретизации применительно к различным категориям и типам осужденных. В связи с этим типологический подход в изучении и «объяснении» личности осужденного является крайне необходимым. Прежде всего, он позволяет выявить характерные особенности отдельных групп осужденных, показать их специфические черты и предложить меры по дифференциации и индивидуализации карательно-воспитательного и профилактического воздействия на них.

Выше уже были рассмотрены три основных типа поведения осужденных (эмоциональный, эмоционально-рассудочный и рассудочный), которые приводят к совершению умышленных убийств или причинению тяжкого вреда здоровью. Наличие этих трех типов поведения предопределяет три основных направления индивидуально-профилактического воздействия, каждое из которых имеет свой набор мероприятий и способов их осуществления.

1. Профилактика преступлений первой категории осужденных состоит в создании таких условий их жизнедеятельности, при которых существенно затруднено проявление *эмоционального типа поведения*. Первоочередной задачей этого направления служит организация производственной, учебной и других видов деятельности профилактируемых, а также их досуга таким образом, чтобы создать условия, исключающие возможность возникновения конфликтов при общении их с другими осужденными. С этой целью необходимо определить для осужденных выделенной группы соответствующее размещение в жилой секции, столовой, подобрать место работы, ее характер, осуществлять действенный контроль за количеством и качеством их труда. Не следует назначать осужденных, склонных к совершению тяжких преступлений против личности, на работы, в ходе выполнения которых им придется общаться со значительным числом лиц. Лучше, если их работа будет связана со сдельной оплатой труда, что позволит осуществлять ежедневный контроль за выполнением плана работ, а также повысит заинтересованность осужденных в результатах своего труда. В данном случае соображения экономической целесообразности, стремление к удовлетворению потребности в рабочей силе должны быть подчинены интересам индивидуально-профилактической работы. В ходе контроля за их трудовой деятельностью следует чаще обращаться к методу убеждения, нежели принуждения.

Непременным условием для исключения проявления эмоционального типа поведения является изолированное содержание осужденных выделенной группы, находящихся в конфликтных отношениях, друг от друга, а также от других конфликтующих с ними

осужденных. Немаловажное значение имеет незамедлительная изоляция осужденных этой категории, находящихся в нетрезвом состоянии либо употребивших наркотические вещества, а также принятие мер по локализации и пресечению конфликтных ситуаций среди профилируемых.

В повседневной жизни осужденных рассматриваемой категории необходим строгий контроль за их свободным времяпрепровождением, за посещением школы, обязательным посещением мероприятий воспитательного характера и т.д. Организация наблюдения за данным типом профилируемого со стороны работника ИУ обеспечит своевременное выявление конфликтных ситуаций с участием профилируемого и повысит эффективность постоянного контроля за его поведением.

2. Следующее направление включает создание таких условий жизнедеятельности осужденных, при которых существенно затруднено проявление *эмоционально-рассудочного типа поведения*. Как ранее отмечалось, этот тип поведения отличается от эмоционального типа тем, что здесь конфликтные отношения между осужденными не завершаются аффектом у оскорбленного. Однако и в этом случае оскорбленный часто не может найти иную форму решения конфликтной ситуации, помимо умышленного убийства обидчика или причинения тяжкого вреда его здоровью. Поэтому индивидуально-профилактические мероприятия, проводимые в отношении лиц с эмоциональным типом поведения, необходимы и в отношении лиц с эмоционально-рассудочным типом поведения. Однако наличие в этом типе поведения рассудочного компонента при подготовке и совершении преступлений требует проведения дополнительных мероприятий индивидуально-воспитательного характера.

Основными приемами, используемыми для убеждения, следует считать *разъяснение* соответствующих положений и опровержение ложности других. Разъяснение необходимо использовать в беседах с теми профилируемыми, у которых наблюдается нравственно-педагогическая запущенность, неразвитость интеллекта, сознательное противопоставление себя обществу. В этих случаях следует разъяснить:

- значение повышения общеобразовательного уровня, так как хороших результатов профилактической работы при прочих равных условиях легче достичь в работе с лицами, имеющими высокий уровень знаний;
- бессмысленность насилия как средства разрешения конфликтных или иных вопросов жизни;
- неотвратимость наказания за любой проступок;
- уголовный закон и ответственность за умышленное убийство либо тяжкое телесное повреждение с приведением конкретных примеров;

- негативные последствия совершения нового преступления, раскрывая при этом в первую очередь его правовые последствия (признание особо опасным рецидивистом, возможность применения наиболее строгих мер наказания и т.д.).

В беседах с профилактируемыми важно использовать факты и события, имевшие место в конкретном ИУ либо хорошо знакомые им, разъяснять положительные и негативные их стороны, давать им правильную педагогическую оценку.

В тех случаях, когда требуется доказывание ложности, несостоятельности чего-либо, необходимо применять такой прием, как *опровержение*. В ходе его применения требуются веские аргументы для убедительности высказываемых положений, так как происходит пересмотр привычных взглядов и отношений профилактируемого. Следует уделять внимание раскрытию антиобщественной сущности традиций, обычаев, сложившихся в преступной среде и поддерживаемых в настоящее время отрицательной частью осужденных, используя для этого конкретные факты исправления и перевоспитания кого-либо из них.

Метод убеждения требует серьезной подготовки профилактирующего систематического контроля за поведением осужденного в целях оценки результатов его применения, выяснения реакции самого профилактируемого на то, что было предметом обсуждения. В противном случае все предпринимаемые усилия могут быть сведены на нет действием отрицательных факторов, оставшихся незамеченными.

Помимо применения метода убеждения в индивидуально-профилактической работе с осужденными эмоционально-рассудочного типа поведения необходимо *устранять условия*, отрицательно влияющие на профилактируемого: подстрекательство к совершению преступления, вовлечение в пьянство, употребление наркотиков, азартные игры, уклонение от общественно полезного труда и т.п. В этом случае пресечение отрицательных влияний необходимо осуществлять как методом убеждения, так и методом правового принуждения, т.е. путем применения мер дисциплинарной ответственности в отношении правонарушителя.

Последнее направление сводится к созданию таких условий жизнедеятельности осужденных, при которых существенно затруднено проявление рассудочного типа поведения. Эффективность индивидуально-профилактических мероприятий в данном случае находится в прямой зависимости от своевременности и полноты выявления обстоятельств, могущих побудить осужденных к совершению противоправных деяний, направленных против жизни и здоровья.

Эта категория лиц требует всестороннего контроля со стороны оперативных аппаратов, поскольку обстоятельства, способствующие возникновению и формированию замысла на совершение умышленного убийства или тяжкого телесного повреждения, как правило,

не лежат в сфере их эмоционального общения с окружающими. Убийство или тяжкое телесное повреждение для этой категории осужденных являются целью реализации не эмоционального (обида, месть и т.п.), а материального мотива. Сам факт совершения преступления является для них средством достижения определенной цели (поднятие своего «престижа», занятие определенной должности и т.п.).

Профилактическое воздействие на лиц данного типа может осуществляться в разных формах, к основным из которых относятся: специальные беседы; вовлечение его в группу положительно характеризующихся осужденных; привлечение к интересному делу (спорт, изобретательство, художественная самодеятельность и т.п.); оказание содействия в разрешении возникших сложностей личного, семейного или производственного характера, которые могут быть побудительным мотивом к совершению преступления против жизни и здоровья.

Проведение сотрудником ИУ бесед с профилактируемым должно преследовать в первую очередь следующие цели: породить у профилактируемого сомнение в целесообразности разрешения конфликтных ситуаций либо достижения какой-либо цели путем совершения умышленного убийства или тяжкого телесного повреждения; вызвать у него стремление критически задуматься над своим будущим в случае совершения таких тяжких преступлений; подтолкнуть к выбору правильной, позитивной линии поведения.

Следует отметить, что тематика бесед и тактика их проведения не должны основываться на интуиции сотрудника ИУ, а в деталях прорабатываться предварительно оперативным работником и негласным сотрудником и в основных чертах находить свое отражение в задании.

Тактику профилактической беседы и ее тематику желательно определять таким образом, чтобы инициатором ее являлся как бы сам профилактируемый, а не сотрудник ИУ. Предлогом для завязывания беседы и дальнейшего ее развития могут быть: вызовы профилактируемого в оперативный аппарат; недовольства, высказанные в адрес профилактируемого другими осужденными, и т.д.

Вовлекая профилактируемого в группу положительно характеризующихся осужденных, сотрудник ИУ раскрывает преимущества их образа жизни, наличие у них авторитета в лучшем понимании этого слова в сравнении с основной массой осужденных, перспектив на досрочное освобождение и т.п., а также знакомит профилактируемого с этими осужденными, оказывает поддержку в налаживании взаимоотношений с ними на первых порах знакомства и привлекает этих осужденных к осуществлению воспитательного воздействия на профилактируемого.

9.4.6. Личность осужденного к моменту и после освобождения

Изучение личности осужденного к моменту его освобождения из ИУ имеет большое значение для решения вопросов борьбы с рецидивной преступностью. С этой проблемой тесно связана проблема адаптации (приспособления) освобожденного к условиям нормального существования в нормальной социальной среде на свободе. Поскольку главной целью деятельности ИУ является *формирование социально-здорового человека*, которому предстоит освобождение из мест заключения, в этой связи встает проблема доказательства степени исправления человека. Данная проблема представляется такой же актуальной, как и проблема доказательства его виновности.

Всех лиц, освобождающихся из мест заключения, можно разделить на три категории.

1. Лица, вполне исправившиеся в период отбывания наказания. После освобождения они стремятся активно включиться в честную трудовую жизнь. Иногда это стремление помогает преодолеть значительные трудности, с которыми освобожденный сталкивается в период адаптации.

2. Лица с дефектами воспитания. Дефекты воспитания у освобожденных могут быть локализованы в мировоззрении, правосознании (обычно в отдельных его аспектах), моральных и нравственных программах, а также в области трудовых навыков. Положительный прогноз поведения лиц данной категории после освобождения в значительной степени зависит от условий окружающей среды.

3. Лица, не исправившиеся в процессе отбывания наказания. По ряду причин некоторые лица не избавились от своих преступных взглядов, наклонностей и установок. Более того, нередко эти лица в местах лишения свободы обогащают свой преступный опыт, развивают преступные навыки и свое преступное мировоззрение. Освобождение этими лицами рассматривается как возможность продолжения преступной деятельности. Вот почему важна активизация усилий персонала исправительного учреждения по психологической подготовке осужденных к освобождению.

В практике отечественных ИУ *психологическая подготовка осужденных к освобождению* начинается за шесть месяцев до окончания срока отбывания наказания. Ее проводят начальники отрядов, социальные работники, психологи. Программы направлены на активизацию психической деятельности готовящегося к освобождению, помощь в освоении освобожденными новых социальных ролей, восстановление полезных контактов, устранение и нейтрализацию отрицательных факторов, препятствующих ресоциализации после освобождения. В психологическую подготовку осужденных к освобождению включают специальные программы психокоррекционного воздействия, например «Социально-психологический тренинг

подготовки осужденных к жизни на свободе», разработанный М.Г. Дебольским в 1994 г. Его задачами являются:

- (1) развитие и коррекция представлений осужденного о себе (само-сознание);
- (2) познание других людей, формирование гуманистической установки по отношению к другим людям;
- (3) расширение сферы осознаваемого в понимании мотивов противоправного поведения;
- (4) коррекция психологических защит;
- (5) развитие адекватной самооценки и уверенности в себе;
- (6) прояснение и формирование жизненных планов осужденных, коррекция ценностных ориентаций и др.

Основными методами проведения социально-психологического тренинга являются: групповая дискуссия; анализ конкретных ситуаций; ролевая игра; психодрама (социодрама); психотехнические упражнения.

В практике используется и социально-психологический тренинг, разработанный А.С. Новоселовой в 1987 г., который проводится по трем группам конфликтных жизненных ситуаций:

- (1) установочные — ситуации правильного поведения в первое время после выхода на свободу;
- (2) провокационные — ситуации конфликта в семье и проверка «на прочность» в предкриминальных ситуациях;
- (3) перспективные.

В пенитенциарных учреждениях зарубежных стран программы подготовки заключенных к жизни на свободе нацелены на обучение решению возникающих в первое время проблем: куда обращаться в поисках работы, как заполнить анкету или оформиться на работу, как перемещаться в пределах иногда довольно значительных расстояний, что не следует делать, как строить бюджет, расходы, жизнь в семье, как занять свободное время и др. Программы подготовки освобожденного к жизни на свободе разрабатываются с учетом того, что он должен в короткий срок восстановить или приобрести целый ряд навыков, которыми не располагал, находясь в ИУ. Поэтому заключенных активно знакомят с учреждениями, которые могут оказать им помощь, — отделом трудового воспитания, тюремным обществом, Армией спасения, бюро найма рабочих и служащих, местным отделом социального обеспечения, бесплатными клиниками и т.д.

Успех адаптации зависит, по крайней мере, от трех групп факторов.

1. Личностные особенности самого освобожденного — его мировоззрение, черты характера, темперамент, интеллект, правосознание, нравственные установки, образование, специальность, трудовые навыки и т.д.

2. Условия, в которых находился освобожденный, пребывая в ИУ, и которые проявляются в его поведении в первые месяцы на свободе.

К ним относятся: организация трудового процесса, структура коллектива осужденных, срок пребывания в ИУ, учеба, воспитательное воздействие администрации, структура малых групп, в которые входил осужденный.

3. *Условия внешней среды освобожденного* (наличие жилья и прописки, семья и взаимоотношения с ней, работа, удовлетворенность ею и взаимоотношения с трудовым коллективом, отношения с членами малых групп, в которые освобожденный входит по месту работы, месту жительства и т.п., тактика работников, осуществляющих надзор).

В качестве направлений развития науки и практики в области ресоциализирующей деятельности осужденных возможно отметить:

- выработку четких ориентиров в целеполагании и предназначении ресоциализирующей деятельности персонала исправительных учреждений как к деятельности, направленной на пробуждение потребностей у осужденных к самоидентификации как социальных субъектов жизнедеятельности и возвращение обществу полноценных членов;
- координацию и слаженность действий всех правоохранительных и иных государственных органов власти в области ресоциализирующей деятельности осужденных;
- развитие системы подготовки и переподготовки квалифицированных и компетентных кадров в области ресоциализирующей деятельности осужденных, прежде всего в уголовно-исполнительной системе России;
- улучшение системы материально-технического обеспечения ресоциализации осужденных (которую требуется рассматривать в контексте национальной безопасности страны и которая заслуживает статуса национальной программы), и, прежде всего, содержания, развития и деятельности персонала исправительных учреждений;
- улучшение координации и взаимосвязи сотрудников различных видов психологических служб правоохранительных органов, где каждое звено (например, диагностико-распределительные центры при СИЗО, лаборатории психолого-педагогической и социальной работы при исправительных учреждениях, межведомственные центры оказания постпенитенциарной помощи отбывшим наказание при региональных правоохранительных органах), имея свое предназначение и специфические функции в то же время действует взаимосогласованно, на единых научно-методологических основах и принципах;
- проведение систематических исследований по проблемам ресоциализирующей деятельности государственных органов и ее мониторинг.

Что же касается последнего положения, то здесь, на наш взгляд, необходим *неусыпный контроль со стороны гражданского общества*, а также *внимательный анализ требований самих заключенных в отно-*

шении того, что необходимо предпринять органам государственной власти для скорейшей адаптации освобожденного к условиям нормального существования в социальной среде на свободе. И если судить по содержанию листовки общественной организации «Союз заключенных» (2009), то можно заключить, что эти требования не только справедливы, но и способны повлиять на исправление и перевоспитание осужденных, предупреждение рецидивной преступности больше чем многие государственные программы. В числе таких требований: отмена понятия «судимость»; исключение признания из числа допустимых доказательств; выборы судей всех уровней; обязательный адвокатский стаж для судей; введение в план преддипломной практики студентов, специализирующихся на уголовном праве, обязательной стажировки в действующих СИЗО; ограничение срока содержания под стражей по тяжким преступлениям до 6 месяцев, особо тяжким — год; запрет сотрудникам правоохранительных органов выступать в качестве свидетелей обвинения и др.

* * *

Изучив учебные вопросы курса и преступая к практической деятельности, следует руководствоваться ценным методическим замечанием отечественного правоведа И.Я. Фойницкого о том, что

юрист должен видеть в правонарушителе прежде всего человека — живую часть своего народа... солдата, который должен защищать Родину, личность, к голосу которой должен прислушиваться суд, члена коллектива, исполняющего общественные обязанности, главу семьи, существование которой священно, и, наконец, самое главное — гражданина государства.

Контрольные вопросы

1. Что изучает исправительная (пенитенциарная) психология?
2. Назовите психологические требования к личности начальника отряда ИУ.
3. Раскройте факторы, оказывающие деформирующее влияние на личность сотрудников ИУ.
4. Какие меры профилактики профессиональной деформации личности сотрудника ИУ вам известны?
5. Каково психологическое содержание отношения осужденных к наказанию?
6. Какие элементы наказания сильнее всего влияют на личность осужденного?
7. Какова позиция юристов, психологов, педагогов в отношении коренного изменения (перевоспитания) личности осужденного?
8. Назовите закономерности и адаптационные периоды динамики психических состояний человека, лишённого свободы.
9. Какие статусно-групповые категории осужденных вы знаете?
10. Назовите основные функции изучения личности осужденного.
11. Дайте характеристику типам осужденных, склонных к совершению умышленных убийств и причинению тяжкого вреда здоро-

- вью в ИУ. Каковы способы (приемы) профилактики этих преступлений?
12. На какие категории можно разделить всех лиц, освобождающихся из мест заключения?
 13. Раскройте содержание программы по психологической подготовке осужденных к освобождению.
 14. В чем состоит социальная адаптация освобожденного и каковы психологические предпосылки ее эффективности?

Литература

1. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступления и наказания. М., 2000.
2. *Бехтерев Ю.Ю.* Изучение личности заключенного. М., 1928.
3. *Бовин Б.Г.* и др. Методические рекомендации по психологическому отбору лиц, поступающих на работу в исправительно-трудовые учреждения. М., 1993.
4. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник для вузов. СПб., 2003.
5. *Вельский В.Ю., Кравченко А.И., Курганов С.И.* Социология: Учебник для вузов. М., 2004.
6. *Высотина Ю.Ю.* Педагогические основы процесса исправления и перевоспитания осужденных. М., 1977.
7. *Дебольский М.Г.* Социально-психологический тренинг для осужденных «Мои жизненные планы». М., 1994.
8. *Изучение личности заключенного: История, задачи, методика и техника* / Ю.Ю. Бехтерев; Гос. институт по изуч. преступности и преступника. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1928.
9. *Морозов В.М., Дебольский М.Г., Ковалев О.Г.* и др. Организация работы психологической службы пенитенциарных учреждений ФРГ: Учеб. пособие. Владимир, 2000.
10. *Новоселова А.С.* Социально-психологический тренинг в системе нравственного воспитания осужденных при подготовке их выхода на свободу. Пермь, 1987.
11. *Пирожков В.Ф.* Направленность личности и мотивы деятельности осужденного к лишению свободы. М., 1967.
12. *Поздняков В.М.* Личность преступника и исправление осужденных (историко-психологический очерк): Учеб. пособие. М., 1998.
13. *Уголовно-исполнительное право: Учеб. пособие* / Е.А. Антонян, Ю.М. Анто, М.Л. Греков, В.А. Жабский, А.А. Захаров, А.И. Шилов; Под ред. докт. юрид. наук, проф. А.Я. Гришко. М., 2003.
14. *Ушатиков А.И., Казак Б.Б.* Психология основных средств исправления и ресоциализации осужденных. Рязань, 2000.
15. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология: Учебник для вузов. М., 1998.
16. *Энциклопедия юридической психологии* / Под ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2001.
17. *Юридическая психология.* ЮНИТА / Сост. В.М. Поздняков. М., 2002.
18. *Concise encyclopedia of psychology.* Second edition. Edited by Raymond J. Corsini, Alan J. Auerbach. John Wiley & Sons, Inc., 2006.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1999.
2. *Антонян Ю.М.* Жестокость в нашей жизни. М., 1995.
3. *Антонян Ю.М.* Изучение личности преступника. М., 1982.
4. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступления и наказания. М., 2000.
5. *Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб., 2004.
6. *Баев О.Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Науч.-практ. пособие. М., 2003.
7. *Беличева С.А.* Основы превентивной психологии. М., 1994.
8. *Бодалев А.А.* Личность и общение. М., 1983.
9. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник для вузов. СПб., 2003.
10. *Васильюк Ф.Е.* Психология переживаний. М., 1985.
11. *Волков В.Н., Янаев С.И.* Юридическая психология: Учеб. пособие. М., 2001.
12. *Вольнский В.А., Удовыдченко М.А.* Организация и тактика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений: Лекция. М., 1999.
13. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1982.
14. *Глазырин Ф.В.* Психология следственных действий. Волгоград, 1983.
15. *Дебольский М.Г.* Социально-психологический тренинг для осужденных «Мои жизненные планы». М., 1994.
16. *Джанишиев Г.* Основы судебной реформы: К 25-летию нового суда. М., 1891.
17. *Димитров А.В.* Введение в юридическую психологию: Курс лекций. М., 2003.
18. *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность. М., 1982.
19. *Дулов А.В.* Судебная психология. Минск, 1975.
20. *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. М., 1998.
21. *Зейгарник Б.В.* Теории личности в зарубежной психологии. М., 1984.
22. *Иванов Л.А., Мазуркевич В.Б., Мельник В.В., Яковлев Я.М.* Судебно-психологическая экспертиза при расследовании транспортного происшествия. Саратов, 1993.
23. *Изард К.Е.* Эмоции человека. М., 1980.
24. *Климов Е.А.* Основы психологии: Учебник для вузов. М., 1997.
25. *Комиссарова Я.В., Семенов В.В.* Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М., 2004.
26. *Кондрашенко В.Т.* Девиантное поведение у подростков. Минск, 1988.
27. *Кони А.Ф.* Избранные произведения. М., 1956.
28. *Котов Д.П., Шиханцов Г.Г.* Психология следователя. Воронеж, 1977.
29. *Коченов М.М., Мельник В.В., Романов В.В.* Судебно-психологическая экспертиза в практике органов военной юстиции: Учеб. пособие. М., 1982.

30. *Краткий словарь терминов психолого-педагогического содержания* / Авт.-сост. А.А. Васьков, С.И. Янаев. М., 1997.
31. *Лабунская В.А.* Невербальное поведение. Ростов н/Д, 1986.
32. *Лебедев И.Б.* Сознание. Бессознательное. Сновидение: Монография. М., 2001.
33. *Лебедев И.Б., Цветков В.Л.* Психология правоохранительной деятельности. М., 2003.
34. *Лебедев И.Б., Родин В.Ф., Мариновская И.Д., Цветков В.Л.* Юридическая психология /Под ред. В.Я. Кикотя. М., 2006.
35. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.
36. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев, 1981.
37. *Леонтьев А.А.* Психология общения. Тарту, 1973.
38. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983.
39. *Личко А.Е.* Психопатия и акцентуации характера у подростков. М., 1978.
40. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
41. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997.
42. *Лурия А.Р.* Эволюционное введение в психологию. М., 1975.
43. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2000.
44. *Марьин М.И.* и др. Диагностика, профилактика и коррекция стрессовых расстройств среди сотрудников ГПС МВД России: Метод. пособие. М., 1999.
45. *Мельник В.В.* Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000.
46. *Мельник В.В.* Искусство защиты в суде присяжных. М., 2003.
47. *Мельник В.В., Цыцарев С.В., Яковлев Я.М.* Основы судебно-психологической экспертизы по уголовным делам. Л., 1987.
48. *Мерлин В.С.* Структура личности. М., 1987.
49. *Морозов В.М., Дебольский М.Г., Ковалев О.Г.* и др. Организация работы психологической службы пенитенциарных учреждений ФРГ: Учеб. пособие. Владимир, 2000.
50. *Оперативно-розыскная деятельность: Учебник* / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. М., 2001.
51. *Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел* / Под ред. Б.Г. Бовина, Н.И. Мягких, А.Д. Сафронова. М., 1997.
52. *Папкин А.И.* Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел. М., 1996.
53. *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. М., 2000.
54. *Поздняков В.М.* Личность преступника и исправление осужденных (историко-психологический очерк): Учеб. пособие. М., 1998.
55. *Порубов А.Н.* Ложь и борьба с ней на предварительном следствии / Под ред. проф. И.И. Басецкого. Минск, 2002.
56. *Практика уголовного сыска: Науч.-практ. сб.* / Под ред. проф. А.И. Алексеева. М., 1999.
57. *Прикладная юридическая психология* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2001.
58. *Психология. Педагогика. Этика: Учебник для вузов* / И.И. Аминов, О.В. Афанасьева, А.Т. Васьков и др.; Под ред. проф. Ю.В. Наумкина. М., 2002.

59. *Психология: Словарь* / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
60. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 2001.
61. *Романов В.В.* Практикум по судебной психологии. М., 1980.
62. *Романов В.В.* Юридическая психология: Учебник для вузов. М., 2004.
63. *Романов К.М., Гаранина Ж.Г.* Практикум по общей психологии: Учеб. пособие / Под ред. К.М. Романова. М., 2002.
64. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989.
65. *Русалов В.М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979.
66. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1988.
67. *Серебрякова В.А.* Преступления, совершаемые женщинами. М., 1988.
68. *Ситковская О.Д.* Аффект: Криминально-психологическое исследование. М., 2001.
69. *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999.
70. *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности. М., 1998.
71. *Ситковская О.Д., Коньшева Л.П.* Участие психолога в раскрытии и расследовании убийств: Науч.-практ. руководство. М., 2002.
72. *Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности)* / Под ред. Б.П. Сматоринского. М., 1994.
73. *Социальная психология* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2001.
74. *Столяренко А.М.* Общая и профессиональная психология: Учеб. пособие для средних профессиональных учебных заведений. М., 2003.
75. *Столяренко А.М.* Психологические приемы в работе юриста: Практ. пособие. М., 2000.
76. *Столяренко А.М.* Экстремальная психопедагогика. М., 2003.
77. *Судебные речи: Сборник* / Авт.-сост. М.Ф. Чудаков. М., 2002.
78. *Ушатиков А.И., Казак Б.Б.* Психология основных средств исправления и ресоциализации осужденных. Рязань, 2000.
79. *Халдеев Л.С.* Судья в уголовном процессе: Практ. пособие. М., 2000.
80. *Чуфаровский Ю.В.* Психология в оперативно-розыскной деятельности. Установление и развитие контактов с субъектами заинтересованности. М., 1996.
81. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология: Учебник для вузов. М., 1998.
82. *Энциклопедия юридической психологии* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2002.
83. *Юридическая психология: Сб. науч. тр. НИИ при Генеральной прокуратуре РФ.* М., 1998.
84. *Юридическая психология. ЮНИТА-ДАНА* / Сост. В.М. Поздняков. М., 2002.
85. *Юридическая психология: Хрестоматия* / Сост. В.В. Романов, Е.В. Романова. М., 2000.

Дополнительная литература

1. *Антонян Ю.М.* Архетип и преступность. М., 2009.
2. *Сафуанов Ф.С.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе. М., 2004.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Характеристика юридической психологии как науки	6
1.1. Юридическая психология в системе научного знания и правовой практики	6
1.1.1. Предмет юридической психологии	6
1.1.2. Задачи юридической психологии	9
1.1.3. Взаимосвязь юридической психологии с другими науками и правовой практикой	9
1.1.4. Структура и принципы юридической психологии	11
1.2. История и современное состояние зарубежной юридической психологии	13
1.2.1. Предыстория юридической психологии за рубежом	13
1.2.2. Зарождение зарубежной юридической психологии	16
1.2.3. Современное состояние зарубежной юридической психологии	20
1.3. Становление юридической психологии в России	23
1.3.1. Предыстория юридико-психологических знаний	23
1.3.2. Психологизация отечественного судопроизводства во второй половине XIX в.	29
1.3.3. Отечественные юридико-психологические исследования в первой половине XX в.	42
1.3.4. Современное состояние отечественной юридической психологии	46
1.4. Методы юридической психологии	49
1.4.1. Понятие метода в юридической психологии. Классификация методов	49
1.4.2. Метод наблюдения	50
1.4.3. Метод беседы	51
1.4.4. Анкетный метод	52
1.4.5. Метод изучения документов и продуктов деятельности испытуемых	52
1.4.6. Биографический метод	52
1.4.7. Метод обобщения независимых характеристик	52
1.4.8. Анализ материалов гражданского, административного или уголовного дела	53
1.4.9. Метод тестирования	53
1.4.10. Эксперимент	54
1.4.11. Метод экспертных оценок	56

1.4.12. Правомерность применения и значение методов юридической психологии	56
<i>Контрольные вопросы</i>	56
<i>Литература</i>	57
Глава 2. Правовая и превентивная психология	59
2.1. Проблемы правовой психологии	59
2.1.1. Понятие правовой психологии	59
2.1.2. Правовая социализация личности	60
2.1.3. Дефекты в правовой социализации личности	63
2.1.4. Правовое воспитание личности	66
2.1.5. Правовая культура общества и личности	68
2.1.6. Условия эффективности функционирования правовых норм	69
2.2. Проблемы превентивной психологии	72
2.2.1. Понятие и задачи превентивной психологии	72
2.2.2. Психологическая характеристика девиантного поведения	73
2.3. Психопрофилактика социальной патологии	75
2.3.1. Аддикция и социальное неравенство как условия девиации	75
2.3.2. Алкоголизм	76
2.3.3. Наркомания	79
2.3.4. Игромания	81
2.3.5. Экстремизм	82
2.4. Система предупреждения преступлений среди несовершеннолетних	88
2.4.1. Проблемы и принципы предупреждения преступлений среди несовершеннолетних	88
2.4.2. Докриминальный уровень профилактического воздействия на несовершеннолетних	89
2.4.3. Предкриминальный уровень коррекции криминального поведения подростков	93
2.4.4. Криминальный уровень профилактики преступлений несовершеннолетних	95
2.4.5. Посткриминальный уровень предупреждения преступности несовершеннолетних	96
<i>Контрольные вопросы</i>	100
<i>Литература</i>	100
Глава 3. Криминальная психология	102
3.1. Наука о личности преступника и преступном поведении	102
3.1.1. Значение криминальной психологии	102
3.1.2. Понятие «преступник»	103
3.1.3. Психологические теории причин преступности и личности преступника	104
3.1.4. Типология личности преступника	109

3.2. Психологическая защита в преступном поведении	112
3.2.1. Понятие психологической защиты	112
3.2.2. Отрицание ответственности	114
3.2.3. Отрицание вреда	115
3.2.4. Отрицание наличия жертвы	115
3.2.5. Осуждение осуждающих	116
3.2.6. Обращение к более важным обязательствам	117
3.3. Психологические особенности основных категорий преступников	118
3.3.1. Корыстная преступность	118
3.3.2. Насильственная преступность	121
3.3.3. Преступность среди женщин	127
3.3.4. Преступления по неосторожности	129
3.4. Психология преступных групп	131
3.4.1. Виды преступных формирований	131
3.4.2. Психологическая характеристика организованных преступных групп	132
3.4.3. Психологическая характеристика преступного сообщества	136
3.5. Психологическая характеристика потерпевшего	139
3.5.1. Причины изучения психологии потерпевшего	139
3.5.2. Психологические исследования индивидуально-личностных и поведенческо-психологических особенностей потерпевшего	139
<i>Контрольные вопросы</i>	142
<i>Литература</i>	143
Глава 4. Психология юридического труда	145
4.1. Задачи психологии юридического труда	145
4.2. Общая характеристика деятельности юриста	146
4.2.1. Классификация видов юридической деятельности и ее специфика	146
4.2.2. Специфика юридической деятельности	148
4.2.3. Профессиограмма и психограмма юридической деятельности	149
4.3. Психология труда юрисконсульта	152
4.3.1. Понятие и принципы юридического консультирования	152
4.3.2. Виды юридического консультирования	154
4.3.3. Психологические факторы эффективного консультирования	156
4.3.4. Психологические особенности стадий юридического консультирования	159
4.3.5. Психотехника юридического консультирования	166
<i>Контрольные вопросы</i>	179
<i>Литература</i>	179

Глава 5. Оперативно-разыскная психология	181
5.1. Психологическая характеристика оперативно-разыскной деятельности	181
5.1.1. Понятие оперативно-разыскной деятельности	181
5.1.2. Психологический профессионализм оперативного сотрудника	183
5.2. Психология оперативно-разыскных мероприятий	185
5.2.1. Виды оперативно-разыскных мероприятий	185
5.2.2. Подготовка и проведение опроса	186
5.2.3. Наведение справок	193
5.2.4. Оперативное наблюдение	196
5.2.5. Оперативное внедрение	202
5.2.6. Оперативный эксперимент	204
<i>Контрольные вопросы</i>	207
<i>Литература</i>	208
Глава 6. Психология расследования преступлений	209
6.1. Понятие психологии расследования преступлений	209
6.2. Психология личности и деятельности следователя	210
6.2.1. Общая характеристика профессиональной деятельности следователя	210
6.2.2. Профессионально значимые качества следователя	211
6.3. Психология следственных действий	212
6.3.1. Понятие следственного действия	212
6.3.2. Осмотр	212
6.3.3. Освидетельствование	216
6.3.4. Обыск и выемка	217
6.3.5. Допрос	224
6.3.6. Очная ставка	232
6.3.7. Предъявление для опознания	238
6.3.8. Проверка показаний на месте	247
6.3.9. Следственный эксперимент	249
6.3.10. Использование результатов ОРД в следственных действиях	252
6.4. Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений	257
6.4.1. Нетрадиционные методы и их особенности	257
6.4.2. Аудиовизуальная экспресс-оценка истинности показаний	259
6.4.3. Метод психолингвистического анализа утверждений	262
6.4.4. Почерк как регистратор психологического стресса	265
6.4.5. Использование специальных полиграфологических исследований	267
6.4.6. Разработка разыскного психологического портрета предполагаемого преступника (профилирование)	272
6.4.7. Активизация памяти свидетелей и потерпевших на основе гипнорепродукции	277
6.4.8. Использование специальных знаний экстрасенса	279
<i>Контрольные вопросы</i>	283
<i>Литература</i>	283

Глава 7. Проблемы судебно-психологической экспертизы	286
7.1. Общая характеристика судебно-психологической экспертизы	286
7.1.1. Задачи, предмет и компетенция судебно-психологической экспертизы	286
7.1.2. Основания назначения и проведения СПЭ	290
7.2. Виды судебно-психологической экспертизы	292
7.2.1. Классификация СПЭ	292
7.2.2. СПЭ способности воспринимать важные для дела обстоятельства	293
7.2.3. СПЭ физиологического аффекта и других психических состояний	296
7.2.4. СПЭ потерпевших по делам об изнасиловании	298
7.2.5. СПЭ индивидуально-психологических особенностей	301
7.2.6. СПЭ несовершеннолетних обвиняемых	302
7.2.7. СПЭ для установления социально-психологической структуры преступной группы	304
7.2.8. СПЭ по делам о происшествиях, связанных с управлением техникой	305
7.2.9. Посмертная СПЭ	306
7.2.10. СПЭ в составе комплексных экспертиз	309
<i>Контрольные вопросы</i>	311
<i>Литература</i>	312
Глава 8. Психология судопроизводства по уголовным делам	313
8.1. Понятие психологии судопроизводства	313
8.2. Общая характеристика психологической структуры судебной деятельности	314
8.2.1. Конструктивная деятельность суда	314
8.2.2. Познавательная деятельность суда	316
8.2.3. Организационная деятельность суда	320
8.2.4. Коммуникативная деятельность суда	321
8.3. Требования, предъявляемые к нравственным и психологическим качествам участников судопроизводства	321
8.3.1. Нравственные и психологические особенности судьи	321
8.3.2. Нравственно-психологические качества государственного обвинителя	325
8.3.3. Профессиональные и нравственно-психологические требования, предъявляемые к адвокату-защитнику	331
8.4. Социально-психологические особенности судопроизводства с участием присяжных заседателей	336
8.4.1. Функции и специфика суда присяжных	336
8.4.2. Возрастной состав коллегии присяжных заседателей	338
8.4.3. Разнородный состав коллегии присяжных заседателей	339

8.4.4. Количественный состав коллегии присяжных заседателей	339
8.4.5. Качественный состав коллегии присяжных заседателей	340
8.4.6. Уровень социально-психологического развития коллегии присяжных заседателей как социальной группы	341
8.5. Психологические особенности судопроизводства на отдельных его этапах	347
8.5.1. Психологические аспекты изучения материалов дела	347
8.5.2. Психологические особенности судебного следствия	348
8.5.3. Психология прений сторон	358
8.5.4. Психологические особенности судебного приговора (вердикта)	368
<i>Контрольные вопросы</i>	371
<i>Литература</i>	371
Глава 9. Исправительная психология	373
9.1. Понятие исправительной (пенитенциарной) психологии	373
9.2. Психологическая характеристика сотрудника исправительного учреждения	374
9.2.1. Психологические требования к личности персонала пенитенциарных учреждений	374
9.2.2. Профессиональная деформация личности сотрудников исправительных учреждений	378
9.3. Психологические проблемы наказания и исправления преступников	381
9.3.1. Отношение осужденных к наказанию и его последствия	381
9.3.2. Сущность и содержание исправления осужденных	386
9.4. Психологическое изучение и коррекция личности осужденного	388
9.4.1. Динамика психических состояний осужденных	388
9.4.2. Статусно-групповая категоризация в среде осужденных	390
9.4.3. Теоретические предпосылки изучения личности осужденного	391
9.4.4. Типологизация личности осужденных	394
9.4.5. Индивидуально-профилактическая работа с осужденными	398
9.4.6. Личность осужденного к моменту и после освобождения	402
<i>Контрольные вопросы</i>	405
<i>Литература</i>	406
Библиографический список	407